

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ИСТОРИК-СЛАВИСТ ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

К юбилею В. В. Марьиной

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2013

УДК 81'33
ББК 81.1
И89

Редакционная коллегия
доктор исторических наук *К. В. Никифоров*
(ответственный редактор),
кандидат исторических наук *Е. Л. Валева*,
доктор исторических наук *Э. Г. Задорожнюк*,
кандидат исторических наук *О. Н. Майорова*

Рецензенты
доктор исторических наук *Е. Ю. Гуськова*
доктор исторических наук *Н. И. Егорова*

И89 Историк-славист: призвание и профессия.

К юбилею В. В. Марьиной / Отв. ред. К. В. Никифоров.
М. : Институт славяноведения РАН; СПб. : Нестор-История, 2013. — 396 с.

ISBN 978-5-4469-0008-4

В посвященном юбилею В. В. Марьиной международном сборнике статей освещаются важнейшие аспекты современной истории и литературы стран Центральной и Юго-Восточной Европы с предельно широким хронологическим диапазоном (40-е — 90-е годы XX века) и географическим охватом: Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Сербия, Словакия и Чехия (Чехословакия), а также намечаются перспективы дальнейших разработок проблематики стран региона. Следуя методологии и научному стилю В. В. Марьиной, авторы органически сочетают анализ реалий современной жизни с теми историческими событиями, которые являются предметом фундаментальных исследований юбиляра. Книга адресуется специалистам, аспирантам, студентам, широкому кругу читателей.

УДК 81'33
ББК 81.1

ISBN 978-5-4469-0008-4

9 785446 900084

© Институт славяноведения РАН, 2013
© Коллектив авторов, 2013
© Издательство «Нестор-История»,
оформление 2013

От редколлегии

В 2012 году свой юбилей отметила известный отечественный славист В. В. Марьина. Как ученый В. В. Марьина сделала выбор сферы научных исследований, будучи студенткой Исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, который окончила в 1950 г. После завершения учёбы в аспирантуре Института славяноведения АН СССР она защитила кандидатскую и докторскую диссертации, прошла путь от младшего научного до главного научного сотрудника.

Ее работы обогатили современную отечественную славистику, особенно богемистику и словакистику, а исследования В. В. Марьиной в области новой и новейшей истории Чехии и Словакии (Чехословакии), а также других стран Центральной и Юго-Восточной Европы по праву считаются новаторскими. В них с опорой на впервые вводимый в научный оборот материал российских и зарубежных архивных фондов как подтверждаются старые истины, так и открываются новые исследовательские перспективы. В ее научной деятельности органически сочетаются постановка важных теоретических проблем и глубокий анализ обширного фактического, главным образом, архивного материала. Широкое признание получили ее солидные индивидуальные монографии, а также коллективные труды (с их перечнем можно ознакомиться в Приложении этой книги), в которых она выступала в роли не только автора, но и взыскательного редактора.

Многообразие сюжетов, отражение взглядов различных слоев чешского и словацкого обществ, а также анализ внешнеполитических факторов — все это предопределяет ценность всех исследований В. В. Марьиной, большинство из которых основаны на документах российских и зарубежных архивов. Постоянно выходят переводы ее трудов на чешский, словацкий и другие языки. Она принимает

активное участие в работе многих научных конгрессов и конференций как на родине, так и за рубежом, с блеском выступая с докладами, которые всегда вызывают большой интерес.

Научная деятельность ученого получила заслуженное международное признание: награждение чехословацкими памятными медалями в ознаменование 30-летия и 40-летия освобождения страны от гитлеровской оккупации, серебряной медалью Университета им. Я. Э. Пуркине (Брно). В 2006 г. список ее наград пополнился почетной медалью им. Ф. Палацкого АН ЧР «За заслуги в развитии общественных наук».

Высокий уровень исследовательской культуры, богатейшая профессиональная эрудиция, широкий кругозор, принципиальность в подходе к сложнейшим проблемам, но в то же время тактичность и доброжелательность, внимательное отношение к носителям других точек зрения — фирменный стиль продуктивной научной деятельности Валентины Владимировны. Она обладает авторитетом в кругах научной общественности благодаря истинной интеллигентности, высоким человеческим качествам, преданности науке, готовности делиться своими знаниями и опытом.

Выпуская сборник работ, посвященных юбилею В. В. Марьиной, его авторы и составители надеются, что публикуемые в нем исследования выдержат ее строгий суд и послужат знаком уважения человеку, творческая активность которого не так часто встречается не только среди славистов, но и шире — среди ученых-обществоведов.

РАЗДЕЛ I

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ ИСТОРИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Г. П. Мельников

Межэтнические контакты в Праге XVI века

Относительная стабильность политической ситуации в Чешском королевстве в XVI в. способствовала мирному сосуществованию в пределах городского социума основного, чешского, этноса и малых иноэтничных групп населения. Конечно, мирный характер межэтнических контактов в городских рамках имел условный характер. Однако по сравнению с периодом гуситских войн XV в. с их четко выраженной этноконфессиональной ксенофобией он представляется достаточно стабильным, что дает исследователю возможность выявить устойчивые этнокультурные стереотипы сознания горожан, проявляемые в процессе межэтнических контактов.

Этнический ландшафт Праги в XVI в. представляется следующим. Основную массу населения составляли чехи, причем их социальная стратификация охватывала все слои населения от патрициата до городского «дна». Сюда же следует отнести и количественно небольшую группу дворянства, связанного с королевским двором и органами сословного управления, которое более или менее постоянно проживало в Праге¹.

Самым большим из этнических меньшинств Праги были немцы. Гуситские войны и связанное с ними изгнание немцев из Праги детерминировали дисконтинуитет немецкого населения города. С конца XV в. оно вновь появляется в Праге, но уже не как квазиавтохтонное, возникшее в процессе городской колонизации (урбанизации) XII–XIII вв., а как вновь пришлое. Процесс миграции немцев в XVI в. обуславливался двумя факторами. Во-первых, религиозными преследованиями в Германии, когда члены некоторых крайних протестантских сект были вынуждены эмигрировать в соседнее Чешское королевство. Однако такие группы маргиналов, например, анабаптисты, предпочитали селиться в сельской местности

или в маленьких городах под охраной, как это ни парадоксально, католических феодалов. Во-вторых, немцы, прежде всего, переселялись в Чехию по экономическим соображениям. Главным образом, это были агенты крупных немецких торгово-финансовых фирм. Они устанавливали связи с чешским ремеслом и купеческим капиталом, вкладывали средства в горнорудные разработки², занимались тайной торговлей драгоценными металлами и медью и иной спекулятивной деятельностью. Со временем такие немцы приобретали права городского гражданства и недвижимость в Праге³.

Следующую этническую группу составляло еврейское население Праги. Оно представляло собой анклав, замкнутый в религиозном, социальном и правовом отношениях. Между гетто и городом существовала целая система связей самого разнообразного характера, обусловившая взаимодействие разных частей городского макроорганизма⁴.

Существенное расширение пражского этнического ландшафта происходит в рудольфинское время. Двор императора Рудольфа II, переместившийся в Прагу в 1583 г., аккумулировал настолько разнообразный контингент политиков, придворных, но, главным образом, художников, скульпторов, граверов, камнерезов, мастеров художественного литья, медальеров, архитекторов, а также ученых, алхимиков, астрологов, всякого рода чернокнижников и просто авантюристов и проходимцев, что современники по праву сравнивали его с Вавилоном. В пестром «смешении народов» превалировали итальянцы, испанцы, фламандцы⁵, были немцы из Германии, несколько англичан (знаменитый алхимик Келли с семьей) и датчан (великий астроном Тихо Браге).

Надо отметить, что итальянцы появились в Праге раньше, еще при Фердинанде I в 1530-х годах. Это было связано с архитектурными проектами короля и чешской знати⁶. Модный стиль эпохи — ренессанс — требовал от высших слоев общества перестройки своих родовых замков в духе времени и строительства новых дворцов, включая городские резиденции знати, в итальянском стиле. В Прагу переселяются итальянские архитекторы, мастера строительного дела и архитектурного декора. В это время около королевской резиденции на Пражском Граде возводится знаменитый Бельведер — Летоградек как монументальное выражение большой любви Фердинанда I к его супруге Анне Ягеллонской. Примеру монарха следует высшее дворянство. Для строительства

дворцов в Праге в «итальянском вкусе» было необходимо наладить строительное дело по итальянскому образцу, что диктовало привлечение из Италии не только высококлассных специалистов, но и строительных рабочих⁷. Именно в силу этих причин количество итальянцев в городе нельзя считать слишком малым⁸.

В итоге этнический ландшафт Праги к концу XVI в., образно говоря, представлял собой широкую чешскую равнину с редкими посадками немецких деревьев, пустивших корни в чешскую почву, синогогой, окруженной домами гетто; пейзаж украшали итальянский портик и вавилонская башня императорской резиденции.

Полиэтничность состава городского населения⁹, кстати, черта, органически присущая урбанизированному социуму, дополнялась этнокультурной дифференцированностью этносов. Однако этнические и культурные рамки внутри городского этносоциального организма совпадали далеко не всегда. Этнокультурное тождество, культурная аутоидентификация этноса не препятствовали возникновению конвергентных тенденций.

Это прежде всего относится к сосуществованию чешского и немецкого этносов в городском социуме. Собственно этнокультурного типа пражских немцев в XVI в. не возникло. Немцы не представляли собой какой-либо компактной этносоциальной группы, как в XIV в. Скорее, можно говорить о дисперсии немецких мигрантов и их постепенной интеграции в среду пражского бюргерства как в социальном, так и в культурном отношении. Действительно, по размерам своих капиталов эти немцы относились к среднему и высшему слою пражского купечества. Многие из них сделали свою карьеру именно в Праге, превратившись из простых агентов немецких фирм в самостоятельных купцов и горнорудных предпринимателей с солидным капиталом и земельными владениями¹⁰.

К тому же не существовали религиозные перегородки, так как с проникновением в Чехию лютеранства в начале 1520-х годов традиционный гусизм раскололся на два течения — консервативный, традиционалистский староутраквизм и пролютеранский новоутраквизм. В итоге к середине XVI в. население соседней лютеранской Саксонии считалось чешскими сословиями «братьями по вере» (формулировка, встречающаяся в официальных документах чешского сейма)¹¹.

В некоторых случаях немецкие мигранты настолько сливались с чешской средой, что утрачивали свой язык. Интересный пример

в этом отношении представляет собой Михаэль Карг. Прибыв в Прагу из Регенсбурга как торговый агент, он вскоре стал богатейшим пражским купцом без четкого профиля торговой деятельности. Судя по его завещанию, он владел значительной долей горных разработок (куксов) и непривычно высокой по пражским меркам суммой наличных денег. Свое имя он чехизировал и стал «Михалом Карыком из Ржезна». Более того, своим детям он завещал идти в Германию учиться немецкому языку, необходимому для ведения международных торговых дел¹². Следовательно, в тогдашней Праге знание немецкого языка не было распространенным явлением.

Чехи и немцы составляли в Праге XVI в. единый социокультурный тип. Поэтому в XVI в., в отличие от XIV — начала XV в., уже нельзя говорить о чешско-немецкой дихотомии города, этнической оппозиции и конфликтах. Противостояние «славянского духа» немецкому, концептуально отстаивавшееся романтической историографией, прежде всего Ф.Палацким, никак не подтверждается материалом XVI в. В стране, где, казалось бы, свободолюбивый, пассионарный (по терминологии Л. Н. Гумилева) славянский дух гуситов¹³ победил немецкий универсализм заодно с самими немцами, в стране, где этноконфессиональный патриотизм стал господствующей формой идеологии¹⁴, не возникло признаков идеосинкразии к немцам в бюргерской среде.

По-иному складывались взаимоотношения чехов с другими этносами, очевидно, в силу большей дистанцированности их культурных типов. Прежде всего это относится к еврейскому населению. Разница религиозно-культурных типов обусловила конфронтационный характер межэтнических контактов. На протяжении всего XVI в. чешское бюргерство добивалось от королевской власти изгнания евреев. Характерна мотивация этого требования. Евреев обвиняли в шпионаже в пользу турок, доказывали губительность их сосуществования с христианами, временами возникали судебные дела (например, «дело Бейлиса»)¹⁵, но главными аргументами являлись социально-экономические. Торгово-финансовая деятельность гетто была основной причиной недовольства бюргерства. Пользуясь плодами этой деятельности, город тем не менее относился к ней отрицательно. У бюргерства сформировался негативный этностереотип евреев. В петициях королю утверждалось, что «еврейскому народу» в Чехии живется «лучше, чем всем другими людям», что евреи «грабят»

и «лишают нас нашего имущества», «пожирают наш хлеб, прямо вырывая его изо рта». В итоге бюргерство сформировало конечную цель: «Если евреев не будет, то людям сразу же станет лучше жить»¹⁶.

В середине XVI в. королевская власть попыталась осуществить изгнание евреев из страны. Казалось бы, это должно было обрадовать пражское бюргерство. Однако источники красноречиво молчат об этом. Видно, никаких выгод из этой акции бюргерство не могло получить и не получило. Само изгнание являлось неполным, осуществлялось непоследовательно. Многие семьи возвращались, заплатив казне крупные суммы денег¹⁷. Изгнание евреев стало лишь экстраординарной мерой для пополнения королевских финансов, на что оно, очевидно, и было рассчитано.

С реализацией рудольфинских привилегий евреям характер контактов между городом и гетто не изменился. Легализация торгово-финансовой деятельности еврейского населения в сущности не затронула сложившейся структуры городского организма, приведя лишь к кратковременному расцвету еврейского предпринимательства в Праге¹⁸. Следовательно, можно заключить, что гетто прочно заняло отведенную ему нишу в городском социуме. Связанное с изгнанием из страны исчезновение, а затем восстановление еврейской общины Праги лишь подтверждает эту мысль. Будучи маргинальным городским образованием, гетто стало неотъемлемой его частью.

Характерно, что в самосознании евреев начинает укрепляться аутоидентификация с бюргерством. Известен случай, когда еврей Штястный Мунка сказал пражскому бюргеру, что «он такой же, как и тот». За эту дерзость Мунка был посажен в тюрьму. Приговор гласил: «Он утверждает, что он такой же в своем сословии, что и тот в своем. Однако еврейское сословие в этом королевстве никаким сословием не является, поскольку евреи — народ бесславный и презренный и горожанами считаться не могут». Поэтому, если «еврей назвал себя горожанином», его следовало изгнать из города в назидание остальным¹⁹.

В социокультурной сфере у пражских евреев в конце XVI в. возникают элементы бикультурализма. Это заметно в антропонимике евреев, где весьма значителен процент чешских имен и прозвищ. Среди них встречаются даже антропонимы, связанные с чешской патриотической традицией, такие как Слава, Либуше, даже Гус²⁰. Это явление следует расценивать как проявление общей тенденции,

присущей народам, живущим в диаспоре: давать имена собственные того народа, среди которого они живут.

Чертами культурно-бытовой интеграции отмечена такая важная для аутоидентификации этноса сфера, как одежда. В конце XVI в. с исчезновением обязательного ношения на одежде желтого кружка или звезды евреи стали одеваться «как дворяне» и носить шляпы с перьями. Особенно отличались женщины, первыми получавшие самую модную одежду из Западной Европы. Они задавали тон пражанкам²¹, превращая тем самым моду в консолидирующий фактор в системе городской культуры. В поведении богатых евреев можно отметить черты подражания дворянству. Как отмечается в одной из жалоб пражан, некоторые евреи разезжали по городу и ездили к императорскому двору на конях и в каретах²². Следовательно, при трансформации поведенческой модели верхний слой пражского еврейства ориентировался на дворянскую модель общественной репрезентации, что было оскорбительным для бюргерской среды.

Ставя барьеры интеграционным тенденциям, идущим из гетто, город тем не менее претендовал на юридическую супремацию над ним, стремясь утвердить принцип «всякий еврей обязан предстать перед городским судом»²³. В целом стремление к интеграции более характерно для гетто, чем для города.

В отношении чешского бюргерства к итальянцам также сложился в принципе негативный стереотип. Здесь сказалось и враждебное отношение к католицизму, и существенные различия в бытовом укладе. Чехов шокировал буйный нрав южан, привычка выяснять отношения, даже интимные, публично и шумно. Городские книги пестрят упоминаниями о безобразиях и уголовных преступлениях итальянцев. Особенно удивляло городских судей убийство на почве ревности. Применение итальянцами холодного оружия как средства выяснения отношений также было непривычно пражскому бюргерству, никогда не носившему при себе кинжалов²⁴. Оценивая данный негативный стереотип, следует учитывать то, что пражские итальянцы, по преимуществу, были художественной богемой, людьми ренессансного типа поведения, не очень-то почитавшими бюргерскую мораль.

Резко отрицательным было отношение пражан к иностранным наемникам в королевской войске. Современники обычно сообщают об их поведении леденящие душу подробности. Особенно этим отличается Бартош-писарь, автор городской хроники первой половины

XVI в. При описании поведения венгерских отрядов королевского войска в Праге он особо подчеркивает жестокость венгров, их специфические способы казни — сдирание кожи и выстреливание человеком из пушки, что повергало в ужас пражан, привыкших к более цивилизованным методам публичного умерщвления²⁵.

Автор середины XVI в. Сикст из Оттерсдорфа — пламенный выразитель интересов городского сословия²⁶ — подробно описывает ужасное поведение испанцев, составлявших основу войска Фердинанда I при подавлении им чешского восстания 1547 г. Испанцы обвиняются хронистом в зоофилии и некрофилии, засвидетельствованной очевидцами. Сикст объясняет эти перверсии особым отношением испанцев к проблеме греха, связывая тем самым этические и конфессиональные аспекты в один негативный образ католиков из далекой страны.

В русском переводе сочинения Сикста из Оттерсдорфа, изданном в 1989 г., по цензурным причинам того времени данный фрагмент текста был мною опущен, поэтому здесь восполняю этот пробел.

«Чтобы те, кто это будет читать, смогли лучше понять нехристианское поведение и почти неправдоподобные ужасы, которые творил этот неблагородный, страшно содомитский народ испанский, я приведу лишь один случай, действительно происшедший в то время, когда там находились послы Чешского королевства. Услышав о нем от одного, второго, десятого, они не хотели верить, подробно расспрашивали об этом, пока не узнали от тех очевидцев, которые видели всё своими глазами. Те сами сообщили об этом, указав послам на одну из небольших крепостей, находившуюся вблизи расположения войск, которую им было хорошо видно.

В ней жил до того, как пришло войско (короля. — *Г.М.*), один добрый рыцарь с женой и милыми детьми, среди которых были две дочери, почти что на выданье. То ли они не смогли быстро оттуда уехать, то ли, положившись на Бога и услышав, что к ним приближается войско не языческое или турецкое, а под командованием христианских начальников и поэтому им нечего опасаться насилия от христиан, так или иначе, они остались. Войско встало лагерем и через несколько дней некоторые испанцы отправились на грабеж и, войдя в деревню, лежащую под замком, всю ее обобрали. Тот добрый человек, живший в замке с женой и детками своими, заперев их, просил и умолял (солдат. — *Г.М.*), чтобы фураж, сколько его ни есть в амбарах, взяли бы

себе вместе с другими вещами, но только чтобы не поджигали и не причиняли огнем большего вреда.

Испанские мерзавцы, догадавшись, что один он там быть не может и что с ним в том замке должен быть еще кто-нибудь, требовали, чтобы их впустили (в крепость. — Г.М.). Он просил их этого не делать, так как у него больная жена, говорил, что всё им отдаст, что имеет, лишь бы они его оставили в покое. Ничего ему не помогло, ибо испанцы учуяли, как псы-ищейки, что там должно быть побольше женского полу, и поэтому они начали штурмовать замок. Но когда это им не удалось, они подожгли ту деревню и замок. От огня тот добрый человек с женой своей и с детьми, а также с теми дочками своими, спрятался в подземелье, в какой-то подвал, где у него хранилось немного вина и пива, но там, в этом погребе, он с женой своей и со всеми детьми своими задохнулся от дыма, вызванного тем огнем. Испанцы, уже после того, как разрушили замок, в усердных поисках денег и других вещей наконец добрались до того подвала и найдя там их мертвые тела, хорошо одетые, как и подобало их земанскому роду, стащили со всех них эти одежды и обнаружив, что там было две девушки, тотчас же над ними, мертвыми, отвратительно надругались. Случайно несколько людей из народа чешского и немецкого это заметили и застали тех испанцев на месте преступления. Они, поняв, что это не их сотоварищи и что им не одолеть их, пустились наутек. Некоторые, преследуя раненых, добравшись до того подвала, нашли там все эти обнаженные тела и разлитое по всему полу и по земле вино и пиво. Прикрыв трупы и заложив двери того подвала деревяшками и камнями, чтобы туда не пробрались собаки и не съели их, они погребли их там, превратив подвал в могилу, в которой те ожидают и будут ожидать пришествия Сына Божиего и славного воскресения своего из такого позорного гроба. Те, кто видел это, те, кто выгнал (испанцев. — Г.М.) оттуда, рассказали об этом послам своими собственными устами. Когда весть о таком мерзком поступке разнеслась по войску, то не только многие не испытывали никакой жалости, но очень многие смеялись над этим. А что этому удивляться, ведь совершенно явно и открыто многие из тех испанцев и итальянцев держат при войске для себя коз и творят с ними свои пакостные дела, ибо никакой разврат грехом для себя не считают»²⁷. Таким образом, объективные моральные критерии ставили иноплеменных солдат-наемников в глазах пражского бюргерства за рамки приемлемого поведения,

что обуславливало пейоративное отношение к ним и конфликтную форму контактов.

Превращение Праги в конце XVI в. в столицу Священной Римской империи германской нации таило в себе угрозу растворения чешского этнокультурного типа в космополитическом ландшафте рудольфинской резиденции. Как реакция на это в сознании просвещенной части пражского бюргерства возникает идеологическое течение консервативно-охранительного характера, представленное виднейшими чешскими гуманистами того времени. Оно идеализирует старые чешские порядки, осуждает негативное влияние иностранцев, подчеркивает ущемленное положение чехов в своей стране, вызывает к восстановлению былой славы своего народа. Наиболее ярко эту «национальную идею» сформулировал знаменитый пражский книгоиздатель и историк Даниэль Адам из Велеславина²⁸. «Старых чехов» он характеризует такими качествами, как простота, искренность, благородство, верность, набожность, мужество и храбрость, доверчивость, единодушие и любовь, сопровождающиеся умеренностью в одежде и пище, в употреблении напитков. Падение нравов, как считает Велеславин, вызвано тем, что «мы перенимаем обычаи и нравы, надменность, любовь к роскоши и похотливость чужих народов», поэтому «сами не выказываем почти никаких признаков собственно чешского характера». Из-за этого «унижают нас те, кто раньше нас боялся и остерегался». «Предрекали старцы, — пишет Велеславин, — что в будущие времена на Пражском мосту настоящего чеха будет также трудно встретить, как оленя с золотыми рогами». Логическим продолжением этого образа служит утверждение, что «настоящие чехи живут на своей родине, как гости и чужеземцы»²⁹.

Чешская национальная идея, с одной стороны, способствовала сохранению идентичности чешского социума³⁰, прежде всего бюргерства, но, с другой стороны, она ставила сильный фильтр межэтническим контактам в городской среде, отсекая ее от общеевропейских тенденций в развитии культуры. Однако национальная замкнутость бюргерства оказалась иллюзорной в силу политической вовлеченности его в общегосударственные, а, следовательно, и в общеимперские дела. Конфликт протестантских сословий Чехии с рекатолизационными устремлениями королевской власти привел к Чешскому восстанию 1618—1620 гг., ставшему началом общеевропейской Тридцатилетней войны, в которых пражское бюргерство приняло активное участие.

Примечания

- ¹ Janáček J. Doba předbělohorská. Kn. I. D. I. Praha, 1971. S. 160–170.
- ² Савина Н. В. Южнонемецкий капитал в странах Европы и испанских колониях в XVI в. М., 1982. С. 201–212.
- ³ Мельников Г. П. Формирование нового патрициата в Праге (вторая половина XV — первая половина XVI в.) // Советское славяноведение. 1990. № 1. С. 31–32; Janáček J. Op. cit. S. 175–178.
- ⁴ Мельников Г. П. Еврейское население Праги в системе внутригородских конфессиональных, этнических, экономических и социо-культурных отношений (XIV — начало XVII в.) // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М., 1990. С. 28–54.
- ⁵ Janáček J. Rudolf II a jeho doba. Praha, 1987. S. 206–232.
- ⁶ Janáček J. Doba... S. 252; Janáček J. Italové v předbělohorské Praze (1526–1620) // Pražský sborník historický. 16. Praha, 1983. S. 77–118.
- ⁷ Dějiny českého výtvarného umění. D. II/1. Od počátků renesance do závěru baroka. Praha, 1989. S. 7; Važant J. Pražský belvédér a severská renesance. Praha, 2006. Подробный искусствоведческий анализ работ итальянцев в Праге см.: Preiss P. Italští umělci v Praze. Praha, 1986.
- ⁸ Winter Z. Řemesla dle národnosti v Starém Městě pražském od r. 1526–1620 // Časopis Českého Musea. LXXV. 1901. S. 213.
- ⁹ Подробный анализ причин полиэтничности Праги и проблем иммиграции см.: Janáček J. Doba... S. 170–175.
- ¹⁰ Мельников Г. П. Формирование... С. 32.
- ¹¹ Sněmy české. Praha, 1880. D. II. S. 166.
- ¹² См. русский перевод этого завещания: Мельников Г. П. Источники по социально-экономической истории чешского народа первой половины XVI в. // Проблемы всеобщей истории. М., 1977. С. 245–250.
- ¹³ Гумилев Л. Н. География этноса в исторический период. Л., 1990. С. 143–147.
- ¹⁴ Šmahel F. Idea národa v husitských Čechách. České Budějovice, 1971. S. 178.
- ¹⁵ См. свидетельство исторического источника: Мельников Г. П. Еврейское население Праги... С. 53–54.
- ¹⁶ Цит. по: Winter Z. Kulturní obraz českých měst. Praha, 1890. D. I. S. 172; Janáček J. Dějiny obchodu v předbělohorské Praze. Praha, 1955. S. 73; Winter Z. Dějiny řemesel a obchodu v Čechách v XIV. a v XV. století. Praha, 1906. S. 962.
- ¹⁷ Winter Z. Kulturní obraz... S. 204–208.
- ¹⁸ Мельников Г. П. «Еврей и купец пражский» (Социоэкономическая и социокультурная ситуация пражского еврейского купечества в конце XVI — начале XVII) // Славяне и их соседи. Еврейское население Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: Средние века — начало

Нового времени. Сборник тезисов XII Чтений памяти В.Д. Королюка. М., 1993. С. 73–74.

¹⁹ Цит. по: Winter Z. Kulturní obraz... S. 172.

²⁰ Herrmann I., Teige J., Winter Z. Pražské ghetto. Praha, 1902. S. 49–50.

²¹ Ibid. S. 68.

²² Janáček J. Dějiny obchodu... S. 73.

²³ Цит. по: Winter Z. Kulturní obraz... S. 174.

²⁴ Ibid. S. 153.

²⁵ Bartoš. Kronika pražská. Praha, 1863. S. 165.

²⁶ Мельников Г. П. Чешское восстание 1547 года и Сикст из Оттерсдорфа как его хронист // Сикст из Оттерсдорфа. Хроника событий, свершившихся в Чехии в бурный 1547 год. М., 1989.

²⁷ Sixt z Ottersdorfu. Knihy památné o nepokojných letech 1546 a 1547. Praha, 1918. D. II. S. 75–78.

²⁸ Подробнее о нем см.: Мельников Г. П. Велеславин // Культура Возрождения. Энциклопедия. М., 2007. Т. 1. С. 304–306.

²⁹ Цит. по: Kopecký M. Český humanismus. Praha, 1988. S. 167–169.

³⁰ Мельников Г. П. Историческое сознание западнославянских народов Габсбургской монархии и его отражение в исторической литературе XVI в. // История, культура, этнография и фольклор славянских народов. XI Международная конференция славистов. Доклады российской делегации. М., 1993. С. 165–168.

М. Ю. Дронов

К вопросу о донациональной этнической идентичности русинов Словакии (XIX — начало XX в.)

Изучение донациональной (по-другому — домодерной) этнической идентичности русинов, проживавших на территории современной Словакии, принадлежит к числу крайне сложных задач, об окончательном решении которых вряд ли когда-либо придется говорить.

Во-первых, главными источниками для этого служат только субъективные свидетельства в литературе XIX — начала XX в. Не являются исключениями даже собственно научные — исторические, этнографические, филологические — работы, отражающие тогдашний, далекий от современных требований, уровень соответствующих гуманитарных дисциплин.

Во-вторых, невольно находясь в плену нынешних представлений, современный исследователь не всегда может отличить этническую идентичность от других видов идентичности (конфессиональной, социальной, региональной и др.). Очевидно, что в некоторых случаях эти идентичности могли накладываться или подменять друг друга. То же самое можно сказать о различных срезах этнической идентичности (внутренняя, декларируемая, приписываемая другими, официально фиксируемая идентичности)¹, которые взаимосвязаны и подвержены динамическому взаимовлиянию, тем самым еще более затрудняя задачу исследователя.

В-третьих, крайне нечеткой является сама граница между донациональной этнической и последующей этнонациональной идентичностями. Условно в нашем случае в качестве пограничных пунктов можно было бы выделить конкретные исторические события, как, например, «Весну народов» 1848–1849 гг. или вхождение русинских этнических территорий в состав Чехословацкой Республики в 1919 г. Однако отдельные проявления собственно этнонационального

мышления при желании можно отыскать и до указанных дат (причем, применительно ко второй половине XIX в. это касается не только русинской элиты, но и крестьянства). С другой стороны, несмотря на усилия мысливших в модерных национальных категориях интеллектуалов, широкие массы часто отдавали предпочтение донациональным представлениям и в межвоенный период.

Известный чешский этнограф Ян Гусек (1884–1973), изучавший словацко-русинское этническое пограничье в первой половине 20-х гг. XX в., следующим образом охарактеризовал тогдашнюю ситуацию: «Какое национальное самосознание у жителей Восточной Словакии от Попрада до Ужгорода? У значительной части нельзя говорить о национальном самосознании, поскольку люди живут или семейным эгоизмом, или региональным патриотизмом, или же еще племенным сознанием, слагаемыми которого являются в основном речь и вера, поэтому только меньшая часть поднимается к более широкому национальному самосознанию»². Собственно, попытка конкретизации этнической идентичности («племенного сознания» по Я. Гусеку) в донациональной иерархии идентичностей русинов, и является нашей задачей. Несмотря на то, что донациональная этническая идентичность не является единственным объяснением принятия этносом (или его частью) той или иной этнонациональной идентичности³, изучение донациональных этнических представлений может заметно облегчить понимание различий между стартовыми условиями конкурирующих за один этнический материал этнонациональных проектов.

Внешним проявлением этнической идентичности является эндоэтноним (этническое самоназвание)⁴. Поэтому именно бытовавшие эндоэтнонимы, в отличие от глубин этнического «я», постигаемых в рамках новых дисциплин этносоциология и этнопсихология⁵, и являются теми маркерами, на основе которых в рамках собственно исторического исследования может быть хотя бы частично изучена этническая идентичность⁶.

Русинская этнонимия традиционно отличается поливариантностью. Используемый нами этноним *русин*, являющийся в настоящее время почти общепринятым, в действительности ранее был лишь одним из нескольких, причем далеко не самым популярным названием южнокарпатских русинов. Его более широкому распространению способствовали как раз межвоенные чехословацкие власти⁷.

Но даже после развала Чехословакии, накануне общесловацкой переписи населения 1940 г., греко-католический епископ Прешовский Павел Гойдич (1888–1960) в архипастырском послании к верующим просил всех русинов назваться при переписи именно русинами, констатируя, что «уживаютъ (используют. — М.Д.) наши люде различны названіе: *русинъ, руснакъ, русскій, подкарпатскій россъ, украинець* итд., что насъ безъ всякой основы раздробляеть и ослабляеть»⁸.

С помощью лингвистических и археологических фактов современной науке удалось установить, что славяне проживали в южной части Карпатского региона уже в VI–VII вв., однако восточнославянские и западнославянские исследователи до сих пор не пришли к консенсусу, кем были эти первые славянские жители, а именно: являлись ли они предками нынешних русинов или же словаков. Старейшие документальные свидетельства конкретно о восточных славянах на территории современной Восточной Словакии относятся только к XI и XII вв. (упоминания сел Великий Русков, Малый Русков, Русков, Руска, расположенных в окрестностях современных городов Кошице и Требишов). Позднее восточнославянская колонизация региона шла двумя путями — с юго-востока (в рамках т. н. «валашской колонизации») и с севера (крестьяне из соседней Галиции и других регионов). Переселения с севера стали особенно интенсивными начиная с XVI в.⁹ Отсутствие необходимых источников из простонародной среды не позволяет нам сказать ничего конкретного о декларируемой донациональной идентичности местных восточных славян. В венгерских документах на латинском языке они фиксировались (в ед. ч.) первоначально как *Rusinus* или *Rusenus*, а приблизительно с конца XI в. как *Ruthenus*¹⁰. Согласно предположению ужгородского ономаста П. П. Чучки, основанному на анализе одного латиноязычного экзоэтнонима, датированного 1037 г., предки южнокарпатских русинов назывались в средневековье или коллективным этнонимом *русь*, или множественным названием *русы*¹¹.

Наиболее распространенным эндоэтнонимом у южнокарпатских русинов к началу XX в. однозначно было слово *руснак* (вариант — *русняк*), образованное с помощью того же суффикса —*ак*, что и этнонимы соседних западнославянских народов — словаков и поляков. Как, например, отмечал в 1911 г. известный русский карпатовед А. Л. Петров (1859–1932): «Угроруссы зовут и сами себя и называемы словаками: “руснаки” (и “русняки”)[...]. Употребляется ли угроруссами

название “Русин, Русины” — не вполне ясно»¹². Старейшие письменные фиксации этнонима *руснак* относятся к середине XVI в.¹³

Этноним *русин* в качестве самоназвания был распространен на южных склонах Карпат гораздо меньше. Чаще он встречался в восточной части расселения южнокарпатских русинов, т. е. на значительном удалении от будущей территории Словакии. Согласно гипотезе П. П. Чучки, лексему *русин* в качестве эндоэтнонима принесли на восток региона гущулы, переселившиеся сюда из Галиции и Буковины в XVII–XVIII вв.¹⁴ Как это ни парадоксально с точки зрения современных представлений, русинами южнокарпатские «руснаки» (особенно, интересующая нас западная их часть) чаще называли своих соседей галичан.

Необходимо особо остановиться на бытовании и семантике слова *руснак*. Кроме южных склонов Карпат этноним *руснак* функционировал в качестве самоназвания и в других регионах — в Галиции (в частности, на Лемковщине)¹⁵, Буковине (у подолян)¹⁶, в Бессарабии¹⁷. В отдельных случаях этот этноним употреблялся и для обозначения восточнославянского населения более удаленных на восток регионов¹⁸. Интересно, что в современной болгарской разговорной речи *руснак* означает русского¹⁹.

Однако на южных склонах Карпат «руснаками» себя называли не только русины, но и те словаки и венгры по языку, которые также являлись верующими Греко-католической церкви²⁰. Разноязычных греко-католиков объединяла принадлежность к одной конфессии, которая до прихода современных национализмов сильнее всего определяла их коллективное «я». Таким образом, можно предположить, что в иерархии идентичностей южнокарпатских греко-католиков значительный период доминировала не этническая, а конфессиональная идентичность.

В то же время было бы некорректно полностью исключать этнический подтекст «руснацкой» самоидентификации у носителей словацкого и венгерского языка. Принимая во внимание то, что в собственно словацкой и венгерской среде однозначно доминировали римо-католики и протестанты, происхождение «руснаков»-нерусинов, к тому же часто проживавших относительно недалеко от русинов, не могло не вызвать предположения об их русинских корнях. В данной связи интересно, например, и то, что жившие в Венгерском королевстве румыны и сербы, так же являвшиеся восточными христианами, никогда не были называемы словами, образованными от корня *рус-*²¹.

Отметим, что этногенез словако- и венгрозязычных греко-католиков²², как и связанное с ним проведение этнических границ между русинами и их соседями, являются предметом научных (и общественно-политических) дискуссий начиная с XIX в., однако до сих пор они не относятся к числу полностью разрешенных вопросов²³.

В качестве аргумента, подтверждающего отчетливое этнонимическое содержание в названии *руснак* и образованных от него слов, может служить бытование понятий *беседовать по-русски* в значении «говорить по-русински» и *гуториц по-католици* в значении «говорить по-словацки». Как отмечал по этому поводу признанный знаток южнокарпатских диалектов Г. Ю. Геровский (1886–1959), «различаются руснаки, которые еще “beseduju po ruski”, и руснаки, которые “hutoria po katolicki”» (последние признавались им утратившими родную речь русинами)²⁴. О том, что словацкоязычные соседи русинов, правда, римо-католики, сами считали, что говорят «по-католически» (*по катольцици*), ранее свидетельствовал галицийский этнограф Владимир Гнатюк (1871–1926). Однако он посчитал это название слишком локальным²⁵. Сходная информация содержится, например, в воспоминаниях местной уроженки Ирины Невицкой (1886–1965), проведшей детские годы в преимущественно словацком городке Сабинове, жители которого «никогда не говорили, что разговаривают по-словацки, только по-католически»²⁶. При этом, данное переплетение этнических и конфессиональных характеристик заслуживает дальнейшего изучения. Вопрос об этнической идентичности представителей русинско-словацкого пограничья детальнее будет рассмотрен ниже.

В связи с этнонимами *руснак* и *русин* также необходимо особо коснуться таких, на первый взгляд, маловажных нюансов как их формы множественного числа, формы женского рода и образуемые от них прилагательные. Всего за несколько лет до образования Чехословакии, во время Первой мировой войны, А. Л. Петров следующим образом попытался охарактеризовать этнонимическую ситуацию в австро-венгерских провинциях, где компактно проживали восточные славяне: «“Русин” в Галичине и Буковине (в Угрии — “руснак”) образовано от корня “рус” с суффиксом единственного числа; множественное число д[олжно] быть: “русские, русски”. Правда, теперь не только в “украинском” литературном языке, но и в народной речи обычно множ[ественное] число: *русины, руснаки*

(= "болгарины, христианины"), но нигде нельзя услышать безобразные и вполне противоречащие духу языка формы): "*русинский, русинка, руснацкий, русначка*" (= "болгаринский, болгаринка, поляцкий, полячка"); всегда лишь: "*русский, руска*", при чем в Галичине и Буковине с мягким "с": "*руський, руська*", в Угрии, большею частью, с твердым: "*руский, руска*"²⁷. Уже из самой этой пространной цитаты можно сделать вывод о динамичности этнической номенклатуры, вызванной воздействием как соседних западнославянских языков, в которых присутствовали соответствующие формы, так и набиравших силу модерных этнонациональных идеологий, не чуждавшихся заимствований и неологизмов. Однако что-то от внимания российского ученого могло и ускользнуть. Так, например, В. Гнатюк еще ранее, в 1900 г., писал, что прилагательное *руснацкий* используется самими русинами²⁸.

В литературе второй половины XIX — начала XX в., особенно у непрофессиональных исследователей, иногда встречаются утверждения, будто бы южнокарпатские русины использовали в качестве самоназвания в единственном числе мужского рода этноним *русский*²⁹. В этой связи хочется высказать следующие предположения. Вероятнее всего, часть авторов таких свидетельств некритически видоизменила множественный эндоэтноним на самоназвание в единственном числе. Также не исключено, что подобные утверждения явились следствием утвердительных ответов конкретных индивидуумов на прямой вопрос, русские ли они, а, возможно (если вопрос задавался не по-восточнославянски³⁰), их автоматическим переводом на русский язык. Кроме этого, теоретически, этноним *русский* мог уже отчасти проникнуть в русинскую крестьянскую среду через русофильски настроенных представителей духовенства.

Интересно, что некоторые авторы XIX в. вообще отрицали естественность и право на существование этнонимов *руснак* и *русин*, причем, кажется, даже в единственном числе. «Только в последнее время (написано в 1871 г. — М.Д.) всюду проглядывающая на западе злонамеренность против нашего отечества (России. — М.Д.) выдумала для угорских русских особое имя русняков, как для русских Галиции имя русинов»³¹, — утверждал, например, священник русского православного прихода в венгерском Уроме о. Константин Кустодиев (1837–1875), который живо интересовался русинскими проблемами. Однако подобные пассажи скорее отражают не реалии донациональной

этнической идентичности русинов, а лишь этнонациональные представления писавших их людей.

Также представляется необходимым затронуть распространенные составные этнонимы русинов: *карпаторосс*, *карпаторус*, *угроросс*, *угрорус* и т. п., которые часто встречаются в текстах применительно к русинскому населению. Очевидно, что все они носят искусственный характер, отпечаток элитарного происхождения, свидетельством чему является не свойственная народной этнонимии сложность. Так, еще крупнейший политический деятель южнокарпатских русинов XIX в. Адольф Добрянский (1817–1901) отмечал, что каждый из восточных славян («русских людей») Австро-Венгрии и России «утверждает, что говорит “по-русски”, нисколько даже не подозревая того — если его этому не учили в школе, — что филологи и этнографы стараются различать друг от друга велико-, мало-, бело-, червоно- и черно-руссов»³². В данной связи, на наш взгляд, особенно красноречиво свидетельство стороннего наблюдателя, польского деятеля Леона Василевского (Плохоцкого) (1870–1936), сделанное им после посещения земель Венгерского королевства в начале 1910-х гг.: «Название “Угорская Русь” — книжное, совершенно неизвестное народу, который не отделяет своей родины от остальной Венгрии. Называя себя “руснаками”, или “русинами”, а свой язык “русским”, говорящие на нем крестьяне противопоставляют себя своим соседям — “волохам” (румынам) и словакам. Об Украине венгерские русины ничего не знают. Определение “украинский” для них совершенно чуждо, точно так же, как и “угрорус”, “угрорусский”»³³. Исходя из сказанного, можно заключить, что распространение упомянутых составных этнонимов в широких массах практически тождественно распространению соответствующих этнонациональных идентичностей. Применение же подобных этнонимов в предшествующие данному процессу периоды следует считать типичными проявлениями приписываемой другими и официально фиксируемой идентичностей.

Отдельно следует коснуться идентичности жителей русинско-словацкого этнического пограничья, большая часть которого сосредоточена именно на территории современной Восточной Словакии. Данные официальных венгерских переписей, с одной стороны, предоставляли ограниченное количество допустимых идентификаций, а с другой, что неудивительно, зачастую фиксировали диаметрально отличные данные об этническом характере того или иного села.

Четкое разграничение родственных славянских этносов, русинов и словаков (пускай, часто понимавшихся лишь в качестве составных частей больших общностей — русской или украинской и чехословацкой), веками проживавших в одном регионе, справедливо представлялось серьезным исследователям почти не возможной задачей. «Близкое соседство, перепутанность поселений, разнообразие смешанных, переходных говоров, прочно укоренившееся у униатов осознание себя русскими — все это в высшей степени затрудняет решение вопроса о границах русского и словацкого языков с точки зрения чисто лингвистической, оставляя в стороне вопрос о национальности, в определении которой язык играет, правда, важную роль, но не может быть признан единственным критерием. Прибавив к этому еще и действительное существование более или менее ословаченных русских и возможное существование обрусевших словаков»³⁴, — констатировал всю сложность ситуации А. Л. Петров. Таким образом, наиболее западные русины (те, диалекты которых имеют однозначно восточнославянскую основу) вследствие длительной словакизации материальной и духовной культуры приобрели многие черты, отдаляющие их от своих восточных собратьев и сближающие со словаками. По аналогии с крайне специфическими поляками Силезии, которых иногда называли *Wasser-Pol'aken*, В. Гнатюк предложил называть русинов западных жуп *Wasser-Ruthenen*³⁵.

Ориентируясь на собственные наблюдения над этническим самосознанием греко-католиков в Восточной Словакии, Я. Гусек разделил их на четыре группы: 1) «русские (русины, русняки, русские и т. п.)»; 2) «русские словяки»; 3) «словяки (и даже словаки)»; 4) «русняки»³⁶. Впрочем, данная, как можно заметить невооруженным глазом, весьма запутанная схема чешского исследователя, как и его другие похожие размышления, была впоследствии подвергнута жесткой критике со стороны восточнословацкого уроженца историка Ондreja-Рихарда Галаги (1918–2011). По его мнению, Гусек, будучи не достаточно знакомым с местными реалиями, принял на веру много чрезвычайно субъективных мнений³⁷. К сожалению, по-видимому, все сходные попытки классификаций носят шаблонный характер. Проверить или опровергнуть имеющиеся классификации теоретически можно было бы с помощью современных социологических методов — массовых анкет и опросов с последующей критической обработкой. Однако к удаленным во времени коллективам такие решения, увы, не применимы.

В то же время, можно выделить некоторые специфические моменты, характерные для идентичности жителей русинско-словацкого этнического пограничья. В частности, Я. Гусек констатировал частую зависимость самосознания от возраста: «... у старших русняков (униатов) удерживается консервативная русская (русинская. — *М.Д.*) речь (согласно вере), а с ней и ощущаемое племенное самосознание, но младшее поколение уже оставляет унаследованный русский язык, принимая словацкий разговорный язык за свой, а с ним и национальность, меняя при этом и костюм, привычки, обычаи и песни...»³⁸. Впрочем, ученый не абсолютизировал данную схему, упоминая о случаях, когда после перехода на словацкий язык русины все же сохраняли прежнее самосознание, поддерживаемое конфессиональной принадлежностью. Отметим, что подобные случаи были описаны и более ранними авторами. Современный братиславский исследователь Петер Шолтес, одним из последних глубоко обращавшийся к проблеме самосознания словакизированных русинов, ставит вопрос, с какого времени их этническая идентичность начала отталкиваться от их родного языка, т. е. они идентифицировали себя как словаки или до какого времени у них оставалась конфессионально обусловленная идентичность, было русинское этническое самосознание и свое окружение их воспринимало как русинов или руснаков³⁹. По указанным выше причинам, скорее всего, он останется без однозначного ответа.

Кроме этого нельзя забывать, что в этнически смешанной среде (следовательно, и на этническом пограничье) часто распространена т. н. амбивалентная, т. е. не выраженная четко этническая идентичность, хорошо известная этносоциологам⁴⁰. В качестве примера можно привести другие слова того же Я. Гусека о ситуации в Старолюбовнянском округе: «Совсем не редко явление, [...] что два человека из одного села имеют различные взгляды на предмет, и даже тот же самый человек один раз скажет, что он словак (или словак), но другой раз, что он русский (руснак, русин и проч.)»⁴¹. «У народа, национально не достаточно сознательного (т. е., по сути, не имеющего современной, этнонациональной, идентичности. — *М.Д.*), отнесение себя к конкретной национальности обычно бывает вещью мимолетного настроения»⁴², — через десятилетие после Гусека отмечал, говоря о широком словацко-русинском этническом пограничье, активист организации «Словацкая лига» Ян Руман. Вероятно, здесь мы можем говорить также о проявлениях того, что современные этнологи

называют ситуационизмом. Он выражается в том, что человек имеет возможность манипулировать своей этнической принадлежностью, выступая в разных ситуациях как представитель различных этнических групп⁴³. Подобные нюансы всегда следует иметь в виду при попытках реконструкции этнической идентичности русинов.

Кроме общих этнонимов также бытовали и более узкие, которые распространялись на небольшие сегменты русинского и переходного населения. Своим происхождением они, как правило, обязаны особенностям языка, одежды, хозяйственной деятельности и т. п. Часто их коррелируют с распространением выделяемых исследователями этнографических групп — лемков, бойков, гуцулов и др. Однако далеко не всегда экзоэтнонимы совпадали и совпадают с эндоэтнонимами. Кроме того, в современной научной среде до сих пор ведутся споры относительно границ распространения на южных склонах Карпат тех или иных групп, а также присущего им самосознания. В частности, подвергается сомнению популярная особенно в украинской науке практика переноса этнографического членения Галиции и Буковины на южно-карпатские реалии (хотя на поверку историко-этнографическое районирование северных склонов Карпат так же до сих пор дискуссионно⁴⁴). Конкретно, речь идет об уместности локализации на южных склонах лемков и выделения особой группы долинян (долишнян). Новейшую попытку классификации русинских этнографических групп на основании богатой библиографии предпринял П.-Р. Магочи⁴⁵.

Переходное в языковом отношении русинско-словацкое население было известно как «словаки», а также «цотаки» и «сотаки» (последние в значении местоимения *что* /в большинстве южнокарпатских говоров — *што*/ употребляли лексему *цо* или *со*.). Эти три наиболее распространенных названия частично друг на друга накладывались, однако лишь в первом из них можно усмотреть изначальный эндоэтноним, являвшийся также самоназванием абсолютного большинства восточных словаков⁴⁶.

Неожиданный этноязыковой смысл можно обнаружить также в названии *поляки*, употребленном по отношению к греко-католикам, проживавшим в некоторых северных районах региона. Очевидно его политонимическое происхождение. Как отмечал А. Л. Петров, «Галичина и русские галичане — у угрорусов — *Польша, Поляки*»⁴⁷. Таким образом, речь идет о поздних переселенцах из соседней Галиции. Подобное мнение, основываясь на собственных фактах, позднее

развил О.-Р. Галага⁴⁸. Одним из маркеров «поляков» для южнокарпатского простонародья было использование местоимения *що* (в значении *что*)⁴⁹. Скорее всего, именно подобные «поляки» и составляли большинство записывавшихся таковыми греко-католиков во время переписей населения. Интересно, что эти «поляки», насколько нам известно, не соотносились с теми греко-католиками, в речи которых доминировали собственно польские элементы (в Спише).

* * *

Несмотря на описанные сложности в идентификации русинов на территории современной Словакии, во многом вызванные историей заселения региона и спецификой пограничья, доминантой донациональной идентичности русинов, несомненно, являлся конфессиональный фактор: принадлежность к «русской вере» — христианству восточного обряда. Выражением этой идентичности являлся целый ряд этнонимов с корнем *рус-* (в первую очередь, *руснак*), которые хотя и носили более широкий, конфессиональный, характер, в условиях непосредственного русинско-словацкого соседства проявляли и отчетливые этноязыковые черты, связанные, в частности, с восточнославянскими языковыми особенностями. Параллельно у русинов и представителей переходных групп функционировали другие варианты донациональной идентичности, в частности, выраженные в локальных названиях или же, например, популярном на русинско-словацком пограничье этнониме *словяк*. Однако детальнее восстановить их иерархию, а часто и просто корректно классифицировать, уже вряд ли представляется возможным.

Примечания

¹ Классификация отечественного этнолога А. Д. Коростелева. См.: Коростелев А. Д. Парадоксы этнической идентичности // Идентичность и толерантность. М., 2002. С. 92.

² Húsek J. Národopisná hranice mezi Slováky a Karpatorusy. Bratislava, 1925. S. 344.

³ Крайние сторонники конструктивизма вообще склонны отрицать преемственность между ними (см., например: Малахов В. С. Национализм как политическая идеология: Учебное пособие. М., 2005. С. 233). Обоснования этой радикальной точки зрения представляются нам не достаточно убедительными. Возможно, подобный подход имеет право на существование, однако очевидно, что он не имеет универсальной объяснительной силы. Вслед за крупным западным исследователем национализма Энтони Смитом и его

авторитетным российским коллегой А. И. Миллером мы считаем, что этнические и культурные характеристики населения, которое становится объектом соперничества различных национальных активистов, существенно влияют на их концепции и ход борьбы. См.: Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 12–13. Говоря об интересующей нас ситуации у южнокарпатских русинов, думается, уместно вспомнить ценное замечание Пола-Роберта Магочи: «Местным идеологам никогда бы не удалось убедить подкарпатских (южнокарпатских. — *М.Д.*) русинов, что они должны стать французами, ирландцами или китайцами. И все же перед ними было поставлено несколько серьезных вариантов» (Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості: Підкарпатська Русь (1848–1948). Авторизований переклад з англійської. Ужгород, 1994. С. 15).

⁴ Садохин А. П. Этнология: Учебный словарь. М., 2002. С. 188, 196. Отталкиваясь от используемой нами схемы А.Д. Коростелева, видимо, следует конкретизировать, что данное положение относится, в первую очередь, к внутренней и декларируемой идентичностям. В случае приписываемой другими и официально фиксируемой идентичностей их внешним проявлением могут являться этнонимы, которые не используются в качестве самоназваний.

⁵ Конкретно мы имеем в виду эмоциональные и регулятивные компоненты этнического самосознания, которые начали исследоваться в результате прорыва указанных дисциплин в 1980-е гг.

⁶ Сказанное, естественно, не исключает конкретизации этнической идентичности с помощью доступных сведений неэтнонимического характера.

⁷ См.: Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості... С. 168; Чучка П. Етноніми русин та руснак і їх деривати в південнокарпатських говорах // Наукові записки. 18. Пряшів, 1993. С. 124.

⁸ Распоряжения Епархіального Правительства въ Пряшевѣ. 1940. № IX. С. 70. Впрочем, процитированный отрывок, естественно, более связан с конкуренцией не донациональных, а вполне модерных этнонимов и, соответственно, идентичностей.

⁹ Магочій П. Р. Русини на Словенську. Історичний перегляд. Пряшов, 1994. С. 10–11.

¹⁰ См.: Чучка П. Етноніми русин та руснак... С. 122.

¹¹ См.: Там же. С. 121–122.

¹² Петров А. Материалы для истории угорской Руси. VI. Пределы угорской речи в 1773 г. по официальным данным. Исследование и карты. СПб., 1911. С. 15.

¹³ См.: Чучка П. Етноніми русин та руснак... С. 124–125.

¹⁴ См.: Там же. С. 124.

¹⁵ См.: Fischer A. Rusini. Zarys etnografiji Rusi. Lwów; Warszawa; Kraków, 1928. S. 8.

¹⁶ См.: Купчанко Г. Буковина и еи русскій жителѹ. Книжечка для народа съ картою Буковины и многими образками. Вѣдень, 1895. С. 20—21

¹⁷ См.: Несторовский П. А. Бессарабские русины. Историко-этнографический очерк. Варшава, 1905. С. 7.

¹⁸ См.: Балушок В. Українська етнічна спільнота: етногенез, історія, етнологія. Біла Церква, 2008. С. 264, 271; *Чучка П.* Етнічними русин та руснак... С. 125.

¹⁹ См.: Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь / Изд. 3-е, стер. М., 1986. С. 588.

²⁰ См.: Срезневский И. Русь Угорская // Вестник Императорского Русского Географического Общества. Т. 1. СПб., 1852. С. 6.

²¹ См.: Там же; Жаткович Ю. Етнографическій очерк угро-русских // Мазурок О. Юрій Жаткович як історик та етнограф. Ужгород, 2001. С. 163.

²² В настоящее время существует три главные версии происхождения словакоязычных греко-католиков. Словацкие церковные авторы вместе с подавляющим большинством рядовых верующих склоняются к тому, что восточный обряд непрерывно сохранялся на территории современной Словакии непосредственно со времен Великой Моравии и миссии св. Кирилла и Мефодия, таким образом, связывая восточное христианство, в первую очередь, с предками современных словаков. Светская же историография, как и археология, не располагает серьезными доказательствами этой концепции. Вторая версия, выдвинутая впервые А. Л. Петровым, относит распространение восточного обряда среди словаков к периоду валашской колонизации (XIV—XVII вв.). В этом случае отдельные словаки на момент Ужгородской унии 1646 г. уже являлись неотъемлемой частью восточной церкви (Людовит Гараксим, Ян Бенько). Третий взгляд на проблему находит ответ исключительно в ассимиляции словаками русинов в течение XVIII—XIX вв. (Бронислав Варсик, Фердинанд Улични). См.: Šoltés P. Historické a konfesionalne súvislosti asimilácie rusínskeho/ukrajinského etnika na Slovensku // *Národ a národnosti na Slovensku. Stav výskumu po roku 1989 a jeho perspektívy*. Prešov, 2004. S. 187—188.

Об этногенезе венгров греко-католиков (среди которых, без сомнения, также есть потомки собственно венгров, сербов и румын) см.: Палади-Ковач А. Украинское население северо-восточной части Венгрии в XVIII — XIX вв. // *Карпатский сборник*. М., 1976. С. 140—142; Kónya P. K pôvodu maďarských Gréckokatolíkov na Zemplíne // *Gréckokatolícka cirkev na Slovensku vo svetle výročí*. Prešov, 2009. S. 44—57.

²³ См. новейшую обобщающую работу об истории определения словацкой и русинской этнических территорий в связи с вопросом словацко-русинского пограничья: Švorc P. *Krajinská hranica medzi Slovenskom a Podkarpatskou Rusou (1919—1939)*. Prešov, 2003. S. 11—55, 71—91.

²⁴ Геровский Г. К вопросу о значении названия Руснак // Путиями истории. Общерусское национальное, духовное и культурное единство на основании данных науки и жизни. Т. I. Нью-Йорк, 1977. С. 11.

²⁵ См.: Гнатюк В. Русини Пряшівської епархії і їх говори // Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XXXV—XXXVI. Львів, 1900. С. 12. Следует уточнить, что данная работа ученого относится к периоду, когда В. Гнатюк рассматривал всех восточных словаков («словяков») вне зависимости от вероисповедания как часть русинов. В отличие от собственно «руснаков», которые «имеют infinitives на *-ти* и не дзекают», к «словякам» он причислял «тех русинов (по его мнению. — *М.Д.*), которые infinitivus имеют на *-ц* и дзекают» (Там же). В более поздних текстах Гнатюк смягчил свою точку зрения.

²⁶ Невицька І. Моя праця. Спогади про моє життя // Дукля. 1991. № 2. С. 52.

²⁷ Петров А. Об этнографической границе русского народа в Австро-Угрии, о сомнительной «венгерской» нации и о неделимости Угрии. Пг., 1915. С. 3. Сравнение этнонима *русин* со словами *армянин*, *болгарин*, *христианин* и др. в связи с образованием от них притяжательных прилагательных достаточно часто встречается в карпатоведческой литературе русофильского направления. Однако нам ни разу не встретились не менее логичные параллели с этнонимом *грузин*, прилагательное от которого — *грузинский*, а не, например, *грузский*.

²⁸ См.: Гнатюк В. Русини Пряшівської епархії... С. 12.

²⁹ См., например: Будилович А.С. К вопросу о племенных отношениях в Угорской Руси. СПб., 1904. С. 9; Купчанко Г. Угорска Русь и еи русскій жителѹ. Книжечка для народа съ образками и картою Угрии и Угорской, Галической и Буковинской Руси. Вѣдень, 1897. С. 46. Любопытно, что такое утверждение можно найти даже в одной из работ корифея А.Л. Петрова: Петров А. Материалы для истории угорской Руси. IV. СПб., 1906. С. 2.

³⁰ Например, на венгерском языке и местные русины, и население далекой России чаще всего назывались одинаково — *orosz* (во множественном числе — *oroszok*). См.: Магочій П. Р. Формування національної самосвідомості... С. 168.

³¹ Кустодиев К. Конгресс католиков Венгрии и угорские русские. (Письма из Пешта) // Православное обозрение. М., 1871. Первое полугодие. С. 692.

³² Цит. по: Аристов Ф.Ф. Карпато-русские писатели. Исследование по неизданным источникам. Т. I. / 2-е доп. изд. М., 1916. Репринт: Bridgeport, Connecticut, 1977. С. 181.

³³ Василевский (Плохоцкий) Л. Венгерские «руснаки» и их судьба. (Письмо из Австрии) // Русское богатство. СПб., 1914, № 3. С. 363.

³⁴ Петров А. Материалы для истории... IV. С. 2.

³⁵ См.: Гнатюк В. Словаки чи Русини? (Причинки до в'яснення спору про національність західних Русинів) // Записки Наукового Товариства імени Шевченка. Т. XLII. Львів, 1901. С. 80. Напомним, что под этим названием Гнатюк подразумевал также тех «руснаков», в речи которых преобладали словацкие элементы.

- ³⁶ Húsek J. Národopisná hranice... S. 361–362.
- ³⁷ См.: Halaga O. R. Slovanské osídlenie Potisia a východoslovenskí gréckokatalóci. Košice, 1947. S. 72–73.
- ³⁸ Húsek J. Národopisná hranice... S. 345.
- ³⁹ См.: Šoltés P. Štyri konfesie, tri jazyky: Etnická a konfesiónalna pluralita na Zemplíne v 17. a 18. storočí // Historické rozhrfady. IV. Bratislava, 2008. S. 28.
- ⁴⁰ См.: Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология: Учебное пособие для вузов. М., 1999. С. 179.
- ⁴¹ Húsek J. Národopisná hranice... S. 366.
- ⁴² Ruman J. Otázka slovensko-rusínskeho pomeru na východnom Slovensku. Košice, 1935. S. 31.
- ⁴³ См.: Коростелев А.Д. Парадоксы этнической идентичности... С. 98–99.
- ⁴⁴ См. современный критический очерк истории этнографического районирования Галиции и смежных регионов: Глушко М. Етнографічне районування української Галичини (за матеріалами наукових досліджень ХІХ — початку ХХІ ст.) // Галичина: Етнічна історія. Тематичний збірник статей. Львів, 2008. В частности, автор этой работы пришел к следующему неутешительному выводу: «... за два последних столетия вопрос историко-этнографического районирования Галичины и Украины в целом интересовал многих ученых, однако единой схемы они не разработали доньше, то есть все предложенные ранее являются пока что рабочими, которые требуют усовершенствования и уточнения» (С. 79).
- ⁴⁵ См.: Магочій П. Р. Четверта Русь: нова реальність в новій Європі // Русин [Пряшів]. 2006. №. 5. С. 15–19.
- ⁴⁶ См.: Halaga O. R. Slovanské osídlenie... S. 53.
- ⁴⁷ Петров А. Материалы для истории... IV. С. 16. Любопытно, что упоминания А.Л. Петровым отождествления южнокарпатскими русинами галичан с поляками, а Галичины с Польшей вызвало критику радикально русофильски настроенного А.С. Будиловича (1846–1908): «Если встречается теперь у угоруссов наименование галичан поляками, то еще называют первые последних русинами, а себя русняками. Напрасно потому и г. Петров называет Польшею такие места Галиции, которые всегда были и будут русскими...». Впрочем, оригинальное разъяснение поступка Петрова можно найти в том же тексте Будиловича: «... он (Петров. — М.Д.) всегда руководился [...] требованиями строгой критики и объективного изложения, которого никто не упрекнет в племенном пристрастии, а скорее в готовности даже несколько поступиться своим, лишь бы не прослыть русским шовинистом...». См.: Будилович А.С. Отзыв о сочинении А.Л. Петрова: «Материалы для истории Угорской Руси», 4 выпуск, С.-Пб., 1905–1906 г. / Отдельный оттиск из «Отчета о двенадцатом, втором по отделению русского языка и словесности, присуждении премий митрополита Макария». СПб., 1909. С. 28 (6), 34 (12).
- ⁴⁸ См.: Halaga O. R. Slovanské osídlenie... S. 101–102.
- ⁴⁹ См.: Петров А. Материалы для истории... IV. С. 16.

Е. П. Серапионова

Чехословацкая печать о вхождении Подкарпатской Руси в состав ЧСР*

Нынешняя Закарпатская область Украины до 1918 г. в течение многих веков являлась частью Венгерского королевства, а с образованием независимой Чехословацкой республики вошла в ее состав под названием Подкарпатская Русь.

Что представлял собой в то время этот край, каковы были условия его вхождения в ЧСР, отношение чехословацких политиков, а также общества в целом к его включению в границы Чехословакии — вот те вопросы, которые предполагается затронуть в настоящей статье, обратив основное внимание на то, как они ставились и решались в чехословацкой прессе того времени.

Еще в 1914 г. будущий президент Чехословакии Т. Г. Масарик, размышляя о границах будущего государства, пришел к выводу, что «включение в пределы чешского королевства некоторых русских меньшинств в этой (близ Ужгорода) области было бы желательно, так как дало бы повод к провозглашению русского, конечно, литературного, языка официальным наравне с чешским, немецким и польским языками»¹. В конце Первой мировой войны в письме Э. Бенешу от 28 октября 1918 г. из Вашингтона Масарик писал: «Здесь угро-русины предлагают федерацию с нашим государством. Если будет возможным присоединение к нам угро-русин, то мы станем соседями с Румынией. Здесь есть также карпаторусская организация; как видно из названия, русофильская, они тоже предлагают ту же федерацию с нами... Дело требует тактичного обращения с тем, чтобы не вызвать

---

* Статья подготовлена в рамках программы ОИФН РАН «Нации и государства в мировой истории». Проект «Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение».

враждебность со стороны украинцев из Галиции»². Из этих последних цитат видно, что среди американских выходцев из этой области не было единства, но, по словам будущего чехословацкого президента, некоторые политические направления угорорусов в США выступали за вхождение в ЧСР. Сам же он, поддерживая эту идею, исходил из культурно-языковых и стратегических соображений. К тому же для ЧСР было важно ослабить Венгрию, продолжавшую претендовать на Словакию и Угорскую Русь (как называли эту территорию в составе Венгерского королевства).

Во время подготовки к мирной конференции в Версале вопрос о присоединении Угорской Руси к Чехословакии прорабатывался очень серьезно. В состав чехословацкой делегации, направлявшейся в Париж, был включен специалист по русинскому вопросу Антон Бескид, выходец из Подкарпатья, депутат венгерского сейма от католической народной партии, министр по русинскому вопросу в венгерском правительстве М. Каройи и одновременно председатель Русского национального совета (Карпаторусской Народной Рады в Прешове), выступавший за присоединение русин к новому чехословацкому государству. Прочехословацкой ориентации (после того как В. Вильсон отклонил меморандум о независимости либо самой широкой автономии русин³) стали придерживаться и представители «карпаторусских» эмигрантов в Америке Г. Жаткович и Ю. Гардош⁴. Присоединение к ЧСР одобрил 12 ноября 1918 г. съезд Американского национального совета угро-русинов и последующий плебисцит территориальных представительств Национального совета, в котором, правда, приняли участие далеко не все из них. Надо сказать, что выходцы из Подкарпатья в Америке очень живо интересовались судьбой своего края⁵. В результате было принято постановление в пользу присоединения к ЧСР, которое аргументировалось так: «Мы сознаем, что т.о. мы составим часть хорошо организованного государства, с которым легко сможем сговориться взаимопонятным языком, и которое нам обеспечит автономию. Мы, однако, твердо убеждены в том, что из нынешнего хаоса выйдет опять федеральная Россия. Но в этой новой будущей России украинцы не будут иметь такой национальной автономии, какую мы получим»⁶.

Один из двенадцати меморандумов, подготовленных к конференции чехословацким подготовительным комитетом, начавшим свою работу почти сразу после объявления об образовании Чехословацкой

республики, назывался «Проблема угорских русинов». На самой конференции члены чехословацкой делегации предлагали решить проблему угорских русинов включением Угорской Руси в качестве самостоятельной провинции в состав Чехословацкой республики, обосновывая свою позицию необходимостью создания постоянной сильной политической системы в Центральной Европе⁷.

Поэтому можно констатировать, что чехословацкая сторона проявляла непосредственный интерес к включению этой области в состав своего государства. Не секрет, что, основываясь на лозунге национального самоопределения, ни одно из вновь образовавшихся после войны государств (Королевство СХС, Польша, Чехословакия) не стали национально однородными, а наоборот, многонациональными государственными образованиями. В их желании максимально расширить пределы своего государства можно заметить проявление национализма в форме территориальной экспансии. Правда, нужно учесть, что обоснованием чехословацких требований в отношении Подкарпатя являлась позиция части его политических представителей.

Кроме того доцент, затем профессор Чешского университета, член чехословацкой делегации в Париже, советник по статистическим, географическим и этнографическим вопросам Виктор Дворский обращал внимание на тот факт, что лишь Чехословакия впервые признала Подкарпатскую Русь (а именно это название получило Закарпатье в составе ЧСР) в качестве отдельной области. Венгры считали ее неотъемлемой частью венгерского государства, никак не выделяя ее в самостоятельную политико-географическую единицу (впрочем, как и Словакию). Частью своей территории склонны были ее рассматривать и украинцы, и русские.

Ссылаясь на 14 пунктов Вильсона, галицийские украинцы заявили о своих притязаниях на Подкарпатскую Русь, объявив ее в первой статье декрета Украинской Народной Рады от 19 октября 1918 г, обнародованного во Львове, частью своей этнической области. 1 ноября 1918 г. они заявили о своей независимости от Австрии. В конституционном законе от 13 ноября 1918 г. эта область получила название Западно-украинская народная республика. А 22 января 1919 г. в т.н. Универсале (манифесте), изданном в Киеве провозглашалось объединение «в одно целое столетиями оторванных друг от друга частей единой Украины: Западно-украинской народная республики, т.е. Восточной Галиции, Буковины и Угорской Руси, с поднепровской

Великой Украиной»⁸. При этом надо отметить, что большинство из 420-ти представителей общин Подкарпатской Руси на народном собрании в Хусте 21 января 1919 г. высказались за присоединение к Западно-украинской республике.

Критикуя эту юридическую, но не фактическую украинскую аннексию Подкарпатской Руси, Дворский писал: «Украинская идея, видящая в Подкарпатской Руси просто часть вымышленной Украины, к сожалению, буквально сходна с великонемецкими притязаниями в западной и северной Чехии. Это тот же самый ход мысли, то же основание. Не считаться с видом поверхности, не взирать на историческое развитие, использовать только языковое сходство для политических целей»⁹. В конце своих рассуждений он приходил к мысли о том, что «подкарпато-русское население не может иначе рассматриваться, как только ветвь политического народа чехословацкого. Ветвь с собственной землей и с автономными правами и с жизненным правом на собственное культурное развитие»¹⁰.

Несмотря на то, что в самом Подкарпатье имелись сторонники и сохранения края в составе Венгрии, и воссоединения с Украиной¹¹, на Парижской мирной конференции было решено включить эту территорию в состав Чехословакии. В конце 1918 — начале 1919 г. западную часть Подкарпатья оккупировали чехословацкие, а восточную — румынские войска.

Согласно Сен-Жерменскому договору с Австрией от 10 сентября 1919 г. эта область была включена в состав Чехословакии, при этом четко фиксировалась автономия, но не определялась ее форма. Статья 53 гласила: «Австрия признает, как это уже сделали Союзные и Объединившиеся Державы, полную независимость Чехословацкого Государства, которое включает в себя автономную территорию к югу от Карпат»¹². Одним из проявлений автономии являлось наличие предусмотренного договором сейма Подкарпатской Руси, призванного упорядочить языковой вопрос, наделявшего полномочиями издавать законы об образовании, религии, местном самоуправлении, культурных и административных вопросах. Сен-Жерменский договор окончательно вступил в силу 16 июля 1920 г. после ратификации и подписания его президентом и министром иностранных дел.

Вхождение Подкарпатской Руси в состав Чехословакии подтверждал и Трианонский договор с Венгрией, 48 статья которого факти-

чески повторяла 53 статью Сен-Жерменского договора, но только в отношении признания Венгрией чехословацкого государства с автономной Подкарпатской Русью в его составе¹³.

В марте 1921 г. была в основном установлена граница Подкарпатской Руси с Румынией, а что касается границы с Венгрией, то в это время разграничительная комиссия предпринимала лишь первые шаги к началу своей работы¹⁴.

Среди специалистов в области государственного права нет единства во взглядах относительно того, когда можно считать, что Закарпатье стало частью ЧСР, так как не существует внутригосударственного акта, устанавливавшего момент присоединения Подкарпатской Руси. Первая точка зрения — это фактическое присоединение. В январе 1919 г. западную часть области заняли чехословацкие войска, а восточная часть до июня 1920 г. находилась под румынской военной оккупацией.

Венгрия после заключения перемирия осенью 1918 г. продолжала считать Словакию и Подкарпатскую Русь частью своей территории, а в конце декабря 1918 г. издала закон, представлявший автономию и самое широкое самоуправление русинам. Распространялся он на часть территории Подкарпатья, т.н. Руськую крайну. В начале января 1919 г. министром «Руськой крайны» венгерское правительство назначило мадьярона Ореста Сабо и стало осуществлять политику административной и школьно-церковной автономии. Провенгерской ориентации на правительство М. Каройи придерживались руководитель греко-католического учительского института, делегат Ужгородской Рады Августин Волошин, бывший государственный секретарь Миклош Куткафалвы, председатель Русской Рады Симеон Сабов и другие греко-католические деятели, поддержавшие создание автономной Руськой Крайны в составе Венгрии¹⁵. Решения Парижской мирной конференции привели к правительственному кризису в Венгрии, закончившемуся передачей власти левым и созданием Венгерской республики советов. Выступление чехословацких и румынских войск против Венгерской советской республики и привели к оккупации ими Подкарпатской Руси.

В начале 1920-х годов «Рутенская» (русинская) политическая партия Венгрии обращалась в Лигу Наций и к представителям мировой общественности с протестами против чешской политики в Подкарпатской Руси и отсутствия обещанной автономии. Одно

из обращений от 5 июня 1923 г. было направлено и президенту США У. Г. Хардингу¹⁶.

Вторая точка зрения состоит в том, что Подкарпатская Русь стала частью Чехословацкой республики уже самим фактом создания Чехословацкого государства 28 октября 1918 г. Конституция ЧСР 1920 г. законодательно фиксировала Подкарпатье как составную часть единой и неделимой территории Чехословацкой республики, присоединенную на добровольной основе, которой «будет предоставлена самая широкая автономия, совместимая с единством республики Чехословацкой»¹⁷.

Все обязательства в отношении автономии Подкарпатской Руси, которые брала на себя Чехословакия в международных договорах, были повторены в Конституции страны 1920 г. Но, как известно, вплоть до 1938 г. автономия краю не была предоставлена. Поэтому остается открытым вопрос: обрели ли подкарпатцы свою государственность вхождением в состав ЧСР?

Косвенным подтверждением того, что Чехословакия была непосредственно заинтересована во вхождении в ее состав Подкарпатской Руси является и огромный интерес, проявлявшийся в чехословацкой печати представителями различных политических направлений, к обстановке в этом крае. Остановимся на этом подробнее, так как газетные материалы того времени представляют собой интереснейший исторический источник, позволяющий судить о том, что представляла собой эта область, и как шло ее развитие в рамках нового государства.

Первое, что интересовало чехословацкую прессу, — это условия включения Угорской Руси в ЧСР и обоснование самого этого акта. 1 апреля 1919 г. газета «Tribuna» опубликовала статью заместителя председателя Карпато-русского национального совета в Прешове доктора права Алоиса Кусака «Карпатская Русь» с подзаголовком «Языковое и культурное своеобразие и значение ее присоединения к Чехословацкой республике»¹⁸. В статье говорилось, что угорцы на северо-востоке Венгрии и лемки в Польше создали Карпато-русский национальный совет в Прешове и «мощным национальным движением» выразили желание присоединиться к ЧСР. Одним из организаторов и председателем Совета стал А. Бескид, бывший депутат венгерского имперского совета, вошедший в чехословацкую делегацию на Парижской мирной конференции. Там же сообщалось,

что желание лемков до сих пор не было услышано в Париже, но в отношении угрорусов решение принято, и территория вплоть до Марамороша Сигета войдет в состав Чехословацкой республики. Сам же город Мараморош Сигет в знак дружбы передан Румынии¹⁹. Газета отмечала огромное экономическое, политическое и стратегическое значение присоединения Угорской Руси к Чехословакии. Особо подчеркивалось обретение общей границы с Румынией и русским народом, который, по мнению автора статьи, вскоре «вновь обретет могучее федеративно-демократическое государство». Ставились задачи с самого начала обеспечить автономное развитие Подкарпатской Руси и помочь экономически и культурно восстановить эту область, пострадавшую в годы Первой мировой войны и «венгерского угнетения».

Далее в статье содержался пассаж против украинской пропаганды: констатировался факт, что венгерская часть Карпатской Руси никогда не была и не называлась украинской. Что касается языка, то языком богослужебным являлся «греко-восточный церковный» (старославянский) язык, а разговорный и письменный язык населения ближе всего к русскому литературному языку в его малорусском варианте и сохранил чистоту в отличие от галицко-русских наречий. В районах со смешанным населением этот язык впитал в себя и элементы словацкого, сохранив кириллицу. В качестве примеров приводились местные газетные издания: выходивший в Ужгороде «Листок», в Прешове — «Голос русского народа», в Кошице — приложение к словацкой газете «Виход» — «Русское обозрение». Поэтому А. Кусак обращался к чехословацкой общественности с просьбой не называть угрорусский язык ни украинским, ни русинским, а правильно именовать его карпаторусским, бывшим угрорусским или просто русским.

В заключении говорилось, что венгерская статистика преуменьшала количество жителей области, называя 500 тыс., а затем 400 тыс., тогда как, вместе с американскими карпаторуссами, которые, как считал автор, вскоре вернуться на родину, и лемками, которых еще, возможно, включают в ЧСР, число жителей Подкарпатской Руси может составить 1–1,5 млн чел.²⁰ 19 апреля 1919 г. в вечерней газете «Národ»²¹ эта статья была перепечатана, а в конце помещен собственный комментарий, где сообщалось, что последний номер прешовской газеты «Голос русского народа» присоединился к протесту д-ра

Кусака против «украинства» и «русинства»²². Там с горькой иронией указывалось, что о «славянстве» в основном рассуждают австрийские украинцы, включая бывших депутатов Василько и Смаль-Стоцко-го. В комментарии обращалось внимание на то, что «карпаторуссы» хотят остаться русскими, и желание «миллионного» народа достойно уважения, также как и будущая великая новая Россия, в которую верил лидер национальных демократов, первый чехословацкий премьер-министр, русофил К. Крамарж.

В июне 1919 г. в дискуссию о национальном вопросе в Подкарпатской Руси включился и печатный орган аграриев газета «Venkov»²³. В статье «Под чертой. Старая-новая боль. Карпаты—Россия—Украина» Ф. Обртел ставил под сомнение высказанную выше точку зрения, что этнически жители Подкарпатской Руси есть ветвь великорусского народа и не имеют ничего общего с украинцами, русинами. При этом автор опирался на мнение специалиста по строительству дорог, долго проработавшего в этой области инженера Нечаса, а также приводил сведения из трудов ученых мужей, профессора Нидерле и доктора Томашивского. Он обращал внимание и на исторический факт, что представители 400 населенных пунктов Подкарпатья на собрании в Хусте в январе 1919 г. высказались за вхождение в объединенную Украину. Автор указывал, что появившиеся в ЧСР русские и украинские эмигранты заняли по этому вопросу диаметрально противоположные позиции. Сам же он считал необходимым разобраться с этим вопросом беспристрастно, с научной точки зрения, так как от этого зависели конкретные политические решения, например, каким должен быть язык обучения в школах. Обртел был уверен, что Украина будет самостоятельным государством и соседом Чехословакии, а это важно учитывать при выработке политической линии в этом вопросе.

Буквально через 10 дней появилась статья Фрабши «Карпатские проблемы», где критиковался А. Кусак за грубое вмешательство в отношения России и Украины, за высказанные им в статье, опубликованной в органе национальных демократов «*Národních listech*» 10 апреля 1919 г., старые великорусские идеи. Автор считал, что при всей любви к России нельзя обижать Украину и украинцев²⁴.

Между тем, начатая газетой «Venkov» дискуссия набирала обороты. 3 июля А. Бескид опубликовал там статью «Карпатская Русь и Украина» как ответ на выступление представителя украинской миссии в Праге Славинского в № 144 газеты «*Národný listy*» под названием

«Стремления Украинской республики» и другие критические в отношении Карпаторусского национального совета в Прешове и его пражского уполномоченного Кусака материалы, напечатанные в газетах национальных социалистов «České slovo», социал-демократов «Pravo Lidu» и аграриев «Venkov»²⁵. Его точка зрения сводилась к тому, что история не знала никакой Украины как политически самостоятельного государства и никакого украинского народа, отличавшегося от русского народа. Эта сепаратистская украинская идея есть выдуманная конструкция германского и австро-венгерского генеральных штабов, распространившаяся в годы Первой мировой войны и направленная против России и всего славянства. Она не имеет поддержки в широких народных массах ни в России, ни на Украине, но служит интересам небольшой группы людей. Далее он продолжал, что «карпаторусы» — это русские, часть русского этноса, издревле входившие в Червонную Русь, которые не имеют никакого отношения к украинским сепаратистам. Поэтому он протестовал против вмешательства украинцев в карпаторусские проблемы и обращался к чехословацкому правительству с требованием прекратить введение украинского наречия в Подкарпатской Руси. Бескид высказывался против того, чтобы карпаторусов либо бывших угрорусов называли украинцами, что, по его словам, нередко делалось не только в печати, но и в официальных выступлениях. Обращаясь к чехословацкому правительству и общественности, он от лица всех карпаторусов уверял, что они хотят остаться русскими и сами решат какой язык, русский литературный или его малорусское наречие, вводить в школах. Если бы карпаторусы считали себя украинцами, то присоединились бы к Украине, но в Париже они высказались за вхождение в ЧСР именно для того, чтобы сохранить автономный статус и свою «русскость». Председатель Карпаторусского национального совета ссылался на то, что во всех европейских языках существуют отдельные наречия, но это никаким образом не мешает тому, что есть общий литературный язык. Именно русский язык он хотел видеть таким объединяющим языком. Отвергая украинский сепаратизм, Бескид проводил параллель с мораванами. По его мнению, это тоже чехи со своими особенностями, языковыми, культурными, возникшими в результате исторического развития, но не отдельный этнос. Он подчеркивал, что даже венгры, проводя политику мадьяризации, сохранили название «Русь» для этой области. В конце статьи Бескид предупреждал,

что заигрывание с «украиномством» может иметь самые неприятные внутренние и международные последствия для Чехословакии.

Буквально через неделю тот же «Venkov» предоставил возможность высказаться противоположной стороне²⁶. На этот раз в дискуссию с Бескидом включился профессор государственного украинского университета в Каменец-Подольском Микола Чайковский. Статья имела то же название «Карпаторусы и украинцы» с подзаголовком «Информация для чехословацкой общественности». Автор четко уловил слабые места в рассуждениях Бескида и объяснил, что процессы украинского возрождения шли с начала XIX в., украинский язык — не «искусственно созданная австрийско-польская фонетика Василько и Смаль-Стоцкого», на этом языке писали романы известные писатели Шевченко и Франко. Он упрекал Бескида в узурпации права выступать от лица всего карпаторусского народа и критиковал его поведение до войны, когда он заседал в венгерском парламенте. Обращаясь к чехам, он призывал узнать украинцев, подружиться с ними, а лишь потом судить о них.

В чехословацкой прессе появлялись и материалы, свидетельствующие о распространении после войны достаточно левых настроений в Подкарпатской Руси. В конце сентября газета «České slovo» опубликовало информационную статью о состоявшемся в Мукачеве 5-ти тысячном собрании крестьян²⁷. На собрании присутствовала эмигрантка из России, известная эсерка, «бабушка русской революции» Е. Брешко-Брешковская, которую от лица собравшихся приветствовал профессор Андрей Гагатко. Его речь была вполне лояльной в отношении чехословацких властей, в частности он заявил, что все жители Подкарпатской Руси «видят единственную возможность жить жизнью свободных граждан лишь в рамках демократической чехословацкой республики». Вместе с тем на собрании была принята резолюция из 16 пунктов, в которой высказывались просьбы и требования к чехословацкому правительству. В первых же пунктах содержался призыв занять чехословацкими войсками районы, оккупированные румынами, и протест против присоединения восточной части области Мараморш к Румынии и западной части, включая Земплинский район, к Словакии.

Собравшиеся просили правительство помочь в борьбе с дикими животными, освободить от излишних реквизиций жителей горных районов, в которых наводнение уничтожило урожай, немедленно

и справедливо разделить пустующие земли между безземельными и малоземельными хозяевами, ликвидировать средневековые поборы и повинности в пользу греко-католической церкви, прислать русских учителей для обучения литературному русскому языку и устранить венгерских и провенгерских чиновников, не владеющих местным («русским» как они писали) языком, а также поставить во главе «русской» (т.е. униатской. — *Е.С.*) церкви «русского» епископа.

В резолюции также звучали требования реорганизации Центрального Карпаторусского совета на основе широких демократических основ, суда над добровольными пособниками немцев и венгров в годы Первой мировой войны, протест против украинского либо русинского сепаратизма. Участники собрания торжественно обещали жить в границах Чехословацкой республики, если правительство гарантирует им права, признанные в Париже, и приветствовали «президента-освободителя» Т.Г. Масарика, а также первого администратора автономной Подкарпатской Руси д-ра Я. Брейху. Не обошлось на собрании и без провокаций. Несколько присутствовавших лиц попытались исполнить венгерский гимн, но были с позором изгнаны.

В газете «*Reforma*» в октябре 1919 г. также обращалось внимание на беспокойную обстановку в Подкарпатской Руси и попытки французского генерала Эннока (*Hennoque*) ввести военную диктатуру²⁸. Автор статьи, подписавшийся инициалом М., указывал на развернувшуюся великорусскую и украинскую пропаганду в этой области, полагая, что она имеет целью оторвать эту область от Чехословакии. Сам же он считал необходимым сохранить Подкарпатскую Русь в составе ЧСР.

Обсуждался и вопрос о границах Подкарпатской Руси. 6 октября 1919 г. в газете «*Večerní České slovo*» Ф. Заплетал отвечал на исторические, религиозные, языковые и этнографические доводы председателя Карпаторусского национального совета А. Волошина в отношении границ²⁹. Заплетал считал доводы Волошина достаточно уязвимыми и предлагал учитывать также экономические и природные (географические) параметры, когда речь идет о претензиях на отдельные районы. Он был уверен в необоснованности притязаний Волошина на любовнянский округ Спиша и Шариш вплоть до реки Ториса, а также на весь Земплинский и Ужгородский районы. При этом он ссылаясь на монографии известных ученых Петрова и Томашивского, которые пришли к выводу, что, несмотря на проводившуюся мадьяризаторскую политику, с конца XVIII в. границы

расселения русинского населения Подкарпатья не подверглись значительным изменениям. В конце статьи Заплетал предлагал оставить проведенные административные границы с включением Шариша, Спиша и Земплина в состав Словакии, аргументируя это и тем, что в самом Ужгороде словаки составляют 45 %, что вовсе не означает, что этот город надо исключить из пределов Подкарпатской Руси.

19 октября газета «*České slovo*» перепечатала небольшую заметку из газеты «*Lidové Noviny*» по вопросу статистики³⁰. Перепись населения зафиксировала в Ужгородской жупе 63.640 русинов, 47.591 чехословаков³¹, 39.535 венгров и 7.651 представителей других национальностей, а всего 158.417 жителей. В религиозном отношении 85.897 из них были греко-католиками (униатами), 35.108 принадлежали к римско-католической церкви, 18.528 являлись кальвинистами, 18.104 — иудеями, 597 — лютеранами и 123 — представителями других конфессий либо атеистами. В самом Ужгороде проживало 16.872 человека, из них 9.335 венгров, 5.910 чехословаков (тем самым, если верить этим данным, чехи и словаки в Ужгороде действительно составляли более 35 % населения), 1.076 русинов и 551 человек других национальностей. Соответственно в пригородах Ужгорода, не включая городских жителей, перепись представляла следующую картину: 10.547 чехословаков, 7.796 русинов и 7.024 венгра. В заметке сообщалось, что русины уверяют, будто бы в отношении них при переписи допускались грубые ошибки.

В ноябре 1919 г. пресса сообщала о продолжавшейся внутренней борьбе в Подкарпатской Руси между двумя политическими центрами — Центральной русской национальной радой А. Волошина и другим органом с аналогичным названием во главе с А. Бескидом и А. Гагатко³², который якобы поддерживал администратор области Я. Брейха. Представители противоположных сторон обвиняли друг друга в ирредентизме.

Газеты писали о бедности края и его сельских жителей, о том, что часто урожаям наносят урон полевые мыши и дикие кабаны. Система хозяйствования примитивная — двуполье: одно поле засеивается, другое остается под паром. Сельскохозяйственная техника почти не используется. Местные крестьяне никогда не интересовались политикой и государственной жизнью, а интеллигенция весьма немногочисленна. Национальное самосознание не развито. На вопрос: «Какой Вы национальности?» местный крестьянин обычно отвечает: «При венграх был венгром, а теперь... не знаю, как и сказать». Эту

ситуацию используют политические деятели различных направлений. Противостояние идет по линии: прорусской ориентации и русинско-украинской, а также прочехословацкой и провенгерской³³.

В конце ноября 1919 г. вопрос присоединения области к ЧСР не переставал интересовать прессу. Газета «*Lidové Noviny*» подчеркивала роль американских «карпаторусов» и Т. Г. Масарика в решении этого вопроса и подробно излагала события, связанные с проведением плебисцита³⁴. В США выходцы из Подкарпатья стали приезжать с конца XIX в., и к началу мировой войны их уже насчитывалось там около полумиллиона. В основном они осели в Пенсильвании, Огайо, Нью-Йорке, Индиане и Нью-Джерси. Американские русины были неплохо организованы, прежде всего, имели собственные греко-католические общины. После известного заявления В. Вильсона о праве наций на самоопределение возник Американский национальный угро-русинский совет во главе с комитетом из 23 членов, председателем которого являлся Г. Жаткович. 21 октября 1918 г. он передал американскому президенту меморандум, в котором излагалась история русинского народа и содержалось требование освобождения от венгерского гнета. Вскоре русины наряду с представителями других европейских народов вошли в так называемую Центральноевропейскую унию, председателем которой избрали Т. Г. Масарика. 12 ноября 1918 г. Американский национальный совет во главе с Жатковичем провел собрание, на котором приняли решение присоединиться к Чехословакии на правах автономии. Имея ввиду исключительную важность и судьбоносный характер этого вопроса, предполагалось провести плебисцит между американскими русинами, о чем сообщили американскому президенту, одоббившему подобные действия. Согласно принципам организации плебисцита, каждые 50 членов политических организаций имели 1 голос и каждые 50 семей либо приходов греко-католической церкви — также один голос. 20 декабря 1918 г. плебисцит завершился. За присоединение к ЧСР отдали 732 голоса, к Украинской республике — 310 голосов, за объединение с карпатскими русинами (старорусинами) из Галиции — 13 голосов и 27 голосов поддержали полную независимость. Объединение с Россией получило 10, с Венгрией 9, а с Галицией 1 голос. Таким образом, большинство высказалось за решение Американского национального совета Жатковича о присоединении к Чехословацкой республике³⁵.

В декабре 1919 г. Ф. Заплетал опубликовал в газетах ряд материалов о Подкарпатской Руси. В них речь шла о так называемом Генеральном статуте, объявленном в Ужгороде 18 ноября 1919 г. Документ предполагал возможным два названия этой территории «Карпатская Русь» или кратко «Руссиния» (Rusinsko). Заплетал считал, что второе название короче и лучше отражает суть, так как название «Карпатская Русь» употребляют фанатичные политики, которые хотели бы видеть объединенную территорию, на которой не только проживают русины ЧСР, но и Лемковщину, восточную Галицию и Холмщину. Вся эта территория, состоявшая из 4-х частей должна была бы, по их мнению, рано или поздно войти в состав великой единой и неделимой России. Заплетал упомянул и о словах секретаря международного и финансового комитетов Национального собрания Гнидека, произнесенных им при ратификации в чехословацком парламенте международных договоров. Последний отметил стратегическую выгоду от присоединения карпатской области к ЧСР, но отсутствие какой-либо выгоды в экономическом и культурном плане, так как бедность и неразвитость этой территории требовала больших экономических вливаний из государственного бюджета. Далее Заплетал подтверждал эту мысль цифрами: 4 декабря 1919 г. был принят дополнительный бюджет по этой области на 1920 г. Согласно приведенным данным, предполагаемые расходы различных министерств составляли 58.685.865 крон, а доходы — лишь 21.529.000 крон. Таким образом, требовались значительные инвестиции на развитие этой области, поэтому, делал вывод автор, чехословацкое правительство имеет полное право контролировать ситуацию в Подкарпатье, а также деятельность политических направлений, особенно провенгерской и великорусской ориентации³⁶.

В другой статье 14 декабря 1919 г. Заплетал сетовал на то, что чешская общественность имеет слабое представление о том, что творится на востоке страны, в Словакии и Подкарпатской Руси, так как журналисты не доносят нужную информацию из-за того, что чешские газеты, как правило, не имеют собственных корреспондентов на местах. В этом смысле, по его мнению, моравские газеты (брненские «Lidové Noviny» и «Den», оломоуцкий «Naše nec») выглядели лучше. Далее он подробно излагал основные положения так называемого Генерального статута для организации и управления Подкарпатской Русью, принятого 18 ноября 1919 г., в котором определялось не только официальное название области, но и ее границы, говорилось о языке

обучения и административном, а также о законодательстве и местном административном управлении³⁷. Основные положения Генерального статута излагались и в газете «Slovenský denník»³⁸.

Согласно статуту, область должна была иметь собственный законодательный сейм, а губернатор области, назначаемый президентом Т. Г. Масариком, нести ответственность перед сеймом. Так как значительное количество русин проживало на словацкой территории, чехословацкое правительство считало необходимым, чтобы представители обоих народов договорились о внутренней границе между Словакией и Подкарпатской Русью (либо, как еще предлагалось называть эту область, Русинией — Rusinsko). Языком обучения в школах и вообще официальным языком должен был стать так называемый народный или русинский язык (т.е. местный язык, на котором говорили. — *Е.С.*). Временно (на переходный период) в старших классах школы предполагалось сохранить и венгерский язык. Сохранялись также венгерские школы для венгерского национального меньшинства. Для управления областью правительство должно было назначать автономную директорию, призванную решать все вопросы местного законодательства, управления, определять языковую, школьную и церковную политику в области. В ее компетенцию входило бы также назначение и отзыв всех чиновников местного управления. Во главе директории предполагалось поставить администратора³⁹. И администратор, и директория являлись бы временными образованиями до вступления в силу собственной конституции области. В Генеральном статуте также указывалось, что область должна обладать собственными финансовыми средствами. 14 декабря 1919 г. статут был обнародован на чешском, малорусском и венгерском языках. Объявлялся также состав директории: президент Григорий (в газете ошибочно Юрий. — *Е.С.*) Жаткович, Августин Волошин, Юлий Брацайко, Эмил Тороньский, Юлий Гаджега и Евгений Пуза⁴⁰.

Ф. Заплетал продолжил серию статей о русинах, и 21 декабря 1919 г. в газете «Тribuna» появилась очередная публикация, в которой автор отстаивал собственную точку зрения, что русины (или русняки, их самоназвание) являются частью украинского народа. При этом он ссылаясь на авторитет чешских славистов XIX столетия, в частности на Добровского, который, описывая русняков, называл их народом, близким к русским, но не тождественным им ни по языку, ни по религии, ни по обычаям и традициям (песням, танцам). Религия греко-католическая

(униатская), богослужение на старославянском языке. Ближе всего, по мнению чешского слависта, им были русняки Галиции. Приводимая Заплеталом характеристика русняков Добровским была весьма негативна, можно сказать, даже оскорбительна для русинов⁴¹. А в конце статьи автор предполагал, что чехословацкие власти будут ориентироваться на «научную» точку зрения известных чешских славистов.

Следующая статья Заплетала посвящалась природным богатствам Подкарпатской Руси, к которым относилось обилие лесных массивов и запасы каменной соли⁴². Автор обращал внимание на необходимость разработки залежей каменной соли.

Кроме газетных публикаций в 1919 г. выходили и отдельные брошюры, посвященные Подкарпатыю в годы войны и сразу после нее. Автором одной из таких брошюр являлся инженер Алоис Хора. Называлась она «Угорская Русь во время войны и в мирный период». В брошюре утверждалось, что наиболее сильный гнет угрорусы терпели от венгерских угнетателей. Жили они бедно, из-за недостатка плодородных земель, занимались в основном лесным хозяйством. Жилище представляло собой грубо срубленную деревянную избу, крытую тонкими досками, без печи. Перед избой находились поле и луг, траву с которых заготавливали на зиму, как сено для овец и коровы. Но нередко луга и поля местных жителей использовала венгерская государственная лесная служба для своего скота. Жаловаться жители не могли, так как почти 98 % из них не умели писать и читать. Очень часто местное население попадало в долги к еврейским ростовщикам и посредникам. Официальные венгерские органы при возникших спорах отдавали предпочтение еврейской стороне, так как угрорусы были неимущими. Священники, призванные защищать свою паству, в большинстве своем поддерживали венгров. Но, несмотря на все тяжести жизни, угрорусы сохранили свой язык, обычаи и традиции, а главное — сознание принадлежности к великому русскому народу. И даже активная агитация, проводившаяся Украинской лигой в основном среди русинов Галиции, не могла преодолеть этого сознания единства с русскими. Украинская лига ставила задачу объединения Украины, Галиции и Угорской Руси, и австро-венгерское правительство в годы войны решило поддержать эти стремления, противопоставить эту идею единству России в целях ослабления последней. Украинское движение, по мнению автора брошюры, затронуло в основном интеллигенцию, простой народ в нем не участвовал,

а так как в Угорской Руси интеллигенция была настроена провенгерски, то это движение не имело поддержки. Там, наоборот, пользовалась успехом тайная агитация России: еще перед войной в эту область приезжали русские инженеры с английскими фирмами в поисках газа, нефти, угля. Они чертили карты Карпат, встречались с местными жителями, ободряли их, обещали им поддержку, стремясь завоевать на свою сторону в предстоящей войне. С началом войны надежды на освобождение Русской армией от венгерского насилия усилились. Нередки были случаи, когда местное население помогало в продвижении русских войск. Успешное наступление русских в 1914 г. привело к освобождению восточной части Угорской Руси, однако вскоре ситуация изменилась. Уже в начале 1915 г. русские были вытеснены из Венгрии в Галицию, Угорская Русь была занята венгерскими частями, последовали репрессии в отношении местного населения. Жестокие преследования прорусски настроенных жителей последовали позже и в Галиции. С приходом в Угорскую Русь чешских офицеров несколько улучшилось положение рабочих, мобилизованных в трудовые отряды. Чехи помогали местным жителям уклоняться от реквизиций, сквозь пальцы смотрели на беженцев с фронта, скрывавшихся в трудовых отрядах. Заключив Брест-Литовский мир, украинская интеллигенция «замиралась» с Австро-Венгрией и Германией, ожидая от них свободы. Слово «украинец» было провозглашено официальным названием для всех малорусов, русинов либо угрорусов. Галицкое население, борясь с поляками, приветствовало такое единение, но жители Угорской Руси понимали, что свободу им не могут дать ни Австрия, ни Германия. После окончания войны и революции в Венгрии провенгерски настроенные силы создали собрание и от лица русского народа заявили о лояльности Венгрии. Была объявлена автономия и создано правительство из прежних мадяронов. Активность в деле освобождения края проявили американские угрорусы. Словакию оккупировали чехи, под управлением которых оказалась и западная часть Угорской Руси. Таким образом, произошел раскол области: Ужгород и Мукачево стали центрами западной части, а Мараморощский Сигот (Сигет) — восточной. Восточная часть с плодородными долинами рек являлась весьма важной с точки зрения экономического обеспечения края. Экономико-стратегическое значение имела и железнодорожная ветка, проходившая по восточной части области. В окрестностях Сигета расположены

и богатые месторождения каменной соли, поэтому, делал вывод автор брошюры, присоединение восточной части является «насушной задачей нашей (Чехословацкой. — Е. С.) республики»⁴³.

Нередко в литературе можно встретить тезис о том, что чехословацкие лидеры не очень-то хотели включать Закарпатье в состав Чехословакии, но вынуждены были пойти на это из-за решений, принятых союзниками на Парижской мирной конференции. Однако это не совсем так. О заинтересованности во вхождении в состав ЧСР свидетельствуют как идеи Т. Г. Масарика, высказанные им в годы войны и непосредственно перед ее окончанием, так и серьезная подготовка к Парижской мирной конференции. Косвенным свидетельством этого явился также живой интерес к Подкарпатской Руси, проявленный с самого начала чехословацкой публицистикой и периодикой самых различных политических направлений.

Примечания

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 135. Оп. 474. Д. 209. Л. 22.

² Korespondence T. G. Masaryk — Edvard Beneš. 1914 — 1918. Praha, 2004. S. 292.

³ Pop I. Malé dejiny Rusínov. Bratislava, 2012. S. 66.

⁴ Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky. Praha, 2001. Sv. 1. S. 67–68.

⁵ Кржепинский И. Конституция Подкарпатской Руси // Восемь лекций о Подкарпатской Руси. Прага, 1925. С. 14.

⁶ Там же.

⁷ Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. Dokumenty československé zahraniční politiky. Sv. 1. S. 208.

⁸ Кржепинский И. Указ. соч. С. 13.

⁹ Дворский В. Подкарпатская Русь как область // Там же. С. 8.

¹⁰ Там же. С. 10.

¹¹ Подробнее см.: Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство. Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 29–37.

¹² Мировые войны XX века Кн. 2 Первая мировая война. Документы и материалы. М., 2002. С. 490.

¹³ Там же. Кн. 2. С. 496.

¹⁴ Národní archiv.(NA). F. Prezidium Ministerské Rady (PMR). Kart. 743/29-e/549. Č.j. 3824/21.

¹⁵ NA. F. PMR. Kart. 569. Č.j. 15.332.

¹⁶ Ibid. Č.j. 5094/23–1253.

¹⁷ Ústava Republiky Československé. Praha, 1932. S. 7.

¹⁸ Tribuna. 1919. 1.04.

¹⁹ В 1919–1920 гг. на антивенгерской основе формируется военно-политический и экономический союз Чехословакии с Королевством сербов, хорватов и словенцев (Королевством СХС) и Румынией, так называемая Малая Антанта.

²⁰ Фактически на территории Подкарпатской Руси проживали 585.500, из них русинов 372.500, 103.000 венгров, 80.000 евреев, 14.000 румын, 12.000 немцев, 2.500 словаков и около 1.500 представителей других национальностей. См.: Pop I. Podkarpatská Rus. Praha, 2005. S. 112.

²¹ Ежевечерняя газета Национально-демократической партии, выходила с 1910 г.

²² Národ. 1919. 19.04.

²³ Venkov. 1919. 11. 06.

²⁴ NA. F. 626 Ministerstvo zahraničních věcí. Výstřižkovy archiv 1916–1944 (MZV-VA). Kart. 1759. Sign. 902. Sl. 1919.

²⁵ Venkov. 1919. 3.07.

²⁶ Venkov. 1919. 10.07.

²⁷ České slovo. 1919. 30.09.

²⁸ Reforma. 1919. 5.10.

²⁹ Večerní České slovo. 1919. 6.10.

³⁰ České slovo. 1919. 19.10.

³¹ Согласно официальной доктрине «чехословакизма», словаки составляли ветвь единого чехословацкого народа и при переписях учитывались вместе с чехами.

³² NA. F. 626. MZV–VA. Kart. 1759. Sign. 902. Sl. 1919.

³³ Ibid.

³⁴ Lidové Noviny. 1919. 24.11.

³⁵ О полемике относительно плебисцита см. подробнее: Пушкаш А. И. Цивилизация или варварство: Закарпатье 1918–1945. М., 2006. С. 48–50.

³⁶ Tribuna. 1919. 6.12.

³⁷ NA. F. 626. Ministerstvo zahraničních věcí (MZV). Výstřižkovy archiv 1916–1944. Kart. 1759. Sl. 1919/ Sl. 1920.

³⁸ Slovenský denník. 1919. 17. 12.

³⁹ Им и стал вышеупомянутый Я. Брейха, см. о нем: Поп И. Энциклопедия Подкарпатской Руси. Ужгород, 2006. С. 125.

⁴⁰ Slovenský denník. 1919. 17. 12.

⁴¹ Tribuna. 1919. 21.12. Суть этой нелицеприятной характеристики сводилась к тому, что они находились на очень низком уровне цивилизации.

⁴² Ibid. 1919. 28. 12.

⁴³ NA. F. MZV–VA. Kart. 1759. Podkarparská Rus, Zakarpatská Ukrajina. Sign. 902.Sl. 1919.

В. Пречан (Чехия)

Словацкое национальное восстание — наиболее драматичный эпизод словацкой истории

С момента провозглашения государственной самостоятельности Словакии прошло около пяти с половиной лет; на ее территорию еще не вступили союзнические войска, а она уже превратилась в арену вооруженного восстания против нацистской Германии и связанного с ним внутреннего режима. Сигнал к началу вооруженной борьбы был дан 29 августа 1944 г., в момент, когда в окрестности Жилины вошли немецкие воинские части для восстановления нарушенного партизанскими акциями порядка. Восстание положило начало военной обороне сопредельной территории, проводившейся частями регулярной словацкой армии, которая объявила себя составной частью чехословацких вооруженных сил и перешла в подчинение главного командования военных органов чехословацкого эмигрантского правительства и руководства партизанских отрядов.

В первые дни повстанческая территория охватывала немногим более половины территории Словацкой республики (20 тыс. кв. км) с населением в 1,7 млн. чел. (64% общей их численности). Оборона в пределах постепенно уменьшавшихся свободных областей (в начале октября она составляла 6800 кв. км с 340 тыс. жителей) продолжалась 60 дней¹. Поначалу численность воевавшего контингента составляла 18 тыс. солдат и несколько тысяч партизан, позднее — около 60 тыс. солдат и 12 тыс. партизан. Они вели «малую войну» на фоне войны большой вплоть до того момента, когда под натиском превосходивших сил противника и исчерпавшихся резервов оборона сопредельной свободной зоны рухнула, а вся словацкая территория, за исключением лесных горных областей средней Словакии, оказалась под пятой братиславского режима и Германии.

Вместе с тем восстание, явившееся еще и демократическим политическим переворотом, фактически и юридически ликвидировало

режим Словацкой республики. Итог переворота — рождение новой революционной словацкой государственности как составной части суверенного чехословацкого государства; она создавалась на базе антифашистской коалиции и олицетворялась Словацким национальным советом. Нелегальный СНС как единственный представитель словацкого народа с исключительным правом законодательной и исполнительной власти в Словакии заявил о себе публично 1 сентября 1944 г. Он выступил с призывом вести борьбу против Германии и «людовского режима» на стороне союзников, удерживать оборону Словакии и со всей ответственностью поддержал идею сосуществования с чешским народом в едином государстве — Чехословацкой республике, признав президента и правительство в Лондоне ее представителем за рубежом.

В целом можно сказать, что летом и осенью 1944 г. в ряду первоочередных предстояло решить проблему статуса словацкого общества в послевоенной Европе. Не менее важными считались и следующие вопросы: кто будет выступать от имени Словакии и словаков; в соответствии с какими принципами будет формироваться ее политическая и общественная система непосредственно после войны; на каких основаниях следует выстраивать чешско-словацкие отношения в возрожденной Чехословацкой республике. Словацкое национальное восстание 1944 года по праву считается «крупнейшим и уникальным подъемом словацкого общества в современной истории» (Любомир Липтак). Несомненно, оно явилось и самым драматичным эпизодом словацкой истории двадцатого столетия, поскольку происходило на фоне мировой войны в качестве ее составной части — «малой словацкой войны», в которой, тем не менее, как и в «войне большой», ставка, в первую очередь, делалась на жизни, а более точно — на многие жизни.

События позднего жаркого лета в Словакии явились точкой пересечения действий целого ряда участников, стремившихся оказывать на них свое влияние и диктовать свою волю. Ведущая тотальную войну немецкая военная, дипломатическая и полицейская машина пыталась как можно скорее умиротворить Словакию, которая, по ее расчетам, должна была и в дальнейшем оставаться надежным тылом немецких армий, теснившихся Советами с юга, востока и севера. Политические круги словацкого государства в своем большинстве были преисполнены решимости оставаться с нацистской Германией до конца. Летом 1944 г. западные союзники, британцы и американцы, могли начать борьбу за словацкое пространство с авиабазы

в Италии. Однако они опасались, что поддержка восстания может привести к потере к нему интереса со стороны Москвы и повторению варшавской трагедии, Поэтому они отдали инициативу Советам, хотя сообщение о восстании воспринималось в британском Форин Оффис как самое обнадеживающее известие из Чехословакии после Мюнхена 1938 г., а американское правительство уже 7 сентября 1944 г. выступило с заявлением, в котором восставшей Словакии придавался международный статус воюющей стороны.

В своих стратегических планах, а также военных и политических приоритетах Советский Союз учитывал следующие моменты: когда и на каком участке германско-советский фронт непосредственно подойдет к Словакии и в какой мере на ход событий смогут оказать влияние — прямо или косвенно — как военные, так и дипломатические шаги. Зарубежное руководство КПЧ в Москве полностью подчинилось советской политике; фактически же им руководил аппарат, возглавляемый и после роспуска Коминтерна Георгием Димитровым. Оно клеймило союзников по антифашистской борьбе, используя при этом классово-политические шаблоны с целью добиться максимального преимущества для коммунистической партии в борьбе за власть в послевоенной Чехословакии. Президент Бенеш и чехословацкое правительство в Лондоне прилагали все усилия, добываясь от союзников согласия на оказание помощи восстанию. Одновременно они пытались упрочить свой авторитет сначала во внутреннем Сопrotивлении, а затем и в повстанческих органах власти.

Главным в идее восстания и решающим фактором в ее реализации являлось антифашистское Сопrotивление внутри страны, установка на плюрализм сил, включая группы и отдельные лица — как влиятельные, так и неизвестные, как гражданские, так и военные. Они установили личные контакты с различными слоями населения; некоторые из них имели статус, позволявший им использовать в интересах Сопrotивления финансовые и экономические центры, правительственные учреждения и военное командование, а также полицейские органы Словацкой республики.

Сложилась весьма широкая шкала политических ориентаций и целей данных составных частей Сопrotивления, большую роль здесь играли и их связи с зарубежными партнерами. Наконец, их всех, пусть даже всего лишь на краткий исторический отрезок времени, объединяла актуальнейшая и на тот момент общая цель: внесение весомого вклада

в разгром Германии, свержение существовавшего режима и введение демократического строя, а также легитимизация в Чехословацкой республике нового государственно-правового статуса Словакии, которая позиционировала себя новым политическим представителем народа. С этой целью они стремились максимально использовать все сложившиеся в Словакии благоприятные факторы: отсутствие здесь крупных германских частей; нараставший морально-политический кризис государственного аппарата и органов власти в целом; настроения большей части населения, все более благосклонно относившегося к движению Сопrotивления. Спонтанные акции и решимость не ждать, пока судьбу страны будут решать другие, взять ее в собственные руки вели в центре драмы великой войны к историческому действию, получившему наименование «Словацкое национальное восстание».

Восстание и военно-политическая стратегия союзников

Все крупные восстания в годы Второй мировой войны отличались «спонтанным» характером в том смысле, что вопрос о сроках их начала решался отечественными составными частями Сопrotивления. Их участники реагировали на определенные шаги противника (нацистов) или строили свои расчеты на предполагаемом ходе военных операций, которые велись в непосредственной близости от данной местности, в соответствии с представлениями ведущих представителей Сопrotивления; при этом не было никакой возможности проверить истинность той или иной стратегии. В решении вопросов подобного рода важную роль играли также настроения в стране, на которые влияло приближение фронта. Но, как оказывалось, любое восстание против более сильного в военном отношении противника нуждалось в незамедлительной поддержке извне. От нее не в последнюю очередь зависела его судьба. Все это представляло для союзнических штабов и всей военной машины достаточно сложную в техническом отношении задачу, решавшуюся с трудом хотя бы потому, что эффективная поддержка «незапланированного» восстания могла потребовать проведения со дня на день мер стратегического характера (корректировка или изменение собственных планов проведения операций). Не менее важными считались также мероприятия тактического характера, в том числе такие «мелочи» как, например, смена приоритетов при распределении ограниченных мощностей бомбардировочной авиации, транспортной авиации и др.

Начиная с 1941 г., военные стратеги и военное командование придавали все меньшее значение тому стратегическому вкладу, который в победу союзников могло внести европейское сопротивление². Это, в первую очередь, объясняется тем, что планирование и руководство крупными военными операциями в ходе войны, включая прогнозирование сроков проведения крупных операций или, скажем, вопросы конспирации (насколько тщательно следовало держать эти сроки в тайне) усложнялись. Именно поэтому командные штабы союзников более всего были заинтересованы в таких акциях Сопротивления в плане поддержки той или иной военной операции, решения о сроках и масштабах которых предварительно принимались и заранее просчитывались. Допускались лишь отдельные исключения, имевшие стратегическое военное, политическое или географическое значение (типичным примером подобного рода исключительной ситуации являлась Югославия). В целом же приветствовались и поддерживались, в первую очередь, такие акции Сопротивления, которые в ходе боевых действий подрывали экономическую и военную мощь противника в тылу и которые не нуждались в масштабных военных поставках со стороны.

Конечно, внутреннее Сопротивление — феномен комплексный; собственно, его цель нельзя назвать исключительно военной, векторы же разных сил Сопротивления в значительной степени выходили за рамки планов военных стратегов. Непосредственная его цель — внесение максимального вклада в разгром Германии. Вместе с тем движение Сопротивления в той или иной стране и в различной степени помогало решать политические и психологические проблемы, касавшиеся будущего того или иного народа в послевоенный период; здесь сталкивались интересы общественных слоев, политических группировок и партий. На заключительном этапе войны в планы восстания входили и такие цели, как взятие политической власти в стране теми или иными группами сопротивления, а также целый комплекс связанных с этим вопросов.

В военно-политической стратегии Запада Чехословакия не занимала особого места. В меморандуме британского министра иностранных дел от 9 августа 1944 г., представленном кабинету, британские интересы в отношении Чехословакии излагались следующим образом: 1. Британии совершенно не нужно брать на себя обязательства в отношении Чехословакии, аналогичные содержащимся

в чехословацко-советском договоре (декабрь, 1943 г.). 2. Чехословакия должна оставаться независимой и сильной, защищенной советской военной помощью от повторения немецкой агрессии. 3. Чехословакии следует обновиться в политическом, социальном и экономическом отношениях; она, скорее всего, останется мелкобуржуазным государством, каким была до войны, фактором стабильности в Центральной Европе. 4. Британия будет поддерживать с такой Чехословакией тесные отношения; благодаря экономическому и культурному обмену она расширит свое влияние в этой стране, а тем самым и в Центральной Европе в целом³. В информации для внутреннего пользования (в служебных записках ведущего сотрудника Форин Оффис, относившихся к маю 1944 г., можно найти следующую формулировку: в британских интересах необходимо поддерживать политику президента Бенеша, ориентированную на сохранение равновесия между Востоком и Западом, направленную на улучшение отношений с Британией, пока, разумеется, это не приведет к появлению нежелательных для британцев обязательств либо же к возможным осложнениям с «русскими»⁴.

В подготовленных специальными штабами министерства иностранных дел США меморандумах можно найти подобного рода формулировки, выражавшие заинтересованность в том, чтобы возрожденная Чехословакия могла вносить свой вклад в обеспечение стабильности и мира в Центральной Европе. Подчеркивалось, что Чехословакия как независимое и суверенное государство должна войти в состав будущих международных организаций, а также встраиваться в систему безопасности в целом. Весной 1944 г. ни британское, ни американское министерства иностранных дел, как и соответствующие командования, совершенно не предполагали, что западные союзнические войска могут войти на территорию Чехословакии. В период подписания советско-чехословацкого договора об управлении освобожденной территорией Чехословакии (8 мая 1944 г.) ни британцы, ни американцы не считали нужным инициировать переговоры с чехословацким правительством о заключении аналогичного договора, в соответствии с которым можно было бы строить отношения между союзническими командованиями и чехословацкими органами, хотя чехословацкая сторона придавала данному вопросу большое значение. Они с пониманием отнеслись к тому, что СССР и чехословацкое правительство пошли на этот шаг, поскольку им следовало

учитывать как географические факторы, так и исключение возможности появления американских и британских частей на чехословацкой территории: «в данный момент» не следовало заниматься подобного рода предположениями⁵.

Советская сторона, в отличие от американцев, не проявлявших интереса к Восточной Европе⁶, а также британцев, лишь отчасти заинтересованных в этом регионе, придавала Чехословакии чрезвычайно важное значение. Из меморандумов советского министерства иностранных дел (для внутреннего пользования) следует, что подписанный в декабре 1943 г. договор с Чехословакией должен был сыграть позитивную роль в объединении славянских народов вокруг Советского Союза, продемонстрировать дружеское отношение СССР к малым народам, а также преимущества, которые он мог дать в послевоенный период. Советы стремились окончательно похоронить идею чехословацко-польской конфедерации, пресечь повторное создание какого-либо *санитарного кордона* на своих западных границах и, идя навстречу чехословацкой стороне, добиться изоляции польского эмигрантского правительства в Лондоне.

Самой же Словакии в стратегии союзников какое-либо специфическое место не отводилось. Считалось само собой разумеющимся, что она останется составной частью союзнического государства — будущей возрожденной Чехословакии. Ее государственно-правовое устройство, возможная децентрализация управления (об этом говорится, в частности, в некоторых американских меморандумах для служебного пользования) трактовались как внутренние чехословацкие дела.

Поэтому все переговоры о возможной военной помощи союзников и какой-либо вооруженной акции на словацкой территории находились в компетенции инстанций, подчинявшихся чехословацкому министерству обороны в Лондоне. Вплоть до поздней осени 1943 г. можно говорить о более-менее «бумажном» планировании с ориентацией на некое абстрактное «к концу войны» восстание, которое британцы и американцы не воспринимали слишком серьезно. Британское подразделение специальных операций (Special Operation Executive) выдвигало в качестве условий поддержки такой акции: точную информацию о группах сопротивления и передачу в обязательном порядке приказа о начале восстания (в случае его поддержки британцами) из Лондона. Советы же, напротив, оказались более сговорчивыми и, скорее всего, уже в конце 1943 г. готовились выполнить все требования

по подготовке возможного восстания на чехословацкой территории, несмотря на то, что требования эти оказались немалыми⁷.

На рубеже февраля-марта 1944 г. в Москве состоялась встреча представителей советских военных органов и сил безопасности с чехословацкими военными руководителями (на второй из них присутствовал и посол Зденек Фирлингер)⁸. Речь шла о возможных формах советской помощи словацкой военной акции в случае, если немцы пойдут на оккупацию Словакии. Чехословацкая сторона располагала информацией из внутренних источников о том, что в этом случае словацкие части смогут оказать сопротивление, начав сплошную оборону Словакии. С учетом этого она передала советской стороне требования об оказании поддержки. Помимо прочего, речь шла о высадке 2-й чехословацкой парашютно-десантной бригады, сформированной в Советском Союзе, причем данный план, по возможности, следовало реализовать еще до начала военных операций, а также о десанте в Словакию двух советских стрелковых дивизий.

В перерыве между переговорами комиссар государственной безопасности Жуков по поручению Вячеслава Молотова встретился с первым заместителем начальника советского генерального штаба генералом Антоновым для обсуждения данной информации и изложенных требований. Антонов, переговоры и предложения которого докладывались лично Сталину, считал целесообразным рассматривать словацкую операцию всего лишь как возможность для формирования на территории Словакии наступательного плацдарма с целью ведения активных партизанских действий, сдерживавших определенное количество немецких сил. Он обещал высадку двух десантных бригад (чехословацкой и советской), а также передачу пятидесяти тысяч обещанных ранее комплектов стрелкового оружия. Однако при этом он высказал мнение, что чехословацкой стороне нужно посоветовать отказаться от идеи стабильной обороны всей территории Словакии против Германии на начальной стадии операции. Антонов порекомендовал также использовать две словацкие бригады, о которых шла речь, в качестве основы развертывания партизанского движения с мобилизацией и вооружением местного населения. Одновременно он предупредил, что реализация даже столь ограниченной по масштабам операции, учитывая необходимость ее обеспечения определенным количеством транспортных самолетов, является

чрезвычайно сложной задачей и может привести к крупным человеческим потерям и материальным затратам.

На заключительном этапе переговоров советские представители, действительно, приложили все усилия, чтобы убедить своих партнеров в том, что ни в коем случае нельзя придавать особое значение обороне силами крупных формирований регулярной армии и что необходимо развернуть партизанское движение. В рапорте Сталину говорилось, что «чехи» с этим согласились и предложили план, согласно которому в течение двух — трех недель планировалось десантировать в Словакию пять групп с целью создания там базы для приземления десанта и налаживания связи. После этого, в конце апреля, предстояло осуществить высадку следующих 20 групп с аналогичными задачами. Затем следовало приступить к сбрасыванию с самолетов стрелкового оружия, а примерно к маю высадить в Словакии 2-ю чехословацкую парашютно-десантную бригаду в качестве ядра для формирования партизанских отрядов из местного населения⁹.

Как известно, и этот план, который по сравнению с первоначальными чехословацкими требованиями выглядел гораздо скромнее, удалось реализовать лишь частично и в значительно более поздние сроки. Тем самым в марте 1944 г. в планах советских военных операций Словакии по-прежнему отводилась роль пространства для ведения партизанских действий. С учетом этой концепции составлялись приказы, отдававшиеся Украинскому штабу партизанского движения, а также велась работа аппарата Димитрова и зарубежного руководства КПЧ в Москве в отношении Словакии.

Разработка внутренней повстанческой концепции

Планы оптимального использования того обстоятельства, что территория Словакии не была оккупирована немцами и поэтому здесь возникли условия для акций Сопrotивления, разрабатывались в руководящих органах Сопrotивления в Словакии в течение достаточно длительного времени. Для подготовки восстания, а также для обеспечения его военного и политического успеха наиболее весомыми являлись два обстоятельства. Первое — формирование активной группы высших офицеров вокруг подполковника Яна Голиана, начальника штаба командования войск в Банской Быстрице, не участвовавших в боевых действиях; эти люди с чехословацким

менталитетом установили контакты с военными органами эмигрантского правительства в Лондоне. Второй важнейший фактор — создание нелегального Словацкого национального совета. Разумеется, в этот «объединенный политический центр», как его анонимно представили президенту Бенешу, вошли далеко не все течения Сопротивления. Как известно из литературы, в него не включались те его группы, которые отстаивали унитарный принцип единого чехословацкого народа и для которых единственным авторитетом являлись президент Бенеш и чехословацкое правительство в Лондоне. Фактически нелегальный СНС представлял платформу, на которой объединились лидеры коммунистического подполья и часть социал-демократов, с одной стороны, а также группа деятелей бывшей аграрной партии — с другой. На Яна Голиана, как главу военного центра Сопротивления, были возложены двойные полномочия: чехословацкого Лондона¹⁰ и нелегального Словацкого национального совета.

План военной повстанческой акции приобрел свой окончательный вид весной 1944 г., после существенной реорганизации словацких вооруженных сил, когда значительно увеличился личный состав дислоцированной в Словакии армии и количество вооружений для нее. Только тогда стало ясно, какие, собственно, армейские части могут поступить в распоряжение для проведения повстанческой акции.

По инициативе министра обороны Фердинанда Чатлоша и с согласия словацкого правительства в апреле-мае 1944 г. были сформированы две новые пехотные дивизии в количестве около 25 тыс. чел. Это были прекрасно вооруженные части с артиллерией и с собственной, хотя и немногочисленной, авиацией (42 самолета). Дивизии, которые получили наименование полевой армии, в отличие от тыловой (военных гарнизонов на территории всей Словакии) армии, дислоцировались в восточной Словакии, а их командование находилось в Прешове. Чатлош преследовал свои личные планы; он стремился, в первую очередь, не допустить на территорию Словакии венгерские части; формирование данного армейского корпуса усиливало аргументы в пользу переброски словацких бригад из Италии и Румынии в Словакию¹¹. Позднее, в секретном меморандуме (конец июля), в котором Советам предлагалось сотрудничество, Чатлош делал ставку именно на эти части, которые могли бы, по его расчетам, помочь советским войскам «легко пройти через Словакию» с севера, чтобы овладеть Венгрией. С этой целью во второй половине августа Чатлош

настаивал на том, чтобы важный северо-восточный участок границы заняли словацкие части¹². Армия Малара, как тогда именовались две восточнословацкие дивизии (по имени командующего генерала Рудольфа Малара), в августе 1944 г. вошла в состав немецкой группы армий Северная Украина, которая вела военные действия к северо-востоку от Словакии. С середины августа восточная Словакия, то есть территория, ограниченная западными границами районов Попрад, Спишска Нова Вес и Гелница, превратилась в зону боевых действий не только армии Малара, как это было ранее, но и в зону боевых операций упоминавшейся немецкой группы армий¹³.

Тем самым полевая армия Малара стала важнейшим военным фактором в планах восстания, разработанных подполковником Голианом (с соратниками) и одобренном в конце июня 1944 г. нелегальным Словацким национальным советом. Этим двум дивизиям отводилась главная роль в планировавшемся антигерманском военном выступлении, которое должно было начаться после достижения договоренностей и в координации с боевой операцией Красной армии.

Это был так называемый большой развернутый вариант восстания, в котором отражены следующие представления его авторов: по приказу советской стороны словацкие дивизии должны начать наступление в германском тылу, что позволило бы Красной армии без труда перейти через Карпатский перевал и «молниеносно» занять всю Словакию с востока до Белых Карпат, а с севера — по линии Ужгород — Кошице — Лученец — Левице — Братислава либо же вплоть до Мишковаца и Дуная¹⁴. На тыловую армию, то есть подразделения в гарнизонах, личный состав которых на тот момент составлял примерно 14 тыс. солдат, возлагалась задача поддержки политического переворота. Перед нею ставилась задача: сосредоточиться в центральной Словакии, а после пополнения в ходе мобилизации соединиться с полевой армией и вместе с Советами очистить Словакию от немцев.

Второй, так называемый оборонительный, вариант повстанческой акции готовился на случай, если по какой-либо причине немцы попытаются оккупировать остававшуюся незанятой ими Словакию еще до военного наступления словацкой армии, действовавшей синхронно с наступавшими советскими войсками. В этом случае было решено предотвратить оккупацию Словакии всеми средствами, находившимися в распоряжении повстанческого центра, а в случае

необходимости — вывести все вооруженные силы в центральную Словакию для ведения там партизанской войны вплоть до прихода Красной армии.

Ян Голиан, который к тому времени уже установил надежную секретную связь с Лондоном, во второй половине июня — начале июля 1944 г. передал эти планы восстания чехословацкому министерству эмигрантского правительства¹⁵. Чехословацкая сторона проинформировала о нем Советы в послании от 10 июля, адресованном советскому военному атташе в Лондоне, а 14 июля — через чехословацкую военную миссию в Москве¹⁶. (Советские военные круги, а также Готвальд и его окружение в Москве не имели прямых контактов со Словакией и зависели от информации, поступавшей из Лондона через Чехословацкую военную миссию и чехословацкого посла в Москве либо через советское посольство чехословацкому правительству в Лондоне. Положение изменилось лишь после начала восстания, в сентябре 1944 г.).

Отношение СССР к плану подпольного центра

Важнейшим в указанном плане военного выступления словацкой армии являлся вопрос о координации действий организаторов восстания с советской стороной. Нелегальный Словацкий национальный совет, который обсуждал этот план в конце июня, принял решение не ограничиваться посредничеством лишь одного Лондона, а войти в прямой контакт с советскими военными органами и направить в Советский Союз делегацию с секретной миссией. Ее вылет был назначен на 9 июля; на Украине делегацию ждал советский военный представитель, однако эта акция не удалась¹⁷. Вскоре после этого советская сторона получила от чехословацких военных кругов в Лондоне и в Москве приводившуюся выше информацию о планах «организации словацких офицеров сопротивления» с требованием «сообщить возможные сроки реализации плана с учетом операции на советско-германском фронте, к которой будет подключена и Словакия». Однако незадолго до этого Гелиодор Пика получил ответ, что советское правительство не имеет возможности определить для словацких дивизий сроки начала военных действий¹⁸.

В связи с этим, видимо, нельзя не обратить внимания на следующий момент: чехословацкий посол в Москве в беседе с представителем

советского министерства иностранных дел выразил сомнение в истинных намерениях словацких офицеров¹⁹. Необходимо отметить, что подобного рода информацию, поступавшую из Словакии, более чем скептически комментировали и представители зарубежного руководства КПЧ в Москве (они получили ее от начальника чехословацкой военной миссии в Москве)²⁰.

Тем не менее в начале августа отправка делегатов словацкого Сопrotивления в Москву все же состоялась. Сначала, 2 августа, это была группа военных, в которой старший лейтенант (надпоручик) Ян Корецки получил официальные полномочия от командующего словацким центром Сопrotивления Голиана; он вез с собой и обширную военную документацию, которую генерал Пика передал 10 августа верховному командованию Красной армии²¹. В самолете, который через два дня приземлился на Украине, в Советский Союз прилетели коммунист Карол Шмидке, член нелегального Словацкого национального совета, отправленный годом ранее московским руководством КПЧ в Словакию, а также подполковник Микулаш Ферьенчик, которого Шмидке, по договоренности с некоммунистическими представителями нелегального Словацкого национального совета, рекомендовал в качестве сопровождающего Голиана²². Оба они уже 6 августа были переправлены самолетом в Москву²³.

10 августа заместитель начальника генерального штаба Красной армии генерал Антонов представил маршалу Сталину обширную информацию о сведениях, полученных генштабом от Шмидке и Ферьенчика, в том числе и перевод так называемого меморандума словацкого министра обороны Чатлоша; идентичность Шмидке установили в аппарате Георгия Димитрова. Информации словацких эмиссаров подтверждали сообщения о планах антигерманского выступления словацкой армии, полученные Советами ранее из других источников. В данном сообщении Шмидке был представлен в качестве представителя военного совета словацкой армии, на которого возлагалась задача установить связь с генеральным штабом Красной армии, предоставлять информацию о положении Словакии; ему предстояло также договориться о координации действий словацкой и Красной армий в предстоящих военных операциях против немцев. Согласно информации Шмидке, словацкое подполье могло предоставить от 100 до 120 тыс. человек, а в ходе операции советских войск в южном направлении обеспечить им свободный проход через Словакию. Шмидке также оптимистично, хотя

и в противоречии с реалиями, сообщал, что Чатлош действует по согласованию с президентом Тисо, который якобы не возражает против концентрации словацких национальных сил против Германии и ищет пути сближения с Советским Союзом. В сообщении говорилось, что Словакия не может принять уполномоченного чехословацкого правительства в Лондоне, как это предусмотрено чехословацко-советским договором об управлении освобожденной Красной армией территорией, поскольку для решения этой задачи, по информации Шмидке, был создан Словацкий национальный совет (в сообщении приводился термин «национальный комитет»)²⁴.

Документальные свидетельства о рассмотрении советским Генеральным штабом или лично Сталиным перспектив координации совместных действий со словацким подпольем и оценок ими планов и предложений эмиссаров из Словакии до настоящего времени отсутствуют. Лишь из появившихся позднее мемуаров высших офицеров советского Генерального штаба периода войны известно, что словацкий военный план считался нереальным²⁵. По словам С. М. Штеменко, в то время заместителя начальника Генерального штаба Красной армии, план «не принимал в расчет возможных контрмер гитлеровцев. А самое-то главное — был составлен так, будто не существовало мощной обороны противника на подступах к Карпатам. Предполагалось, что советские войска используют перевалы, занятые словацкой армией, и сумеют за ночь захватить значительную часть страны. Выводы наивно утверждали: “Существует возможность внезапного проникновения войск Красной армии в Восточную Словакию без малейшего сопротивления и при этом так далеко, насколько это будет возможно в течение одной ночи, прежде чем об этом узнает немецкое и мадьярское командование”. И ничего не говорилось о восстании народа! Документы, доставленные из Словакии, не меняли положения дел. До карпатских перевалов было 50–60 км, и других способов по-настоящему помочь словакам, кроме как разгромить противника, прогнав его прочные оборонительные позиции, пока не имелось. Именно в этом заключалась главная проблема». Штеменко далее писал: «20 августа 1944 г. войска 2-го и 3-го украинских фронтов начали сокрушительный разгром противника под Яссами и Кишиневом. Достигнутые успехи давали надежду обойти оборону врага в Карпатах по румынской территории. Мы надеялись в последующем поставить под удар тыл противника в Карпатах и либо уничтожить, либо вынудить его

к отходу. В связи с этим по распоряжению Верховного главнокомандующего от 26 августа войска 4-го украинского фронта перешли к обороне»²⁶. Иными словами, после успешного наступления в Румынии Советы рассчитывали на продвижение с юга через Венгрию и прекратили подготовку к возможному наступлению на Карпаты с севера.

Однако советская сторона оставила без ответа словацкие предложения, более того, она хранила молчание по всем пунктам, включая даже пребывание в Москве Шмидке и Ферьенчика. Не был получен ответ и на неоднократные запросы начальника чехословацкой военной миссии, получившего из Лондона информацию о том, что они вылетели из Словакии. Сразу же после вылета Шмидке Лондон был проинформирован о том, что тот везет с собой меморандум Чатлоша, поэтому отрицание советской стороной прибытия Москву Шмидке и Ферьенчика породило в чехословацких правительственных кругах панику. Они полагали, что Советы намерены договориться со «словацкими квислинговцами»²⁷, особенно после того, как из чехословацкой военной миссии в Москве поступило сообщение о разговоре его сотрудников с пилотом одного из словацких самолетов и с подполковником Ферьенчиком, которые велись без ведома советской стороны, а также о «меморандуме Чатлоша»²⁸.

Некоторое успокоение наступило после 26 августа, когда Шмидке, после проведенных с советскими кругами согласований, встретился с чехословацким послом Фирлингером, представив ему детальную информацию о нелегальном Словацком национальном совете и о подготовке восстания. Через день, 27 августа, Шмидке выступил на встрече с более широким кругом чехословацких представителей. В ней принял участие, помимо посла и начальника военной миссии, делегат правительства освобожденной территории министр Немец с группой политических советников, а также три члена зарубежного коммунистического руководства во главе с Готвальдом²⁹.

Однако уже за несколько дней до этого Шмидке получил разрешение войти в контакт с Готвальдом и его соратниками, после чего на основе его информации появился документ (предназначавшийся и для Димитрова) «О некоторых задачах национально-освободительного движения в Словакии», датированный 23 августа 1944 г.; он, по сути, признавал политические и военные цели нелегального СНС, а также оба варианта повстанческой акции. В документе говорилось: «Руководящим органом словацкой национально-освободительной

борьбы и единственным законным представителем словацкого народа внутри страны является Словацкий национальный совет, а после освобождения Словакии — Общесловацкий съезд национальных комитетов», а также следующее: в ходе освобождения Словакии «Словацкий национальный совет по согласованию с правительственным делегатом возьмет на себя функции общественного самоуправления на всей территории Словакии». В одобренных в это же время директивах о связи со Словакией говорилось, помимо прочего, о том, что советская радиостанция на словацком языке «За словацкую свободу» станет «ретранслятором» Словацкого национального совета³⁰.

Даже в последние дни августа 1944 г., когда генерал Пика во второй раз проинформировал советские круги об ожидавшейся германской оккупации Словакии и о том, что в этом случае подпольное словацкое военное командование готово предпринять военные действия³¹, никаких мнений, указаний или информации от советской стороны не поступало.

Фатальным же для дальнейшего хода событий явилось то, что Советы по-прежнему последовательно предпринимали меры по разжиганию партизанского движения в Словакии под руководством Главного партизанского штаба в Киеве и одобряли эскалацию его акций. Советские группы организаторов партизанского движения, высадившиеся в Словакии в конце июля и начале августа 1944 г., создали относительно многочисленные партизанские отряды из числа словацких добровольцев; после 20 августа они во все более крупных масштабах осуществляли саботаж и предпринимали другие боевые акции. При этом советские командиры не располагали какой бы то ни было информацией о повстанческой акции, готовившейся нелегальным Словацким национальным советом и военным центром. Контрмеры браτισлавских правящих органов, включая осадное положение, объявленное 12 августа, а также экспедиция словацких полицейских отрядов против партизан, оказались совершенно неэффективными. Командиры самых крупных партизанских отрядов в Турце и Низких Татрах обратились с призывом к словацким солдатам переходить на сторону партизан. После 25 августа было принято решение приступить к занятию городов и сел при поддержке местных участников Сопrotивления, главным образом из рядов нелегальной КПС, установить там революционную власть. 27 августа партизаны заняли районный центр Ружомберок, создав

там районный национальный комитет. Утром 27 августа в Марти-не подразделение словацких солдат по приказу партизанского командира Величко расстреляло более 20 представителей немецкой военной миссии, возвращавшейся из Румынии. В Брезне во время перестрелки партизан погиб депутат словацкого сейма. Тем самым в одной из областей страны начинался процесс спонтанного политического переворота³².

Немецкие представители в Словакии обращали внимание высших кругов рейха на происходившие там события, настаивая на военном вмешательстве. Верховный нацистский представитель в соседнем протекторате Чехии и Моравии К. Г. Франк, лучше других информированный о положении в Словакии, забил тревогу и обратился к высшим кругам рейха с призывом военного вмешательства в Словакии³³. Сообщения о самых громких партизанских акциях, в которых принимали участие и части словацкой армии, но, главным образом, о том, что под угрозой находятся оружейные заводы, работавшие на немецкую армию, в конце концов встревожили и германское верховное командование.

Немецкое вооруженное вмешательство и ответ словацкого Сопротивления

Операция по оккупации территории Словацкого государства между охранной зоной на западе и западной границей зоны действий на востоке страны, которая уже с начала августа 1944 г. превратилась в арену действий группы армий Северная Украина, носила импровизационный характер; при этом немецкое командование совершенно не представляло, что его ждет в Словакии. Окончательное решение о немедленной переброске немецких воинских частей в Словакию было принято 28 августа 1944 г., скорее всего, на регулярном совещании в Главной ставке [Hauptquartier] Гитлера, как об этом свидетельствуют сохранившиеся стенографические записи телефонogramм верховного командования немецких вооруженных сил (OKW) и министерства иностранных дел (Auswärtiges Amt)³⁴. Во второй половине того же дня, благодаря посредничеству посла Лудина, удалось получить формальное согласие словацкого президента Тисо³⁵. 28 августа 1944 г., в 16.20. канцелярия государственного министра Протектората Чехии и Моравии К. Г. Франка получила телефонограмму

из штаба командования Главной ставки Гитлера, в которой говорилось, что названные Франком части уже 29 августа должны быть готовы к переброске из Моравии в так называемую охранную зону на западе Словакии; 1 сентября танковый полк СС «Schill» численностью от двух до трех тысяч человек подошел к Братиславе.

Главные приказы были отданы, а 29–30 августа немцы провели важнейшие предварительные меры, направленные на усмирение Словакии. Ответственность за операцию «по оккупации Словакии» возлагалась на «рейхсфюрера СС» Генриха Гиммлера — командующего резервной армии; эта задача носила наступательный характер в особой зоне Словакии — «Auftrag mit Sonderkriegsschauplatz Slowakei (ausserhalb Operationsgebiet)». В подчинении Гиммлера находился также немецкий генерал при словацком министерстве обороны с правом незамедлительного решения текущих военных оперативных и снабженческих задач³⁶. По приказу Гиммлера от 31 августа в Словакию был направлен начальник главного управления СС, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС Готтлоб Бергер с задачей разоружить словацкую армию, установить там мир и навести порядок. (Задача разоружения словацкой армии содержалась в приказе Гитлера от 30 августа). Одновременно Гиммлер направил в Словакию оперативную группу «Г» полиции безопасности и службы безопасности СС, которую возглавил вызванный из Львова (Лемберга) опытный знаток протекторатных отношений оберштурмбаннфюрер СС Йозеф Витиска. Верховное командование приблизительно определяло сроки операции, планируя завершить ее в течение одной недели. Бергер в первом же ситуационном рапорте, отправленном Гиммлеру 2 сентября уже из Братиславы, выразил надежду что «задача будет решена в течение четырех дней»³⁷.

Первым крупным успехом немцев явилось молниеносно проведенное разоружение прекрасно вооруженной и обученной части словацкой армии — корпуса Малара, расположенного в восточной Словакии, в так называемой оперативной зоне. После переворота в Румынии командование группы армий Северная Украина опасалось нежелательного для себя развития ситуации вследствие возможной ненадежности словацких частей. Поэтому с 27 августа оно приступило к подготовке мер под грифом «совершенно секретно», чтобы в случае необходимости начать немедленное разоружение словацкого воинского контингента³⁸. Следует особо подчеркнуть, что Голиан и нелегальный СНС

отводили приоритетную роль в планах военной операции именно этим частям словацкой армии, однако, как оказалось, генерал Малар, склонявшийся к соглашению с Советами, считал преждевременным объявленное 30 августа банско-быстрицким радио сопротивление наступавшим немцам. Вечером 30 августа он выступил по братиславскому радио с впечатляющим призывом, который многих поверг в замешательство; он склонял колебавшихся к пассивному выжиданию и по существу являлся антиповстанческим. Малар полагал, что ему удастся перебросить свой армейский корпус в центральную Словакию. С этой целью он вылетел из Братиславы в Прешов, но вечером 31 августа прямо у трапа самолета был арестован и интернирован немцами; некоторое время спустя его отправили в Берлин³⁹. Рано утром 31 августа его заместитель перешел с авиакорпусом на советскую сторону, чтобы договориться о помощи, не отдав при этом никаких приказов командному составу относительно его дальнейших действий.

Верховное командование группой армий в Словакии лишь 31 августа в 13 часов огласило приказ о разоружении двух дивизий. Аксию провели в течение двух дней. Примерно половина из общего состава в 25 тыс. солдат была разоружена и интернирована, часть избежала интернирования, отправившись к своим семьям, некоторые перешли в партизанские отряды, пополнив их ряды, и только около двух тысяч солдат укрепили оборону повстанцев в центральной части Словакии⁴⁰. Оружие и воинское снаряжение, включая артиллерию, в качестве военных трофеев перешли к немцам; это во много раз превышало объем той помощи, которая позднее воздушным путем поставлялась из-за рубежа и дефицит которой в последние десять дней боев столь остро ощущался повстанцами — ведь они не могли вооружить несколько тысяч мобилизованных солдат даже винтовками.

В первую неделю восстания два боевых подразделения, выделенные группой армий Северная Украина, своими удачными маневрами добились успехов на начальном этапе операции, заняв области Спиша с городами Кежмарок, Попрад и Спишска Нова Вес, а также город Ружомберок с оружейными заводами, жизненно важными для немецких вооруженных сил. Немцы закрепили за собой и значительную часть железнодорожного пути Жилина—Кошице.

Тем самым на севере и востоке образовался коридор между повстанческой территорией и советско-германским фронтом. Советское наступление — так называемая Дуклинская операция,

начавшаяся 8 сентября 1944 г. — все силы группы армий Северная Украина сковало так, что оттуда невозможно было направить против восставших ни одного солдата; постепенный захват территории осуществлялся немецкими оккупационными силами, наступавшими с северо-запада и юго-запада. Но своевременно выстроенная на Бескидском гребне немецкая оборона сдерживала советское наступление; в итоге помощь повстанческой обороне можно было оказывать только с воздуха, по воздушному мосту протяженностью примерно в 150 км. Однако и он подвергался угрозам со стороны находившихся в Карпатах немцев и сдерживался из-за переменчивой в горах погоды.

Можно сказать, что второй самый крупный успех свалился немцам с неба, поскольку столица Братислава и важная область западной Словакии находились вне повстанческой территории. В своем кратком радиовыступлении 29 августа в 19 часов 20 минут генерал Чатлош от имени президента, правительства и себя лично сообщил, что немецкие части прибывают в Словакию с целью помочь защитить страну от злейшего врага — партизан. Он призвал солдат и граждан дружески отнестись к германской армии и приветствовал ее как своих союзников. (Президент Тисо выступил по радио только через день). Чатлош принимал участие в ходе мирно проходившего разоружения братиславского военного гарнизона, но 1 сентября вечером тайно покинул город⁴¹.

В западной Словакии восстание поддержал лишь военный гарнизон в Трнаве, расположенный в 50 км от Братиславы; в ходе боев ему удалось взять город и удерживать оборону в течение двадцати часов. А затем вся часть в количестве трех тысяч человек, еще до подхода к городу немецких танков и бронетранспортеров, отступила с оружием сначала в Глоговец, а затем, после договоренности с командованием в Банской Быстрице, в Жарновицу в центральной Словакии. В то же время командир гарнизона в Нитре не поддержал восстание и привлек на свою сторону остальных офицеров (из 74 офицеров гарнизона на повстанческую территорию перешли только двое). Тем самым сорвалось планировавшееся освобождение коммунистических лидеров из тюрьмы краевого суда в Нитре.

Братислава и ее тыл, как и административный центр Нитра (85 км от Братиславы), превратились в укрепленные плацдармы, откуда сконцентрированные здесь военные и полицейские силы могли

вести наступление на повстанческую территорию. Военное производство, промышленная и сельскохозяйственная продукция в этой области, которую война практически не затронула, по-прежнему продолжали служить нуждам германского командования. Столь же значимой являлась и политическая сторона сложившейся обстановки. Важнейшая основа государственной машины словацкого государства — президент, правительство, сейм, центр людовской партии, министерства, центральные учреждения, полицейский и судебный аппараты, радио, пресса и другие орудия режима — сохранились и могли быть использованы как против восстания, так и для обновления порядка в тылу приближавшегося фронта; человеческие и экономические ресурсы Словакии по-прежнему использовались в интересах гитлеровской Германии.

Значение Словакии в этой фазе войны возросло, что, как ни парадоксально, проявилось в гораздо большей степени после начала восстания; свидетельство этого — одна из оценок того времени, вышедшая из-под пера нацистского чина в Вене: «Чем большую часть словацкой территории нам удастся удержать, тем будет лучше обеспечена северная часть восточного фронта по направлению к югу, тем меньше будет опасность, что восстание перекинется на протекторат и тем проще сформируется и укрепится фронт обороны в окраинных областях Венгрии и Альп на юге Словакии»⁴². Карл Г. Франк убежденно сообщал Гиммлеру 20 сентября, что «большевик на основе грандиозного плана стремится атаковать центр рейха из Словакии». Гиммлер же, со своей стороны, поделился с ним информацией, согласно которой в ближайшие дни или недели планировалось восстание чехов⁴³.

Стабилизация повстанческого фронта

Таким образом, самых легких успехов немцы добились в первые десять дней после начала операции, когда обнаружили все сильные и слабые места повстанческой подготовки. До 7 сентября оккупанты заняли всю западную Словакию вплоть до Топольчан (3.9), север страны от Чадце до Жилины (30.8) и Врутки (4.9), Высокие Татры и Спиш, часть липтовской котловины, включая Липтовский Микулаш (4.9), и Ружомберок (5.9), находившийся от Банской Быстрицы всего в каких-нибудь 50 км. Вместе с тем повстанцам удалось взять Телгарт, занятый боевым подразделением группы армий Северная

Украина, обеспечив оборону восточной границы повстанческой территории в течение семи недель. Кроме этого было остановлено наступление немцев с севера от Ружомберка; повстанцы держали оборону шесть недель⁴⁴.

В ночь с 4 на 5 сентября прибыла первая зарубежная помощь — противотанковое оружие из Советского Союза. Наспех подготовленное советское наступление в направлении Карпатских перевалов, а затем в Словакию началось 8 сентября. Генрих Гиммлер не располагал в своей резервной армии мощными силами для вторжения в Словакию. К. Г. Франк пытался как можно скорее добиться разрешения Гитлера на интервенцию, как решающего поворота в подавлении восстания. 17 сентября фюрер с раздражением телеграфировал: «Даже если бы главы жуп (гауляйтеры) Горной Верхней Баварии или западной Фрисландии прислали по этому вопросу письма, аналогичные вашим, численность наступающих рот в Словакии не увеличилась бы ни на одну»⁴⁵. Оказались несостоятельными также представления верховного командования и Бергера об эффективности полицейского вмешательства. 20 сентября Бергера на посту германского командующего в Словакии сменил обергруппенфюрер СС и генерал войск СС и полиции Герман Хёфле, но и он вынужден был довольствоваться лишь постепенным захватом территории по мере поступления подкрепления (это была транспортировавшаяся по частям и находившаяся в стадии формирования 14-я гренадерская дивизия СС численностью в 15 тыс. чел., а с середины октября — бригада Дирлевангера, которая незадолго до этого участвовала в подавлении варшавского восстания). На оккупированной немцами территории продолжали действовать партизанские отряды, которые удерживали часть армии вермахта, в первую очередь дивизии Татра и передовые части двух дивизий ополчения. Уже во второй половине сентября немцы потеряли абсолютное преимущество в авиации, когда из СССР в Словакию был переброшен 1-й чехословацкий самостоятельный разведывательный полк с 21 самолетом.

Один из серьезных кризисов обороны повстанцев — когда немецкие войска в начале октября почти вплотную подошли к Зволену, расположенному всего в двадцати километрах от Банской Быстрицы — удалось предотвратить после высадки частей десантной бригады. С конца сентября воздушным путем она поэтапно переправлялась в Словакию, хотя и несла крупные потери в начале первой

фазы Карпато-Дуклинской операции. 9 октября генерал Голиан передал в Лондон рапорт об удачном контрнаступлении, в котором сообщал, что немцы вынуждены были отступить, и добавил: «В целом наше положение уже не является таким безнадежным. Продержимся»⁴⁶. Лишь после переворота в Венгрии немцы могли позволить себе перебросить превосходно обученную 18-ю гренадерскую танковую дивизию СС для участия в генеральном наступлении с юга; им удалось в ходе мощного наступления в течение десяти дней — между 18 и 27 октября — прорвать сплошную оборону повстанцев.

Повстанческая Словакия

В Банской Быстрице в течение шестидесяти дней находилось командование повстанческой армии; город стал также центром политической жизни и управления в свободной Словакии. Словацкий национальный совет, включавший в первые дни сентября тринадцать членов, окончательно оформился 5 сентября, после возвращения из Москвы Карола Шмидке, сотрудничавшего с представителем «гражданско-демократического блока», «нестором» словацкой демократической политики Вавро Шробаром как сопредседателем. СНС формировался на паритетных началах: в него входило равное количество членов из «социалистического блока» и из блока гражданско-демократического. Правительственный аппарат СНС состоял из полномочных представительств (с функцией министерств); каждое из 10, а впоследствии — из 12 ведомств возглавлялись двумя полномочными представителями.

Пленум СНС (с 5 сентября — 41 член, в течение октября — 50 членов) издавал «постановления», имевшие силу закона. В первых из них СНС взял на себя законодательную и исполнительную власть в Словакии, отменил законы и постановления, противоречившие «республиканско-демократическому духу» (сразу же были отменены все антиеврейские меры) и распустил словацкие, немецкие и венгерские политические партии и организации, составлявшие политическую структуру словацкого государства. В городах и районах создавались национальные комитеты; наряду с ними оставались бюрократические органы нотариата, районных начальников и жупанов, сменился лишь их персональный состав.

С первых же дней на свободной территории политическую активность проявили вышедшие из подполья коммунисты. Участие

в Сопротивлении, жестокие преследования со стороны «людовского режима» — эти факторы способствовали легитимизации коммунистической партии как составной части новой словацкой политической репрезентации и как соправящей силы, что расширяло круг ее приверженцев. Авторитет Советского Союза значительно усиливал вес и репутацию коммунистической партии. Уже 2 сентября Коммунистическая партия Словакии (так она официально называлась) выпустила воззвание, в котором в качестве главной ставилась задача разгрома Германии и искоренения фашизма во всех его проявлениях: «чтобы трудящиеся могли свободно и добровольно определять формы и образ своей жизни». С 9 сентября начала выходить газета КПС «Правда», которая днем позже опубликовала декларацию относительно объединительного съезда КПС с социал-демократами, а также директивы о подготовке созванного на 17 сентября съезда. Группе Готвальда в Москве не нравилось поспешное слияние КПС с социал-демократами на так называемом объединительном съезде партии в Банской Быстрице, однако запретить его она не могла; это позволило Коммунистической партии Словакии уверенно действовать от имени всех социалистических сил в Словакии.

В докладе на объединительном съезде Карол Шмидке, ставший председателем вновь избранного центрального комитета, наметил контуры программных целей. Объединение с социал-демократами происходило — как подчеркнул Шмидке — на марксистской основе. Революционная марксистско-ленинская теория и революционная практика партии приведут к тому — как сказано в его докладе на съезде — что КПС будет вести борьбу за социалистические требования рабочих, ликвидацию эксплуатации человека человеком, революционный союз рабочих и крестьян («земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает») и с трудовой интеллигенцией. Шмидке высказался за лояльное сотрудничество со всеми демократическими группами, за такое национальное единство, которое «сделало возможным национальное восстание». Он так определили главные задачи текущего момента: победоносно завершить национально-освободительную борьбу, изгнать оккупантов, ликвидировать предателей и тем самым подготовить предпосылки свободной жизни словацкого народа в «народно-демократической Чехословацкой республике».

Указанное временное преимущество в формировании партийной структуры убедило руководство КПС в том, что за ним

идет большинство населения и что оно поддерживает его программу. Однако в органах власти и местном самоуправлении коммунисты не стремились использовать свое преимущество — реальное или фиктивное — и довольствовались паритетным представительством.

Гражданские демократы стали организовываться позднее и медленно. Их газета «Час» впервые вышла 17 сентября, а в начале октября опубликовала относительно пространные программные принципы, в которых Демократическая партия позиционировала себя приверженцем «справедливого, демократического правового государства» с четкой отсылкой на духовное наследие президента Масарика. Обновленная ЧСР должна была стать государством трех равноправных славянских народов — чехов, словаков и подкарпатских русинов. Во внешней политике первое место занимало — как и у коммунистов — сотрудничество со славянскими государствами, в первую очередь с СССР. Положение Словакии должно было гарантировать условия для ее всестороннего развития без ущерба для единства государства; государственной администрации, сфере образования, судам и государственным предприятиям предстояло перейти в руки словаков, словацкий язык должен был получить в Словакии статус официального, а на всей территории ЧСР — наряду с чешским — статус государственного языка. Краеугольным камнем экономической политики ДП назван принцип частной собственности, договорные отношения и свободная конкуренция, отрицание «отжившего либерализма» и социализма, но и позитивное отношение к огосударствлению предприятий определенных категорий и некоторых банков, «справедливая социальная политика». Программные принципы также содержали требование последовательного огосударствления школьного образования и запрет на использование церкви в политических целях.

Для какой-либо политической конкуренции в Банской Быстрице не было ни условий, ни времени. Все силы и энергию следовало направить на нужды повстанческого фронта и поддержания нормальной повседневной жизни сотен тысяч людей⁴⁷. Жизненно важным являлись: снабжение армии и гражданского населения, обеспечение почтовой и телефонной связью, железнодорожным и автодорожным транспортом, завершение уборки урожая, помол муки, обеспечение здравоохранения и работы больниц, в которых росло число раненых солдат и партизан, размещение беженцев с оккупированной территории, в первую очередь евреев, которым удалось уклониться

от трудовых лагерей и бежать от угрозы депортации на свободную повстанческую территорию, выплата зарплаты государственным служащим, жалования солдатам и офицерам, пенсий, изменение производственных программ предприятий и ремесленных мастерских, переориентированных на нужды армии, фортификационные работы.

Все это удалось ввести в строй и поддерживать функционирование благодаря трудовому энтузиазму мужчин и женщин, а также деятельности новых полномочных представительств СНС. Благотворно сказались и все секретно проведенные подготовительные работы накануне восстания, в которых принимали участие сотрудничавшие с движением Сопrotивления представители высших экономических и финансовых кругов под предлогом переброски резервов и снабжения из находившегося под угрозой бомбардировок центра. В Банскую Быстрицу еще летом переправился банковский резерв в три миллиарда крон, чего с лихвой хватало на покрытие всех расходов в государственном и общественном секторах; помимо этого сохранилось большое количество разнообразного сырья, цемента, горючего, ткани для воинского обмундирования, медицинского материала и лекарств, сахара и других продуктов. Древесного сырья было достаточно на месте, а бумага для газет и журналов, которые издавались в нужном количестве, производилась на бумажной фабрике в Гарманце еще 25 октября. Радиопередатчик, серьезно поврежденный в ходе немецких бомбардировок, удалось отремонтировать. Работали кинотеатр и театр в Банской Быстрице, подготовивший специальное представление для воинов. Трудности были — к радости детей — только с обучением в школах, поскольку многие школьные здания служили в качестве временного жилья для беженцев, число которых возросло.

Словацкий национальный совет и чехословацкая эмиграция в Лондоне

Еще до начала восстания у представителей чехословацких государственных учреждений в Великобритании, равно как и у повстанческого политического представительства, имелось немало поводов для проявления недоверия друг к другу. Можно вспомнить хотя бы неблагоприятный резонанс, вызванный посланием лондонского правительства от 30 июня 1943 г., в котором прокламировался тезис единого чехословацкого народа, или же раздраженную реакцию

нелегального СНС в августе 1944 г. в ответ на назначение правительственной делегации на освобожденных территориях без консультации «родины» и его требование «четко и недвусмысленно» сформулировать свою позицию в вопросе Словакии как этнической единицы⁴⁸. И наоборот — лондонскую панику вокруг меморандума Чатлоша в августе 1944 г., а также обеспокоенность президента Бенеша и его окружения тем, что чехословакистские группы Сопротивления не вошли в состав его политического центра, который считался аграрно-нейтралистско-коммунистическим⁴⁹. В первые недели сентября 1944 г. поводы для проявления недовольства не исчезли, но они носили уже другой характер.

Чехословацкое правительство в Лондоне было возмущено тем, что Словацкий национальный совет самовольно присвоил Яну Голлиану звание генерала (5 сентября), хотя это являлось прерогативой верховного командующего чехословацкими вооруженными силами, т.е. президента Бенеша. Декларация СНС от 1 сентября успокоила правительство, поскольку в ней СНС объявил себя сторонником Чехословацкой республики, однако оно с трудом мирилось с тем, что в рамках тех полномочий, которые взял на себя СНС, для него не оставалось места. Словацкому национальному совету не нравилось, что министр, а позднее — главнокомандующий Ингр, отдает из далекого Лондона приказы повстанческому военному командованию, что Лондон представляет себя миру как режиссер восстания, но при этом мало заботится об оказании зарубежной помощи повстанцам и даже бросает восстание на произвол судьбы (так это виделось из Банской Быстрицы)⁵⁰. Президиум Словацкого национального совета считал несущественными требования Лондона не предпринимать ничего в Словакии без предварительных договоренностей с правительством (на пленуме пока что эти вопросы и не рассматривались); не были приняты пожелания, чтобы все вопросы, подпадавшие, по мнению Лондона, под компетенцию правительства или верховного командующего, решались только правительством⁵¹. Напротив, СНС выражал недовольство тем, что об изменениях в составе чехословацкого правительства он узнал лишь из информации, передававшейся по радио⁵². В столь напряженной обстановке и при отсутствии консенсуса правительство обращалось с вопросом: правильно ли оно понимает, что Словацкий национальный совет является словацким земским национальным

комитетом и выразило желание, чтобы СНС согласился с названием «национальный комитет»⁵³.

Пресловутой последней каплей явилась пространная телеграмма, пришедшая в Банскую Быстрицу 24 сентября, в которой эмигрантское правительство изложило свое представление о земских национальных комитетах, в том числе и СНС («Мы согласны с тем, чтобы СНС как Земский национальный комитет в Словакии обеспечивал все необходимое в соответствии с действующей чехословацкой конституцией и в духе правительственной декларации о национальных комитетах»)⁵⁴, о подчинении национальных комитетов правительству, об обеспечении чехословацкого правопорядка, действовавшего до 29 сентября 1938 г., то есть о довоенной конституции со всеми вытекавшими последствиями, а также представило свою позицию относительно ряда других, имевших значение для СНС, проблем. Относительно «Словакии как этнической части» (т.е. признания словацкой нации) правительство придерживалось следующего мнения: «вопрос об отношениях словаков и чехов будет решаться на родине лишь после освобождения на основе принципов равенства и братского взаимопонимания». Правительство прилагало немалые усилия, объясняя правомерность создания института правительственного делегата для освобожденных территорий: он вызывал у словацкой стороны огромное недовольство в связи с опасностью унижительной опеки. Вместе с тем СНС не возражал, чтобы правительственный делегат министр Франтишек Немец вместе с политическими советниками посетил Словакию, но только как член правительства и посредник между отечественным и зарубежным Сопротивлением, поскольку не были выполнены содержавшиеся в упомянутом договоре условия относительно его функций⁵⁵.

В ответ президиум СНС принял решение изложить свою принципиальную позицию по всем пунктам и направить в Лондон делегацию для обсуждения вместе с президентом и правительством всех вопросов, касавшихся взаимоотношений отечественного и зарубежного сопротивления. Данная позиция получила поддержку 29 сентября на закрытом заседании пленума Словацкого национального совета (объявленного секретным) после переговоров двух политических фракций СНС. В шести параграфах формулировались принципы, которыми руководствовался нелегальный СНС и на основе которых организовался и действовал Словацкий национальный совет:

1. СНС является верховным революционным органом внутреннего движения Сопrotивления и осуществляет его в законодательном и исполнительном отношениях. Президенту, правительству и Государственному совету приписывается ведение зарубежного сопротивления, а также всего, что связано с представительством государства в отношениях с союзниками и остальным зарубежьем; 2. Данный порядок действует до момента избрания демократическим путем легитимных представителей народа; 3. СНС является приверженцем Чехословацкой республики как общего государства трех славянских народов — чехов и словаков и карпатских украинцев — на принципе равный с равным. Окончательное государственно-правовое урегулирование будет возложено на легитимных представителей этих народов; 4. С учетом необходимости обеспечения международного положения Чехословакии СНС придерживается принципа государственно-правовой преемственности республики, однако полагает, что итоги шестилетнего развития и потребности внутреннего и зарубежного сопротивления показали: конституция устарела по многим аспектам и в целом ее нельзя считать основой для внутреннего устройства государства. 5. СНС считает безоговорочно необходимым самое тесное сотрудничество представителей внутреннего и зарубежного сопротивления, а также их взаимное информирование о мероприятиях принципиального характера; 6. СНС считает, что после начала восстания и в сложившейся обстановке позицию чехословацкого правительства в вопросах правительственного делегата следует считать устаревшей; позиция правительства относительно абсолютного превосходства правительственного делегата по отношению к народным внутренним органам противоречит демократическим принципам и обесценивает внутреннее Сопrotивление. Однако в интересах сотрудничества СНС приветствует присутствие члена чехословацкого правительства на «нашей», т.е. повстанческой, территории⁵⁶.

7 октября 1944 г. для обсуждения данной позиции из Банской Быстрицы в Лондон специальным рейсом с американской авиабазы в Баре вылетела делегация. Разговоры с президентом начались лишь в середине октября⁵⁷. Меж тем в Банскую Быстрицу из Советского Союза прибыла правительственная делегация во главе с Немцем, которому представилась возможность выступить на торжественном заседании СНС 10 октября. После десятидневных взаимных знакомств и бесед президиум СНС принял постановление об отношении СНС

к чехословацкому правительственному делегату, с которым ознакомился президент и правительство, а также делегация СНС в Лондоне и правительственный делегат Немец⁵⁸. В документе содержалась отсылка на постановление секретного пленума СНС от 29 сентября, причем аргументация СНС еще более усиливалась следующей формулировкой: «Словацкий национальный совет берет на себя всю законодательную власть в Словакии в ее домюнхенских границах, независимо от того, как будет происходить освобождение отдельных частей Словакии — собственными силами или союзническими армиями». В постановлении правительственному делегату отводилась роль посредника между СНС и президентом и правительством в Лондоне, а также между СНС и командованием советских войск. В постановлении подчеркивалась заинтересованность в сотрудничестве с правительственным делегатом и его советниками; правительственному делегату предложили канцелярию при президиуме СНС и регулярное участие в заседаниях президиума СНС и Корпуса уполномоченных, а политическим советникам — участие в пленарных заседаниях СНС.

После 20 октября прогнозировались самые пессимистические варианты дальнейшего развития событий, поэтому 23 октября пленум СНС принял указ, согласно которому всю законодательную и исполнительную власть брал на себя президиум СНС в составе 8 человек; согласно указу, президиум СНС наделялся правом передавать полномочия отдельным членам; в дальнейшем они получали право подбирать по мере необходимости сотрудников, назначать заместителей и преемников⁵⁹. Эти меры создавали основу, на которой позднее, с начала февраля 1945 г., стали формироваться органы Словацкого национального совета в г. Кошице, а также регулировались отношения между СНС и правительственным делегатом на освобожденной Красной армией и переданной в чехословацкое управление территории.

23 октября, накануне вылета из Банской Быстрицы на освобожденную территорию Подкарпатской Руси, правительственный делегат Немец по указанию Лондона договорился с президиумом СНС, что вместе с ним в Хуст в Подкарпатской Украине отправится и делегация СНС; президиум выделил двух делегатов и шесть сотрудников. К ним позднее присоединилась лондонская делегация СНС, которая в середине ноября вылетела из Лондона, а 1 декабря прибыла в Москву.

Военное поражение восстания

Организованная оборона охваченной восстанием территории завершилась 27 октября, когда немцами, причем без боя, была взята Банская Быстрица. Последний приказ командующего генерала Виеста о переходе на партизанские методы ведения борьбы, в котором определялись отдельные зоны действий, уже невозможно было доставить в большинство подразделений. Хаотичное отступление и недостаточно организованный отход в горы сопровождалось бомбардировками. Многие спасались бегством в свои родные дома, другие же попали в плен, а оттуда — в лагеря военнопленных в рейхе. Уже 30 октября вечером в донесении германского командующего в Словакии подводились предварительные итоги: 10 тыс. пленных; относительно трофеев указывались следующие цифры — 80 артиллерийских орудий, 600 грузовых автомашин, 1 бронепоезд, 300 лошадей и государственная казна с 2,8 млрд. крон⁶⁰. Неблагоприятные погодные условия в горной местности и карательные операции немецких оккупантов привели к тяжелым потерям и у тех групп, отделений или частей, которые отступали в горы более или менее организованно и упорядоченно, преисполненные решимости продолжать борьбу (например, ядро 2-й чехословацкой парашютно-десантной бригады). Генералы Виест и Голиан были арестованы уже 3 ноября⁶¹, а на одном их горных переходах от истощения погиб Ян Шверма.

Если учесть обстоятельства, в которых проходило восстание, — его военные потери на начальном этапе, его связь с советским фронтом, ограниченную воздушным мостом, а также ту мизерную материальную помощь, которую повстанцы получали из-за рубежа, — его подавление оставалось лишь вопросом времени: в какой момент недостаточно обученные и не всегда отличавшиеся боеспособностью солдаты и партизаны, державшие сплошную оборону неуклонно уменьшавшейся территории, уступят натиску лучше вооруженного и более опытного противника. Это стало совершенно очевидным, когда немцы получили мощное подкрепление — фронтовую дивизию, предпринявшую наступление со стороны слабо прикрытого юга, откуда, собственно говоря, его и не ждали.

Утверждение, что восстание началось — по приказу банско-быстрицкого командования — «преждевременно», конечно же, является мифом, который родился в головах его участников (так это понимал

и Карол Шмидке в Москве в период, когда в течение трех недель оставался без связи со Словакией). Он сохранялся в течение шестидесяти лет в качестве составной части целенаправленной коммунистической интерпретации восстания, в которой первое место занимало подчеркивание заслуг Советского Союза и партизан, а также отрицание любых ошибок и недостатков. Реальность же являлась таковой, как она изложена выше. Остается лишь подвести краткие итоги.

Военное выступление против немцев, главной силой которого должны были стать полевая и тыловая армии, предполагало следующие варианты: оптимальный, реализованный в договоре и координированный с Советами, и запасной план на случай, если немцы примут решение оккупировать Словакию еще до координации восстания с Советами. Именно в такой ситуации подполковник Ян Голиан издал приказ о выступлении словацкой армии вечером 29 августа, то есть после того, как министр Чатлош выступил по братиславскому радио и объявил о вводе немецкой армии с целью оказания дружеской помощи.

Германское вооруженное вмешательство не являлось ни превентивной мерой, ни реакцией на планы повстанцев, о которых немцы ничего не знали. Оно было спровоцировано активными действиями партизанских отрядов в центральной части Словакии во второй половине августа 1944 г., которыми руководили Советы. Информацию об угрозе ввода миротворческих (пацификационных) или оккупационных немецких частей в Словакию советская сторона получила от представителей военных кругов чехословацкого правительства; эти сводки из соответствующих советских инстанций незамедлительно передавались Сталину. При этом на сводке от 27 августа имеется пометка Сталина: «нужно решить»⁶², однако следов указаний о принятии своевременных мер не существует. В уже цитировавшихся мемуарах Штеменко говорится: после того, как генерал Пика сообщил о призыве чехословацкого правительства в Лондоне 30 августа по радио к вооруженному восстанию в Словакии, а день спустя поступила информация из штаба фронта маршала Конева о донесениях словацких офицеров, прилетевших из Прешова, Сталин отдал приказ Генеральному штабу оказать помощь повстанцам и подготовить директивы для Конева о наступательной операции. Штеменко далее отметил, что в ночь с 1 на 2 сентября в Генеральном штабе в присутствии «Верховного главнокомандующего» и нескольких членов политбюро

обсуждался вопрос об оказании военной помощи восстанию в качестве «выполнения союзнического долга»: организация снабжения повстанцев вооружением и боеприпасами, а также проведение наступательной операции в Карпатах — в кратчайшие сроки⁶³.

Следовательно, до 2 сентября ни начальник чехословацкой военной миссии в Москве, ни чехословацкий посол не получили в ответ ни единого слова о том, что же планируется советской стороной в Словакии. (Напротив, советский посол при чехословацком правительстве в Лондоне еще 31 августа 1944 г. «в частном порядке» поделился с чехословацким дипломатом своими сомнениями о закулисной стороне повстанческой акции в Словакии; он упомянул об «удивительном сходстве с так называемым польским восстанием в Варшаве», утверждая, что испытывает «ко всему предприятию крайнее недоверие», и высказал опасение, как бы оно не было спровоцировано немецкими агентами в антисоветских целях)⁶⁴.

С временной дистанции видно, что военная судьба восстания была решена уже в тот момент, когда наспех подготовленное маршалом Коневым наступление, вошедшее в историю как Карпато-Дуклинская операция, не оправдало возложенных на него надежд. Красной армии не удалось прорваться в районы Стропкова и Прешова на пятый день с момента начала операции, как это планировалось, то есть 13 сентября 1944 г.; это произошло лишь в январе 1945 г. Но это не отменяет того факта, что советская операция удерживала практически всю боевую мощь немецкой группы армии Северная Украина (переименованную во второй половине сентября в группу армий А) на севере и востоке повстанческой территории.

К этому следует добавить и стремление советской стороны иметь в Словакии монопольное положение, поэтому она отдавала предпочтение партизанам, а не повстанческой армии. Не случайно, например, в советской ноте от 22 сентября 1944 г., переданной послу Фирлингеру, говорилось о советской помощи «словацким партизанам и присоединившимся к ним словацким солдатам и офицерам»⁶⁵. Это была официальная версия словацкой повстанческой акции. В нашем распоряжении нет документов, которые позволили бы с полным основанием говорить о соответствии советской помощи военному потенциалу восстания. И если даже допустить, что был сделан максимум возможного, фактом остается, что советская дипломатия своим упорным молчанием в ответ на британские запросы не допустила возможности оказания

эффективной помощи со стороны Запада⁶⁶. Совершенно очевидно, что Советы не желали видеть в Словакии никого другого, даже ценой недополучения повстанцами необходимого вооружения. 5 сентября комитет британских начальников штабов поддержал позицию министерства иностранных дел, который считал: Словакия безоговорочно находилась в советской зоне военных действий, поэтому любая эффективная помощь должна поступать от русских; важнейшей задачей считалась координация с советским правительством и отказ от каких бы то ни было действий, если они не достигались путем согласования.

Отсутствие какой-либо реакции с советской стороны на повторявшиеся запросы британского посла в Москве приводило к тому, что британцы решались направлять на повстанческую территорию лекарства и медикаменты в сугубо ограниченном количестве. Лишь американская информационная служба Donovan (OSS) проигнорировала решение Комитета начальников штабов о приостановлении всех акций, касавшихся Словакии, включая бомбардировки и помощь оружием, до получения информации о советских намерениях: несколько американских «летающих крепостей» дважды, причем абсолютно легитимно, совершали посадки на повстанческом аэродроме. Впервые — в сентябре, прилетев за американскими летчиками, попавшими в свое время в плен во время налетов союзников на Германию и которым удалось бежать на свободную территорию; второй раз — в октябре, когда они прилетели за делегацией СНС, чтобы доставить ее на переговоры в Лондоне. И каждый раз в эти американские самолеты загружалось боевое снаряжение для повстанцев и, главным образом, столь необходимое для них противотанковое снаряжение.

В ночь с 4 на 5 сентября Советам удалось отправить в Словакию Карола Шмидке и подполковника Ферьенчика, вскоре после этого — группу советских офицеров, а еще спустя три недели — представителей зарубежного руководства КПЧ в Москве Рудольфа Сланского, Яна Шверму и других лиц. Однако генералу Рудольфу Виесту, получившему по словацкой просьбе назначение на пост командующего повстанческой 1-й чехословацкой армией, пришлось ждать четыре недели, пока в ночь с 6 на 7 октября его удалось переправить в Банскую Быстрицу. Чехословацкая десантная бригада, которую просили прислать еще до начала боев и которую обещали прислать в конце второй недели восстания, переправлялась в Словакию поэтапно в период с 29 сентября по 20 октября (всего 1739 чел. и 240 тонн материалов).

Чехословацкие органы в Лондоне и Москве, выступая в роли посредников в передаче продолжавших поступать из Словакии запросов, сделали все, что было в их силах. Члены правительства осаждали Форин Оффис и направляли письма в адрес британских военных и правительственных деятелей. Чехословацкая редакция британского радио пыталась сделать максимум возможного для поддержки восставшей Словакии. Сделать большее они были не в состоянии, в чем окончательно убедились и члены делегации СНС во время их пребывания в Лондоне и в ходе переговоров с британцами и американцами.

Фактическая оккупация Словакии

30 октября 1944 г. в осажденной Банской Быстрице президент Йозеф Тисо в присутствии словацких и немецких сановников отслужил благодарственную мессу. После мессы состоялся торжественный парад победоносных частей, а президент выступил с пространной речью, в которой провозгласил честь и славу покровителю Адольфу Гитлеру и его армии, СС, генералу Хёфле и присутствовавшим немецким командирам за то, что они пришли сюда для восстановления словацкой государственности. Основу выступления написал юрист-консульт К. Г. Франка Герман Рашхофер⁶⁷.

После переговоров нацистские круги пришли к заключению, что на внешнем фасаде отношений между Словацкой республикой и рейхом ничего меняться не будет, и все внешние атрибуты самостоятельного словацкого государства сохранятся⁶⁸. Однако временное военное вмешательство вылилось фактически в продолжительную оккупацию. Германский командующий в Словакии, находившийся в подчинении у Гимmlера, оставался в Словакии в течение длительного периода времени; пост немецкого генерала при словацком министерстве обороны был упразднен. На длительное время здесь разместились также органы СС и СД (Sicherheitspolizei и Sicherheitsdienst). Отряды спецназначения (Einsatzgruppe H) состояли из пяти спецподразделений по 500 человек каждый, а их сеть с начала ноября 1944 г. охватывала всю Словакию. В середине ноября Витиска был назначен командующим СС и СД (Befehlshaber der Sicherheitspolizei und des Sicherheitsdienstes) в Словакии⁶⁹. Пост посла оставался, но фактически круг его обязанностей значительно ограничивался в пользу немецких военных и полицейских институтов⁷⁰. Аппарат Витиски вел

себя как в оккупированной стране. В рапорте в Берлин от 9 декабря 1944 г. отмечалось, что «в ходе проведенной на словацкой территории зачистки» были задержаны около 13 тыс. чел.: в том числе почти 10 тыс. евреев, большую часть которых отправили в немецкие концентрационные лагеря; 2237 чел. подверглись «специальной обработке» («sonderbehandelt»), что на языке нацистов означало — убиты или уничтожены без суда⁷¹.

Все расходы по пребыванию немецких военных и полицейских сил в Словакии (за исключением зоны операций на востоке страны) взяло на себя словацкое правительство, что подтверждалось секретным соглашением от 9 октября 1944 г. Немцы использовали сложившееся для них благоприятное положение, чтобы, в первую очередь, вывезти из бывшей повстанческой территории в качестве трофеев в огромных масштабах то, что им досталось: от локомотивов, пассажирских и грузовых вагонов до продовольствия. В ответ на робкие попытки словацких кругов договориться не считать словацкое имущество военными трофеями, высшие круги рейха приказали тянуть время, рассчитывая успеть вывезти на свою территорию все, что представляло для них интерес⁷².

С согласия немецких инстанций братиславское правительство приступило к формированию новой словацкой армии — Домобраны — сначала из числа военнослужащих тех гарнизонов, которые не присоединились к восстанию. Позже она пополнялась за счет многочисленных мобилизационных приказов, а также интернированных солдат, разоруженных на рубеже августа и сентября, либо же пленных и дезертиров из рядов 1-й чехословацкой армии, которые воспользовались амнистией, объявленной президентом Тисо. В Домобрану, которая в начале января 1945 г. насчитывала более 40 тыс. человек, входили и две бригады, которых события застали за пределами Словакии; там они и дислоцировались в течение длительного времени вплоть до взятия их в плен союзниками. Большая часть военнослужащих Домобраны не была вооружена. Ее подразделения использовались в составе немецкой армии лишь символически — находясь на повстанческом фронте или позже на фронте против Красной армии, они отправлялись в первую очередь на фортификационные, окопные и вспомогательные работы с учетом потребностей немецкой обороны словацкой территории перед наступающей Красной армией. Существенную помощь немцам в обороне воздушного пространства

от бомбардировок союзнической авиацией оказывала словацкая противовоздушная оборона. В боях против союзников использовалась также словацкая техническая дивизия в северной Италии. В соответствии со статьями заключенного ранее словацко-германского договора, представители немецкого меньшинства в Словакии призывались на службу в СС или в отряды самообороны (*Heimatschutz*)⁷³. В первые месяцы 1945 г. словацкое правительство предписало обязательное участие в рытье окопов и построении фортификационных сооружений всем мужчинам до 60 лет, а также учащимся средних и профессиональных учебных заведений старше 15 лет.

Начиная с 7 сентября 1944 г. с самой худшей стороны зарекомендовали себя в словацкой истории в последней фазе Второй мировой войны вновь созданные дежурные и специальные отряды Глинковской гвардии и Глинковской молодежи, которые выполняли задачи по обеспечению безопасности в тесном сотрудничестве с немецкими военными и полицейскими органами, принимая участие в акциях против партизан и гражданского населения. Регулярные отряды Глинковской гвардии, главным образом, после падения Банской Быстрицы участвовали в массовых расстрелах и казнях без суда, в карательных операциях, в сожжении сел, поддерживавших связь с партизанами, в преследовании евреев⁷⁴.

Правительство Словацкой республики, реорганизованное в начале сентября 1944 г., когда его председателем вместо больного Войтеха Туки стал Штефан Тисо, оставалось связанным с гитлеровской Германией вплоть до самого конца войны. Во главе с президентом и правлением германских учреждений оно покинуло Братиславу в конце марта 1945 г., закончив свой путь в эвакуации на территорию Австрии, где его взяла в плен американская армия, которая затем передала их к суду Чехословакии.

Продвижение советско-германского фронта в Словакии продолжалось в течение весьма длительного времени — не менее полугода. Два крупных города на востоке страны, Прешов и Кошице, которые в течение 5 лет принадлежали Венгрии, были освобождены 19 января 1945 г., Банская Быстрица — только 25 марта. Наступление с юга позволило Советам на рубеже марта-апреля занять южную Словакию, 4 апреля — Братиславу, 30 апреля — Жилину и только 1 мая 1945 г. — Чадцу, Пухов и Илаву. При отступлении немецкие войска вывозили не только продовольствие, домашний скот, сырье и промышленные

товары, локомотивы и вагоны, но систематически уничтожали железнодорожное полотно, дороги, туннели, железнодорожные и путевые мосты, телефонные и телеграфные провода. Железнодорожная связь между востоком и западом страны оставалась прерванной и парализованной еще в течение многих месяцев после войны.

Неудачные попытки Словацкого национального совета решить проблему федерации⁷⁵

Полномочные представители СНС при правительственном делегате Вавро Шробар и Ян Пулл уже в конце ноября 1944 г. получили согласие соответствующего советского командования перебраться из Подкарпатья на освобожденную территорию и начать сотрудничество с учреждавшимися национальными комитетами. 21 января 1945 г., после присоединения к ним членов бывшей лондонской делегации Я. Урсини и Л. Новомеского, они сформировали в Требишове Делегацию СНС для освобожденных территорий, а в ее рамках — временный правительственный орган. 1 февраля в Кошице приступил к работе Президиум Делегации для освобожденных территорий в качестве словацкого национального органа; вскоре возобновилась и деятельность полномочных представителей, которые возглавили соответствующие ведомства. С 21 февраля по 11 апреля 1945 г. во исполнение постановления от 23 октября 1944 г. президиум СНС взял на себя всю законодательную и исполнительную власть, издавал постановления, имевшие силу закона. В Кошице число членов повстанческого СНС постоянно увеличивалось, однако очередное заседание пленума СНС впервые официально собралось здесь лишь 11 апреля 1945.

В феврале-марте появились два важных программных документа Словацкого национального совета, которые (один — отчасти, а второй — исключительно) затрагивали вопросы государственно-правового устройства Чехословакии. В Манифесте Словацкого национального совета от 4 февраля содержалось требование провести такое урегулирование, которое позволило бы наделить словаков всеми правами для ведения дел в Словакии, а чехов — в Чехии; центральный парламент и центральное правительство могли бы взять на себя решение общих проблем единого и неделимого государства. Такую модель федерации поддержал и Густав Гусак в своем докладе на первой

конференции КПС в конце февраля- начале марта 1945 г. Эта идея получила отражение в постановлении членов СНС от 2 марта 1945 г., являвшего собой директиву для словацких представителей на будущих московских переговорах о первом чехословацком правительстве и его программе; это правительство было формально назначено лишь в Кошице 4 апреля 1945 г., а его программа вошла в историю как Кошицкая правительственная программа.

В постановлении от 2 марта 1945 г. далее говорилось, чтобы еще до приезда в Словакию президент и новое правительство объявили о полном равноправии словацкого и чешского народов в единой и неделимой Чехословацкой республике и подтвердили статус СНС как органа законодательной и исполнительной власти в Словакии. В нем, помимо прочего, дифференцировались функции: одни из них являлись исключительной прерогативой полномочных представителей, другие же — в качестве общих — находились в компетенции центрального правительства (международные дела и внешняя торговля, национальная оборона с соответствующим словацким представительством); проводилось и разграничение частично общих функций, с одной стороны, и тех, которые оставались в ведении СНС (железные дороги, почта и телеграф, реконструкция и финансы). Словакия должна была временно оставаться самостоятельной экономической, таможенной и кредитной единицей. Требования включали соответствующее представительство словаков в правительстве и в центральных учреждениях и органах, регламентацию организации словацких военных формирований, а также равноправный статус словацкого и чешского языков в официальном делопроизводстве.

На переговорах в Москве Клементу Готвальду удалось добиться сближения непримиримых позиций СНС и чешской партии национальных социалистов, а его установке на компромисс дисциплинированно подчинилась коммунистическая часть делегации СНС. «Великая хартия словацкого народа» — так при провозглашении правительственной программы в Кошице Готвальд назвал раздел о положении Словакии в послевоенной Чехословакии — признавала самобытность словацкого народа и его равенство с народом чешским, однако вводила так называемую асимметричную, а не федеративную модель государственного устройства: наряду с чехословацким правительством учреждался лишь Словацкий национальный совет, но никак не соответствующие чешские национальные органы.

В течение почти одного месяца, когда правительство находилось в Кошице, этому никто не придавал особого значения, а СНС не разрешал вмешиваться в свои полномочия; кроме подготовки президентских декретов и представительских задач правительство не принимало практически никаких шагов — за исключением министра национальной обороны. 21 апреля в Кошице СНС издал декрет, согласно которому законодательную власть в делах общегосударственного значения осуществляет президент республики по договоренности со Словацким национальным советом. Остальная законодательная власть в Словакии принадлежала Словацкому национальному совету «в духе искренней договоренности с президентом и правительством».

Тлеющий конфликт вспыхнул очень скоро — после того, как 10 мая 1945 г. правительство прочно взяло кормило власти в свои руки в Праге, а Словацкий национальный совет обосновался в Братиславе. В середине мая СНС отказался дать согласие на общегосударственную силу декретов о национальных управлениях и настаивал на специальных словацких поправках. Правительство инициировало переговоры о разделении компетенций с перечислением компетенций общегосударственного характера, а также о механизме согласования президентских декретов. Пленум СНС подготовил 26 мая 1945 г. для переговоров своего президиума с правительством проект соглашения, содержащий курс на федерацию. В одной из статей проекта говорилось: «ЧСР имеет единых главу государства, чехословацкий парламент и чехословацкое правительство, словацкий парламент и словацкое правительство, чешский парламент и чешское правительство. До конституционно-правового урегулирования проблем законодательная и исполнительная власть в Словакии возлагается на СНС».

Еще до начала переговоров повышенную активность проявило пражское руководство КПЧ. В телефонных переговорах его представители потребовали от своих партийных товарищей в Братиславе не предавать до встречи с правительством огласке свою позицию и пригласили в Прагу президиум КПС в полном составе. 31 мая, на этом совместном заседании, было принято постановление о том, что в повестку дня не включаются государственно-правовые проблемы, о которых говорилось в постановлении СНС от 26 мая, и поэтому о них невозможно вести речь по существу; необходимо сосредоточить внимание лишь на выяснении вопросов, касавшихся компетенции правительства

и СНС. Коммунисты — члены президиума СНС, входившие одновременно в состав президиума КПС — подчинились пражскому руководству; в заседании приняли участие и три словацких члена правительства. Так называемое первое Пражское соглашение от 2 июня об урегулировании отношений между правительством и президиумом СНС определяло, по существу, только вопросы компетенций. Вскоре после этого пленум СНС, который одобрил соглашение, назначил словацких членов правительства — шесть министров и три государственных секретаря — чтобы они от имени СНС согласились с общегосударственной силой президентских декретов, но лишь при условии единогласия.

Параллельно назревал конфликт между пражским руководством КПЧ, сплотившимся вокруг Готвальда (к которому номинально относились и три «пражских» словака — члена правительства, которые все более открыто переходили на централистские позиции), и так называемым «повстанческим» руководством коммунистической партии в Братиславе. Еще во время переговоров братиславских товарищей, членов делегации президиума СНС, с правительством на совместном заседании двух партийных президиумов было принято решение: КПС является составной частью единой КПЧ с единым руководством несмотря на то, что внешне обе партии выступали абсолютно самостоятельно. Через шесть недель Готвальд в частной беседе заявил, что «нарыв следует вскрыть». На заседании Центрального комитета КПЧ 17–18 июля 1945 г. с участием братиславского президиума КПС инсценировалась жесткая критика «сепаратистских» тенденций в руководстве КПС и мнимых политических ошибок, неприемлемых для партии и рабочего класса в Словакии и способствовавших росту влияния Демократической партии и «реакции». Было решено, что пост руководителя партии в Словакии займет Вильям Широки, заместитель председателя чехословацкого правительства от КПС, а с мая — член пражского руководства КПЧ, непримиримый критик «повстанческого» руководства. Общесловацкая конференция КПС в Жилине 8 августа 1945 г. формально «осветила» и подтвердила эти изменения.

Много лет тому назад Любомир Липтак впервые пришел к выводу о том, что военное поражение восстания в конце октября 1944 г. не позволило воплотить концепцию словацкого самоуправления⁷⁶ и что демократические способы решения национального вопроса потерпели крах. В этом смогли убедиться представители Словацкого

национального совета в конце мая 1945 г. в Праге, когда правительство отказывалось даже обсуждать предложенную концепцию федерализации⁷⁷. Данный вывод можно только дополнить замечанием о том, что демократическое решение национального вопроса в условиях, когда власть монополично принадлежит коммунистической партии, ставившей «классовые» интересы и цели «диктатуры пролетариата» выше всего остального, невозможно. Это окончательно подтвердилось на практике. Словацких коммунистов и в первую очередь повстанца и сторонника федерации Густава Гусака, ставшего в 1946–1948 гг. после поражения КПС на выборах (в мае 1946 г.) председателем Корпуса уполномоченных, ориентировали на политику ограничения полномочий словацких национальных органов, выстраиваемую по пражским рецептам Готвальда. Это доказала, наконец, и практика функционирования чехословацкой «федерации» в двадцатилетний период после поражения в 1968 г. Пражской весны.

Перевод с чешского Э. Г. Задорожнюк.

Частично опубликовано на чешском языке: Svět historie — histori-kův svět: sborník profesoru Robertu Kvačkoví. Liberec, 2007. S. 457–504.

Примечания

¹ Kamenec I. Civilný sektor a každodenný občiansky život na povstaleckom Slovensku // SNP 1944 — vstup Slovenska do demokratickej Európy. Banská Bystrica, 1999. S. 130.

² Д. Стэффорд убедительно продемонстрировал это на богатом документальном материале. См.: Stafford D. Britain and European Resistance, 1940–1945. A Survey of the Special Operations Executive, with Documents. London, 1980. S. 153.

³ Memorandum by the Secretary of State for Foreign Affairs on Soviet Policy in Europe, 9 August 1944. The National Archive (TNA), CAB 66/53, W.P. (44) 436. Annex III. Central Europe.

⁴ Minute F. K. Roberts, 29 May 1944. TNA, FO 371, 38922.

⁵ См., напр.: Nichols to Roberts, 27 May 1944, TNA, FO 371, 38922; Schoenfeld to Secretary of State, Nr. 3, 17 March 1944, Secretary of State to Schoenfeld, Nr. 3524, 2 May 1944, NARA Washington, RG 59, 869F.01.

⁶ Ср.: Geir Lundestad, The American Non-Policy in Central towards Eastern Europe, 1943–1947. Universalism in an Area of not Essential to the United States. Tromsø-Oslo-Bergen, 1978.

⁷ Официальные записи органов Министерства национальной обороны чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне в период 1943–1944 гг. Ср.: Slovenské národné povstanie. Dokumenty. Ed. V. Prečan. D. I (далее SNP. D. I). Bratislava, 1965. Dok. 8, 17, 27, 28, 34, 561. См. также: Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945 (далее — ČSVDJ/2). Praha, 1999. Dok. 68 (rozhovor E. Beneše a G. S. Žukova 18.12.1943) a dok. 72 (jednání gen. A. Hasala s gen. G. S. Žukovem).

⁸ О переговорах военных представителей имеется в распоряжении лишь советский документ, датированный 1.3.1944 г., из которого, однако, следует, что встреча состоялась в тот же день либо накануне. См.: Записка комиссара государственной безопасности Г. Жукова И. Сталину 1 марта 1944 г. // Národní Archiv Praha (далее NA). Fond SDRA. Kart. 1. Inv. č. 3 (фотокопии документов, которые находятся на хранении в Архиве президента Российской Федерации в Москве). См. также: Марьина В. В. Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 111–116. О переговорах во время ужина 2 марта в распоряжении имеются как чехословацкая, так и советская записи. Ср.: Записка Ф. Голикова и Г. Жукова И. Сталину и В. М. Молотову, 3 марта 1944 г. // Там же. См. также: SNP. D. I. Dok. 49 z 2.3.1944 (см.: ČSVDJ/2. Dok. 78. S. 232–237).

⁹ Записка Ф. Голикова и Г. Жукова И. Сталину и В. М. Молотову, 3 марта 1944 г. (см. прим. 8).

¹⁰ Radiotelegram z Londýna. 14. 5. 1944 // SNP. D. I. Dok. 61. Pozn. 1.

¹¹ Подробнее см.: Prečan V. Nacistická politika a Tisův režim v předvečer povstání // Historie a vojenství. Roč. 39. 1990. Č. 2–5; Č. 3. S. 10–14.

¹² Текст «Меморандума Чатлоша» см.: Марьина В. В. Указ. соч. С. 126–127 (на русском языке). Словацкую версию см.: SNP. D. I. Dok. 113.

¹³ Slovenské národné povstanie. Nemci a Slovensko 1944. Dokumenty (далее SNP. D. II). Ed. V. Prečan. Bratislava, 1971. Dok. 46–49, 51, 53, 64. (BA-MA, OKW/138.2, copy 2, H 11–12/4; PA AA Berlin, Handakten K. Ritter, B. 39, Slowakei.) 1944; NA. Bratislava. F. Národný súd, Onfud 6/46. Sv. 7. Fol. 641–646).

¹⁴ Radiogramy J. Goliana do Londýna 31.7., 3. a 4. 8. 1944 // SNP. D. I. Dok. 83. См. также: Dok. 136 (Píka Ingrovi. 16.8. 1944).

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid. Dok. 92.

¹⁷ SNP. D. I. Dok. 124. Jablonický J. Neúspešná misia v Moskve // Jozef Jablonický. Samizdat o odboji. Štúdie a články. Bratislava, 2004. S. 108–110. О приёме самолета и группы Голиан договаривался при посредничестве Лондона.

¹⁸ Telegram z Moskvy (gen. Píka) do Londýna. 21. 7. 1944 // SNP. D. I. Dok. 104 (24.7.1944).

¹⁹ Záznam Valeriana Zorina. 20. července 1944 // Československo-sovětské vztahy v době Velké vlastenecké války 1941–1945. Praha, 1960. S. 162.

²⁰ Письмо от 2 августа 1944 г. Я.Швермы (Москва) Р.Сланскому // Цит. по: Dějinná křižovatka. Slovenské národné povstání, předpoklady a výsledky. Eds. F. Beer et al. Praha, 1964. S. 279.

²¹ SNP. D. I. Dok. 118, 124, 127–128.

²² Zpráva gen. L. Z. Mechlise J. Stalinovi 5. srpna 1944 // NA Praha. F. SDRA. Kart. 1. Inv. č. 5/.(АППФ. Москва. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 30. См. также: Марьяна В. В. Указ. соч.).

²³ Jablonický J. Neúspešná misia v Moskve // Jozef Jablonický. Samizdat o odboji... S. 129–131, 139.

²⁴ Записка генерала армии А.Антонова И. Сталину с приложением донесения Славина о беседе со Шмидке. 10.08.1944 // NA. Praha. F. SDRA. Kart. 1. Inv. č. 6–7. См. также: Марьяна В. В. Указ. соч. С. 117–127.

²⁵ Гречко А. А. Через Карпаты. М., 1970; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Т. 2. М., 1973.

²⁶ Цит. по чешскому переводу мемуаров Штеменко. См.: Štemenko S. M. Generální štáb za války. Kniha druhá. Praha, 1974. S. 294.

²⁷ SNP. D I. Dok. 143, 155.

²⁸ Ibid. Dok. 113. Pozn. 3 (radiogramy Moskva — Londýn).

²⁹ Ср.: подробную запись о совещании: SNP. D I. Dok. 157.

³⁰ Ibid. Dok. 147, 148.

³¹ Ср.: донесение ген-майора Давыдова И. Сталину о беседе с ген. Пикой 27 августа 1944 г. NA. Praha. F. SDRA. Kart. 1. Inv. č. 9. См. также: Марьяна В. В. Указ. соч. С. 129–130.

³² Новейший критический обзор проблемы см. в: Jablonický J. Partizáni v auguste 1944 (написан в 1983 г.) // Jozef Jablonický. Samizdat o odboji II. Štúdie a články. Bratislava, 2006. S. 353–440.

³³ SNP. D II. Dok. 74, 77–80. Frank Himmlerovi a Lammersovi, Lammers Jodlovi, 26.-28. srpna 1944.

³⁴ Ibid. Dok. 82. См. также факсимиле.

³⁵ Ibid. Dok. 84. Ludin Ribbentropovi, 28. srpna 1944. (PA AA Berlin, Handakten Ritter, B. 39, Slowakei, E399780).

³⁶ Ibid. Dok. 86, 93.

³⁷ Ibid. Dok. 101.

³⁸ Ibid. Dokumentace A. S. 464–482.

³⁹ См.: Jablonický J. Generál Malár. Legionár a dôstojník // Samizdat o odboji. Štúdie a články. Bratislava, 2004. S. 464–482.

⁴⁰ Jablonický J. Zlyhanie Malárovej armády v Karpatoch // Ibid. S. 347–443.

⁴¹ О попытке ареста Чатлоша и его бегстве на повстанческую территорию см.: SNP. D. II. Dok. 107, 110, 111, 116, 129, 133. В центр восстания, Банскую Быстрицу, Фердинанд Чатлош добрался в первой половине дня 2 сентября. После разговора с Голианом был взят под стражу, а 13 сентября самолетом доставлен Советами в Москву.

- ⁴² Rafelsberger Kaltenbrunnerovi. 11. 10. 1944 // SNP. D. II. Dok. 174.
- ⁴³ Frank Himmlerovi. 20.9. 1944; Himmler Frankovi. 26.9.1944 // SNP. D. II. Dok. 148.
- ⁴⁴ Детальная картина о выступлении германских частей против восстания на базе немецких военных источников дана в: Schönherr K. Potlačenie SNP Nemeckou ríšou na jeseň 1944 // SNP 1944 — vstup Slovenska do demokratickej Európy. Banská Bystrica, 1999. S. 191–202. Словацкая точка зрения на ход боевых операций детально представлена в: Bosák P. Z bojových operácií na fronte SNP. Bratislava, 1979.
- ⁴⁵ SNP. D. I. Dok. 298.
- ⁴⁶ SNP. D. I. Dok. 404.
- ⁴⁷ Данная проблема исследуется в интересной и уже цитировавшей-ся выше работе: Kamenec I. Civilný sektor a každodenný občanský život na povstaleckom Slovensku... Pozn. 1 и др.
- ⁴⁸ Depeše od «Anny» (SNR) do Londýna. 18. a 26.8.1944 // SNP. D. I. Dok. 139.
- ⁴⁹ Drtina Benešovi. Moskva. 29.8.1944 // SNP. D. I. Dok. 172. Pozn. 2.
- ⁵⁰ Radiogram SNR. 12. 9. 1944 // SNP. D. I. Dok. 275; Šrobár a Šmidke Benešovi. 20.9.1944 // Ibid. Dok. 322.
- ⁵¹ Beneš pro Slovenskou národní radu. 6. 9. 1944 // Ibid. Dok. 258.
- ⁵² Ibid. Dok. 333.
- ⁵³ Šrámek a Ripka Šrobárovi. 20.9.1944 // Ibid. Dok. 317.
- ⁵⁴ Все обсуждавшиеся и готовившиеся в Лондоне предложения основаны на проектах четырех земских национальных комитетов — для земель Чешской, Моравско-силезской, для Словакии и Подкарпатской Украины. Подобного рода представления предложил Бенеш делегации СНС еще 5 ноября 1944 г.
- ⁵⁵ Ibid. Dok. 349.
- ⁵⁶ Příloha k zápisu z tajného zasedání SNR. 29.9.1944 // SNP. D. I. Dok. 372.
- ⁵⁷ Новейшую обширную подборку документов по истории делегации см.: Delegation Slovenské národní rady v Londýně (říjen-listopad 1944). Nové dokumenty (Vilém Prečan) // Česko-slovenská historická ročenka. 1999. S. 159–291.
- ⁵⁸ Delegation slovenské národní rady v Londýně... S. 211; см. также: SNP. D. I. Dok. 446.
- ⁵⁹ Nařízení SNR č. 40 // SNP. D. I. S. 1169.
- ⁶⁰ SNP. D. I. Dok. 512.
- ⁶¹ SNP. D. II. Dok. 197. На сегодняшний день считающееся лучшим изложением деятельности генерала Виеста в период восстания, основанное на критическом анализе источников и сохранившихся свидетельств, представлено в статье: Jablonický J. Za čest' generála Viesta z roku 1989 // Samizdat o odboji. Bratislava, 2004. S. 444–463.
- ⁶² См. прим. 31.

⁶³ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 296 и др.

⁶⁴ Záznam Szathmárgyho. 31. srpna 1944 // Archiv Ústavu TGM. Praha. F. 40. SSS. 10/3. Kart. 128.

⁶⁵ Fierlinger Ripkovi. 23.9.1944 // SNP. D. I. Dok. 340.

⁶⁶ Обзор этих вопросов содержится в небольшом исследовании, основанном главным образом на британских источниках: Prečan V. The 1944 Slovak Rising // British Political and Military Strategy in Central, Eastern and Southern Eastern Europe in 1944. Eds. W. Deakin, E. Barker, J. Chadwick. London, 1988. 223–234 PP. На чешском языке см.: V kradeném čase. Brno, 1994. S. 78–98 (Britové, Sověti a povstání).

⁶⁷ См.: SNP. D. I. Dok. 509, 514.

⁶⁸ Ср. также: SNP. D. II. Dok. 216.

⁶⁹ SNP. D. II. Dok. 211.

⁷⁰ Prečan V. Die nationalsozialistische Slowakeipolitik und das Tiso-Regime nach dem Ausbruch des Aufstandes 1944 // Gedenkschrift Martin Göhring, Studien zur europäischen Geschichte. Wiesbaden, 1968. S. 369–386.

⁷¹ SNP. D. I. Dok. 559; SNP. D. II. Dok. 226.

⁷² См., например, телеграмму посла Лудина с вербальной нотой словацкого министерства иностранных дел 10.11.1944. // SNP. D. I. Dok. 542; SNP. D. II. Dok. 206. Ср. также соответствующие пассажи в док. 215 и 228 (SNP. D. II) и письмо президента Тисо А. Гитлеру (Ibid. Dok. 223).

⁷³ Ср.: Korček J. Slovenská republika 1943–1945. K pôsobeniu mocensko-represívneho aparátu a režimu. Bratislava, 1999.

⁷⁴ Ibidem. См. также: Karpáty V. Pohotovostné oddiely Hlinkovej gardy 1944–1945 — organizácia a activity // Vojenská história. Vol. 9. 2005. Č. 4. S. 44–59.

⁷⁵ Этот пассаж основан на фактах и документах следующих публикаций: Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. D. 1–2. Eds. M. Klimeš, P. Lesjuk, I. Malá, V. Prečan. Praha, 1965; Rákoš E., Rudohradský Š. Slovenské národné orgány 1943–1968. Bratislava, 1973; Prečan V. Záznam o zasedání Ústředního výboru KS. 17. a 18. července 1945 // Česko-slovenská historická ročenka. 1997. S. 202–300; Rychlík J. Češi a Slováci ve 20. století // Česko-slovenské vztahy 1914–1945. Bratislava, 1997; Idem. Česko-slovenské vztahy 1945–1989. Bratislava, 1998; Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. D. II. Bratislava, 1998.

⁷⁶ Lipták L. Slovensko v prvej a druhej svetovej vojne // Slovensko v rokoch druhej svetovej vojny. Bratislava, 1991. S. 11.

⁷⁷ Lipták L. «Vzestupy» a «pády» Gustáva Husáka // Storočie dlhšie ako sto rokov. O dejinách a historiografii. Bratislava, 1999. S. 122.

Е. Л. Валева

Антифашистское Сопротивление в Болгарии: новые тенденции национальной историографии

Исследования по истории антифашистской борьбы в Болгарии и воздействия на ее динамику внешнего фактора — прежде всего событий на советско-германском фронте — неразрывно связаны с зарождением и развитием историко-партийной науки как самостоятельного направления болгарской историографии. После 1944 г. в стране ускоренными темпами происходила модернизация исторической науки, что выражалось в институциональном и кадровом развитии, формировании новой источниковой базы и тематики исследований. Однако одновременно историческая наука оказалась под жестким партийно-государственным контролем. Партийные оценки и установки в качестве обязательных некритично переносились в работы болгарских историков. С 1960-х гг. идеологический диктат постепенно ослабевал, и к началу болгарской «перестройки» марксистский подход фактически превратился в проформу. На рубеже 1980-х — 1990-х гг. в Болгарии, как и во всех странах бывшего «социалистического содружества», развернулась масштабная критика марксистской историографии, марксистско-ленинской методологии с ее принципами партийности и классового подхода ко всем явлениям общественной жизни. Помимо смены методологических основ, «перестройка» сопровождалась и изменениями исследовательских приоритетов и характера освещения поднимаемых проблем. Основные векторы этого процесса — изменения в сфере пользования архивными документами, активное формирование современной источниковой базы, обусловившие отказ от устоявшихся стереотипов и выработку исследователями новых подходов, выходящих за рамки марксистской парадигмы¹.

События 10 ноября 1989 г., когда пленум ЦК БКП отстранил от власти Т. Живкова, знаменовали собой начало трансформационных

процессов в болгарском обществе и государстве, приведших к смене общественного строя. Обозначился поворот и в ценностном научном восприятии прошлого, выразившийся в пересмотре многих, считавшихся ранее общепризнанными и незыблемыми оценок официальной историографии. При этом некоторые из них, особенно связанные с советско-болгарскими отношениями и ролью советского фактора в болгарской истории, сменились полностью противоположными. 20 лет назад, по свежим следам событий, В. В. Марьина прозорливо писала: «Революционные события, происшедшие в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в 1989 г., не останутся без последствий и в освещении истории Сопротивления в этом районе Европы», «существует немало вопросов, требующих дополнительного осмысления и корректировки, особенно в связи с новой ситуацией...»².

В начале трансформационного периода в Болгарии интерес к прошлому подчинялся текущей политике и варьировался в зависимости от принадлежности к различным политическим группам (БКП или антикоммунистической оппозиции), а также и от возраста автора. Полностью нашел подтверждение тезис о социальной функции истории, в которой каждое поколение ищет интерпретацию и мотивацию для решения проблем своего времени. Это объясняло потребность в «переписывании» истории, причем на всех уровнях — от научных исторических исследований, обобщающих трудов, учебников для школ и вузов до популярной литературы. На настроения общества, стремившегося узнать «всю правду» о событиях прошлого, первыми откликнулись публицисты, мемуаристы, журналисты и популяризаторы истории, активно предлагавшие собственную, «актуальную», интерпретацию истории, зачастую на низком научном уровне. Профессиональные историки, поднимая архивную «целину» и осваивая новые документальные материалы (что, естественно, требовало времени и серьезных аналитических усилий), объективно не могли соперничать со скороспелыми и претендовавшими во многих случаях на сенсационность публикациями интерпретаторов-любителей.

К середине 1990-х гг. усугублявшиеся социальные и экономические проблемы переходного периода привели к спаду общественного интереса к истории в целом и к переосмыслению социалистического прошлого в частности. Однако и на этом этапе попытки дать новые оценки предшествовавшей эпохе отражали динамику политического

развития, находились в прямой зависимости от результатов очередных выборов. Политический водораздел в болгарском обществе, характерный для начала переходного периода, сохранялся, оказывая влияние на отношение к прошлому, в том числе к проблемам периода Второй мировой войны и прихода коммунистов к власти в ее завершающей фазе. Ревизия оценок новейшей болгарской истории неслала на себе бремя новой политизации и конъюнктуры.

К концу 1990-х гг. советский фактор в национальной истории, по признанию самих болгарских историков, оставался слабо изученным и до конца не проясненным³. При том что общественный интерес к данной проблематике снизился почти до нулевой отметки, он еще и окрасился резко негативными эмоциями. На смену былому «марксистскому» пафосу пришла в публицистике и некоторых исторических изданиях его столь же непрофессиональная противоположность — антикоммунистический и антисоветский тон.

В современной Болгарии, которая в конце первого десятилетия XXI в. уже пережила наиболее трудные годы перехода от «государственного социализма» к европейской системе политического плюрализма и рыночной экономике, диапазон оценок сделанного и перспектив развития исторической науки достаточно широк. Наряду с голосами, выражающими полное недоверие результатам исследований советско/российско-болгарских отношений, в том числе и в годы Второй мировой войны, в научном сообществе звучат обоснования необходимости дальнейших исследований указанной проблематики. Акцентируются историческая и геополитическая обусловленность двусторонних отношений, незавершенность процесса переосмысления многих их аспектов. Об этом шла, в частности, речь на научной конференции «Россия в болгарской истории» (февраль 2003 г.)⁴. Согласно проведенному в 2005 г. анкетному исследованию «Историки об истории», сегодня в числе наиболее малоизученных и нуждающихся в новой научной интерпретации проблем болгарской истории оказались фашизм в Болгарии; антифашистская борьба или нелегальная деятельность левого движения; события 9 сентября 1944 г.; роль СССР в болгарской истории и влияние геополитических реальностей на исторические судьбы страны⁵.

Вступление 8 сентября 1944 г. Красной Армии в Болгарию длительное время характеризовалось в национальной историографии как освобождение страны от германской оккупации

и монархо-фашистского режима. Эта оценка не ставилась под сомнение, хотя она не могла не вызывать резонных вопросов. Можно ли говорить об «оккупации» Болгарии, примкнувшей в марте 1941 г. к странам фашистской «оси» и являвшейся сателлитом гитлеровской Германии? Правомерно ли оценивать политический режим в стране как «монархо-фашистский», и, вообще, имело ли в действительности место явление, именуемое «болгарским фашизмом»? Какова была специфика движения Сопротивления в Болгарии? Как адекватно оценить события 9 сентября 1944 г., в результате которых в стране была установлена коалиционная власть Отечественного фронта?

Целью данной статьи является проследить, как и под влиянием каких обстоятельств менялись со временем взгляды и оценки по интересующим нас вопросам, каковы основные тенденции развития болгарской историографии в постсоциалистический период, то есть после 1989 г. Ведь современное развитие исторической науки Болгарии является следствием и в то же время отражением перемен, которые наступили в государстве и обществе в процессе экономической и политической трансформации. Сами болгарские историки констатируют смену исследовательской парадигмы в результате отрицания марксизма как философии и методологии⁶.

Первые работы по антифашистской борьбе в Болгарии в годы Второй мировой войны, имеющие характер научного исследования, появились в конце 40 — начале 50-х гг. XX века. Уже тогда были поставлены основные вопросы движения Сопротивления: вооруженная борьба народных масс и руководящая роль в ней Болгарской рабочей партии (так называлась тогда Болгарская компартия), влияние Великой Отечественной войны советского народа на развитие антифашистской борьбы в Болгарии⁷. Общим недостатком этих публикаций, помимо крайней их идеологизации, были описательность, схематизм, слабая источниковедческая база.

Непосредственно в послевоенный, а затем и в социалистический период, когда Болгария находилась в советской орбите влияния, в историографии преобладало толкование фактов, создававшее исключительно благоприятное представление о роли болгарских коммунистов и СССР. Первым среди болгарских историков к освещению событий войны и роли в ней Советского Союза, борьбы СССР за мир обратился в начале 1950-х годов М. Михов⁸. Его статьи,

являясь первой попыткой прояснить статус-кво Болгарии накануне и в начале войны, написаны в крайне пропартийном, прокоммунистическом тоне, что вполне объяснимо для того времени. Роль СССР оценивается в этих работах со всех сторон позитивно. При этом надо отметить, что с точки зрения сегодняшнего дня статьи полны неточностей в толковании событий тех лет. Аналогичная трактовка содержится во втором томе академического издания «История Болгарии»⁹, опубликованном в 1955 г. Партийный подход и оценка роли СССР сохранились и во втором, переработанном издании этого труда, вышедшем в свет 9 лет спустя. Разница заключалась лишь в том, что кардинально изменилась оценка роли Сталина в годы войны: он уже назывался виновником того, что гитлеровские войска быстро и без особого сопротивления проникли в глубь территории Советского Союза¹⁰. Разумеется, такая позиция была продиктована курсом на десталинизацию, начатым XX съездом КПСС и воспринятым болгарскими коммунистами.

После апрельского (1956 г.) пленума ЦК БКП, сделавшего выводы из решений XX съезда КПСС применительно к Болгарии, создалась более благоприятная атмосфера для развития исторической науки. Расширение документальной базы, способствующий творчеству политический климат во многом обусловили то, что молодые научные кадры с энтузиазмом взялись за разрешение многих проблем антифашистской борьбы. Появились первые монографии, значительно возросло количество мемуарной литературы о периоде Второй мировой войны. Одним из наиболее изучаемых сюжетов на этом этапе стала вооруженная антиправительственная борьба, причем болгарской историографии социалистического периода свойственно преувеличение масштабов партизанской борьбы в стране. В многочисленных статьях и монографии Н. Горненского¹¹ обобщены предшествовавшие исследования и дана подробная картина движения Сопротивления от возникновения первых партизанских отрядов до победы Отечественного фронта 9 сентября 1944 г. Автор проследил тесную связь между нарастанием антифашистской борьбы в стране и победами Красной Армии. При этом характерная черта исторической концепции Н. Горненского — стремление рассматривать вооруженное Сопротивление как внутренний фактор, определивший условия победы 9 сентября. Сразу отметим, что после 1989 г. в Болгарии получила развитие тенденция пересмотра всего круга проблем, связанных

с приходом коммунистов к власти, а также самих сентябрьских событий 1944 г., все чаще называемых переворотом.

С конца 1960-х годов расширяется проблематика исследований, появляются серьезные работы по внешне- и внутривосточной истории Болгарии в период войны. Однако по-прежнему преобладала фактологическая направленность и количественная характеристика явлений, часто без необходимого анализа. Не были преодолены шаблонность и мелкотемье, отсутствовали крупные обобщающие труды. Наиболее целостным исследованием роли БКП в антифашистской борьбе и в организации победы 9 сентября 1944 г. на том этапе стала монография Ст. Петрова¹². Однако, хотя практически во всех работах отмечалось значение борьбы советского народа против гитлеровской Германии, в 1974 г. Д. Сирков отмечал, что «еще многое предстоит сделать для более полного раскрытия роли СССР в развитии антифашистской борьбы в Болгарии и побед Красной Армии для триумфа восстания 9 сентября»¹³.

Конец 60-х — начало 70-х гг. характеризуется проведением широких и интересных дискуссий болгарских историков по некоторым спорным вопросам, прямо или косвенно затрагивающим существенные аспекты антифашистского движения Сопротивления. Некоторые господствовавшие ранее точки зрения оказались дискуссионными и подверглись пересмотру. Так, в 1968 г. Институт истории БКП в связи с написанием истории Болгарской коммунистической партии провел дискуссию по вопросу о том, являлась ли Болгария оккупированной страной или сателлитом гитлеровской Германии. С конца 40-х вплоть до середины 60-х годов под влиянием коммунистической пропаганды времен войны болгарские историки писали, что после присоединения к Тройственному пакту 1 марта 1941 г. Болгария оказалась под «немецко-фашистской оккупацией». Впоследствии эта точка зрения была признана ошибочной, поскольку в годы Второй мировой войны страна сохранила все важные черты суверенитета и атрибуты государственности. В ходе дискуссии утвердилась более обоснованная точка зрения о том, что Болгария, находясь в экономической и политической зависимости от Германии, являлась ее сателлитом¹⁴. Этот вывод позволил историкам с новых позиций проанализировать условия, в которых разворачивалась антифашистская борьба болгарского народа. Стало подчеркиваться существенное различие между движением Сопротивления в стране-сателлите Германии и в

оккупированной стране. В 1972 г. в Институте истории БКП в связи с подготовкой обобщающего двухтомного издания «История антифашистской борьбы в Болгарии» прошли еще две дискуссии по таким спорным вопросам, как возникновение и этапы революционной ситуации в Болгарии и политическая линия БРП в годы Второй мировой войны¹⁵.

Двухтомник «История антифашистской борьбы в Болгарии. 1939—1944»¹⁶, вышедший в свет в 1976 г. — это фундаментальное исследование, охватывающее все важнейшие события антифашистского движения Сопrotивления болгарского народа, которое рассматривается в тесной связи с ходом Второй мировой войны, прежде всего, с событиями на советско-германском фронте, и с развитием социально-политической обстановки в самой Болгарии. Авторы подчеркивают специфику болгарского Сопrotивления, заключающуюся в том, что единственным руководителем вооруженной борьбы являлась БРП, а подавляющее большинство ее участников составляли коммунисты и члены Рабочего союза молодежи. Отмечая непосредственную связь возникновения движения Сопrotивления в Болгарии с началом Великой Отечественной войны Советского Союза, авторы труда отстаивают тезис, что ни начало Второй мировой войны, ни присоединение страны к Тройственному пакту (1 марта 1941 г.) не привели к видимым изменениям в общественном мнении и поведении, в политической жизни Болгарии. Лишь после 22 июня 1941 г., полагают авторы, на основе нового соотношения классовых и политических сил сложилась такая политическая обстановка, в которой БРП смогла призвать трудящихся к вооруженной борьбе.

24 июня 1941 г. ЦК БРП принял решение о разворачивании вооруженных действий против гитлеровцев и болгарских «монархо-фашистов». Однако изменение обстановки и переход к вооруженной борьбе еще не означали создания в Болгарии революционной ситуации. В двухтомнике впервые в болгарской историографии (в духе указаний Т. Живкова) отмечается, что курс на подготовку вооруженной борьбы был принят при отсутствии самого важного условия — внутривнутриполитического кризиса и революционной ситуации. Стратегия БРП базировалась на общей линии мирового коммунистического движения, которая вырабатывалась в Москве, строилась с учетом международного значения того факта, что Советский Союз был вынужден начать Великую Отечественную войну против гитлеровцев. С этого момента

судьба и развитие антифашистского движения в Болгарии в решающей степени зависели от хода и исхода гигантской битвы на Восточном фронте. Революционная ситуация возникла позднее, летом-осенью 1943 г., в ходе постепенно расширявшейся антифашистской борьбы. При этом решающее влияние на ее складывание оказывал внешний фактор — военные успехи антигитлеровской коалиции и прежде всего побед Советской Армии на Восточном фронте. Именно в этом заключалось своеобразие революционного процесса, происходившего в период Второй мировой войны в Болгарии. Кульминационной точкой революционный кризис достиг летом 1944 г., когда стало объективно возможно, чтобы он перерос в социальную революцию при благоприятной обстановке, создавшейся в результате наступления Красной Армии на Балканах.

Авторы двухтомника уделяют значительное место русофильству болгарского народа. Возникшее под руководством компартии движение за дружбу и союз с СССР еще с осени 1939 г. стало приобретать роль первостепенного фактора в политической жизни Болгарии. С начала войны не было ни одного более или менее крупного события в общественно-политической жизни страны, которое так или иначе не переплеталось бы и не связывалось с этим кардинальным вопросом внешней политики страны. Массовое движение за заключение болгаро-советского пакта о взаимной помощи (так наз. «Соболевская акция» — по фамилии передавшего советское предложение о пакте генерального секретаря Наркоминдела А. А. Соболева) приняло в конце 1940 — начале 1941 г. размах и значение подлинно народного плебисцита и показало, что «народные массы не поддерживают политику правящей монархо-фашистской верхушки, что они желают демократии, мира и дружбы с СССР», — отмечалось в двухтомнике¹⁷. Учитывая русофильские чувства значительной части населения, царь Борис III отказался послать своих солдат на Восточный фронт во время советско-германской войны. Несмотря на нажим Гитлера, Болгария, единственная из союзников Германии, сохраняла дипломатические отношения с СССР на протяжении почти всей войны.

Переломными в болгарской историографии Второй мировой войны считаются исследования Н. Генчева¹⁸ о внешнеполитической ориентации Болгарии, сделавшего попытку выйти за узкопартийные рамки и придерживаться профессионального исторического подхода. В 1970-е — 1980-е годы болгарская историография Второй мировой

войны поистине переживает подъем: появляется целый ряд научных исследований, в которых преобладает профессионализм. Наиболее значимыми работами этого периода являются монографии В. Тошковой¹⁹, И. Димитрова²⁰ и Д. Сиркова²¹, И. Димитрова²², Г. Маркова²³. В этих трудах рассматриваются вопросы внешней политики и международного положения Болгарии в годы войны, политических и дипломатических отношений с великими державами, в той или иной мере затрагивается вопрос о внешней политике СССР и влиянии ее на Болгарию. Особо здесь следует отметить книгу Л. Спасова, специально посвященную болгаро-советским дипломатическим отношениям²⁴. Несомненным достоинством названных работ является то, что они базируются на аутентичных документальных источниках. Разумеется, в большей или меньшей степени эти работы носят идеологический отпечаток своего времени, поскольку господствовавшие тогда идейные догмы и взгляды были обязательны по меньшей мере как установки.

К примеру, марксистская болгарская историография характеризовала политический режим Болгарии в годы Второй мировой войны как «монархо-фашистскую диктатуру», а борьбу с ним, соответственно, как «антифашистскую». Пожалуй, немного найдется тем, вокруг которых было сломано столько копий, как вокруг проблемы о «болгарском фашизме». В Болгарии до 1989 г. состоялось несколько научных дискуссий, однако движение идей фактически проходило в рамках превращенных в догму установок VII конгресса Коминтерна (1935 г.) о фашизме и об их полной применимости к Болгарии. Такая постановка вопроса позволяла вместить в понятие «фашизм» почти все, связанное с развитием страны в 1918–1944 гг. Постулат о «почти непрерывной фашистской диктатуре» в межвоенный период и в годы Второй мировой войны был необходим для показа масштабов антифашистской борьбы компартии, а также для оправдания суровой расправы с политической оппозицией после 9 сентября 1944 г. Путь к переоценке понятия «болгарский фашизм» оказался долгим и сложным, но к концу 80-х годов уже большинство связанных с темой «фашизм» марксистских формулировок ставилось под сомнение.

Перемены, наступившие в Болгарии после 1989 г., положили начало новому этапу в изучении данной проблематики, в ходе которого большинство ученых отошло от марксистского понимания такого сложного явления, как фашизм. В 1996 г. на страницах журнала

«Демократически преглед» было проведено обсуждение в форме анкеты под тем же заголовком «Был ли фашизм в Болгарии?», в котором приняли участие все занимающиеся в настоящее время данной проблемой ученые, невзирая на политические пристрастия, в том числе такие авторитетные историки, как Г. Марков, В. Мигев, Ст. Грынчаров, И. Баева. Было высказано единодушное мнение, что правящие в Болгарии в межвоенный период режимы были не фашистскими, а авторитарными, что фашистские организации (как, например, Народное социальное движение А. Цанкова) не имели реального веса в болгарском обществе. В 1935–1943 гг. существовал личный (авторитарный) режим царя Бориса с ограничением некоторых гражданских прав и свобод. Определенное усиление авторитаризма и профашистских тенденций наблюдается после вступления Болгарии в Тройственный пакт 1 марта 1941 г., но и тогда режим не принял тоталитарного характера. В пользу этого говорит отсутствие массовой фашистской партии и ее политической опоры. В известной степени допускалось легальное проявление оппозиции. Отказ правительства (под напором общественности) выполнить требование Германии о депортации и уничтожении болгарских евреев в 1943 г. также свидетельствует о явном отличии болгарского режима тех лет от «классических» фашистских. Подводя итоги, организаторы анкеты признали тезис о том, что в межвоенный период и в годы Второй мировой войны Болгария являлась «фашистским государством», устаревшим идеологическим построением, полностью отвергнутым современной наукой²⁵.

С вопросом о характере политических режимов в Болгарии в период с 1923 по 1944 гг. многие историки связывают правомерность самих терминов «антифашистская борьба» и «антифашистское Сопротивление». Эта терминология использовалась уже в документах Болгарской рабочей партии (БРП) периода войны, когда партия звала трудящихся на борьбу с «монархо-фашистской диктатурой», и затем утвердилась в пропаганде, публицистике и марксистской историографии, находившейся под влиянием политической конъюнктуры. Если марксистская болгарская историография с гордостью констатировала, что в Болгарии, единственной из стран-сателлитов Германии, значительных размеров достигло антифашистское движение Сопротивления, то на нынешнем этапе во многих работах подчеркивается противозаконность вооруженной антиправительственной борьбы

в годы войны. Тем не менее, и сегодня многие болгарские авторы широко употребляют термины «антифашистская борьба» и «движение Сопротивления», полагая, что оно включает в себя как сопротивление прогерманскому внешнеполитическому курсу болгарского руководства, так и борьбу за свержение существовавшего в стране авторитарного режима. К примеру, Й. Баев считает, что дискуссионный вопрос об уместности использования термина «антифашистское Сопротивление» не учитывает разделения мира в этот период на страны фашистской Оси и антифашистской коалиции²⁶.

В то же время значительное число исследователей считает более адекватным термин «антиправительственная борьба», поскольку вооруженная борьба велась в основном против болгарской армии и полиции, и лишь эпизодично — против германских войск. Его важной особенностью было то, что оно направлялось из Москвы с далеко идущими политико-идеологическими намерениями. Так, авторы вышедшей в 1999 г. «Истории Болгарии нового времени. 1878–1944» пишут: «Но если страна имеет все необходимые атрибуты государственности, то единственным законным способом противостояния власти является легальная оппозиционная деятельность. Причем в Болгарии эта деятельность ограничивалась, но все же допускалась. Насилие противозаконно. Оно противозаконно вдвойне, поскольку руководство сопротивлением осуществлялось извне и в интересах иностранного государства. Объяснение присутствием германских войск в стране не представляется серьезным. За небольшими исключениями вооруженная борьба велась против болгарских войск и полиции. Жертвами индивидуального террора также становились болгары»²⁷.

В опубликованном в 1995 г. учебном пособии «История Болгарии (681–1960)» также констатируется, что поскольку Болгария не была оккупирована, борьба велась там против собственного правительства, против болгарских войск и полиции и лишь эпизодически — против немцев, поэтому по существу это была гражданская война²⁸. В то же время отмечается, что для мотивации участия в Сопротивлении большое значение играл следующий важный момент: братский славянский народ, проливший кровь за освобождение Болгарии от турецкого ига, ныне сам стал жертвой агрессии, и ему нужна помощь. На этой основе ряд болгарских интеллигентов, в том числе высших офицеров (генералы Владимир Заимов, Никифор Никифоров,

Александр Пеев и др.), работали в годы войны на советскую разведку и отдали свою жизнь как бойцы «невидимого фронта», доставляя советскому верховному командованию бесценную информацию²⁹. Эта особенность движения Сопротивления в Болгарии — направленность не против иностранного присутствия, а против собственных правителей — ограничивала его размах, не позволила ему превратиться во всенародное. Политический состав борцов болгарского Сопротивления был весьма узким: подавляющее их большинство составляли коммунисты и комсомольцы.

В настоящее время публикации болгарских историков по международным аспектам болгарского вопроса практически прекратились. Исключением является капитальный труд Л. Спасова «Болгария и СССР, 1917–1944 г. (политико-дипломатические отношения)»³⁰, в котором двусторонние связи рассматриваются во всей их полноте. Автор, по его словам, стремился осветить не просто двусторонние отношения, но отношения между великой державой и малой страной, анализирует диалог между государственными деятелями и дипломатами с различным менталитетом — имперским, характерным для советских представителей, и приспособленческим, типичным для царя Бориса и болгарских кабинетов. Автор стремился раскрепостить тему болгаро-советских отношений от навязываемой ей в прошлом и ныне обремененности шаблонами и схемами, расширить ее и обогатить с помощью широкой документальной основы, осветить спорные вопросы. Как отмечает в предисловии сам Л. Спасов, до перемен в Болгарии и в России при изучении болгаро-советских отношений, как правило, абсолютизировалось советское миролюбие и бескорыстие, мифологизировалась деятельность болгарских коммунистов, а болгарские буржуазные правительства обвинялись в провале любого неосуществившегося начинания между двумя странами. Тем не менее, облик болгарской историографии на данную тему определяется не тезисами, сформулированными под воздействием господствовавшей на протяжении десятилетий идеологической обстановки, а серьезными научными исследованиями, не потерявшими значения и сегодня.

Согласно позиции автора, устранение идеологических барьеров и переход СССР на позиции ревизионизма лежат в основе подъема болгаро-советских отношений в конце 1939 — начале 1940 г.³¹. Этому способствовало подписание пакта Молотова — Риббентропа,

в результате чего СССР отказался от политики коллективной безопасности и присоединился к германской политике структурно-системных изменений в Европе, поскольку геополитическая сущность германо-советского пакта 1939 г. заключалась в перекраивании политической карты старого континента.

Большое внимание в работе уделяется роли Коминтерна как инструмента советской внешней политики, который порой играл определяющую роль в развитии болгаро-советских отношений. Поддержка антиправительственной борьбы в Болгарии начала осуществляться советским руководством через Коминтерн уже в первые месяцы Великой Отечественной войны. Учитывая особое положение Болгарии — с одной стороны, как союзника Германии, с другой — как страны с традиционно прорусскими настроениями и с сильной компартией, — советское руководство решило направить туда группы болгарских политэмигрантов для ведения разведывательных, боевых и саботажных действий в тылу гитлеровской Германии. Здесь надо отметить, что в болгарской исторической литературе долгое время господствовала версия о том, что политэмигранты направлялись в Болгарию по решению Загранбюро ЦК БРП для оказания помощи партии при организации вооруженной антифашистской борьбы³². Новые документы позволили сделать вывод, что болгарские эмигранты посылались на родину советскими секретными службами в качестве советских разведчиков³³. Так, руководитель одной из групп политэмигрантов, полковник Красной Армии Цвятко Радойнов незадолго до отправки в Болгарию в 1941 г. был зачислен в Специальный отряд войск НКВД³⁴. Другой руководитель группы, впоследствии генерал, Иван Винаров, писал в своих воспоминаниях, что они «должны были поддерживать самые тесные контакты с органами Четвертого (Разведывательного) управления Красной Армии и с органами НКВД»³⁵.

Объявление советским правительством состояния войны с Болгарией 5 сентября 1944 г. — «политический акт, связанный не только со скорейшим и окончательным разгромом фашистской Германии», — считает Л. Спасов. Этим шагом советское правительство предохранило болгарское правительство от навязывания ему перемирия на исключительно тяжелых условиях. «В то же время оккупация Болгарии советскими войсками резко изменила соотношение сил в стране в пользу Москвы»: в Болгарии были созданы необходимые

условия для установления коммунистического правления. На фоне стремительно развивающейся военно-политической обстановки усилия болгарских правительств избежать советизации Болгарии закончились провалом.

В книге Е. Калиновой и И. Баевой «Болгарский транзит», выдержавшей уже три издания³⁶, также уделено значительное внимание советскому фактору в болгарской истории, в том числе в годы Второй мировой войны. В работе подчеркивается, что СССР располагал благоприятными возможностями для организации движения Сопротивления в Болгарии, рассчитывая на дисциплину и пролетарский интернационализм болгарской компартии. В Москве в годы войны находились Заграничное бюро ЦК БРП и лидер партии, генеральный секретарь Коминтерна Георгий Димитров, которые передавали инструкции по развертыванию антиправительственной борьбы болгарским коммунистам. В Софии действовало и советское посольство, подробно информировавшее Москву о положении в стране. Умело использовались и русофильские настроения в обществе. Поэтому, заключают авторы, в Болгарии, несмотря на объективное отсутствие благоприятных условий, все же развернулось движение Сопротивления, контролируемое и руководимое Москвой. И если в 1939–1940 гг. СССР пытался «завоевать» Болгарию на свою сторону, но «проиграл» дипломатическое соревнование с Германией, то в годы войны Москва подготовила свой «реванш», обеспечив серьезную внутреннюю опору в лице болгарской компартии и руководимого ею движения Сопротивления. С вступлением Красной Армии на Балканы Москва сумела прочно гарантировать свои стратегические интересы в регионе³⁷. Исследовательницы придерживаются той позиции, что переменны в развитии Болгарии «наступили в результате переворота в центре и повстанческих действий в провинции, но в основе всех действий стояла БРП — организатор антифашистского Сопротивления в годы войны. Она действовала в соответствии с указаниями Москвы, где находились ее лидеры Георгий Димитров и Васил Коларов, причем ее действия облегчались вступлением Красной Армии и договоренностями между странами Антигитлеровской коалиции»³⁸. Согласно этим договоренностям Болгария перешла в советскую сферу влияния, а ее национальные интересы стали частью стратегии СССР.

Е. Калинова в своей монографии «Победители и Болгария (1939–1945)» подробно проследила решающую роль внешнего фактора,

прежде всего советского, в развитии страны в указанный период. В книге проводится мысль, что в политике относительно Болгарии советское руководство рассчитывало на болгарских коммунистов. Так, «принятый БРП курс на вооруженную борьбу целиком и полностью являлся результатом инструкций Москвы и в последующие годы оставался непосредственно связанным с поступавшими оттуда указаниями»³⁹. С осени 1941 г. в советской политике по отношению к Болгарии, помимо усилий по организации движения Сопротивления под руководством компартии, очерчивается и другая линия. Это дипломатические усилия Москвы по оказанию давления на болгарские правящие круги с целью заставить их уменьшить возможности Германии использовать болгарские военные и экономические ресурсы.

После Сталинградской и Курской битв происходит перелом в ходе войны. Логично предположить, пишет автор, что летом-осенью 1943 г. в Москве начинают обдумывать пути превращения военных побед в политические дивиденды по окончании войны. В Болгарии советская политика направлена прежде всего на активизацию движения Сопротивления (расширению антифашистского Сопротивления во всех европейских странах способствует, помимо побед советского оружия, решение Сталина о роспуске Коминтерна в мае 1943 г.). Весной 1943 г. партизанское движение в Болгарии разрастается и объединяется в Народно-освободительную повстанческую армию (НОПА), страна разделена на военно-оперативные зоны, а с августа действует Национальный комитет Отечественного фронта. «Так под руководством Москвы в Болгарии в 1943–1944 гг. создается значительное движение Сопротивления..., хотя на него и оказывает сильное влияние положение страны как германского союзника и поэтому оно направлено, прежде всего, против болгарских правящих кругов, сотрудничающих с Рейхом»⁴⁰. По мнению автора, с конца 1943 г. Москва начинает ориентироваться на самостоятельную линию в отношении Болгарии. При этом Сталин руководствуется в первую очередь интересами советской безопасности, которые являются продолжением традиционных российских устремлений. С приближением летом 1944 г. советско-германского фронта к Балканам партизанские соединения в Болгарии стали получать оружие и боеприпасы, которые сбрасывали с самолетов советские летчики. Правительственную перемену 9 сентября Е. Калинова характеризует как переворот, осуществленный при советской (хотя и не прямой) поддержке⁴¹.

В новейшей болгарской литературе отмечается, что советские представители поддерживали самые тесные контакты с вооруженным антифашистским движением в Болгарии. Информацию о состоянии и задачах нелегального движения Сопротивления левых сил поступали по нескольким каналам — от ЦК БРП, по радиосвязи между Г. Димитровым и Главным штабом партизанского движения, а также от отдельных советских разведгрупп. Эти сообщения пересылались через резидентуру Главного разведывательного управления Генштаба Красной Армии и Первого отдела НКГБ⁴². В непрерывном потоке телеграмм и шифровок из Москвы Димитров давал указания руководителям БРП о политической тактике, которой они должны были следовать. Советское посольство в Болгарии также сосредоточилось в годы войны на разведывательной деятельности. Используя исключительно благоприятные возможности почти единственного посольства СССР в Европе, располагавшего экстерриториальностью, дипломатическим иммунитетом, шифрами и дипкурьерами, оно стало одним из центров советской разведки в Европе. В значительной степени благодаря поддержке болгарской общественности посольство достигло в этой области немалых успехов⁴³.

В посткоммунистический период кардинальным образом изменилась оценка событий 9 сентября 1944 г., ответ на вопрос, что это было — революция, восстание или переворот⁴⁴. Авторы упомянутой выше «Истории антифашистской борьбы в Болгарии» поддерживали тезис, согласно которому восстание провозглашалось началом социалистической революции в стране. Они утверждали, что вооруженное восстание могло стать победоносным лишь при сочетании внутреннего фактора с ударом извне — «при решающей помощи Советской Армии». Имелись в виду не только объявление войны Болгарии 5 сентября 1944 г. или вступление советских частей на территорию Болгарии 8 сентября («освободительный поход», присутствие в стране «армии-освободительницы», неоценимая братская помощь Советского Союза), но и общая благоприятная стратегическая обстановка на Балканах в результате наступательных операций Красной Армии⁴⁵. Аналогичная оценка содержалась и в индивидуальных монографиях болгарских ученых⁴⁶. Наряду с оценками событий 9 сентября как революции, в научном обиходе по-прежнему использовалось и определение «народное восстание», отражавшее конкретные события вокруг взятия власти.

В конце 1990-х годов в научный обиход прочно вошло определение «переворот», причем если одни авторы тяготели к трактовке переворота как узко заговорщического и едва ли не случайного события⁴⁷, то другие предпочли вернуться к тезису о решающей роли внешнего фактора (наступление Красной Армии, соглашения союзников по Антигитлеровской коалиции относительно Болгарии), отрицая факт восстания и уменьшая значение вооруженного Сопrotивления, в частности, действий партизанских отрядов⁴⁸. С. Грынчаров, защищавший тезис о военном перевороте, убежден, что в условиях, когда власти распорядились не оказывать сопротивления наступавшей Красной Армии, ни о каком «героическом» взятии городов и сел партизанами, штурме тюрем и освобождении арестованных не могло быть и речи. Поэтому «всемирное антифашистское восстание» является, по мнению С. Грынчарова, «полной бутафорией»⁴⁹.

В историографии последних лет отразилась позиция, сторонники которой, не отрицая факт переворота, предлагают вместе с тем не преувеличивать роль военных в событиях 9 сентября. Участие армии в захвате Военного министерства они оценивают прежде всего как сигнал к взятию власти комитетами Отечественного фронта и партизанскими отрядами по всей стране⁵⁰. В развитие этого тезиса определился и еще один подход к событиям 9 сентября — как к «военно-политическому перевороту», при котором коммунисты использовали военных для взятия власти.

Несмотря на то, что оценки событий 9 сентября в наши дни по-прежнему варьируются от «вооруженного народного восстания» до «переворота», качественные характеристики которого также различны, следует признать: практически все болгарские исследователи сегодня единодушны — для Болгарии эта дата имела большое историческое значение. С ней связано установление впоследствии политического режима советского типа и внедрение советской модели управления. Своего рода собирательной является оценка событий, данная И. Баевой и Е. Калиновой. Исследовательницы отмечают, что перемены в развитии страны «наступили в результате переворота в центре и повстанческих действий в провинции, но в основе всех действий стояла БРП — организатор антифашистского Сопrotивления в годы войны. Она действовала в соответствии с указаниями Москвы, где находились ее лидеры Георгий Димитров

и Васил Коларов, причем действия партии облегчались вступлением в Болгарию Красной Армии и договоренностями между странами антигитлеровской коалиции»⁵¹. В одной из последних работ Е. Калинова указывает, что «в ночь с 8 на 9 сентября был осуществлен переворот», в результате которого «при советской (хотя и не прямой) поддержке» к власти пришло правительство Отечественного фронта⁵².

Проблема адекватной оценки событий 9 сентября сохраняет свою актуальность и поныне. Объективно это связано с тем, что, как отмечает М. Минчев, в происшедшей 9 сентября 1944 г. радикальной перемене «можно найти элементы или хотя бы аргументы в пользу трех основных тезисов» — о передаче власти болгарским коммунистам Красной Армией, о «народном вооруженном восстании» и, наконец, о «военном перевороте»⁵³. Некоторым современным исследователям присущ аккуратно-осторожный подход, отраженный в нейтральной формулировке — «перемена 9 сентября»⁵⁴.

Принципиальной переоценке в постсоциалистический период подверглось и вступление Красной Армии в Болгарию — оно перестало символизировать освобождение. Слова «освободительная миссия», «освободительный поход» Красной Армии стали писать не иначе, как в кавычках. События 9 сентября 1944 г. увязывались с «советской оккупацией» и началом коммунистического тоталитаризма; получили распространение суждения о «третьей национальной катастрофе» Болгарии.

В заключение приведем слова академика И. Димитрова, писавшего, что в истории любого народа есть события и личности, которые «обречены оставаться спорными и для людей, и для науки». Как не может ни одна власть установить, что правильно, а что — нет, так и «для исторической науки нет окончательных и тем более официальных и обязательных истин»⁵⁵. С этим трудно не согласиться.

Примечания

¹ Подробнее см.: Валева Е.Л. Развитие исторической науки в Болгарии на современном этапе // Славяноведение. 2007. № 6.

² См.: Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (Вопросы национальной историографии). / Отв. ред. В. В. Марына. М., 1991. С. 18, 215.

³ Баев Й. Някои проблеми на съветската политика към България (1943–1945 г.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София, 1999. С. 67.

⁴ Русия и България — между «филството» и «фобството». Материали от научните конференции «Русия и Европа през XX век» и «Русия в българската история» // <http://anamnesis.info/Ru-Bg/Articles/Bg-Ru.pdf>

⁵ Запрянова А., Нягулов Бл., Марчева И. Историографията между приемственост и промяна: А. За текущата история на историческата наука в България. Б. Анкетно проучване «Историци за история» // Исторически преглед. 2005. № 1–2. С.3–97; Историческата наука в България — състояние и перспективи. София, 2006.

⁶ Историческата наука в България...

⁷ См., например: Тодоров Г. За отражението на Великата Отечествена война на Съветския Съюз у нас през 1941 и 1942 г. // Исторически преглед. 1951–1952. Кн. 4–5. С. 347–379.

⁸ Михов М. Борбата на СССР за мир на Балканите в началото на Втората световна война и България // Военно-исторически сборник. София, 1953. Кн. 4; он же. Борбата на СССР за предотвратяване на хитлеристката агресия на Балканите по времето на Втората световна война // Военно-исторически сборник. 1954. Кн. 1.

⁹ История на България. Т. 2. София, 1955. С. 876.

¹⁰ История на България. Второ преработено издание. Т. 3. София, 1964. С. 380.

¹¹ Горненски Н. Въоръжената борба на българския народ за освобождение от хитлеристката окупация и монархо-фашистката диктатура (1941–1944). София, 1958.

¹² Петров Ст. Стратегията и тактиката на БКП в борбата против монархо-фашизма (1941–1944 г.). София, 1969.

¹³ Сирков Д. Поглед върху някои историографски проблеми на антифашистката борба в България по време на Втората световна война // Векове. София, 1974. № 4–5. С. 74–75.

¹⁴ См.: Положението на България по времето на Втората световна война — окупирана или сателитна страна // Известия на Института по история на БКП. Т. 21. София, 1969. С. 273–331.

¹⁵ См.: Дискусия по някои въпроси от историята на БКП // Известия на Института по история на БКП. Т. 29. 1973. С 183–401; Т. 30. 1974. С. 165–354.

¹⁶ История на антифашистката борба в България. 1939–1944. В два тома. (Гл. ред. К. Василев). София, 1976.

¹⁷ История на антифашистката борба в България. Т. 1. София, 1976. С. 128.

¹⁸ Генчев Н. Външнополитическата ориентация на България в навечерието на Втората световна война (септември 1938 — септември 1939 г.) // Годишник на Софийския университет. Философско-исторически факултет. 1968. Т. 61. Кн. 3; он же. Външната политика на България през началния период на Втората световна война 1939–1941 г. // Годишник на Софийския университет. 1970–1971. Т. 63.

¹⁹ Тошкова В. България и Третият Райх. 1941–1944 г. София, 1975; она же. България в балканската политика на САЩ 1939–1944 г. София, 1985.

²⁰ Димитров И. Българо-италиански политически отношения. 1922–1943 г. София, 1973.

²¹ Сирков Д. Външната политика на България. 1938–1941 г. София, 1979.

²² Димитров И. Англия и България 1938–1941 г. София, 1983.

²³ Марков Г. Българо-германски отношения 1931–1939 г. София, 1984.

²⁴ Спасов Л. Българо-съветски дипломатически отношения 1934–1944 г. София, 1987.

²⁵ См.: Анкета на сп. «Демократически преглед» — «Имало ли е фашизъм в България?» // Демократически преглед. София, 1996. № 4–5. С. 368–444.

²⁶ Баев И. Някои проблеми на съветската политика към България... С. 77.

²⁷ См.: Стателова Е., Грънчаров С. История на нова България. 1878 — 1944. Том III. София, 1999. С. 606.

²⁸ История на България (681–1960). Т. II. София, 1995. С. 461.

²⁹ См.: Невидимите барикади. Очерци за българи — съветски разузнавачи. София, 1968.

³⁰ Спасов Л. България и СССР. 1917–1944 г. (политико-дипломатически отношения). Велико-Търново, 2008. С. 486–487.

³¹ Там же. С. 502

³² См.: Ерелийска М. Героичният подвиг на българските политемигранти през 1941 г. // Известия на Института по история на БКП. 1963. Т. 10. С. 348; Видинский К. Подводники. Воспоминания. София, 1987.

³³ См.: Даскалов Д. Жан съобщава. Задграничното бюро и антифашистката борба в България. 1941–1944. София, 1991. С. 58–75.

³⁴ См.: Живот — борба. Книга за Цветко Радойнов. София, 1986. С. 122.

³⁵ См.: Винаров И. Бойци на тихия фронт. София, 1969. С. 557.

³⁶ Калинова Е., Баева И. Българските преходи. 1944–1999. София, 2000; они же. Българските преходи. 1939–2002. София, 2002; они же. Българските преходи. 1939–2004. София, 2004.

³⁷ Калинова Е., Баева И. Българските преходи. 1939–2002... С.21.

³⁸ Там же. С.40.

³⁹ Калинова Е. Победителите и България (1939–1945). София, 2004. С. 89–90.

⁴⁰ Там же. С. 94.

⁴¹ Там же. С. 106.

- ⁴² Баев И. Някои проблеми на съветската политика към България... С. 69.
- ⁴³ См. Ревякина Л. Съветската легация в България (22 юни 1941 — 9 септември 1944 г.) // Българо-съветски политически и военни отношения (1941 — 1947). Статии и документи. София, 1999.
- ⁴⁴ Подробнее см.: Валева Е.Л., Волокитина Т. В. България в годы Второй мировой войны: некоторые дискуссионные вопросы национальной историографии // Славянский мир в поисках идентичности. М., 2011.
- ⁴⁵ История на антифашистката борба... Т.2. С. 271, 283–284.
- ⁴⁶ См., например: Петрова С. Деветосептемврийската социалистическа революция 1944 г. София, 1981; Огнянов Л. Деветосептемврийската социалистическа революция. София, 1984.
- ⁴⁷ Минчев М. България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 77.
- ⁴⁸ Огнянов Л. Държавно-политическата система на България. 1944–1948. София, 1993. С. 9–11; Рачев С. Чърчил, България и Балканите. 1939–1945 г. София, 1998.
- ⁴⁹ Божилов И., Мутафчиева В., Косев К., Пантев А., Грънчаров Ст. История на България. София, 1998. С. 498; Стателова Е., Грънчаров Ст. История на нова България. 1878–1944. София, 1999. С. 632–633.
- ⁵⁰ Минчев М. България отново на кръстопът (1942–1946). София, 1999. С. 68.
- ⁵¹ Калинова Е., Баева И. Българските преходи. 1939–2002... С. 40.
- ⁵² Калинова Е. Победителите и България... С. 106.
- ⁵³ Минчев М. България отново на кръстопът... С. 42–77.
- ⁵⁴ Калинова Е., Баева И. Българските преходи. 1939–1999. София, 2000. С. 24; они же. Българските преходи. 1939–2002... С. 39; Они же. Българските преходи. 1939–2005. София, 2006. С. 39, 40, 44; Недев С. Българската армия под съветско командване // България и Русия: между признателността и прагматизма. София, 2008. С. 377.
- ⁵⁵ Димитров И. Между Мюнхен и Потсдам. Българската политика през Втората световна Война. Исторически очерци. София, 1998. С. 196–197.

Б.И. Желицки

Советские сведения о Венгрии, ее политиках и политэмигрантах 1941–1945 гг. (по материалам московских архивов)

Версальская система мирных договоров (1920 г.) после Первой мировой войны не только окончательно стерла с политической карты Европы такую великую европейскую державу, как Австро-Венгерская монархия, которая играла важную роль в обеспечении европейского равновесия сил, но расчленила и историческую Венгрию. Версальские миротворцы приняли явно недальновидное решение, они не предполагали, что сохранение монархии могло бы стать силой, способной — с учетом ее геополитических интересов — помешать гитлеровской агрессии на Восток, не допустить столкновения двух гигантов. Малые же государства, созданные на развалинах монархии, на это не были способны. Венгрию миротворцы в Версале наказали более сурово, чем главных виновников мировой войны: она была расчленена, лишилась трёх четвертей прежних территорий. Потеря национальных окраин не особенно волновала венгров, но Версаль сделал их *самой расколотой на части нацией Европы*. А это обстоятельство ущемляло национальные интересы страны и народа, не давало покоя и правящему классу, подталкивая его к ревизионизму. Именно это обстоятельство, то есть фактор искусственной расчлененности этноса, заставило Венгрию с конца 30-х годов прошлого века сближаться с окрепшей Германией. Если воспользоваться некоторой аллегорией, то можно утверждать, что своими недальновидными решениями версальские миротворцы сами запрограммировали их сближение, толкнув Венгрию в объятия Гитлера. Ведь она, подобно Германии, была кровно заинтересована в ревизии версальских решений, расколовших венгерский народ на части, *оставив треть его этнической массы за пределами новых границ государства*, причем часто на положении бесправного национального меньшинства. В первую очередь, именно это основное обстоятельство и стремление к восстановлению национального единства

и заставляло венгерское политическое руководство с конца 1930-х годов пойти на сближение с окрепшей Германией и добиваться изменения ситуации. Затрагивая вопрос о венгерском ревизионизме, нельзя не отметить, однако, что хортистская Венгрия — вопреки часто встречающимся в российской литературе утверждениям¹, — не выдвигала претензий на возвращение оторванных от нее бывших национальных окраин (за исключением русинской части Подкарпатского края). Она предъявляла претензии только на территории, компактно населенные этническими венграми. В этих ее устремлениях основным партнером в реализации ревизионистских устремлений для политических кругов Венгрии могла быть только Германия. При всем этом следует учитывать, что венгерское политическое руководство, в отличие от фюрера, добивалось и достигало частичных результатов исключительно мирными средствами. Будапешт был сильно встревожен действиями Гитлера в отношении Австрии, а тем более нападением на Польшу, ее очередным разделом.

С началом Второй мировой войны венгерское политическое руководство пыталось всячески избежать вовлечения страны в военные конфликты, сохранить ее независимость, считая это своей первоочередной задачей и жизненной необходимостью. В первые годы мировой войны ему действительно удавалось придерживаться поставленной цели. Внешнеполитическое ведомство Венгрии даже весной 1941 г. ориентировало свои зарубежные представительства именно на решение этой задачи. Оно разослало всем дипломатическим службам за рубежом специальную правительственную инструкцию, датированную 3 марта. В ней, в частности, указывалось: «Основной задачей венгерского правительства в европейской войне, вплоть до её окончания является стремление сберечь военные и материальные силы, людские ресурсы Венгрии. Мы любой ценой должны помешать нашему вовлечению в военный конфликт... В восточной части Европы возникает хаотическая ситуация, которая будет иметь самые угрожающие последствия для незащищенных государств, если они до окончания конфликта пожертвуют своими материальными богатствами и армией. Мы не должны рисковать страной, молодёжью и армией ни в чьих интересах, мы должны исходить из собственных интересов»².

Оказавшись, однако, между Гитлером и Сталиным, и к тому же почти в полном нацистском окружении, Венгрии было нелегко сохранить

избранный ею курс. Настало время, когда под германским давлением ей пришлось отказаться от статуса «вооружённого нейтралитета». Основной смысл последнего состоял в том, что Венгрия, осознавая важность оставаться вне военных конфликтов и намереваясь быть при этом страной нейтральной, содержала лишь небольшую армию, предназначенную исключительно для защиты своих собственных границ. В соответствии с Дьёрской программой вооружения, Венгрия для защиты государственных границ еще и весной 1941 г. содержала по германским оценкам всего 85 тыс. солдат и офицеров³. И, тем не менее, Венгрии, подобно некоторым другим слабо защищенным малым государствам Центральной и Юго-Восточной Европы, пришлось во избежание гитлеровской оккупации, как впоследствии отмечал правитель страны М. Хорти⁴, присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, а затем стать вынужденной союзницей Германии.

22 июня 1941 г. Германия начала войну против Советского Союза. Гитлеровское командование, зная ограниченные военные возможности Венгрии, слабую техническую оснащенность её армии, первоначально не предусматривало её участия в войне. Высшее государственное руководство Венгрии стремилось избежать этого. Лишь группа высших офицеров во главе с начальником генштаба венгерской армии Г. Вертом была готова участвовать в антисоветской войне на стороне Германии. Таковую же позицию занимал посол Венгрии в Берлине Д. Стояи, который убеждал Будапешт, что Гитлер желает и ждет участия Венгрии, хотя и не просит об этом открыто, чтобы избежать дальнейших территориальных уступок венграм со стороны его другой союзницы, Румынии, в Трансильвании. Вступление же в войну непосредственных соседей страны, Румынии и Словакии, вызвало, однако, особое беспокойство среди прогермански настроенных офицеров венгерского генералитета, тесно связанных с гитлеровской военщиной, и они совместными усилиями оказывали давление на политическое руководство Венгрии.

Следует отметить, что когда Германия напала на СССР, Венгрия сделала лишь символический жест в адрес своего союзника по Антикоминтерновскому пакту — 23 июня 1941 г. разорвала дипломатические отношения с СССР и сочла, что этим отдала должное своим обязательствам. Характерно, что фюрер тогда обратился к Хорти лишь с одной единственной просьбой: укрепить венгерские границы на востоке. При этом он, однако, не только предполагал, но точно

рассчитал или даже знал, что Венгрия вскоре все же окажется втянутой в войну, поскольку участие ее соседей вызовет опасение за возвращенные ей территории. Сделанный венграми чисто символический поступок был расценен гитлеровской дипломатией так: «Это меньше того, что вы могли сделать». 26 июня 1941 г. германское верховное главнокомандование уже больше не стало дожидаться, как поступит Венгрия дальше, и напрямую обратилось с просьбой к венгерскому командованию присоединиться к восточному походу. Как отмечал 7 января 1946 г. на судебном процессе военных преступников бывший премьер-министр Венгрии Л. Бардоши, вступление Венгрии в войну, по сути, было «желанием немецкого государственного руководства». Он подтвердил, что на Венгрию оказывалось силовое давление, и она была вынуждена занять свое место рядом с Германией⁵.

Формальным поводом к вступлению Венгрии в антисоветскую войну послужили воздушные налеты самолетов с востока, в ходе которых подверглись пулеметному обстрелу железнодорожные линии и пассажирские поезда, было сброшено несколько бомб на город Кашша (ныне Кошице в Словакии). В результате бомбардировки погибло 30 человек и 285 получили ранения. Кто участвовал в этих налетах, венгерским историкам до некоторых пор не удалось выяснить. В результате официального расследования на осколках бомб нашли клеймо ленинградского Путиловского завода, что и послужило основанием для военных утверждать, что удары наносились именно советскими самолетами. Им удалось убедить в этом и главу государства. Некоторые исследователи считали, что руководство СССР вряд ли стремилось к ухудшению отношений с Венгрией, что в этом скорее были заинтересованы немцы. Другие же полагают, что это могла быть совместная акция германских и румынских военных, а также не исключают, что прогермански настроенные венгерские генералы настаивали на советском авторстве бомбардировки для того, чтобы убедить руководство страны в необходимости вступить в войну против СССР.

Как отразилась отмеченная воздушная акция в материалах главного советского информационного агентства? В служебном выпуске материалов ТАСС в связи с бомбардировкой восточных территорий Венгрии со ссылкой на иностранные телеграфные агентства 27 июня 1941 г. сообщалось: «Советские самолеты 26 июня около полудня

обстреляли из пулеметов венгерский поезд вблизи Ясиня (тогда пограничный поселок Кёрёшмезё. — Б. Ж.)... 26–27 июня на Кашшу сброшено 27 бомб, четыре из которых попали в здание почты, разрушив связь, нанесён ущерб военным сооружениям и другим объектам. Всего убито 20, тяжело ранено 28, легко ранено 23 человека». Это же агентство 28 июня сообщало: «Вчера во второй половине дня советская авиация снова совершила налет на территорию Венгрии, 3 бомбардировщика сбросили восточнее Хуста несколько бомб, которые причинили незначительный материальный ущерб»⁶.

27 июня 1941 г. Венгрия официально заявила, что считает себя находящейся в состоянии войны с Советским Союзом. Впоследствии бывший премьер-министр Бардоши заявил, что «между Советским Союзом и Венгрией в результате этого провокационного враждебного нападения наступило состояние войны»⁷. Вопреки бытующим в литературе утверждениям объявления войны как такового не было, лишь констатировалось «*наступление состояния войны*».

Член венгерского Комитета национального освобождения М. Чомош, перешедший на сторону Красной Армии, 19 ноября 1944 г. составил докладную записку в адрес Я. Вереша (бывшего хортистского генерала, с апреля 1944 г. начальника генштаба армии). В этом документе в связи со вступлением Венгрии в антисоветскую войну было сделано заключение, где одной из причин этого обозначено следующее: «Уже в 1939 г. каждый сознательный трудящийся знал, что все командиры венгерских корпусов и работники Генерального штаба образуют единую прогерманскую группу. Члены этой группы уже по причине своего [немецкого] происхождения верили в победу Германии и, исходя из этой войны, строили свой план на личную карьеру. Воля главы государства уже тогда была бессильна перед этой закоренелой империалистической и ослепленной войной кликой»⁸. Этот фактор, несомненно, сыграл свою роль в том, что Венгрия была втянута в военную авантюру, в которой абсолютно не была заинтересована.

Вступление Венгрии в войну против СССР стало свершившимся фактом после того, как в июле 1941 г. на советско-германский фронт был отправлен венгерский подвижной корпус в составе трёх бригад (1-я и 2-я механизированные и 1-я кавалерийская) под общим командованием генерал-полковника Ф. Сомбатхейи, возглавлявшего генштаб армии с 1941 г. по апрель 1944 г. Об этом и о венгерском военном

контингенте, о его участии в войне сохранились сводные архивные сведения в виде справки, составленной начальником Главного разведывательного управления Красной Армии генерал-лейтенантом И. Ильичевым для заместителя народного комиссара иностранных дел СССР от 12 октября 1944 года. Отправка подвижного корпуса на фронт в июле 1941 г. и его участие в боях имели по сути больше символическое, чем военное значение, ведь сильная и хорошо оснащённая германская армия тогда еще не нуждалась в поддержке этого маломощного корпуса. Германское командование, которое с первых же часов антисоветской войны имело на своей стороне румынскую армию, могло рассчитывать на поддержку финнов, получало подкрепление со стороны добровольно поддерживавших военную кампанию итальянцев, а затем и словаков. Но германское командование ожидало доказательств солидарности и со стороны венгров, хотело знать, как поведут себя Хорти и его окружение, которые еще в 1938 г. дважды отвергли предложения фюрера принять участие в совместном военном походе против Чехословакии. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что Хорти к тому же отказался пропустить через венгерскую территорию германские войска и для нанесения удара с тыла по Польше в сентябре 1939 г. Гитлер хотел знать, готовы ли венгры предоставить хоть какое-нибудь доказательство своего реального союзнического участия и поддержать Германию в войне против СССР. Присоединение Венгрии к походу на Восток, разумеется, имело для фюрера прежде всего политическое значение, ведь гитлеровские генералы, как отмечалось, были хорошо осведомлены о недостаточной оснащённости и устаревшем вооружении венгерской армии.

Венгерский корпус совместно с немцами участвовал в боях на Уманском, Кировоградском и Днепропетровском направлениях. Согласно советским разведанным, потеряв 80% танков и значительное количество личного состава, остатки корпуса в начале декабря 1941 г. вернулись в Венгрию. В дальнейшем, до мая 1943 г. включительно, венгерские формирования численностью до шести дивизий выполняли охранно-коммуникационные функции на оккупированных немцами территориях, образуя Восточную и Западную оккупационные группы. Первая — восточнее Киева, в районе Шостки, Капотни, Нежина, Чернигова и части Смоленска, вторая — западнее Киева в районе Бердичева, Шепетовки и Городницы: они осуществляли охрану коммуникаций, боролись с партизанами и строили

дороги. С июня 1943 г. по май 1944 г. такие же функции выполняли сначала 9 легких пехотных дивизий в районе Брянска, Бреста, Харькова и Черновиц, а затем до середины 1944 г. 7 таких же дивизий возле Бреста, Кобрина, Янова и Пинска.

В середине 1942 г. по требованию гитлеровцев на восточный фронт была отправлена 2-я венгерская армия (в её составе — 3-й, 4-й и 7-й армейские корпуса, а также 1-я танковая бригада) под командованием генерал-полковника Г. Яни. Она насчитывала в своём составе согласно советским данным 160 тыс. человек. Эта армия с сентября 1942 г. до середины января 1943 г. находилась на Воронежском фронте, осуществляя оборону на западном берегу Дона протяжённостью 200–210 км.⁹ Эти силы находились в подчинении германской группы войск под началом немецкого генерал-полковника М. Вейхса. Они, как известно, в условиях развернувшегося контрнаступления советских войск в январе 1943 г. были полностью разбиты, а сохранившиеся малочисленные остатки переброшены для несения охранной службы в тылу¹⁰.

В условиях военного времени советское внешнеполитическое ведомство собирало информацию и проявляло закономерный интерес к тому, что представляют собой отдельные политические деятели воюющей Венгрии. После гитлеровской оккупации этой страны интерес усилился. Тогда 3-й Европейский отдел Наркомата иностранных дел СССР (НКИД) представил характеристики на таких прогитлеровски настроенных венгерских политиков, как Д. Стояи, А. Ярош, Л. Ремени-Шнеллер, И. Антал, Б. Лукач, а также Л. Чатаи и др.¹¹ Так, о Д. Стояи, венгерском после в Берлине, в справке референтуры НКИД СССР, в частности, говорилось, что с 1925 г. он «был военным атташе в Берлине, в 1929 г. получил чин генерал-майора», а в 1933 г. «служил начальником главной канцелярии Военного ведомства и был близок к Гёмбёшу» (Дюла Гёмбёш — премьер-министр Венгрии в 1932 — 1936 гг. — Б. Ж.). Назначенный в октябре 1939 г. посланником Венгрии в Берлине, он провел там немало времени и стал приверженцем фюрера, проводником германского влияния на Венгрию. Стояи в целом характеризовался как «ярый германofil, крайне правый представитель профашистского крыла партии „Венгерской жизни“, он пользовался полным доверием всех германских военных и политических кругов». В краткой биографии Д. Стояи отмечалось также, что он хорват по национальности и «настоящее имя его Душан

Строжанович» (на самом деле Стоянович. — Б. Ж.), что, «пробыв долгое время за границей, он начал забывать венгерский язык и сейчас говорит плохо, с большим акцентом». При этом подчёркивалось также, что люди, сталкивавшиеся с ним, характеризуют его как «недалёкого и малокультурного человека». О министре обороны Венгрии Л. Чатаи, получившем в феврале 1941 г. звание генерал-полковника (до этого он временно исполнял функции командующего 2-й венгерской армией), а в июне 1943 г. занявшем новый пост, говорилось, что Чатаи также «неоднократно посещал Германию, имеет прочные связи с германскими военными кругами и лично с Германом Герингом»¹².

Миклош Каллаи, занявший в 1942 г. пост премьер-министра Венгрии, в материалах НКВД СССР предстаёт в качестве преданного сторонника Хорти, долгое время умело лавировавшего во взаимоотношениях с Гитлером, но в то же время человека слабого, не решившегося открыто выступить против фюрера. Отсюда вытекали определённые сомнения и даже подозрения в отношении политических шагов и поступков этого, по существу, антифашистского политика. Так, в одном из документов на основе информационного сообщения, полученного 21 марта 1944 г. из Стокгольма, т. е. уже после оккупации Венгрии гитлеровцами, когда премьер-министр был вынужден скрываться от гестапо, говорилось: «За период пребывания на посту премьер-министра Каллаи, видя неизбежность поражения Германии, постепенно удалял из правительства наиболее прогермански настроенные элементы, входившие ранее в состав кабинета П. Телеки и [Л.] Бардоши. Каллаи, по-видимому, стремился постепенно сконструировать кабинет, способный в удобный момент договориться с союзниками о секретном выходе Венгрии из войны». В числе министров, которых премьер-министр собирался уволить, были «наиболее рьяные проводники политики сотрудничества с Германией». В распоряжении НКВД СССР была также информация о Каллаи, полученная 15 июня 1944 г. от турецкого журналиста Шарифа Арзыка из Будапешта, в которой указывалось, что Каллаи начал заигрывать с союзниками, но в то же время не смог отказать немцам в их просьбе. При этом, однако, признавалось также, что «венгерское правительство стало посылать меньше войск на Восточный фронт и чаще уклоняться от выполнения требований немцев». Отмечалось, что, «поскольку надежды Каллаи на контакт с союзниками были нереальны, ... он

не дал прямо выступить против немцев». После этого был сделан вывод о том, что «такая политика не могла не кончиться крахом». Устремления Каллаи вызывали, в свою очередь, недовольство со стороны Германии и, как справедливо отмечалось в агентурном сообщении, представленном НКВД СССР 30 июня 1943 г. начальником 1-го Управления Наркомата госбезопасности СССР Фитиным, «давление Берлина на Каллаи нарастало»¹³.

НКВД СССР располагал информацией и о том, что ранней весной 1944 г., ко времени оккупации Венгрии гитлеровцами, обстановка в стране, несмотря на сильное влияние немцев и их пропаганды, была «весьма благоприятной для союзников и даже для Советского Союза». И в самом деле, Венгрия при Каллаи с начала лета 1943 г. оставалась единственным государством Европы (за исключением нейтральных), включая оккупированных и союзных по оружию, где не базировались немецкие войска и скрывались беженцы из самых разных стран. При этом, однако, в информации НКВД о венгерском премьер-министре М. Каллаи в связи с резким изменением ситуации говорилось, что он «ничего не понял в этой обстановке и проявил бессилие в тот момент, когда немцы предъявили Венгрии ультиматум». «Вместо того, чтобы оказать сопротивление немцам, — отмечалось в этом документе, — он бросил все свои дела премьер-министра и прибежал в турецкое посольство»¹⁴.

Следует отметить, что советское политическое руководство, прежде всего внешнеполитическое, не располагало тогда полной, а тем более достоверной информацией о том, что же на самом деле произошло в Венгрии в середине марта 1944 г. Ведь там уже давно ждали ответа от Гитлера на неоднократные обращения Хорти с ходатайством вернуть в страну находившиеся за ее пределами венгерские воинские формирования. И, наконец, 15 марта пришло извещение от фюрера о его готовности обсудить с венгерским правителем «положение в мире, в России и вопрос о возвращении на родину венгерских войск», но для этого он просил Хорти срочно прибыть к нему в Клесхейм. По сути это была ловушка, о чем высшее венгерское руководство, хотя и ожидало некоторых неприятностей от Гитлера, целиком все же не догадывалось. По крайней мере, об этом свидетельствует тот факт, что в состав венгерской делегации было включено все государственное и военное руководство, начиная с Хорти и кончая министром обороны и начальником генштаба армии.

В Будапеште оставался лишь Каллаи, который к тому же был лишен экстренной связи с членами делегации. Характерно, что именно Каллаи, словно предчувствуя беду, накануне отъезда делегации предлагал главе государства не ездить к Гитлеру. Желание и надежда добиться возвращения войск на родину взяли, однако, верх, и Хорти, прибыв к Гитлеру вместе с высшим военным командованием якобы на переговоры, оказался его пленником. Хитроумный план фюрера, о котором германский министр пропаганды Й. Геббельс в своем дневнике еще 4 марта 1944 г. записал, что Гитлер «намерен заставить венгерское руководство подать в отставку, арестовать правительство, взять под стражу Хорти и попытаться создать новое правительство»¹⁵, удался. В ночь на 18 марта 1944 г. союзную Венгрию без предупреждения наводнили гитлеровские оккупационные войска. В сложившихся непростых условиях Каллаи не успел и не решился на вооруженное сопротивление, хотя пограничные столкновения имели место.

Военная оккупация Венгрии привела к тому, что имперский наместник Э. Везенмайер стал полновластным хозяином страны и потребовал назначить главой квислинговского правительства прогерманского политика Б. Имреди, которого в своё время сам Хорти именно за его приверженность Гитлеру отстранил от власти. Каллаи же, которому фюрер уже давно не доверял, как впрочем и другому, прежнему премьер-министру графу И. Бетлену, был вынужден скрываться от гитлеровцев. В состав кабинета Имреди были включены именно те политики, которых Каллаи в своё время пытался устранить или же отстранил с их постов. К числу этих герmanoфилов принадлежали министр финансов Ремени-Шнеллер, министр пропаганды Антал и др. Последний занял пост министра просвещения и культов. В документах НКВД СССР он охарактеризован как «ярый поклонник Гёмбёша, один из наиболее честолюбивых политиков Венгрии, умеет приспособливаться к обстановке». Отмечалось также, что на прежнем посту, который он занимал с 17 апреля 1942 г., Антал прославился различными антисоветскими измышлениями, особенно по поводу «жестокости обращения в СССР с венгерскими военнопленными». Другой член нового кабинета, Ярош, характеризовался в качестве «оголтелого фашиста, антисемита, злейшего врага демократии», он «имеет незаконченное юридическое образование, является заместителем Имреди по руководству партией „Возрождения

Венгрии”, известен своими выступлениями в парламенте и в печати в пользу союза с Германией»¹⁶.

В послевоенные десятилетия в СССР и Венгрии о межвоенном периоде венгерской истории и главе венгерского государства, особенно на уровне массовой пропаганды, была распространена предвзятая и упрощённая, однобокая информация, согласно которой эта страна характеризовалась как «хортистско-фашистское государство», а её правитель — «фашистский главарь». Эта оценка вытекала из таких исторических фактов, как приход Хорти к власти после разгрома Венгерской Советской республики 1919 г., последующее, практически закодированное Версальскими решениями сближение страны с Германией и её втягивание в антисоветскую войну. С учётом этих обстоятельств и с тенденциозной подачи Хорти со стороны венгерской коммунистической эмиграции в Москве, его не называли иначе как фашистом и пособником Гитлера, а страна под его руководством именовалась хортистско-фашистским государством. Данный стереотип, устойчиво внедрённый в советское и венгерское общественное сознание после войны, оказался прочным. В официальной коммунистической пропаганде на некотором этапе он стал приобретать форму осуждения всего венгерского народа как «виновного», хотя последний явно не разделял германофильские позиции части политиков, втянувших страну в антисоветскую войну.

Говоря об упрощённых оценках и штампах, приведем лишь один пример. Лидер венгерской компартии (ВКП) М. Ракоши в московской эмиграции в январе 1944 г. подготовил специальную статью для публикации в газете «Правда» под названием «Венгрия на распутье»¹⁷, где пытался дать относительно объективную характеристику истинного положения страны в тот период и раскрыть некоторые мотивы её вступления в войну, ссылаясь при этом на существование в венгерской политической элите различных взглядов, подходов и позиций относительно войны, на бесперспективность её продолжения и пр. Ракоши, как известного и идеологически подкованного партийного деятеля, вряд ли можно заподозрить в симпатии к Хорти и хортистской Венгрии, в тюрьмах которой он провёл десятилетия. Текст его статьи, отданный на рецензирование в НКВД СССР, вызвал настороженность выходца из Венгрии, политэмигранта, ответственного сотрудника референтуры 3-го Европейского отдела Б. Гейгера¹⁸ (известен также под псевдонимом Григорьев). В докладной

записке на имя заместителя наркома НКВД СССР В. Г. Деканозова¹⁹ он подверг резкой критике статью Ракоши за то, что тот недостаточно полно разоблачил роль хортистской Венгрии и самого Хорти «как союзника и сообщника Германии». По мнению рецензента, из статьи «трудно понять, ведёт ли Венгрия войну под давлением или добровольно». Поэтому он настаивал на том, чтобы автор яснее показал, что «Венгрия участвует в войне против Советского Союза добровольно, по своей собственной инициативе и что Венгрия стала на путь агрессии вместе с гитлеровской Германией ещё в 1938 году». Сомнительным, следовательно, неуместным счёл Гейгер и обращение Ракоши к принципу национального самоопределения, и вынес своё заключение по этому вопросу: «В настоящее время этот лозунг в отношении Венгрии не следовало бы выдвигать», поскольку «венгерский ревизионизм для обоснования своих претензий спекулирует, как известно, именно на принципе национального самоопределения»²⁰. Иными словами, Гейгер поправил не только лидера компартии Ракоши, но подверг ревизии и известный ленинский принцип национального самоопределения, считая его устаревшим. А возможно и не своевременным для предстоящего нового послевоенного территориального передела.

Затрагивая вопрос о влиянии политэмигрантов на формирование советского подхода к венгерским проблемам 1944 г., нельзя пройти мимо ещё одной политической инициативы лидера ВКП. В начале марта 1944 г. Ракоши обратился с письмом к Деканозову, в котором предлагал сформировать из венгерских военнопленных дивизию, которая (наподобие чехословацкого корпуса под командованием генерала Л. Свободы) включилась бы в борьбу против гитлеровской Германии. Это предложение после консультации с 3-м Европейским отделом было отклонено. Заведующий отделом А. Смирнов в этой связи писал: «Предложение о формировании дивизии из числа венгерских военнопленных, находящихся в СССР, вызывает ряд возражений. Венгрия является не союзной или оккупированной немцами страной, а активно участвующей в войне на стороне Германии. До сих пор не имеется какого-либо оформившегося и признанного демократического движения венгров, которое выдвинуло бы конкретную политическую программу борьбы с кликой Хорти и могло бы возглавить создание национальной венгерской воинской части. При таких условиях нецелесообразно формировать войсковую

часть из венгерских военнопленных. Политический и военный эффект этого мероприятия кажется сомнительным». При этом, однако, было обращено внимание на то, что венгерские правящие круги внимательно следят за советско-финскими переговорами и «сами не прочь предпринять попытку выйти из войны». Отмечалось, что «никто из находящихся в плену высших офицеров не высказал желание с оружием в руках бороться с режимом Хорти»²¹. И в самом деле, значительная часть офицеров в плену не была готова к этому, так как не считала Хорти и его режим фашистскими, однако многие выражали желание воевать против гитлеровцев.

Совершенно иначе оценивался глава венгерского государства в одной из справок, составленных Гейгером для руководства НКВД в сентябре 1944 г. В ней Хорти вообще предстал в качестве «центральной фигуры венгерского фашизма»²². Он обращал внимание на то, что Хорти еще 16 сентября 1919 г. «во главе своих банд вступил в Будапешт и установил режим кровавого террора», который характеризовался им в дальнейшем как режим чисто фашистский. Такое стандартно упрощённое представление о Хорти и политическом устройстве венгерского государства всего межвоенного и военного периода не является научно обоснованным и не выдерживает серьезной критики, хотя, как отмечалось, широко использовалось в пропаганде. Ярлык «хортистский фашизм» усердно, но бездоказательно внедрялся и в послевоенной Венгрии представителями коммунистической эмиграции, вернувшимися на родину.

В связи с обстоятельствами гитлеровской оккупации Венгрии справка Гейгера содержала лишь догадки. Тем не менее, он выражал сомнение в том, что политические руководители страны во главе с Хорти в Клесхейме действительно стали пленниками Гитлера. Он называл это лишь «слухами» и утверждал: то, что «Хорти был пленником во время свидания с Гитлером в марте 1944 г., не соответствует действительности». По его мнению, эти «слухи» специально придуманы для того, чтобы гарантировать ему «пути отступления на случай поражения Германии»²³. Разумеется, точных и достоверных сведений о пребывании Хорти и его окружения в Клесхейме, об обстоятельствах гитлеровского военного вторжения в Венгрию в Москве не было, да и не могло быть.

Мнения о том, что же на самом деле произошло в середине марта 1944 г., каков был характер фашистской оккупации страны,

расходились и среди венгерских эмигрантов в Москве. Подтверждением тому может служить реакция на статью «Оккупация Венгрии Гитлером», которая была опубликована тогда в московском журнале «Война и мир» (№ 7 за 1944 г.). В ней в традиционно отрицательном духе говорилось о тесном и добровольном сотрудничестве Хорти с Гитлером, что на самом деле не соответствовало действительности. Статья вызвала ответную реакцию со стороны венгерского эмигранта, научного сотрудника Института мирового хозяйства и мировой экономики З. Липпай, хорошо разбиравшегося в действительной ситуации. Он подверг сомнению ряд положений этой статьи, о чём и сообщил в специальной докладной записке и прилагаемом письме от 10 апреля 1944 г., которые направил в НКВД СССР на имя Деканова. Золтан Липпай подчеркивал, что версия о «полном стоворе Хорти с Гитлером» не подтверждается фактами. Он убедительно показал, что Хорти в самом деле оказался пленником фюрера, а после возвращения в Будапешт был вынужден приспособливаться к условиям оккупированной страны с тем, чтобы в какой-то мере облегчить положение народа. Далее ученый обратил внимание также на то, что ложная «версия о полном согласии Хорти с Гитлером целиком совпадает с линией гитлеровской пропаганды» и не следует доверять ей хотя бы по этой причине. Оценивать самого Хорти и его действия Липпай считал целесообразным с учётом реальных фактов и конкретных исторических событий. Так, сохранение Хорти на посту главы государства было нужно Гитлеру для сохранения видимости соблюдения «конституционного» характера осуществлённого им переворота, тем более, что ведущие политики его ближайшего окружения были арестованы, либо ушли в подполье, скрываясь от преследований гестапо. Липпай подчёркивал, что сам факт сохранения Хорти на посту главы государства вызвал определённое «замешательство в рядах тех кругов офицерства и чиновничества, которые настроены антинемецки, и верят Хорти как хранителю национальной независимости»²⁴.

Анализируя ситуацию в Венгрии после её оккупации, Липпай предложил учитывать даже такие факторы как молчание Хорти и Берлина, а также «неофициальную кампанию против Хорти и его т. н. феодального режима, начатую гитлеровской радиостанцией из Белграда». На этом основании он пришёл к выводу: «Использовать Хорти подобно Гахе (имеется в виду роль Гахи в развале тогдашнего

Чехословацкого государства. — Б. Ж.) Гитлеру полностью не удалось. Фюрер добился всего лишь „назначения” Стояи премьером». Отвергая возможность «совместной игры» Хорти с Гитлером, Липпай не только исключил подобную версию, но и указывал, что при наличии соглашения и союза между ними «отпала бы необходимость вторжения германских войск, не было бы нужды в проведении «внутреннего переворота»²⁵. Аналитические расклады ученого оказались точными.

В записке Липпай отмечалось, что Гитлер «отрезал Венгрию от моря, чтобы не проникли за границу сведения о внутреннем путче, а также о сопротивлении в стране». О том, что такое сопротивление имело место, подчеркивал автор документа, косвенно признавали как будапештское, так и берлинское радио. По его словам, эти радиостанции всячески пытались преуменьшить роль групп, «противопоставлявших себя новому курсу». «Гитлеровские радиостанции, пытаясь маскироваться под венгерские, — говорилось в записке, — начали с первых же дней (гитлеровской оккупации Венгрии. — Б. Ж.) нападки на Хорти и Каллаи». Политика правительства Каллаи справедливо характеризовалась ученым-политэмигрантом как особая, а с зимы 1942–43 гг. — даже как антигитлеровская. Правда, при этом им также было отмечено, что она не привела к открытому отказу от предоставления материальных и людских ресурсов для Германии и «ни как не посягала на право транзита немецких войск через Венгрию».

Не располагая необходимыми документами, трудно судить о том дошли ли содержащиеся в докладной записке З. Липпай аргументы и оценки до высшего политического руководства СССР. Но они внесли существенные уточнения в толкование и понимание реальных событий. Деканозов отдал эти материалы на отзыв Гейгеру, который считался специалистом по Венгрии. 18 мая 1944 г. Гейгер представил своему руководству свое заключение и соображения в связи с докладной Липпай. В этой рецензии взгляды последнего были подвергнуты резкой критике и объявлены ошибочными. Мотивации Гейгера были стандартно просты и декларативны, лишены каких-либо доказательств и даже желания вникнуть в сущность аргументов Липпай. В основном они сводились к упорному утверждению того, что «оккупация Венгрии немцами стала возможной лишь в результате сговора Хорти и его клики с Германией». Утверждалось, что продолжавшееся венгерское «участие на Восточном фронте подтверждает

дальнейшее военно-политическое сотрудничество с немцами», что формально не подлежало сомнению. Однако референт Европейского отдела НКВД Гейгер, не зная о настойчивых требованиях Хорти к Гитлеру вернуть венгерские войска с фронта (за что, собственно, и оказался в плену, хотя и специфическом, но с весьма серьезными последствиями для страны), в своем отзыве еще и порицал правителя Венгрии за то, что тот мотивировал свою просьбу перед фюрером необходимостью расставить эти войска для «обороны рубежей отечества при подходе Красной Армии к Карпатам». Именно эти последние фразы стали решающими для оценки докладной записки З. Липпай в рецензии Гейгера, которые, видимо, свели на нет всю объективную трактовку ситуации в Венгрии. Он закончил ее уничтожающей фразой: «Странно, что такой знаток венгерских вопросов, как тов. Липпай, это не понял». Решительный, безапелляционный вывод Гейгера, возле которого на полях рукой Деканозова было поставлено слово «согласен», был таким: «Необоснованная оценка роли Хорти, данная Липпай, находится в противоречии с действительностью»²⁶. На самом деле все было наоборот.

Оценка ситуации в Венгрии, данная Липпай, явно не совпадала с теми поверхностными и не вполне компетентными представлениями и образами, которые были созданы к этому времени о Хорти и Венгрии официальной пропагандой. Окончательная официальная оценка Хорти и Венгрии, получившая впоследствии широкое распространение в пропаганде, в конечном счёте, была сформулирована Г. Димитровым, с лёгкой руки которого как сама страна, так и её бывший правитель именовались «последними вассалами» Гитлера. Этот эпитет в сентябре 1944 г. в первый вариант новой программы ВКП собственноручно внес Г. Димитров. В нем изначальную констатацию о том, что «Хорти собирался сбросить с себя фашистское ярмо», он заменил оценочной фразой «Хорти был последним вассалом», добавив также, что он не сумел «совершить поворота в политике, не смог преодолеть страха перед массами и не захотел опереться на массы и армию»²⁷. Это клеймо и оценка деятельности правителя Венгрии, а отсюда и самой страны широко внедрялись в массовое сознание.

На самом деле положение Хорти и руководимого им государства в условиях Второй мировой войны было не столь однозначным и простым, не говоря уже о периоде гитлеровской оккупации страны. Ограниченные рамки настоящей статьи не позволяют

раскрыть здесь конкретные исторические обстоятельства, которые определяли реальные поступки и возможности действий венгерского правителя, мотивировали бы целесообразность тех и других шагов и решений, равно как и просчетов в его политике. Последние, безусловно, также имели место, но они явно не являются достаточным основанием для того, чтобы разделять выводы деятеля Коминтерна. Впрочем, в мировой политике и литературе давались и противоположные оценки политике Хорти и Венгрии периода Второй мировой войны, вплоть до их характеристики в качестве не «последнего», а вынужденного или «увеливающего сателлита», и даже «последней жертвы» Гитлера. И все они в какой-то мере справедливы. Венгрию периода войны в мире зачастую оценивали в зависимости от степени информированности о реальном состоянии дел в стране. Приведём здесь лишь одну зарубежную оценку, которая поступила в советское внешнеполитическое ведомство еще до оккупации Венгрии в начале марта 1944 года. Она появилась в качестве информации о проведенной в испанском городе Толедо международной конференции солидарности с преследуемыми народами. «Венгрия, — говорилось в этом документе, — является единственной страной Европы, где в лагерях беженцам созданы условия для существования, где сохранился единственный оазис покоя в беспокойной Европе. В Венгрии нашли убежище 75000 солдат [союзников] и более 100000 евреев. Мы должны вообще отметить, что если еврейская раса вообще переживёт нынешнее тяжелое время, то за этот вклад мы должны благодарить Венгрию. Мы должны откровенно сказать, то, что показывает венгерский народ, как себя проявляет и какую позицию занимает, это должны признать даже его самые ярые критики»²⁸. И это делала хортистская Венгрия, союзница Германии. Правда, с гитлеровской оккупацией Венгрии ситуация изменилась. От преследований нацистов тогда уже страдали и евреи, и венгры, включая ряд антифашистски настроенных именитых венгерских политических деятелей 20-х — середины 40-х годов. Здесь достаточно напомнить имя Э. Байчи-Жилински, видного антифашиста, руководящего представителя Независимой партии мелких хозяев, арестованного и казненного нацистами, или известного ближайшего политического советника самого Хорти графа Иштвана Бетлена, который вплоть до прихода Красной Армии был вынужден скрываться от преследования гестапо.

О Бетлене в венгерских эмигрантских кругах Москвы, а отсюда и в советских информационных материалах закрепилось довольно искаженное, пропагандистского характера представление. Иштван Бетлен, будучи премьер-министром страны в 1921–1931 гг., внес существенный вклад в послереволюционную стабилизацию общественно-политической обстановки в Венгрии. В результате благодаря его организаторскому таланту при авторитарном режиме М. Хорти была создана парламентская политическая система, которая обеспечивала свободную деятельность оппозиционных сил и политических партий (за исключением коммунистической), свободно участвовавших в предвыборной борьбе и представленных в парламенте страны. Присвоенный хортистскому режиму коммунистами и левыми социал-демократами в 1920–1930-е годы ярлык «хортистско-фашистский» в дальнейшем использовался политэмиграцией этих сил применительно ко всему межвоенному периоду венгерской истории. По логике вещей этот далеко не лестный стереотип без какой-либо оговорки затрагивал и самого Бетлена, довлел над всей созданной им политической системой, которая пришла на смену венгерской коммуне 1919 г. На самом деле И. Бетлен, будучи политиком консервативных взглядов, с именем которого теснейшим образом связана стабилизация положения в стране после Первой мировой войны и революционной разрухи, являлся приверженцем антинацистского и прозападного политического курса венгерского государства. Он даже после ухода с поста премьер-министра оказывал существенное воздействие на формирование внутренней и внешней политики страны. Он был политиком, с мнением которого Хорти всегда считался. По сути, именно это и позволило регенту, а собственно и всей Венгрии, успешно лавировать в первые годы мировой войны, сохранять независимость страны, а затем довольно длительное время избегать ее гитлеровской оккупации. Правда, растущее давление со стороны Гитлера на венгерских политиков в итоге все же привело Венгрию к вступлению в антисоветскую войну, и антифашисту Бетлену, политику англофильской ориентации, тоже не удалось удержать ее от этого.

Бетлену в некогда закрытых материалах ТАСС давались характеристики, существенно отличающиеся от пропагандистского характера открытых вариантов информации о нем. В них не было утверждения о том, что бывший премьер-министр Венгрии принадлежал

к «фашистской клике» хортистов. Наоборот, в одной из таких справок (серия «Неделя печати — ГБ») под названием «Граф Бетлен Иштван» от 4 февраля 1944 г. ему давалась достаточно объективная характеристика как политическому деятелю в бытность его премьер-министром и в последующие годы. При этом указывалось, что Бетлен «стремился к ревизии Трианонского договора, но только мирным путем»²⁹.

Проблема ревизии Версальских решений, желание восстановить целостность венгерского народа так или иначе неизбежно вставала перед любым ведущим венгерским политиком в межвоенные годы. Она встала и перед И. Бетленем, и он в 1928 г., к концу своего пребывания на посту премьер-министра, выступая в г. Дебрецене, указав на ранимость и «раздробленность» ослабленной Центральной Европы, затронул и этот вопрос. «Мы потеряли не провинции. Нас расчленили. Наш случай не Эльзаса—Лотарингии. Германия могла отказаться от одной провинции, мы же не можем навеки согласиться с потерей третьей части своего этноса. На существующих границах нельзя построить вечный мир,... нам нужны другие границы»³⁰, — заявлял Бетлен. Эта проблема, действительно, задевала самые существенные национальные интересы Венгрии, и ее нерешенность болезненно воспринималась всей венгерской общественностью, а тем более теми частями автохтонного венгерского народа, которые в результате территориальных переделов с конца Первой мировой войны были оторваны от основной части венгерского этноса и оказались за пределами новых границ государства (это касалось 3,5 млн. венгров в сопредельных странах). По этой причине, как справедливо говорилось в названных материалах ТАСС, ревизия Трианона оставалась неизменной целью венгерской политической программы на долгие годы. Позиция Бетлена в этом вопросе, как отмечалось в этих материалах, находила выражение в том, что обязательно следует считаться с «правом на самоопределение и учитывать национальное стремление малых наций во всем Дунайском бассейне, исходя из интересов стабилизации политических условий и сотрудничества народов».

Конкретная программа И. Бетлена еще до Версаля, согласно этому источнику, предполагала реализацию следующих задач: 1. Возвращение Венгрии — без проведения плебисцита — издавна живущего вдоль границ страны этнического венгерского населения; 2. Предоставление для словаков и подкарпатских русин автономии

с последующим свободным решением ими своей государственной принадлежности под международным контролем; 3. Проведение плебисцита в Банате и Бачке, где ни одна из осевших там народностей не имеет численного превосходства; 4. Автономия для Трансильвании при равноправии живущих там народов³¹. Представляется, что это был достаточно взвешенный, трезвый подход венгерского политика к проблеме и он мог бы стать хорошей основой для установления прочного межнационального мира и взаимопонимания народов в этом регионе. К сожалению, как в Версале (1920 г.), так и в Мюнхене (1938 г.) «миротворцы» исходили из своих представлений.

Учитывая, что подавление «венгерской коммуны» (август 1919 г.) вызвало поток коммунистов-политэмигрантов в Советскую Россию, а Бетлен стал премьер-министром контрреволюционного правительства, в справке о нем совершенно логичной была констатация того, что его политический курс на том этапе носил «явно антисоветский» характер. Далее вполне справедливо указывалось, что с приходом к власти нового главы кабинета, германофила Д. Гёмбёша, с последним у Бетлена возникли существенные разногласия по вопросам внешнеполитической ориентации страны, так как первый пытался «переориентировать Венгрию на Берлин и Рим». И тут, в противоположность публичной информации о нем в массовой печати, Бетлену давалась довольно дифференцированная оценка.

В характеристике Бетлена как политика отмечалось, что он тогда в знак протеста покинул ряды правительственной партии и на парламентских выборах 1935 г. выступил с оппозиционной платформой. В этой связи в справке подчеркивалось также, что его следует считать политиком, «принадлежащим к антинацистской оппозиции». Бетлен был назван человеком, который при этом сохранил свои связи с умеренным крылом правительственной партии. «Вокруг него группировались либералы, легитимисты, аристократия, часть крупной финансовой буржуазии, значительная часть крупных промышленников, старые консервативные круги и духовенство, — отмечалось в его характеристике. — Некоторую поддержку ему оказывала партия мелких земледельцев и социал-демократы»³².

Далее характеризовались политическая деятельность и позиции Бетлена уже в условиях начавшейся Второй мировой войны. Обращалось внимание на то, что на парламентских выборах 1939 г. он «вдруг отказался выставить свою кандидатуру и отстранился от активной

политической жизни», и Хорти назначил его пожизненным членом верхней палаты парламента. Подчеркивалось, что в 1940 г. Бетлен резко протестовал против изменения конституции «в сторону укрепления диктаторского режима», следовательно, хотя и являлся верным сторонником Хорти, всё же отказался поддержать тех политиков, которые по германскому образцу пытались склонить регента к усилению его личной власти. В феврале 1941 г. Бетлен предостерег «венгерское общество от увлечения фашистскими идеями и впервые в Венгрии открыто высказал сомнение в победе Германии», а на одном из судебных процессов публично и «резко осудил нацистскую идеологию»³³.

В ходе войны Бетлен больше открыто не выступал перед общественностью, говорилось в справке, но выполнял ряд важных дипломатических поручений (в частности, в начале 1943 г. ездил в Ватикан для выяснения возможностей заключения сепаратного мира с союзными державами). При всем этом следует учесть, что составитель информационной характеристики Бетлена ошибочно считал его политиком, не принадлежащим к сторонникам Хорти. В заключительной части охарактеризованных нами закрытых советских сведений об этом наиболее значимом венгерском политическом деятеле межвоенной Венгрии говорилось: «Вокруг Бетлена группируется значительное число антигерманской интеллигенции, консервативной и либеральной буржуазии. Его семейная газета... выступает против венгерских нацистов и немцев, а также за территориальные претензии Венгрии... Он хорошо связан с кругами парламентской оппозиции и имеет большое влияние в верхней палате. Бетлен открыто не выступает в защиту блока социал-демократов и партии мелких хозяев, но его близкий соратник проф. Д. Секфю [известный венгерский историк, после войны первый посол в Москве. — Б. Ж.] выступал как в социал-демократической “Непсава”, так и в партии мелких хозяев за сплочение рабочих, крестьян и буржуазии»³⁴. Характерно, что вся эта информация была достоверной и соответствовала действительности.

В Наркомате иностранных дел СССР, видимо, и ранее располагали соответствующей информацией о Бетлене. Но после того, как в августе 1944 г. Москва получила информационное письмо от правительственных кругов Великобритании о том, что бывший советник венгерской дипломатической миссии в Мадриде граф И. Бетлен [сын И. Бетлена. — Б. Ж.] еще после германской оккупации Венгрии

в середине марта в Лондоне пытался наладить контакты с английскими политиками, В. Г. Деканозов запросил мнение 3-го Европейского отдела и дополнительные сведения о венгерской оппозиции, а также о Бетлене. Ответ за подписью Смирнова и Гейгера содержал ссылку на то, что «после разгрома венгерской армии под Воронежем в начале 1943 г. в Венгрии заметно усилилась внутривнутриполитическая борьба», вследствие чего ряд оппозиционных партий и парламентских группировок, «включая социал-демократов, профсоюзы, Крестьянский союз, партию мелких сельских хозяев и легитимистов, договорились о сотрудничестве». Относительно предполагаемой политической платформы этих сил здесь весьма скептически отмечалось, что она предусматривает лишь конституционные свободы и традиционный парламентский режим. В отношении внешнеполитических целей оппозиционных партий (видимо, исходя из их устремлений ещё при правительстве Каллаи) говорилось, что они добиваются лишь достижения общенациональных целей в интересах Венгрии — выхода из войны и заключения сепаратного мира с союзниками, хотя на том этапе они уже активно занимались организацией движения антифашистского Сопротивления. В связи с политической группировкой, объединенной вокруг И. Бетлена, в подготовленном материале указывалось на возможность наличия «серьезных оснований, позволяющих считать, что этот блок развернул свою деятельность с ведома и согласия премьер-министра Каллаи и его сторонников, которые рассылали своих многочисленных эмиссаров для установления контактов с союзниками... В марте 1944 г., когда Венгрия была оккупирована немцами, большая часть лидеров „оппозиции“ была арестована»³⁵.

Следует отметить, что наряду с этой частью хортистской, и в то же время антифашистской, антигитлеровской прослойки политиков, объединенной вокруг Бетлена, в условиях гитлеровской оккупации в подполье возникли и также начали действовать другие, более радикальные силы сопротивления оккупантам. О них в Москве не знали, либо полученную с Запада информацию о них считали сомнительной, не заслуживающей внимания. В то же время были зафиксированы сведения о том, что «контакты с англичанами пытался установить Л. Бетлен» [правильно И. Бетлен. — Б. Ж.], сын «одного из виднейших политических деятелей Венгрии, лидер консервативных дворянско-помещичьих кругов, ориентирующихся на Англию».

Бетлена-младшего называли «связующим звеном между англичанами и активными сторонниками англофильской политики в Венгрии». Сам же Бетлен-старший с полным основанием определялся на сей раз в качестве политического советника Хорти. При этом составители справки не обошлись без своих догадок и намеков на возможные «тайные устремления» Бетлена, на его «стремление подчинить своему контролю деятельность демократической оппозиции», чтобы, опираясь на неё, в нужный момент прийти к власти, «спасти реакционный режим Хорти и привилегии венгерских феодалов»³⁶.

Именно такое двойственное представление о Бетлене, о его предполагаемых планах и намерениях, по всей вероятности, утвердилось и в сознании работников НКВД и поэтому отношение к нему оставалось довольно сдержанным и даже настороженным. Это, в частности, подтвердилось, когда Бетлен добровольно перешел на сторону советских войск и предложил свои политические услуги. Из Венгрии 15 декабря 1944 г. на имя Деканозова была получена телеграмма от маршала Ф. И. Толбухина с запросом о том, как быть, как поступить с И. Бетленом. Деканозов тогда снова обратился за советом к 3-му Европейскому отделу НКВД, который за подписью помощника заведующего отделом И. Лаврова и референта Ф. Грязнова представил ему свои письменные соображения в виде подробной характеристики Бетлена и сопроводительного письма.

В этих документах подчёркивалось, что граф Бетлен «является одним из самых влиятельных политических деятелей Венгрии и весьма искусным политиком», который лучше остальных ориентируется в международной обстановке. Отмечалось, что Бетлен давно сомневался в победе Германии и «не пошел по пути сотрудничества с немцами». «Бетлен возражал против объявления Венгрией войны Советскому Союзу, однако не выступал открыто против гитлеровской Германии». При этом главной чертой в характеристике Бетлена называлось его «упорное стремление к установлению контакта с англичанами»³⁷.

В прилагаемой подробной биографической характеристике Бетлена давался довольно насыщенный компетентный обзор его жизненного пути с анализом политических взглядов и конкретных поэтапных действий. Подчёркивались его выжидательная позиция в период буржуазной революции 1918 г., бегство в Вену после провозглашения Венгерской Советской республики 1919 г., описывалась

его деятельность в Сегеде, где он «примкнул к контрреволюционному центру», работа в Вене, «откуда он руководил борьбой против советской власти в Венгрии». В связи с периодом деятельности графа на посту премьер-министра Венгрии были выделены такие ключевые моменты, как введение нового избирательного закона, названного реакционным, сближение с Италией и ориентация на её внешнюю политику. Затем отмечалась его дружба с английским лордом Реттермиром, который усердно пропагандировал необходимость мирной ревизии государственных границ Венгрии, отмечалась поездка графа по Европе в 1930 г. с целью выяснения позиций разных западных государств в отношении возможностей мирного пересмотра трианонских решений, его уход в отставку в условиях начавшегося мирового экономического кризиса.

В названных документах НКВД отмечалось также, что приход на пост премьер-министра Венгрии Д. Гёмбёша, пытавшегося в начале 1935 г. «провести в полуфашистском духе некоторые реформы», вызвали у Бетлена резкое неприятие и недовольство. «Бетлен в знак протеста против тоталитарных тенденций вышел из созданной им правительственной партии „Единство“, и за ним последовали многие его единомышленники»³⁸. Отмечалось также, что Бетлен к 1936 г. стал сторонником введения системы тайного голосования, однако при этом добивался «гарантий», которые могли бы защитить от проникновения революционных элементов в парламент.

Граф И. Бетлен в одном из этих документов характеризуется как «наиболее авторитетный государственный деятель послевоенной Венгрии» (имеется в виду межвоенный период). Его политические убеждения по праву названы консервативными. В связи с внешнеполитическими воззрениями этого политика в документах было зафиксировано, что он ранее придерживался ориентации на Италию, исходил из принципа делать «все вместе с Италией и ничего против Германии», однако с началом войны Бетлен стал «сторонником ориентации на Англию и [добивался] установления модуса вивенди со странами Малой Антанты, не отказываясь при этом от ревизионистских территориальных требований Венгрии». Весной 1941 г. граф выступил в академическом обществе с нашумевшим докладом на тему «Господствующие идеи XX века», где доказывал, что «фашизм — не господствующая идея нашего века, он лишь временный переходный барьер для „коммунистической опасности“, и поэтому Венгрия

не должна спешить с фашизацией страны, а должна выждать результата борьбы между демократией, фашизмом и коммунизмом». Здесь же приводились его высказывания о том, что в итоге «победит обновлённая и оздоровлённая демократическая система, избавленная от пороков либерализма». В характеристике на политика Бетлена говорилось также о том, что он хотя и в завуалированной форме, но «высказал свое сомнение в победе Германии»³⁹.

Советские составители характеристики на Бетлена, разумеется, не могли обойти проблему его отношения к Советскому Союзу. Они, не отказываясь от установившихся уже стереотипов, отмечали, что «Бетлен является противником какой бы то ни было ориентации на СССР, считая, что став мощной индустриальной военной державой, Советский Союз неизбежно будет проводить панславистскую политику». В характеристике упоминается также о том, что бывший венгерский премьер ещё в 1924 г. «вёл переговоры с представителями Советского Союза о взаимном признании и обмене дипломатическими представителями», но достигнутое соглашение тогда не было представлено на ратификацию парламентом Венгрии. Это мотивировалось тем, что после поражения коммуны 1919 г. «венгерское общественное мнение ещё не подготовлено к такой внешнеполитической акции». Утверждалось далее, что Бетлен «к Советскому Союзу относится враждебно, хотя весной 1941 г. охотно шёл на установление контакта с советской миссией в Будапеште».

В заключительной части характеристики была высказана итоговая оценка Бетлена: «В политической жизни Венгрии Бетлен играл ведущую роль и оказывал огромное влияние на консервативную часть венгерских правящих кругов и на Хорти, все важнейшие решения которого обычно принимались после предварительной консультации Бетлена. По широко распространённому в Венгрии мнению, Бетлен „лицетворяет мудрость венгерской конституционной государственности“. В глазах венгерских фашистов, а также гитлеровской Германии он является представителем консервативной демократии и „столпом“ венгерских англофилов. За период советско-германской войны Бетлен хранил молчание и не играл активной политической роли. Однако по имеющимся сведениям он является лидером влиятельной группы консервативных элементов, выжидавших лишь удобного случая для захвата власти и заключения сепаратного компромиссного мира с союзниками»⁴⁰.

В сопроводительном письме к документу сказано: «Переход Бетлена на сторону Красной Армии в момент, когда Венгрия стоит накануне полного крушения, является очередным маневром, рассчитанным на то, чтобы спасти себя и те реакционные элементы, которые стоят за ним. Привлечение его к деятельности групп Вереша [венгерский генерал-полковник Янош Вереш перешел на сторону советских войск. — Б. Ж.] и др., на что он претендует, означало бы создание возможности для объединения реакционных элементов». Этим Бетлену было выражено явное недоверие. При этом отмечалось также, что вопреки заявленной им маршалу Ф. И. Толбухину готовности и желанию «помогать нам, и работать вместе с Верешем», не следует предоставлять ему даже возможности для установления контакта с этим венгерским генералом, как и с другими лицами из инициативной группы венгров. Мотивировалось это опасностью, что Бетлен может подчинить их своему влиянию.

Рекомендовалось вообще не устанавливать официального контакта с Бетленом, так как, по мнению 3-го Европейского отдела НКВД, это отвечало бы интересам англичан, которые в противном случае тут же «попытались бы немедленно использовать его в качестве своей опоры». Таким образом, отношение к И. Бетлену на том этапе определяли предосторожность и желание оградить от его возможного влияния ту часть венгров, которая оказалась на советской стороне и являлась потенциальным участником определения путей нового общественно-политического развития Венгрии. В то же время в сопроводительном письме предлагалось использовать переход Бетлена на советскую сторону в пропагандистских целях, для оказания воздействия на венгерских солдат и офицеров.

В конце письма, направленного 3-им Европейским отделом в адрес руководства Наркоминдела (что, по существу, и предопределило дальнейшую судьбу Бетлена), говорилось: «Исходя из этого мы полагаем, что предложения Бетлена о привлечении его вместе с Верешем к сотрудничеству с нашим командованием следовало бы в настоящее время отклонить... Маршалу Толбухину можно было бы ответить, что никакого контакта с Бетленом устанавливать не следует и что необходимо его изолировать»⁴¹. Учитывая, что названные выше документы были представлены В. М. Молотову и А. Я. Вышинскому, можно утверждать, что содержащиеся в них рекомендации во многом определили дальнейшее отношение к Бетлену и даже его судьбу. На экземпляре Деканозова

стоит его резолюция: «С соображениями гг. Лаврова и Грязнова согласен. Надо изолировать Бетлена. Информировать лично т. Пушкина [Пушкин Г.М. — сотрудник НКВД, в 1948–1949 гг. посол СССР в Венгрии. — Б. Ж.], но пусть об этом он не говорит венграм». В заключение этого сюжета нельзя не отметить, что экс-премьер Венгрии И. Бетлен в конечном счете был доставлен в Москву и закончил свою жизнь 5 октября 1946 г. в Бутырской тюрьме.

В настоящей статье мы лишь кратко обозначили некоторые обстоятельства, которые с середины 30-х годов истекшего века заставили хортистскую Венгрию пойти на сближение с Германией, а затем привели ее к вступлению в антисоветскую войну. На основе найденных нами в московских архивах тематических материалов и документов мы проанализировали выявленные нами в архивах наиболее характерные оценки, взгляды и расхождения во мнениях отдельных представителей московской венгерской политэмиграции на события, имевшие место в Венгрии в годы войны. Особый интерес для анализа представляли те сведения и характеристики, которые касались отдельных ведущих венгерских политиков межвоенных лет и военного времени. Мы старались показать какими (и насколько объективными) сведениями располагало тогда советское внешнеполитическое руководство. Следует, однако, отметить, что поднятые нами документы представляют собой лишь малую часть той богатой базы источников для изучения проблемы, которые содержат центральные российские архивы.

Примечания

¹ В частности, см.: Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современностью М., 2009; Партитура Второй мировой войны. М., 2009.

² Juhász Gyula. Magyarország külpolitikája, 1919–1945. Вр., 1987. 249–250. old.

³ Российский государственный военный архив : (РГВА). Ф. 189 к. Оп. 2. Д. 714. Л. 6. (Нами были выявлены и используются здесь материалы фондов бывшего Особого архива, которые впоследствии были перемещены в РГВА).

⁴ Northy Miklós. Emlékirataim. Вр., 1990. 239. old.

⁵ Bárdossy László. Népbíróság előtt. Вр., 1991. 229, 232. old.

⁶ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 077. Оп. 24. П.112. Д. 5. Л. 37–39.

⁷ Bárdossy László. Op. cit. 327. old.

⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П.112. Д. 6. Л. 58

- ⁹ Там же. Д. 5. Л. 73–74.
- ¹⁰ См.: A 2. magyar hadsereg megsemmisülése a Donnál. Вр., 1959.
- ¹¹ АВП РФ. Ф. 077. Д. 6. Л. 4–21.
- ¹² Там же. Л. 16, 17.
- ¹³ Там же. Л. 3, 23; Д. 5. Л. 46–47.
- ¹⁴ Там же. Д. 5. Л. 47.
- ¹⁵ Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 197.
- ¹⁶ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 6. Л. 20.
- ¹⁷ Там же. Д. 5. Л. 1.
- ¹⁸ Гейгер Бела (1909–1983) — венгерский политэмигрант, с 1922 г. жил в СССР, где получил юридическое образование. В 1940–1941 гг. работал в советском посольстве в Будапеште, затем до декабря 1944 г. в НКВД СССР. С осени 1945 г. до лета 1946 г. снова в Посольстве СССР в Венгрии.
- ¹⁹ До этого — последний советский посол в Германии. По сведениям бывших сотрудников НКВД являлся «рукой НКВД в Наркоминделе», впоследствии расстрелян вместе с Л. П. Берия (Мир новостей. 1997. 17. 11).
- ²⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 5. Л. 1–2.
- ²¹ Там же. Л. 5.
- ²² Там же. Д. 6. Л. 28–29.
- ²³ Там же. Л. 29.
- ²⁴ Там же. Д. 5. Л. 15, 27.
- ²⁵ Там же. Л. 28.
- ²⁶ Там же. Л. 15–16, 30–32.
- ²⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 119. Л. 2.
- ²⁸ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 4. Л. 21.
- ²⁹ РГВА. Ф. 1699к. Оп. 8. Д. 589. Л. 1.
- ³⁰ Romsics Ignác. Bethlen István. Politikai életrajz. Вр., 1991. 181. old.
- ³¹ РГВА. Ф. 1699к. Оп. 8. Д. 589. Л. 2–3.
- ³² Там же. Л. 4.
- ³³ Там же. Л. 5.
- ³⁴ Там же. Л. 6.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 24. П. 112. Д. 6. Л. 24–25.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. Л. 83.
- ³⁸ Там же. Л. 85–86.
- ³⁹ Там же. Л. 87–88.
- ⁴⁰ Там же. Л. 87–89.
- ⁴¹ Там же. Л. 83–84.

А. С. Стыкалин

**«Героизм венгерский заслуживает
преклонения...»
Венгерские события 1956 г.
в откликах двух российских ученых**

Член Президиума ЦК КПСС М. А. Суслов, который в конце октября 1956 г. находился вместе с А. И. Микояном в Венгрии, пытаясь безуспешно повлиять на ход развернувшихся там драматических событий¹, вскоре после возвращения в Москву получил от партии новое задание. 6 ноября ему предстояло выступить на торжественном заседании московской партноменклатуры и представителей трудящихся по случаю очередной годовщины октябрьской революции. На следующий день газета «Правда», цитируя его речь, писала о том, что все советские люди «радуются победе, одержанной венгерскими трудящимися над контрреволюцией»². Хотя поток дезинформации действительно захлестнул в те дни страницы советской прессы³, Суслов и его соратники по партийному руководству явно выдавали желаемое за действительное.

Источники свидетельствуют о неоднозначности восприятия советским обществом венгерских событий. Да, большинство советских граждан действительно в той или иной мере принимало на веру утверждения официальной пропаганды⁴. Наиболее эффективным пропагандистским аргументом в пользу необходимости силового решения был тезис о том, что Советская Армия своим вмешательством в Венгрии якобы предотвратила новую большую войну. Поскольку в 1956 г. Вторая мировая война была в памяти людей даже молодых поколений (как в СССР, так и на Западе), этот аргумент активно применялся и во внешнеполитической пропаганде, к нему охотнее всего прибегал и Н. С. Хрущев, в том числе в беседах с иностранными корреспондентами⁵. Многие советские граждане, принимавшие всерьез официальные догмы, видели в происходящем в первую очередь попытку вывести Венгрию из советской сферы влияния. Согласно их

логике, «надо освободить Венгрию от тех сил, которые хотят ее увести от нас», «мы заплатили кровью за Венгрию в 1945 г. С какой стати ее надо отдавать американцам?»⁶. Венгерские события, таким образом, воспринимались частью общества как своего рода продолжение Великой Отечественной войны, а советские военные действия как законный ответ на посягательства некоторых сил пересмотреть завоевания, достигнутые СССР в борьбе с фашизмом⁷. Существование таких настроений работало на один из решающих аргументов в пользу силового способа разрешения венгерского вопроса. «Нас не поймет наша партия», — говорил Хрущев 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС⁸. Значительная часть рядовых партийцев действительно опасалась ослабления державной мощи СССР, а в венгерских событиях видела симптом такого ослабления. Мощь Советского Союза и Советской Армии, прочность достигнутых геополитических завоеваний СССР в Восточной Европе рассматривались как гарант предотвращения новой мировой войны.

Как бы то ни было, официальная пропаганда не всех убеждала в правильности избранных методов разрешения венгерского кризиса, разнообразные источники (и в том числе донесения низших партийных инстанций в более высокие инстанции) фиксируют сомнения в необходимости силового подхода, высказывания о том, что не надо другим навязывать свою волю, вмешиваться во внутренние дела других народов («и без нас могли бы разобраться»). Звучало мнение о том, что венгерский вопрос надо решать мирным путем («а то зря людей губим»), силовое решение связывалось с неоправданными человеческими жертвами, причем как с советской, так и с венгерской стороны⁹. Таким образом, спектр настроений и оценок в советском обществе был достаточно широк¹⁰.

Историкам известно о многих случаях протеста советских граждан против политики своего руководства в Венгрии. Можно упомянуть о московских и ленинградских студентах, распространивших листовки и поплатившихся за это несколькими годами тюрьмы¹¹, о школьнике-старшекласснике из Ярославля Виталии Лазарянце (кстати, сыне директора крупного завода), вышедшем 7 ноября на демонстрацию с плакатом «Руки прочь от Венгрии!»¹². Одной из форм протестного поведения стало повреждение памятников Сталину¹³. Университетская молодежь обращалась к изучению опыта венгерской революции (и в том числе рабочих советов в Венгрии)

в контексте критического осмысления современной советской действительности. Выявляется несоответствие этой действительности духу марксистского учения, высказываются альтернативные идеи, в то время, как правило, не выходявшие за рамки социалистического мировоззрения (даже в тех случаях, когда допускались радикальные методы их осуществления).

Агентурные донесения КГБ зафиксировали произнесенные в более узком кругу резко критические высказывания ряда видных деятелей культуры и науки. Среди последних Лев Ландау (1908–1968) — всемирно известный физик, академик, будущий лауреат Нобелевской премии.

Происходящее в Венгрии Ландау назвал революцией. Все случившееся — это «благородное дело», «отраднейшее событие», когда «народ-богатырь» сражается за свободу, включая мальчишек 13–16 лет, устремившихся на баррикады. «Настоящие потомки великих революционеров... Перед Венгрией я готов встать на колени... Героизм венгерский заслуживает преклонения», — говорил он в кругу друзей¹⁴. Венгерский народ, полагал выдающийся физик, восстал «против своих поработителей». Причем не только против «небольшой венгерской клики». Ландау не жалеет эмоций, характеризуя советских лидеров («преступники, управляющие страной, решили забрызгать себя кровью»). Достается от него и «марионетке» Кадару («наши поручили — и он сидит»)¹⁵.

При этом, что важно, академик был последователен в осуждении империалистической политики, присущей не одному лишь Советскому Союзу. Он был резко критичен, например, в отношении Англии, Франции и вступившего в сговор с ними Израиля за военную акцию против Египта, национализировавшего Суэцкий канал. «Насколько египтяне вызывают восхищение, настолько израильтяне являются гнусными, подлыми холоуями... Я, как безродный космополит, питаю к ним полнейшее отвращение». В отклике Ландау слышалась явная ирония: в конце 1940-х годов, во время разнузданной антисемитской кампании, развязанной Сталиным, его, как и многих других советских интеллектуалов еврейского происхождения, обвиняли именно в симпатиях к Израилю и покровительствовавшим этому молодому государству кругам международной еврейской финансовой олигархии, не слишком привязанной к той или иной национальной почве.

Другое интересное свидетельство об отношении части советской интеллигенции к происходившему в Венгрии и вокруг нее — дневник Сергея Сергеевича Дмитриева (1907–1991), профессора Московского университета, одного из признанных специалистов по истории России XIX в. Он был опубликован в российском журнале «Отечественная история» в 1999–2000 годах¹⁶.

Всегда интересуясь событиями в странах советского блока, вдумчивый профессор-историк даже из самых скурых газетных сообщений мог сделать вывод о неблагоприятном положении дел. 12 июня 1953 г., всего за несколько дней до массовых выступлений протеста в ГДР, Дмитриев отметил в дневнике знаменательный факт. Политбюро ЦК Социалистической единой партии Германии, пишет он, «признало наличие серьезнейших ошибок, можно сказать, во всех областях политики и жизни восточной зоны Германии... Короче говоря, признание полной несостоятельности курса политики введения социализма в несколько лет. Результатом этой политики оказалось, очевидно, запустение ГДР, массовое бегство населения (трудового!!!) в Западную Германию. Теперь пытаются наивных вернуть и приобрести утраченное доверие у оставшихся с помощью своеобразного нэпа? Да кто же таким экспериментаторам над народом поверит?» «Такие же эксперименты, — продолжал свои размышления профессор, — проделываются над народами ряда стран Восточной Европы. Но немцам было куда бежать; существование двух Германий это позволяло для немцев, оказавшихся в положении подопытных животных» (1999. № 5. С. 150). У других народов такой возможности не было.

Венгерские события совпали с выставкой Пабло Пикассо в Москве, первой после того, как с началом «оттепели» был немного приоткрыт железный занавес. Организовать ее вопреки сопротивлению партийных ортодоксов удалось во многом благодаря усилиям Ильи Эренбурга. 3 ноября, вернувшись домой после посещения художественной выставки, профессор, неоднократно писавший в своих трудах об отклике в России на царскую интервенцию в Венгрии в 1849 году, сделал не слишком длинную, но предельно выразительную запись: «Главная тема всех разговоров — события в Венгрии. Судя по всему, не сегодня, так завтра начнется открытая военная интервенция СССР против Венгрии. Раздавят венгерский народ и зальют еще раз кровью землю Венгрии» (2000. № 2. С. 149). Предчувствие в общем не обмануло московского историка.

День 4 ноября Дмитриев назвал «черным воскресеньем». В дневнике он не просто зафиксировал событие, но дал ему четкую оценку: «Сегодня факт военной интервенции СССР против Венгрии стал очевидным и был гласно провозглашен правительством СССР. Конечно, не без помощи небольшого фигового листика. Таким листиком явилось по мановению нашей дирижерской палочки выскочившее будто бы в Будапеште революционное рабоче-крестьянское правительство Венгрии во главе с Яношем Кадаром... Стыдно быть русским. Стыдно потому, что хотя венгров подавляет не русский народ, а коммунистическая власть СССР, но русский народ молчит, ведет себя как народ рабов... Его совесть спит, его сознание обмануто, в нем нет протеста против этих черных дел... Не может быть свободна нация, которая подавляет другие народы...» (2000. № 2. С.149). Как можно судить по этим записям, совесть части российской интеллигенции отнюдь не спала.

В заметках, относящихся ко дню годовщины октябрьской революции, не обошлось без упоминания того заседания, на котором Суслов выступал от имени «всего советского народа»: «Постыдные для нашей страны дни. Силы Советской армии, судя даже по нашим официальным газетам, все еще продолжают душить Венгрию, заливать ее землю венгерской кровью. А лицемеры, собранные вчера на торжественное заседание в Дворец спорта по случаю 39-й годовщины Октябрьской революции, аплодировали словам докладчика Суслова о подавлении контрреволюции в Венгрии» (Запись от 7 ноября. 2000. № 2. С. 149).

Если венгерский радиослушатель зачастую мог черпать сведения от западных «голосов», то у подавляющего большинства советских граждан такой возможности не было — сказывалась дальность расстояния, позволявшая глушить передачи из-за рубежа¹⁷. Живя в Москве, профессор Дмитриев был оторван от каких-либо источников информации помимо официальных. Брать же на веру стереотипы партийной пропаганды решительно отказывался: «Читаешь газеты и отчаяние овладевает. Бесстыдное вранье, дезинформация, замалчивание общеизвестного, самое неприкрытое, наглое недоверие к читателю, неуважение его... Одно бесспорно. Всеобщее народное восстание в Венгрии имело национально-освободительный характер. Восстание по существу одержало полную победу — смело старое правительство и старую правящую партию... и создало новые

власти и иные партии. Вооруженная интервенция СССР подавила это восстание. Но подавила только силой, грубой материальной силой, оружием и превосходством сил. На подавление понадобился почти месяц... Каковы же итоги? С помощью оружия и ценою крови внешнее единство социалистического лагеря во главе с СССР сохранено. От идеи сосуществования остались одни обломки. О морально-политическом единстве социалистического лагеря говорить не приходится» (Записи от 24 ноября и 11 декабря. 2000. № 2. С. 150–151). А 27 ноября сделана такая запись: «О делах несчастной Венгрии лучше не писать. Стыдно быть русским» (2000. № 2. С. 150).

Еще более критичен был к официальной советской информации академик Ландау («кому, палачам верить?»). В отличие от абсолютного большинства своих соотечественников он имел у себя дома возможность слушать передачи западного радио регулярно и, надо сказать, иной раз готов был принять за чистую монету непроверенные сведения о происходившем в Венгрии — на самом деле жертвами уличных расправ в Будапеште становились отнюдь не только, как полагал Ландау, сотрудники госбезопасности.

Все-таки, и факты, просачивавшиеся в печать, сквозь цензурное сито, давали пищу для размышлений, логика которых отнюдь не совпадала с официальной линией. Так, прочитав в изложении «Правды» выступление чехословацкого лидера А. Новотного на пленуме ЦК КПЧ в начале декабря, Дмитриев сделал собственные выводы: Из речи Новотного с критикой Тито видно, что «Новотный 100 %-ный сталинец (как и все истые сталинцы именует он себя, конечно, ленинцем). Его заверения о полном порядке в Чехословакии тошно читать. Впрочем, чем же они особенным отличаются от подобных же заверений венгерского Гере касательно Венгрии — заверений, сделанных в самые последние дни перед 23.10. 1956? Или от заверений Маленкова в отчетном докладе на XIX съезде КПСС в октябре 1952 г.? В сущности, ничем. А каково действительное процветание и прекрасный порядок в Венгрии и в СССР, стало ясным в первом случае начиная с 23.10. 1956 г., а во втором начиная с 5.3. 1953 г. (день смерти Сталина. — А.С.) все понемногу уясняется еще» (Запись от 12 декабря. 2000. № 2. С. 151).

В сравнении с Новотным, ни на йоту не отходившим от линии Москвы, итальянский коммунистический лидер П. Гольятти не только обладал несравнимо более высоким интеллектом, но, что важнее,

был поставлен у себя дома совсем в иные условия, что заставляло его проявлять гораздо больше умственной эквилибристики, оправдывая необходимость советского вмешательства в Венгрии. Речь Тольятти на VIII съезде ИКП (декабрь 1956 г.) была резко искорежена, «причещана» «Правдой», подогнана под общий пропагандистский ранжир. Это не мог не заметить и опытный историк-источниковед С. Дмитриев: «В пересказе, с пропусками, с многоточиями “Правда” поместила сегодня речь Тольятти на съезде Итальянской компартии. Все, что представляет прямой интерес и важность для советских коммунистов в этой речи, заменено многоточиями. Это орган ЦК КПСС, боящийся коммунистам СССР прямо передать то, что думает коммунист Италии!» (Запись от 11 декабря. 2000. № 2. С. 151).

Отреагировал профессор и на критику в советской печати главного титовского идеолога Э.Карделя, который, выступая в Скупщине Югославии 7 декабря, дистанцировался от советской политики в Венгрии и изложил свое понимание роли рабочих советов при социализме¹⁸. Суть расхождений лидеров двух стран Дмитриев увидел прежде всего в стремлении югославов во всеулышание, на весь мир заявлять свои взгляды. Смысл статьи Ю.Павлова (псевдоним академика Г. П. Францова) в «Правде» от 18 декабря заключается, по мнению историка, в следующем: «Зачем говорить правду, когда нам невыгодно ее говорить? — спрашивает автор московской статьи Карделя. Сейчас нам нужно единство... Если ему может помешать правда, то нужно (хотя бы на время — утешает доверчивых правдолюбцев Павлов) не говорить эту правду, не писать о ней. Суждения о правде нельзя делать достоянием всех... Следует келейно, в своем кругу, не вынося сора из избы, между собой договориться о том, что считать правдой на сегодняшний день. А потом эту изготовленную правду преподносить как Правду-Истину для всей общественности. Короче, нельзя выносить критику за закрытые двери партийных закрытых собраний. Пускай бы Тито, Кардель и все, кому угодно, доводили свои взгляды до сведения Хрущева, Сулова, Новотного, Энвера Ходжи и прочих руководителей и вождей. Пускай бы они в закрытом письме довели свои взгляды до М.Гореза или еще кого. Но как можно во всеулышание, на весь мир заявлять свои взгляды?» (Запись от 19 декабря. 2000. № 2. С. 151–152).

Уверенность советских лидеров в том, что народом нужно руководить, ведя его по пути к коммунизму, не предполагает веры в здравый

смысл народа, рассуждает Дмитриев. Как же, в самом деле, можно допустить, чтобы каждый коммунист (и тем более каждый гражданин) искал правду, судил сознательно о политике? Массы, согласно логике партийных верхов, должны работать, повышать производство и не соваться не в свое дело, т.е. в политику. А значит им не нужна такая правда, которая может вывести их из повиновения и послушности, которая невыгодна интересам обеспечения руководящей роли компартии.

Серьезные размышления об антидемократическом характере советской системы (сути которой нисколько не меняют все декларации об участии масс в управлении государством) проходят лейтмотивом через дневники С.Дмитриева. Вскоре после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) он писал о безраздельном торжестве партийной бюрократии, опирающейся на аппарат полиции и армии, о том, что «бюрократизм, администрирование, централизация и поправление демократизма» и поныне являются «господствующими и определяющими, хотя с 1953 г. кое-что непоследовательно и нерешительно предпринимается для их изживания». По глубокому убеждению профессора, настоящая демократизация невозможна при сохранении однопартийной системы: «не может быть демократии без действительной (а не декларативно-бумажной) свободы печати и свободы личности. А обеспечить их при помощи диктатуры аппарата единственной, и правящей к тому же, партии невозможно» (Запись от 3 июня 1956 г. 2000. № 2. С. 143–144). Надо ли говорить о том, насколько крамольными были эти взгляды с точки зрения установок XX съезда, ни в коей мере не посягнувшего на монополию правящей партии. Хорошо осознавая свои принципиальные расхождения с линией хрущевского руководства на поверхностную десталинизацию, Дмитриев не скрывал скептического отношения ни к сенсационному выступлению Н. Хрущева на закрытом заседании в конце работы XX съезда 25 февраля (информация о котором потом зачитывалась на партийных собраниях), ни к постановлению ЦК КПСС от 30 июня 1956 г., призванному установить более четко границы возможного в критике Сталина и сталинизма¹⁹. Хрущев и его окружение, по мнению московского профессора, пытаются все свести «к умеренной критике прошлого, пресечь всякие размышления» о ныне «действующем политическом режиме». Любые рассуждения о деформации общественного строя в СССР, о том, что корни культа личности

заложены в природе советской системы, объявлены по меньшей мере глубоко ошибочными, а значит, оба эти документа, по убеждению Дмитриева, уводят мысль от фактов и лишь способствуют оживлению тех могущественных сил, которые являются носителями этого так называемого «культа личности» (см. запись от 2 июля 1956 г. 2000. № 2. С. 144).

Венгерская революция и жестокие меры по ее подавлению лишь утвердили Дмитриева, как и Ландау, в представлениях об изначальной сути советской системы, созданной еще при Ленине и отнюдь не изменившейся и после сенсационных разоблачений Сталина на XX съезде КПСС. Недаром Ландау более чем скептически реагировал на любые рассуждения типа «если бы Ленин встал, то...». В дни, когда проливалась кровь на улицах Будапешта, в Москве в окружении Ландау ходили слухи о том, что волнения вот-вот перекинутся в соседнюю Чехословакию. Крупнейший физик видел в этом знак позитивных перемен. То, что совершили венгры, на его взгляд, «заслуживает заимствования». Пытаясь осмыслить значение венгерских событий в более широкой перспективе, он замечал: «То, что сделали венгры, это считаю величайшим достижением. Они первые разбили, по-настоящему нанесли потрясающий удар по иезуитской идее в наше время... Я считаю чудесным, что вот этот иезуитский миф гибнет». По мнению Ландау, зафиксированному в агентурных донесениях, с венгерской революцией открылась возможность, которую раньше было трудно себе представить — возможность революции в одной из стран советского блока, а может быть и в самом центре мирового коммунизма — СССР. «Еще год назад казалось, что думать у нас о революции смехотворно. Но это не смехотворно. Она произойдет, это не абсурд»²⁰. Ландау предполагал, что в СССР в обозримом будущем совершится военный переворот. Явно выдавая желаемое за действительное, он якобы говорил: «это вполне реальное дело сейчас при такой малой популярности правительства и ненависти народа к правящему классу»²¹. Считая советский строй главным источником раздоров на планете, он добавлял: «Если наша система мирным способом не может рухнуть, то третья мировая война неизбежна со всеми ужасами, которые при этом предстоят... Если же наша система ликвидируется без войны, — неважно, революцией или эволюцией, это безразлично, — то войны вообще не будет... Так что вопрос о мирной ликвидации нашей системы есть вопрос судьбы человечества по существу».

С. Дмитриев оценивал перспективы советской системы гораздо более реалистически, чем Ландау. В начале ноября 1956 г. среди московской интеллигенции поползли слухи о забастовках в Москве и на Донбассе в знак протеста против снижения расценок за нормы выработки. Считая это явление симптоматичным, Дмитриев, однако, не питал иллюзий относительно скорых изменений советского строя. Комментируя сам факт забастовок, он записал 7 ноября: «Все это стихийные проявления народного негодования. В них нет сознания, нет политических лозунгов. Такие проявления бессильны в борьбе против огромного партийно-советского аппарата и всех средств пропаганды, находящихся в его руках». Диктатура и демократия, резюмировал Дмитриев свои дальнейшие размышления, «вещи непримиримые. Если мы за диктатуру, то “демократия” нужна нам только как украшение; “демократия” наша на деле есть деспотия. И будет таковой. Конечно, когда в итоге диктатуры мы все раздавим и подчиним этой диктатуре, тогда мы устроим и “демократию” для людского стада, обманутого и довольного тем, что его кормят и дают ему работу» (2000. № 2. С. 149).

«Консолидация» в Венгрии новой власти придавала все больше уверенности сталинистам в СССР. Наши отечественные «блюстители чистоты марксистско-ленинской теории» «понемногу оживляются и от обороны переходят к нападению», — зафиксировал Дмитриев 20 ноября, припомнив к месту и лозунг Горького: «если враг не сдастся, его уничтожают». Впрочем, заметил далее профессор, «если он сдастся, то его тоже уничтожают, но другим, более медленным способом» (2000. № 2. С. 150). Обстановка партсобраний все более напоминала ему атмосферу разгромных «дискуссий» 1948–1950 гг., когда в СССР боролись с «буржуазным космополитизмом»: «Сталинисты заметно оживились повсюду» (Запись от 29 ноября. 2000. № 2. С. 151).

Через месяц, 30 декабря, под впечатлением от обсуждения на партсобрании закрытого письма ЦК КПСС с осуждением слишком вольного «поведения» советской интеллигенции он замечает: «Дела домашние идут в сторону “закручивания гаек”». Под слишком вольным поведением, продолжает Дмитриев, конечно же, понимается проявление самостоятельности мышления. А «самостоятельным мышлением» считается все, что не совпадает буква в букву со статьями сегодняшних газет (2000. № 2. С. 152). Даже те, кто

полагает, что «эра либерализма и игры в демократию еще не изжиты», убеждены, что «либерализм» и «демократия» будут существовать в очень строго определенных пределах (Запись от 12 декабря 1956 г. 2000. № 2. С. 151). «Общие итоги года тяжелые», — констатировал профессор 31 декабря (2000. № 2. С. 152). Незадолго до этого, выступая на декабрьском пленуме ЦК КПСС, Хрущев излагал свое видение происходящего в стране и задач, стоявших в этой связи перед властью: «Я считаю, что у нас в партии не совсем правильно поняли решения XX съезда КПСС. Много тысяч людей освободили из заключения. Но там не только чистые были. Там и очень нечистые были — троцкисты, зиновьевцы, правые, всякая шваль. Теперь их тоже освободили. Некоторые из них восстановлены в партии. Большинство правильно восстановлено в партии, это честные люди, мы должны их окружить заботой и вниманием, но восстанавливались и те, которые являются врагами нашей партии. Они сейчас болтают всякий вздор, а наши товарищи лапки сложили и держат нейтралитет. Это неправильно. Надо дать отпор таким людям, надо исключать из партии, если они будут проводить разлагающую работу в партии, надо арестовывать. Другого выхода нет. Мы должны правильно проводить внутрипартийную демократию, рабочую демократию, но с врагами мы должны вести жестокую борьбу, иначе мы будем недостойны своего положения руководителей партии и страны»²².

Слова в данном случае не расходились с делом. О медленном наступлении сталинистской реакции в сфере идеологии и культуры, о снова вошедших в моду покаянных выступлениях на партсобраниях речь шла и в записях Дмитриева, относящихся к 1957–1958 гг. Пресса призывала к покаянию писателей, которые отстаивали мнение, отличное от партийной линии, и были резко раскритикованы за это. Согласно одной из статей, прочитанных и тут же прокомментированных Дмитриевым²³, по сути «нет никакой разницы между Союзом советских писателей и Коммунистической партией. Там и тут требуется полное внешнее единство мнений. Партийная дисциплина — послушность секретарю — закон для союза писателей (предполагаемое свободное и творческое объединение) и для политически-партийной организации». Более всего автор статьи возмущен был тем, что члены редколлегии раскритикованного издания (альманаха «Литературная Москва») «молчат по поводу предъявленных им обвинений.

Не защищаются (пусть бы попробовали!), не каются (уж чего бы лучше, только этого от них и требуют!), а просто молчат. А такая позиция позволяет перед многими поставить вопрос: с кем же идти — с Союзом писателей или с молчащими его членами? Ну что ж, венгерские писатели, их Союз в целом пытались выражать прямо и защищать смело свои взгляды. И что же? Союз их закрыли, а членов Союза посадили в тюрьмы» (Запись от 16 июня 1957 г. 2000. № 3. С. 156–157). Совсем недавний опыт венгерских событий (а деятельность венгерского Союза писателей, действительно, была приостановлена в январе 1957 г.) не мог не наводить любого мыслящего человека на аналогии. Не стал, конечно, исключением и профессор Дмитриев.

Среди московской интеллигенции ходили разговоры (Дмитриев их также отметил в своем дневнике) о том, что во время одной из бесед с деятелями культуры (она состоялась 13 мая 1957 г.) Хрущев заметил, что борьба с культом личности теперь «является для нас уже пройденным этапом». Там же, вспоминая годы юности, оратор поведал об опасности детской игры со спичками — игры, в результате которой возникали пожары, и между прочим предупредил слушателей, что у властей есть способы борьбы как с пожарами, так и с опасными играми в спички²⁴. «Sapienti sat, — припомнил Дмитриев изречение древних, — Еще немного, и вернемся к продолжению издания сочинений Сталина, а заодно и ко всей его политике... Общий курс на реставрацию основ, сущности того, что можно условно и вместе с тем очень точно назвать “сталинизмом”, вполне определился... Похолодание сильное». При этом, замечал профессор, и «международная обстановка содействует такому “попятному прогрессу” у нас в делах домашних» (Записи за первую половину 1957 г. 2000. № 3. С. 155–156).

При всем своем скептицизме проф. Дмитриев, размышляя над происходящим, сопоставляя факты, не мог отрицать за Хрущевым субъективного стремления «исправить» и «улучшить» систему, связанную с именем Сталина: «Да, Хрущев и его окружение имеют некоторые признаки непоследовательных борцов за исправление ошибок и недостатков (какие деликатно-мягкие выражения!) культа личности Сталина», — признавал он в записи от 12 июля 1957 г. (2000. № 3. С. 157). Но субъективные намерения не приводят к должным результатам, ибо за обновленными политическими декларациями и новыми идеологемами (например, о «коллективном руководстве», сменившем сталинское единоначалие) скрывается прежний

механизм — «диктатура пролетариата» на самом деле есть диктатура ЦК, в котором первый секретарь подобно папе римскому в католической церкви устанавливает непререкаемо, что сегодня является истиной и что надлежит признавать ложью. «Пока он жив и на посту первого секретаря, он непогрешим», и лишь преемник может во всеуслышание объявить об ошибках своего предшественника, осудить его прижизненный культ (См. ту же запись).

18 июля 1957 г., менее чем через месяц после разгрома внутривнутрипартийной оппозиции Маленкова-Кагановича-Молотова, профессор со всей определенностью констатировал: «в сущности система единоначалия уже полностью восстановлена» (2000. № 3. С. 157). Внимательно следя за внутривнутриполитическими изменениями в СССР, Дмитриев чем дальше, тем больше подмечал симптомы нового культа личности, насаждаемого всеми средствами пропаганды. При этом он замечал, что особую активность в создании нового культа зачастую проявляют те же люди, которые всего за год-полтора до этого, после XX съезда КПСС, в соответствии с действовавшими партийными установками громче других выступали за разоблачение Сталина. Одно тесно увязано с другим — для нового культа необходимо расчислить место. «Кажется, большинство ниспровергателей против Сталина только потому, что он мертв: следовательно, во-первых, его ниспровергать не так уж опасно; во-вторых, ниспровержение его обеспечивает автоматически укрепление на его опустелом месте другого вождя. Вождь уже налицо, нужно только теперь его окончательно покрыть глянцем и лаком классического вождя. Лучшее средство для наведения должного блеска на нового вождя — это противопоставление его старому вождю: очернение последнего и есть нужный лак для первого. Пока еще чуть-чуть можно обо всем этом болтать и судачить (разумеется, келейно, с глазу на глаз, с ближними людьми). Но уже близко время, когда это “чуть-чуть” кончится, и за подобную вольность в мыслях начнут ссылать и сажать», — записывает Дмитриев 4 мая 1958 г. (2000. № 4. С. 151).

В 1930-е — начале 1950-х годов в России, продолжает он дальше свои размышления, был проделан блестящий опыт введения единомыслия, к которому страна теперь возвращается после нескольких лет провололочек. Очевидно, дело не в личностях, а в том, что существующий порядок и строй не могут обходиться без такого опыта. «Не Сталин создал порядок и режим, а порядок и режим породили Сталина.

Они же порождают на наших глазах новую личность, заполняющую пустоту, образовавшуюся после смерти носителя и “создателя” культа личности. Словом, король мертв, да здравствует король!» «Вокруг начальника образуется все более густая толпа безликих новых вожаков из друзей-сателлитов... Так матушка-история тащится и свое дело делает» (2000. № 4. С. 152).

Наблюдая за политикой хрущевского руководства, Дмитриев отмечал в ней какое-то странное, прихотливое нагромождение разнородных пластов: «шумим о необходимости встречи на “наивысшем уровне” и в то же время самым назойливым образом задираем США и ведем антиамериканскую пропаганду»; вывели из руководства противников XX съезда, «и что же? Торжествуют догматики», а те, кто пытается мыслить самостоятельно, получают ярлык ревизионистов (Записи от 31 марта 1958 г. 2000. № 4. С.150).

Словечко это, заметил Дмитриев, стало одним из самых употребляемых, оно «вроде дубинки служит для сокрушения и повержения во прах всех пытающихся мыслить и разобраться» (Записи от 11–12 октября 1958 г. 2000. № 4. С. 153). При этом, что характерно, никто не дал какого-то четкого определения, что же такое ревизионизм. «Если под ревизионизмом разуместь все, что сегодня не соответствует последнему выступлению Хрущева, то границы этого понятия раздвигаются до необозримости. Но вполне возможно, что сегодня не соответствующее последнему выступлению будет завтра соответствовать новому выступлению Хрущева. Как же тогда быть? А выступлений-то очень много», — отметил Дмитриев 5 января 1958 г. (2000. № 4. С. 149).

Через полгода происходит знаменательное событие — образ ревизионистов не только персонифицируется в личностях Имре Надя и его соратников, оказавшихся на скамье подсудимых, но, что важнее, весь мир увидел: ревизионизм — это не просто «ошибочные» идеи, подлежащие критике и даже осуждению, любое ревизионистское «заблуждение» можно раздуть до масштабов уголовного преступления, караемого смертной казнью. Стало ясно, что методы устранения политических конкурентов, вошедшие в норму при Сталине, не ушли в прошлое, они могут быть применены и теми, кто публично отрекся от мертвого вождя. Сообщение о процессе по делу И.Надя не могло не вызвать отклика московского профессора. 25 июня 1958 г., через 10 дней после вынесения смертного приговора, он записал в дневнике: «Казнить людей за политические взгляды присуще любому

недемократическому правлению: Ивану IV Грозному, Сталину, испанским королям прошлого. Присуще и современному советскому правлению. Скажут: такова природа диктатуры пролетариата; в казнях выражается сила диктатуры. Но сила ли выражается в том, что против идей применяют пушки, против критиков расстрелы? “Ревизионистов”, конечно, можно переловить, засадить в лагерь, расстрелять, облить помоями. Но взгляды их, идеология “ревизионизма” будут такими приемами побеждены?» Нет, отвечает на самим собой поставленный вопрос Дмитриев, они лишь перестанут на какое-то время внешне обнаруживаться. И только. (2000. № 4. С. 153).

Конечно, время не стоит на месте, рассуждает Дмитриев, и приемы истребления еретиков в СССР чаще всего сейчас несколько иные, чем в 1937–1953 годах. «Ранее людей заставляли молчать, расстреливая или ссылая их в концлагери». Сейчас к крайним мерам прибегают реже. Вот и Бориса Пастернака, исключенного из Союза советских писателей после передачи на Запад романа «Доктор Живаго» и поставленного пропагандой в один ряд с Джиласом и Имре Надем, возможно и не арестуют, все закончится шумной проработкой — продолжал свои размышления профессор осенью 1958 г., в самый разгар антипастернаковской кампании, связанной с присуждением ему Нобелевской премии. «Теперь иные приемы... Приемы разные, суть одна. Диктатура не может допускать мышления. Ну, а какими приемами — это дело второстепенное. В конце концов любой прием хорош, если он ведет к достижению цели. Победители правы, их не судят. Да и кто же бы их мог судить? Они сами с помощью “самокритики”, что ли?» (Записи от 15 июня 1957 г. и 25 октября 1958 г. 2000. № 3. С. 156; № 4. С. 155–157).

Демократические ценности все же непреодолимы, уверен Дмитриев, об этом говорит и тот факт, что любая, даже самая жесткая диктатура тщится показать свое превосходство над другими формами правления прежде всего именно в деле обеспечения демократических свобод. Западная демократия отрицается во имя некоей модели, претендующей называться демократией более высокого типа. «Предпринимаются героические попытки показать наличие у нас (в СССР. — А.С.) общественного мнения, борьбы мнений, дискуссий. С помощью искусственных приемов вызвали в печати “критику” решений Комитета по Ленинским премиям... Словом, совсем как в приличных демократических странах! Даже разные газеты имеют

“разные” мнения! Но все это бенгальские огни; холодный блеск подобия огня, а не всесжигающее пламя настоящей критики, руководимой мыслью и совестью. Не может быть общественного мнения, когда один первый секретарь партии устанавливает, что хорошо и что плохо». О какой реальной демократии можно, в самом деле, говорить, когда все совершается без ведома общественности и преподносится ей *post factum*, в готовом толковании? (записи от 30 апреля 1958 г. 2000. № 4. С. 151).

Осенью 1957 г. в Московском университете арестовали группу молодых преподавателей-историков, которые, принимая во внимание уроки венгерских событий, выражали мысли, «расходящиеся с общепринятым и утвержденным единомыслием»²⁵. Так мы «понемножку крепим единомыслие в России и морально-политическое единство!» — горько заметил Дмитриев, комментируя известие об их аресте (Запись от 17 сентября 1957 г. 2000. № 3. С. 158). В последующие месяцы он возвращается к этой теме вновь и вновь, каждый раз пытаясь осмыслить ту цену, которую общество и составляющие его граждане вынуждены платить за декларируемое властями «морально-политическое единство», на самом деле лишь видимое. «Нельзя отказывать людям в праве думать имеющимися у них головами. Но можно лишать их голов. Неужели тезис о морально-политическом единстве советского общества покоится, с одной стороны, на способе лишения одних советских людей голов, с другой — на молчаливо признаваемой ценности всеобщего лицемерия? Такое морально-политическое единство есть самообман носителей диктатуры», оно свидетельствует об их слабости, о ложности их порядков (Запись от 25 октября 1958 г. 2000. № 4. С. 156—157).

31 декабря 1958 г., пытаясь подвести итоги нескольких лет, Дмитриев записал: «Пятилетие действительных и кажущихся колебаний, поисков нового курса, нового содержания и новых форм политики завершилось... Единодержавие, со смертью Сталина как будто бы поколебленное, после небольшой борьбы за власть... снова восстановилось. Хрушев занял место Сталина, его посты, усвоил сущность политики покойного, видоизменив некоторые внешние приемы, внешнюю оболочку той же политики. Видимо, такое положение естественно и закономерно. Можно без большого риска ошибиться утверждать, что кто бы из споривших за власть в прошедшие пять лет ни победил, все равно победивший восстановил бы тот же принцип

единодержавия. Хрущев в этом смысле ничуть не хуже и не лучше своих соперников, потерпевших неудачу. Скорее всего он даже лучше, можно полагать, чем Берия или Молотов. Эти двое повторяли бы Сталина даже во внешних приемах, в методах и формах гораздо подражательнее, чем Хрущев» (2000. № 4. С. 159).

Вследствие начавшейся борьбы с ревизионизмом были, по мнению Дмитриева, окончательно похоронены некоторые надежды, внушенные XX съездом КПСС, произошел возврат к лакировке, словословиям, к свертыванию критики. «Литература вернулась в лоно прославления, одо- и баснеписания»; «в науке заметен натиск сталинистов-догматиков» (Там же). Зная о том, что исторический процесс состоит из сменяющихся полос развития, историк, однако, никогда не терял оптимизма. Почти через 30 лет, в марте 1985 г., в дни, когда во главе СССР встал Горбачев, 78-летний профессор, доверяя дневнику собственные размышления о необходимости написания истории русского народа в XX веке, заметил: «Не пропал же, не исчез, не стерт русский народ и в наше время, и в конце XX в. Он существует, он есть, он живет и изменяется. Он будет жить и меняться» (2000. № 6. С. 151).

Итак, сколь ни была массивированной «обработка мозгов» в Советском Союзе, не все поддались соблазну пойти по легчайшему пути принятия готовых идеологических клише, позволили усыпить свою совесть изо дня в день повторяемыми формулами об угрозе империализма социалистическим завоеваниям и т.п. Найдя в себе силы для сопротивления мощному давлению гигантской пропагандистской машины, профессор С. С. Дмитриев и академик Л. Д. Ландау (да и не только они) сохранили тем самым осенью 1956 года честь российской интеллигенции²⁶.

Примечания

¹ Записи их донесений из Будапешта в Москву 24 — 30 октября см.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. Документы. Редакторы-составители Е. Д. Орехова, В. Т. Середя, А. С. Стыкалин. М., 1998.

² Правда. 1956. 07.11.

³ О таком наиболее значительном событии кануна венгерского восстания, как перезахоронение 6 октября останков Ласло Райка (деятеля компартии, обвиненного в 1949 г. в ходе сфальсифицированного судебного

процесса и казненного), в советской прессе не было ни малейшего упоминания. Утром 24 октября советские газеты также вышли без какой-либо информации о происходившем в Венгрии накануне, в первый день восстания. Органы КПСС, ведавшие партийной пропагандой, очевидно, исходили из не оправдавшихся предположений о том, что восстание в Будапеште удастся подавить в течение одного дня и только после этого имеет смысл сообщить читателю о неудачной попытке «контрреволюционного путча», поддержанного «империалистами». 25 октября в «Правде» действительно выходит сообщение ТАСС под характерным заголовком «Провал антинародной авантюры в Будапеште». В последующие дни в ожидании окончательного «провала» антикоммунистического выступления заголовки приходилось незначительно варьировать, совершенно не изменяя при этом их смысла: так, 26 октября «Правда» публикует подборку сообщений ТАСС под заголовком «К провалу антинародной авантюры в Будапеште», а 28 октября репортаж корреспондента газеты С. Крушинского (без авторской подписи) «Крушение антинародной авантюры в Венгрии». Между тем, такие однообразные, однотипные заголовки не только свидетельствовали о недостатке журналистского мастерства, но явно неадекватно отражали динамику событий в Венгрии. Это сразу же заметили в редакции главной венгерской коммунистической газеты. 30 октября редакцию «Правды» посетили секретарь посольства СССР в Венгрии и корреспондент «Szabad Nép», выразившие несогласие с мнением газеты и передавшие номер «Szabad Nép» от 29 октября с полемической статьей М. Мольнара (см.: Molnár Miklós. Válasz a Pravdának // 1956 sajtója. Október 23. — November 4. Válogatás. Bp., 1989. 133–134.о.). Они предлагали «Правде» выступить с коротким сообщением о том, что при подготовке своей статьи газета располагала неточными сведениями из Венгрии. Это тем более важно, говорили они, что позиция «Правды» воспринимается в Венгрии как мнение всего советского народа. Главный редактор «Правды» П. Сатюков и его заместитель Д. Краминов докладывали в тот день секретарю ЦК КПСС П. Поспелову, что их газета не считает целесообразным вступать в полемику с «Szabad Nép» (См.: Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С. 453–454). Положение в Венгрии в конце октября — начале ноября (повсеместный распад партийно-государственных структур, на смену которым приходили стихийно возникавшие национальные комитеты и рабочие советы) заставило «Правду» отказаться не от оценки событий как «контрреволюционной авантюры», но от прежних чересчур оптимистических заявлений о ее якобы уже произошедшем «крушении». На протяжении нескольких дней главная газета КПСС предельно скупко информировала о происходящем в Венгрии и только 3 ноября провела массивную пропагандистскую подготовку запланированной на следующий день решающей военной акции по свержению не оправдавшего доверия Москвы правительства И. Надя, опубликовав целую подборку материалов. В сообщении ТАСС «К положению в Венгрии»

утверждалось, что «последние дни в столице и провинции ознаменовались бесчинствами и разгулом контрреволюционных банд. Разгромлены помещения многих общественных и партийных организаций, совершались массовые расправы и убийства общественных деятелей». С этой публикацией корреспондировала редакционная статья «Дружба и единство социалистических стран нерушимы», в которой известная Декларация КПСС от 30 октября об основах отношений с социалистическими странами интерпретировалась таким образом, чтобы подвести читателя к мысли о неизбежности советского военного вмешательства в интересах спасения «революционных завоеваний» в Венгрии. Утром 4 ноября «Правда» вышла с большой передовой статьей «Преградить путь реакции в Венгрии». Таков был тот агрессивный пропагандистский фон, на котором формировалось мнение рядовых советских граждан о венгерских событиях. О динамике событий в Венгрии в октябре-ноябре 1956 г. и реакции руководства СССР на происходящее в этой стране см.: Стыкалин А. С. Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

⁴ Из новейшей литературы об отклике в СССР, прежде всего в России на венгерскую революцию см.: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953–1964 гг. М., 2004. С. 186–198 (2-е, исправл. и дополненное издание — 2010). См. также ряд документов, опубликованных в сборниках: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. / Отв. редактор К. Аймермахер, отв. составитель В. Ю. Афиани. М., 2002; Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953–1982 гг. Рассекреченные документы Верховного суда и Прокуратуры СССР. Под редакцией В. А. Козлова и С. В. Мироненко. Отв. составитель О. В. Эдельман. М., 2005.

Об отклике на венгерские события в Прибалтике см., например: Зубкова Е. Ю. Власть и развитие этноконфликтной ситуации в СССР, 1953–1985 гг. // Отечественная история. 2003. № 4. Следует заметить, что в Вильнюсе и Каунасе в субботу 2 ноября в католический праздник — день поминовения усопших происходили массовые шествия, угрожавшие выходом событий из-под контроля властей. Манифестанты, знавшие о венгерском восстании из передач радиостанции «Свободная Европа», доступных в Литве, шли по улицам Вильнюса со знаменем независимой Литвы; в последующие дни за участие в демонстрации было арестовано 250 человек. Напряженным было положение и в соседней Латвии, об отклике на венгерские события в этой республике вспоминали даже на заседании Президиума ЦК КПСС в 1959 г. при обсуждении вопроса о «националистических перегибах» в компартии Латвии. См.: Президиум ЦК КПСС. 1954–1964. Т.1. Черновые протокольные записи заседаний. Стенограммы. М., 2003. С. 372, 374.

Многочисленные случаи выражения солидарности с восстанием в Венгрии имели место среди 120-тысячного венгерского населения Закарпатской

Украины. См.: Dupka Gy. — Horváth S. 56 Kárpátalján. Dokumentumgyűjtemény. Bp. — Ungvár, 1993.

⁵ Встречаясь 5 января 1957 г. на приеме в посольстве ГДР с корреспондентом итальянской газеты «Мессаджеро», Хрущев говорил своему собеседнику: «Запомните то, что я вам скажу: своим вмешательством в Венгрии Советская Армия спасла мир. Она потрудилась для всех, в том числе и для вас. Вы должны благодарить ее. Если бы она не вмешалась, над всеми нависла бы угроза войны». См. пересланный в аппарат ЦК КПСС из посольства СССР в Италии перевод репортажа о встрече с Хрущевым: Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф.5. Оп.30. Д.225. Л.73. Примерно то же самое Хрущев говорил на новогоднем приеме в Кремле посетившей Москву французской звездной чете — Иву Монтану и Симоне Синьоре (См.: Simona Signoret. Moszkvai újév. 1957 // Tobias Áron (Szerk.). In memoriam Nagy Imre. Emlékezés egy miniszterelnökre. Bp., 1989. 371–380.о.). Между тем, при обсуждении 31 октября на заседании Президиума ЦК КПСС вопроса о подготовке решающей военной акции Хрущев заверил своих коллег по партийному руководству в том, что «большой войны не будет» (Советский Союз и венгерский кризис 1956 года. С.480). Речь шла о том, что США не будут активно вмешиваться в венгерский конфликт. О позиции США в связи с венгерскими событиями см.: Гати Ч. Обманутые ожидания. Москва, Вашингтон, Будапешт и венгерское восстание 1956 года. М., 2006.

⁶ См.: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель»...

⁷ Апологетика советских действий, впрочем, не исключала критических высказываний. Те, кто ностальгировал по сталинскому режиму, хотя и всецело поддержали жесткую реакцию Кремля на венгерские события, вместе с тем видели истоки этих событий в ревизии Хрущевым сталинской внешней политики, сближении с режимом Тито в Югославии и особенно в решениях XX съезда КПСС. В ЦК КПСС попало адресованное в журнал «Коммунист» письмо рабочего горьковского автозавода. Речь в нем шла о том, что Хрущев, унаследовав от Сталина Восточную Европу, тут же «пробанкетил» Венгрию в компании со «шпионом Тито» (См.: Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС... С.593). Венгерские события, таким образом, расценивались частью общества как результат капитулянтской политики советского руководства после смерти Сталина.

⁸ Советский Союз и венгерский кризис 1956 года... С. 479.

⁹ См.: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель»...

¹⁰ См.: Стыкалин А. С. Венгерские события 1956 г. и советское общество // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. Сборник статей. Отв. ред. Н. И. Басовская. М., 2009. С.183–197. Из новейшей литературы см. также: Козлов В. А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежневе. 1953 — начало 1980-х гг. 3-е издание, исправл. и дополненное.

М., 2010. Показательно название главы, в которой общественные настроения в СССР ставятся в контекст венгерских событий, рассматриваются в сопоставлении с настроениями в Венгрии: «Замороженная “оттепель” или почему не “как в Венгрии”». См.: Там же. С. 272 — 285.

¹¹ См. воспоминания: Пустынцев Б. Что мы помним о Венгрии 1956 года? // Звезда. Спб., 2006. № 10. Вопрос об «очищении вузов от нездоровых элементов» обсуждался на Президиуме ЦК КПСС уже 4 ноября (!), в день советской интервенции в Венгрии (См.: Президиум ЦК КПСС... С. 202). Принятие мер по наведению порядка в студенческой среде было поручено КГБ СССР. См.: Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 144–145.

¹² См. донесение, подготовленное КГБ для ЦК КПСС, об антисоветских проявлениях в стране в день празднования годовщины революции 7 ноября 1956 г. (РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30. Д. 141. Л. 67–68), а также текст одной из распространявшихся антисоветских листовок (Там же. Л. 14–15).

¹³ См.: Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС... С. 594–595.

¹⁴ См. публикацию рассекреченного дела КГБ о настроениях Л.Ландау: «По данным агентуры и оперативной техники...» Справка КГБ СССР об академике Л.Д. Ландау. Декабрь 1957 г. Публикация С.С. Илизарова // Исторический архив. 1999. № 3. С.151–161. С сокращениями опубликовано также: Общая газета. 1999. № 47. С.15. Зафиксированные агентурой КГБ высказывания Ландау приводятся далее в тексте по публикации «Исторического архива» без указания страниц журнальной публикации.

¹⁵ Другой российский интеллектуал, ленинградский профессор-биолог А.А. Любищев, в конце декабря 1956 г. размышляя о правительстве Кадара, провел исторические параллели: Франц-Иосиф в 1849 г. все-таки мог претендовать на роль законного правителя Венгрии, «Кадар же ни с какой точки зрения законным правителем считаться не может» (Любищев А. Венгерская трагедия. Публикация М.Д. Голубовского // Новое время. 1991. № 43. С.41).

¹⁶ Записи, относящиеся к 1956–1958 гг., см.: Отечественная история. 2000. № 2–4. Далее цитаты из дневника С.С. Дмитриева даются с указанием в тексте в скобках дня записи, номера журнала и страницы.

¹⁷ По свидетельству современников, в том числе известного политика В.Л. Шейниса, некоторые студенты Москвы и Ленинграда черпали информацию о венгерских событиях из польской и югославской прессы, имевшей в СССР осенью 1956 г. определенное распространение. В этой прессе давалась более полная и не столь тенденциозная картина происходящего в Венгрии. В конце 1956 г. распространение этих изданий также резко было ограничено компетентными органами.

¹⁸ Справедливости ради надо заметить, что выступление Э. Карделя на сессии Союзной народной скупщины Югославии 7 декабря было опубликовано и в СССР — в главном партийном теоретическом журнале

(Коммунист. 1956. № 18. С. 35–51) вместе с полемической статьей одного из самых либеральных идеологов КПСС зав. отделом науки и культуры ЦК КПСС специалиста по политэкономии социализма А. Румянцева, в будущем вице-президента АН СССР (Румянцев А. Социалистическая действительность и «теории» тов. Э. Карделя // Там же. С. 11–34).

¹⁹ Постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий» см.: Правда. 1956. 02. 07.

²⁰ Применительно не к СССР, но к странам советского блока сходные мысли развивал в декабре 1956 г. А. А. Любишев: «До венгерского восстания возможность активного внутреннего сопротивления советскому режиму считалась, по-видимому, исключенной. Венгры показали, что борьба возможна» (Любишев А. Венгерская трагедия... С. 43). Как явствует из донесений КГБ, венгерские события заставили многих призадуматься над возможностью выступлений пролетариата и в СССР. Так, в г. Владимире приглашенный на городскую комсомольскую конференцию коммунист с 35-летним стажем «вместо того, чтобы рассказывать молодым людям о трудовых и боевых подвигах своего поколения, стал высказывать провокационную мысль, что в Венгрии восстал рабочий класс и это может случиться и в Советском Союзе» (См.: Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель»... С. 193). Можно предполагать, что перспективы волнений в среде пролетариата оценивались в обществе с определенной настороженностью — существовали опасения гражданской войны (а старшие поколения еще помнили гражданскую войну 1918 — 1920 гг.). Недостаток объективной информации о происходящем в Венгрии только усиливал опасения остродраматического развития событий.

²¹ В среде рабочего класса действительно усилились проявления недовольства. Венгерские события побудили рабочих на предприятиях в разных районах СССР к выдвигению своих социальных требований. Учащаются острые выступления на партсобраниях, в ряде мест звучат призывы к забастовкам. См. соответствующую записку в ЦК КПСС (февраль 1957 г.): Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС... С. 601–606.

²² См. стенограмму: РГАНИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 197. Л. 114–115.

²³ Речь идет о статье известного писателя К. Федина «Писатель и жизнь» (Правда. 1957. 16. 06).

²⁴ См.: «А вы сидите, как сурок, и о демократии говорите». Выступление Н. С. Хрущева на совещании писателей в ЦК КПСС. 13 мая 1957 г. // Источник. 2003. № 6. С. 77–88. В среде творческой интеллигенции, до тех пор питавшей некоторые иллюзии в отношении позиции Хрущева, откликнулись незамедлительно. «Пахло арестами, тем более, что Хрущев в своей речи сказал, что мятежа в Венгрии не было бы, если бы своевременно посадили двух-трех горлопанов», — вспоминал писатель В. Каверин (Оттепель 1957–1959. Страницы русской советской литературы. М., 1989. С. 375).

²⁵ О так называемом «деле Л. Краснопецева» см.: Вопросы истории. 1994. № 4. Относящийся к несколько более молодому поколению выпускников истфака Московского университета поэт и известный биограф Ф. М. Достоевского Игорь Волгин, 1942 года рождения (внук историка академика В. П. Волгина) писал, что венгерские события вызвали у него и его друзей — московских старшеклассников из элитных школ «двойственное ощущение. С одной стороны — как ни странно — искреннее сочувствие к восставшим. Я желал им победы. При отсутствии какой-либо альтернативной информации, я инстинктивно ощущал: наши танки в Будапеште — это зло, во всем этом присутствует какая-то чудовищная ложь. Но, с другой стороны, я вовсе не хотел, чтобы социалистический лагерь был ослаблен или, не приведи Господи, вообще развалился. Я понимал, что повстанцы сражаются за справедливое дело, за свободу, но сам факт вооруженной борьбы не одобрял» (Цит. по: Поликовская Л.В. «Мы предчувствие, предтеча...» Площадь Маяковского: 1958–1965. М., 1997. С.37–38). В студенческой среде Москвы и Ленинграда были, однако, и более радикальные суждения. Часть молодежи была склонна рассматривать выступления своих венгерских ровесников как образец для подражания, руководство к действию. Так, в 1957 г. группа участников семинара литературных переводчиков Литературного института имени Горького весьма бурно отреагировала на официальную версию венгерских событий — все вскочили со своих мест с криками: «В Венгрии произошла революция. Нам тоже нужна такая революция, как в Венгрии» (См.: Пыжиков А. Истоки диссидентства. Молодежь после XX съезда КПСС // Свободная мысль-XXI. 2003. № 12. С. 78–79). См. также: Студенческое брожение в СССР (конец 1956 г.). Вступительная статья: Ю. Г. Буртин, К. А. Любарский // Вопросы истории. 1997. № 1. Все-таки для настроений многих интеллигентов разных поколений было характерно ощущение собственной беспомощности. Известный философ (в то время прежде всего востоковед) Григорий Померанц вспоминает, что испытал тогда, как и многие в его окружении, жгучий стыд перед венграми, но это естественное чувство протеста было подавлено сознанием беспомощности, так что все вылилось в звон рюмок (Померанц Г. Корзина цветов нобелевскому лауреату // Октябрь. 1990. № 11. С. 143–144). Таким образом, несогласие с советской политикой в Венгрии лишь в редких случаях принимало формы открытого протеста.

²⁶ Впрочем, отнюдь не только консерватор Дмитриев и либерал Ландау, но и некоторые интеллектуалы, симпатизировавшие социалистической идее, осуждали советскую политику в Венгрии. Так, профессор А. Любищев писал 25 декабря 1956 г.: «Венгерское восстание — не контрреволюция, а настоящие народное и притом прогрессивное восстание, несмотря на то, что к нему примазалось, может быть, даже довольно значительное число контрреволюционных сил и просто бандитов». Прогрессивное, поскольку вопреки всем декларациям власть в Венгрии, как и в СССР, принадлежит не рабочим

и крестьянам, а «новому сталинистскому классу партийных олигархов, и свержение этого класса есть прогрессивная задача, хотя бы она и сопровождалась некоторым временным усилением капиталистических элементов». После того, как социалистическая идея в ее реальном воплощении выродилась в сталинизм, «если окажется, что вместо антитезы “коммунизм или фашизм перед народами и перед интеллигенцией станет антитеза “сталинизм (чрезвычайно сходный с фашизмом) или капитализм”, то народы без колебания станут на сторону капитализма, так как капиталист при всех своих недостатках ответственен своим карманом за сделанные ошибки, а наши партийные бюрократы решительно ничем не отвечают». Не только при Сталине, но и сейчас. Ведь хотя «СССР все время утверждал, что социализм строится благодаря желанию народных масс, но, оказывается, если массы резко выскажутся против социалистической диктатуры, то советское правительство начинает аргументировать танками и военно-полевыми судами». Хрущев, продолжает Любичев, пытается хулить Сталина, не осуждая сталинизма, однако венгерская революция заставляет мыслящих людей сделать этот необходимый шаг. Значение венгерских событий, резюмировал Любичев, заключается в том, что это «первый страшный удар по сталинизму в международном масштабе, важный именно тем, что он нанесен не капиталистами, а рабочими и прогрессивной молодежью» (Любичев А. Венгерская трагедия... С. 42–43).

В. В. Волобуев

Внутрипартийная борьба в Польше и охлаждение советско-китайских отношений в конце 1950-х гг.

В 1956 г. Польская народная республика пережила глубокий политический кризис. Начавшись как процесс десталинизации, этот кризис быстро приобрёл антисоветскую окраску: польское общество выступило за освобождение страны из-под влияния СССР. И хотя данное стремление не всегда шло рука об руку с отрицанием социализма, накал страстей был таков, что советское руководство решилось двинуть на Варшаву танки, чтобы не допустить возвращения к руководству партией Владислава Гомулки, который был снят с поста генерального секретаря в 1948 г. за несогласие с политикой И. В. Сталина. Проведённые советской и польской партийными верхушками экстренные переговоры в Варшаве 19 октября 1956 г. позволили разрядить ситуацию: делегация ЦК КПСС во главе с Н. С. Хрущёвым вынуждена была согласиться на занятие В. Гомулкой поста первого секретаря ЦК Польской объединённой рабочей партии (ПОРП), а Гомулка дал гарантии того, что ПНР останется в составе Организации Варшавского договора. На такую уступчивость, как считали некоторые члены ЦК ПОРП, Советский Союз подвигла позиция Компартии Китая, которая ещё в январе 1956 г. устами председателя Госсовета Чжоу Эньлая выступила против механического переноса советского опыта строительства социализма в Китай (а значит — и в другие страны), и в дальнейшем всё более открыто критиковала «великодержавный шовинизм» СССР¹. Именно предостерегающие жесты со стороны Китая, по мнению ряда польских и китайских высокопоставленных лиц, уберегли ПНР от советской интервенции в октябре 1956 г. Так, первый секретарь ЦК ПОРП Э. Охаб (занимавший этот пост с марта по октябрь 1956 г.) спустя много лет прямо говорил в интервью: «...я убеждён, что если бы Китай вовремя не прислал своего предупреждения, дело дошло бы до интервенции...»². Того же мнения держался и многолетний секретарь ЦК, историк партии А. Верблян³. Тем не менее, по сей день неизвестны какие-либо предупреждения

руководства КПК, выславшиеся в Москву. Мы знаем лишь, что Мао Цзедун и КПК были в 1956 г. весьма популярны в Польше, причём, не только среди реформаторов, но и среди сталинистов. Первым они импонировали своими обновленческими идеями в области идеологии и экономики (кампания «ста цветов»), вторым — весьма настроженным отношением к антисталинским разоблачениям Хрущёва⁴. В ходе польско-советских переговоров в Варшаве 19 октября 1956 г. ссылок на мнение «китайских товарищей» не звучало, равно как и во время заседаний Президиума ЦК КПСС тех дней. Однако то, что китайский фактор принимался во внимание, подтвердил сам Н. С. Хрущёв, который признался в мае 1957 г. польскому послу, что лишь после встречи 23 октября 1956 г. с делегацией КПК в Москве в преддверии совещания компартий стран «народной демократии» он отбросил мысль о силовом вмешательстве во внутренние дела Польши⁵.

Выражая свою поддержку Польше, китайские руководители исходили из установки о порочности советского диктата в коммунистическом движении (что не мешало им выступать за признание морального лидерства СССР в этом движении). Главным их требованием было равноправие всех социалистических стран. В своей критике СССР китайское руководство строго соблюдало определённые границы и совсем не приветствовало резкое ослабление советского влияния в Центральной Европе. Например, КПК осудила призывы убрать советские войска из Польши и негативно восприняла снятие К. К. Рокоссовского с должности министра обороны ПНР⁶. Однако польская верхушка, невзирая на эти оговорки, была так воодушевлена китайской поддержкой, что 28 октября 1956 г. направила в Пекин письмо благодарности и приглашение посетить Польшу. Ответом на это письмо стал визит в Варшаву Чжоу Эньлая в январе 1957 г.

Столь тёплые взаимоотношения двух стран не являлись препятствием для критики Гомулки в Китае. Мао Цзедун по-прежнему считал польского лидера правым уклонистом и националистом (повторяя обвинения 1948 г.) и принимал меры, чтобы не допустить распространения польского примера на положение в КПК. Особенно явственным это стало осенью 1957 г., когда в Китае была свёрнута кампания «ста цветов» и была объявлена борьба с ревизионизмом⁷. Добившись расширения самостоятельности членов советского блока, китайское руководство считало свою задачу выполненной и совсем не желало ухудшения отношений с СССР. Напротив, осенью

1957 г. произошло новое сближение двух держав: был подписан секретный договор о военном сотрудничестве СССР и Китая, а Мао Цзедун выступил на совещании коммунистических и рабочих партий в Москве с предложением включить в текст заключительной декларации упоминание о ведущей роли Советского Союза в мировом коммунистическом движении. Польская делегация отнеслась прохладно к этой идее. Китайский посол в Варшаве Ван Бинь-нань позднее сообщал советскому послу П. А. Абрасимову о беседе Мао и Гомулки в кулуарах совещания. «Мао Цзедун привёл такой пример: на каждом заводе есть директор, в каждом цехе есть начальник цеха, почему же тогда у стран социалистического лагеря не может быть руководителя? Мао Цзедун добавил, что в самой Польше Гомулку признают руководителем. На это Гомулка ответил, что если бы ПОРП выдвинула положение о руководящей роли Советского Союза, то оно не было бы принято народом. Мао Цзедун подчеркнул в свою очередь, что народ можно и нужно воспитывать»⁸ (примечательно, что тот же тезис о неприятии поляками руководящей роли СССР Гомулка повторил в мае 1969 г. в беседе с румынским вождём Н. Чаушеску⁹).

С 1958 г. начинается постепенное охлаждение советско-китайских отношений, вызванное стремлением Китая играть всё более независимую роль в мировом коммунистическом движении. Открытый конфликт разразился в июне 1960 г. на съезде Румынской рабочей партии в Бухаресте, где с разгромной речью выступил Н. С. Хрущёв (присутствовавший там в качестве гостя).

В этом конфликте ПОРП с подачи Гомулки заняла однозначно просоветскую позицию, причём польский лидер не жалел резких слов по адресу китайцев, обрушиваясь на них с инвективами вполне в духе Хрущёва. Думается, больше всего первого секретаря ЦК ПОРП рассердила именно внезапность конфликта и необъяснимость, с его точки зрения, поведения китайской компартии. Добившись расширения суверенитета для Польши (но соглашаясь при этом играть роль «младшего брата» СССР), Гомулка не понимал, почему КПК раз за разом ставит вопросы идеологического характера. Для него было неясно такое упорное стремление Китая оспаривать те или иные постулаты политики СССР и особенно стремление всячески затушевывать эффект от антисталинских мероприятий Хрущёва. XX съезд КПСС, давший начало десталинизации, вызвал в Польше ту лавину, которая вернула Гомулку к власти. Естественно, польский лидер и не думал

покушаться на его постановления. Претендовать на нечто большее, превращаться в этакий аналог Югославии с её совершенно самостоятельной линией поведения Польше было противопоказано: Советский Союз был главным гарантом новых западных границ страны. В Китае дело обстояло иначе. XX съезд сам по себе не слишком повлиял на внутреннее положение. Китай решал совсем другие задачи: располагая громадным потенциалом, он стоял на пороге превращения в сверхдержаву. Соответственно велики были и амбиции его руководства. Не держаться за добытое, а покорять новые рубежи — вот к чему был призван Китай. Поэтому его правящая верхушка, активно выступая за консолидацию коммунистического движения вокруг СССР, столь же активно ратовала и за равноправие всех стран социалистического лагеря, то есть — за их право предпринимать независимые шаги в области идеологии, экономики и международной политики. Делегаты второго совещания коммунистических и рабочих партий, собравшиеся в Москве в ноябре 1960 г., подозревали, что неизменное подчёркивание КПК лидирующей роли СССР в этих условиях лишь маскирует желание китайцев перевести централизованное руководство движением в Пекин, когда станет понятно, что советские вожди не справляются с данной ролью. Не случайно Мао Цзедун заявил в те дни: «Центр мировой революции находится в Китае»¹⁰.

В. Гомулка использовал ноябрьское совещание 1960 г., чтобы развенчать китайские тезисы. «Не может быть никакой китаизации марксизма, — гремел он с трибуны. — Марксизм-ленинизм един и неделим!». Далее он заявил: поскольку ядерный щит СССР прикрывает весь социалистический лагерь, то его члены обязаны координировать свои внешнеполитические инициативы с интересами Советского Союза (сам того не подозревая, первый секретарь ударил по болевой точке советско-китайских отношений, поскольку ещё в июне 1959 г. советское руководство отказалось делиться с Китаем ядерными секретами¹¹). Гомулка объявил о недопустимости вынесения внутренних разногласий между компартиями на всеобщее обозрение и проведения линии, отличной от линии большинства «братских» партий в международных организациях. Также он взял под защиту тезис о мирном сосуществовании двух лагерей, отвергаемый КПК, и высказался о значении XX съезда КПСС, который «спас международное рабочее движение от последствий [сталинских] искажений»¹². Китайские делегаты во главе с председателем КНР Лю Шаоци пытались

воздействовать на Гомулку в личной беседе, напомнив ему о 1956 годе. Разговор, однако, вышел крайне нервным: Гомулка был раздражён советско-китайским конфликтом и постоянно прерывал собеседников. Между прочим, Гомулка вспомнил об Албании — единственной союзнице Китая в Европе. Поведение её вождя Э. Ходжи на данном совещании польский лидер назвал хулиганским. Лю Шаоци возражал: разве критика Ходжой Советского Союза в чём-то отлична от той, которую высказывал сам Гомулка в беседе с Чжоу Энлаем в январе 1957 г.? И разве положение Албании сейчас в чём-то разнится с положением Польши в 1956 г.? Гомулка отвечал: во-первых, таких слов, как Ходжа, поляки никогда не употребляли, во-вторых, члены ПОРП критиковали советских товарищей не во всеуслышанье, а в-третьих, Албания и так получила от СССР больше, чем кто бы то ни было — стыдно должно быть «албанским товарищам» за такую неблагодарность! И вообще, продолжал Гомулка, как можно сравнивать Албанию и Польшу? В Албании процветает махровый сталинизм, людей убивают без суда на улицах, а на ком это отзывается? На международном коммунистическом движении, на его репутации! Отверг польский лидер и обвинение в великодержавном шовинизме, которое китайцы выдвигали по адресу СССР: дескать, когда-то это и впрямь было проблемой, но теперь с ней покончено¹³ (интересно, что позднее, в 1970-е г., уже находясь в отставке, Гомулка сам себе возразил на страницах мемуаров и вновь заклеил КПСС, заявив, что она поддалась великорусскому шовинизму¹⁴).

Нарастающие противоречия отразились и на взглядах китайского и советского руководств на положение в Польше. Произошёл как бы поворот на 180 градусов: «советские товарищи» выразили полную поддержку Гомулке во всех его начинаниях, зато сотрудники китайского посольства всё более прислушивались к мнению «догматиков», слепо приверженных сталинскому образцу социализма и обвинявших первого секретаря в отходе от единственно правильного пути.

Решительное наступление «догматики» предприняли в марте 1958 г., используя для этого трибуну XI пленума ЦК ПОРП. Прежде, однако, они решили заручиться поддержкой Москвы и Пекина. 28 января 1958 г. советское посольство посетил председатель Ревизионной комиссии ЦК ПОРП С. Матушевский (в сталинские годы возглавлявший Административный отдел ЦК). Он представил послу П. А. Абрахимову целый список обвинений против Гомулки, заявив,

в частности, что в стране падает жизненный уровень рабочих, прекращено строительство новых предприятий (а это грозит безработицей), в то время как на селе растёт расслоение. «Если партия... — говорил Матушевский, — не возьмёт по-настоящему в свои руки вопросы сельского хозяйства и не примет мер по предупреждению усиления кулацких и среднекрестьянских хозяйств, то это неизбежно приведёт к ещё большему классовому расслоению деревни и её обогащению за счёт ухудшения положения рабочего класса, что может создать реальную угрозу рабоче-крестьянскому союзу». Далее Матушевский заявил: «В руководстве партии имеются люди, которые сознательно стремятся сохранить ревизионистов в партии. На мой [Абрасимова — В.В.] вопрос, кого он имеет в виду, Матушевский прямо не ответил, но дал понять, что это делают люди польской национальности, но близко стоящие к Гомулке». Гость также сообщил послу, что на ближайшем пленуме с Гомулки спросят, почему он сохранил ревизионистов в партии, а также потребуют отчёта о ноябрьско-декабрьском совещании компартий в Москве. «В ходе беседы Матушевский заметил, что ЦК ПОРП ведёт политику сохранения провалившихся и скомпрометированных партийных кадров польской национальности, переставляя их с места на место на ответственных участках партийной и государственной работы... Гомулка ничего не делает для того, чтобы пересмотреть и укрепить аппарат ЦК ПОРП политически стойкими и преданными делу строительства социализма кадрами. Он [Матушевский — В.В.] сообщил, что из 30 заведующих, заместителей заведующих и секретарей комиссий ЦК ПОРП 21 человек является евреем по национальности. На ответственных участках идеологического фронта, начиная с ЦК ПОРП и кончая редакциями многих газет и журналов, а также в руководстве Польского радио, как правило, стоят лица польской национальности, которые и определяют идеологическую линию партии. Больше того... и среди членов ЦК ПОРП имеется значительная группа евреев, которые заранее уславливаются и проводят свои предложения в решениях пленумов». Нарисовав столь апокалиптическую картину, Матушевский, должно быть, думал, что посол тут же отправит соответствующее уведомление в Москву, а его самого заверит в дружеских чувствах и поблагодарит за ценную информацию. Так бы, конечно, и случилось, если бы дело происходило до 1956 г., когда советское руководство выражало обеспокоенность большим присутствием евреев в высших эшелонах

власти в Польше. Но теперь ситуация изменилась, и Абрасимов лишь посоветовал Матушевскому донести свою озабоченность до Гомулки и выразил убеждённость, что всем партийным кадрам нужно сейчас сплотиться вокруг первого секретаря. Матушевский с неохотой согласился с ним, явно опешив от такого ответа¹⁵.

Куда больше понимания «догматики» нашли в китайском посольстве, о чём без обиняков сообщил Абрасимову Ван Бинь-нань. Добрые взаимоотношения, существовавшие тогда между Советским Союзом и Китаем, способствовали большой откровенности двух дипломатов: из частых визитов Ван Бинь-наня к Абрасимову в 1958 г. вообще складывается впечатление, что китайский коллега пытался как-то координировать действия с советским послом (такой доверительности, возможно, способствовало и то, что Абрасимов в 1956—1957 гг. занимал должность посланника-советника в Пекине). 15 марта 1958 г. Ван Бинь-нань передал Абрасимову мнение «догматиков» о только что состоявшемся пленуме ЦК ПОРП. На этом пленуме один из лидеров данной группировки, заместитель министра труда и соцобеспечения В. Клоевич выступил с критикой экономического доклада С. Ендрыховского (члена Политбюро, возглавлявшего Комиссию по планированию при Совмине). Клоевич также задал вопрос руководству, почему польская делегация не хотела включать фразу «во главе с Советским Союзом» в заключительную декларацию Московского совещания компартий мира. Выступавшего поддержал целый ряд членов ЦК из числа «догматиков», однако это не спасло «возмутителя спокойствия» от расправы — он был исключён из ЦК и потерял должность в министерстве (его соратник С. Матушевский был понижен до рядового члена Ревизионной комиссии). Тем не менее, по словам Ван Бинь-наня, «догматики» вовсе не считали, что потерпели поражение на партийном форуме. «Положительная роль пленума [по мнению “догматиков”. — В.В.] сводится к следующему: во-первых, была подвергнута критике ошибочная, ревизионистская линия руководства ПОРП; во-вторых, в результате этой критики внесены частичные изменения в решения XI пленума, было принято решение о Московской декларации представителей коммунистических и рабочих партий». Далее Ван Бинь-нань поведал Абрасимову о состоявшейся сразу после пленума его встрече с членом Политбюро Э. Охабом (именно Э. Охаб в сентябре 1956 г. летал на съезд КПК и сообщил китайскому руководству о ситуации

в Польше. Его визит стал важнейшим событием в налаживании польско-китайского сотрудничества в то время). Выяснилось, что Охаб целиком разделял точку зрения Гомулки на происходящее: главной опасностью он тоже считал ревизионизм, а что касается «догматиков», то их, по мнению Охаба, можно было разделить на две группы — противников Хрущёва и противников Гомулки. Охаб дал своё объяснение стойкому неприятию польским руководством лозунга «во главе с Советским Союзом»: 1. этот лозунг напрочь отвергали крестьяне, составлявшие большинство населения страны, а также значительная в Польше мелко-буржуазная прослойка; 2. многие партийцы не хотели признавать руководящую роль СССР, памятуя о роспуске Компартии Польши в 1938 г. (почти все лидеры которой были репрессированы); 3. неприязнь к такому лозунгу — это также наследие октябрьских событий 1956 г.; 4. нельзя было сбрасывать со счетов и историческую память поляков, которая традиционно была настроена против России. Ван Бинь-нань возразил Охабу, что выпячивание исторической памяти потворствует национализму (перефразировав, таким образом, тезис Мао Цзедунa о необходимости воспитания народа). Далее китайский посол, беседуя в Абрасимовым, принялся сравнивать СССР и Польшу. «Мао Цзедун неоднократно указывал, что вопрос “кто кого” решён окончательно только в СССР. Вопрос “кто кого” является вопросом частной собственности и только в СССР полностью уничтожена частная собственность. В Польше этот вопрос далёк от разрешения, если принять во внимание, что позиции частной собственности в городе и деревне весьма прочны. Ван Бинь-нань далее сказал, что с кем бы вы ни заговорили, приехав в СССР, вы почувствуете единую точку зрения различных людей на принципиальные вопросы внутренней и внешней политики. В Польше вы всюду чувствуете, что единой точки зрения не существует, что разные люди могут высказывать принципиально противоположные точки зрения на один и тот же вопрос внутренней или международной политики». Китайский представитель привёл такой немыслимый для Советского Союза случай: первый секретарь китайского посольства Лю Цзюнь-лян недавно посетил город Радом по случаю 13-й годовщины его освобождения. «Торжественное собрание прошло с большим подъёмом. Раздавались лозунги: “Да здравствует лагерь социализма во главе с Советским Союзом!”, “Да здравствует товарищ Хрущёв!”, “Да здравствует товарищ Мао

Цзедун!». Но когда первый секретарь посольства Лю Цзюнь-лян бросил лозунг «Да здравствует товарищ Гомулка!», его в зале не поддержали»¹⁶.

Ван Бинь-нань не скрывал от Абрасимова своего скептического отношения к польскому лидеру. 17 января 1958 г. он заявил советскому послу, «что, вероятно, Гомулка повторяет свои прежние ошибки, совершённые ещё в 1948 г. В ПНР, продолжал посол, только говорят об изучении сельскохозяйственного опыта СССР, а фактически перенимают опыт Югославии»¹⁷. На очередной встрече, состоявшейся 14 ноября 1958 г., Ван Бинь-нань опять заявил, что Гомулке «по прежнему присущи некоторые тенденции правого уклона». Абрасимов возразил на это: «Гомулка — самая сильная и влиятельная фигура в ПНР... он честный коммунист и его надо поддерживать», добавил: «так называемые догматисты, среди которых есть и старые коммунисты, по существу занимаются фракционной деятельностью, критиканством, не помогают Гомулке и всё это на руку ревизионистам. Ван Бинь-нань, согласившись со мной [Абрасимовым — В.В.], заметил, что надо бы чаще встречаться с этими так называемыми догматиками и разъяснять им суть дела. [Я] ответил, что это личное дело Посла, я же считаю, что это внутреннее дело ПОРП»¹⁸.

Невзирая на такое расхождение во взглядах, китайский посол и в дальнейшем продолжал наносить визиты в советское представительство, хотя уже не так часто. Ещё 25 января 1960 г., всего за несколько месяцев до обличительной речи Хрущёва в Бухаресте, Ван Бинь-нань подробно проинформировал Абрасимова о грядущих перестановках в ЦК ПОРП. Советский посол выразил удовлетворение намеченными отставками ряда наиболее рьяных реформаторов и повышением в должностях людей консервативного склада»¹⁹.

В польских условиях того времени реформаторы представляли собой бывших сталинистов, которые в конце 1956 г. круто поменяли свою линию и начали отстаивать даже более либеральные взгляды, чем Гомулка. В отличие от «догматиков», слепо приверженных советской модели социализма, реформаторы много рассуждали о польской специфике и выражали полную поддержку Гомулке. Тем не менее, будучи в прошлом его гонителями, они не вызывали доверия первого секретаря и постепенно отодвигались от власти. Как видим из беседы дипломатов, советский и китайский послы

приветствовали такую политику. Самой раздражающей фигурой для обоих послов являлся секретарь ЦК Е. Моравский, ответственный за работу с молодёжью, культуру и внешние партийные связи. К примеру, 11 ноября 1958 г. во время той самой беседы, где дипломаты не сошлись во мнениях насчёт «догматиков», оба они выразили своё отрицательное отношение к Моравскому. «Ван Бинь-нань назвал Моравского двуличником за то, что последний до VIII пленума ПОРП [в октябре 1956 г. — *В.В.*] выступал с резкой критикой в адрес В. Гомулки, а после VIII пленума “преобразился”. [Ван Бинь-нань] обвинил его в роспуске Союза польской молодёжи, ревизионистском, антинационалистическом [? — *В.В.*] и антисоветском разгуле польской печати, анархии в культуре, при этом он вспомнил, что продажный польский писатель Хласко получил в своё время премию не без ведома Моравского. Кроме того, по словам Посла, Моравский выступал против смертного приговора Имре Надю». Досталось в том разговоре и неформальному лидеру реформаторов, члену Политбюро Р. Замбровскому, которого Ван Бинь-нань «обвинил в исключении из партии и снятии с работы многих честных старых коммунистов». Все эти выпады не встретили возражений у Абрасимова²⁰. В другой беседе, состоявшейся 31 марта 1958 г., послы обсудили положение дел в редакции органа ЦК ПОРП газеты «Трыбуна люду». Ван Бинь-нань со слов жены передал Абрасимову мнение сотрудницы газеты А. Сольской (супруги вице-премьера П. Ярошевича), которая якобы заявила, что «в редакции нет необходимости проводить кампанию по чистке партии, так как там нет нежелательных лиц и некого чистить». Абрасимов на это заметил, «что первым таким нежелательным лицом является сам главный редактор Касман». Ван Бинь-нань согласился с ним и добавил, что «супруга Ярошевича естественно находится под влиянием мужа, “который занимает центристские позиции”»²¹.

Заметим, кстати, что у реформаторов хватало обвинителей в советском представительстве и без китайского посла. Так, 9 января 1959 г. немало негатива вылил на них глава парторганизации варшавского отделения Союза польских литераторов, заместитель члена ЦК ПОРП Е. Путрамент. Он поделился с Абрасимовым впечатлениями о недавнем съезде Союза, где была подвергнута резкой критике деятельность цензуры. Путрамент «обвинил ответственных товарищей в партии в том, что они занимают примиренческую позицию

по отношению к отдельным “гнилым, наносящим вред” польским писателям, что отсутствие в партии единого мнения о польском литературном творчестве не способствует идейному укреплению рядов литераторов, ослабляет влияние партии в их среде. Путрамент выделил группу Жулкевского, Данилевича [руководители Отдела культуры в ЦК ПОРП. — В. В.] и поддерживающего их Моравского, которая проповедует политику невмешательства в дела польских писателей, надеясь, что они постепенно вступят в социализм»²². Солидаризировались в своём отношении к реформаторам также и лица из ближайшего окружения Гомулки. 11 сентября 1959 г. на квартире прошла встреча Абрасимова с членами Политбюро З. Клишко и И. Лёга-Совиньским (оба они подверглись репрессиям при Б. Беруте и вернулись во власть вместе с Гомулкой). Клишко поделился с послом мнением, что «наиболее сложным и тяжёлым участком продолжают оставаться идеологические вопросы, что лично он и другие члены Политбюро считают нетерпимым положение в польской печати... Он плохо отозвался о газете “Трибуна люду” и её редакторе Касмане, заявив, что “это далеко не боевой орган Центрального Комитета партии”. Поддержанный Лога-Совиньским, Клишко сказал, что Моравский со своими обязанностями по руководству идеологическим фронтом явно не справляется и что время поставить вопрос о создании комиссии из членов Политбюро по руководству вопросами идеологии... Тут же он сообщил, что Моравский в текущем году половину своего отпуска провёл в Австрии, и на вторую половину отпуска поехал в Италию, хотя его туда никто не приглашал». Прошёл Клишко и по воспитательной работе с молодёжью, которую тоже курировал Моравский. Абрасимов поинтересовался, правда ли, что снятый со своего поста «за ревизионизм» бывший главный редактор теоретического органа ЦК ПОРП журнала «Нове дроги» Р. Вэрфель получил должность секретаря по пропаганде воеводского комитета партии во Вроцлаве, где верховодил другой реформатор — В. Матвин. «Товарищ Клишко ответил, что действительно на днях он узнал, что во время отпуска товарища Гомулки, Клишко и других членов Политбюро Моравский и Матвин протащили Вэрфеля на пост секретаря Воеводского комитета ПОРП, что этим очень возмутился по приезде из отпуска Гомулка и они намерены пересмотреть на Политбюро это назначение»²³. Наконец, и сам Гомулка очень чётко определил своё отношение к двум противоборствующим группировкам в ЦК

на встрече с венгерской партийно-правительственной делегацией в марте 1960 г. (о содержании беседы поведал Абрахимову посол Венгрии Я. Катона 24 марта 1960 г.): «Говоря... о Моравском, Гомулка охарактеризовал его как ревизиониста и как человека, который несёт основную ответственность за положение на идеологическом фронте. Гомулка якобы сказал, что в ПОРП была также группа людей, выступавших против КПСС и лично товарища Н. С. Хрущёва, однако теперь и она полностью отошла от своих прежних взглядов»²⁴.

Под «группой людей» первый секретарь имел в виду конечно же «догматиков». Действительно, к 1960 г. они почти сошли со сцены. У власти остались лишь те, кто целиком и полностью принял точку зрения партийного лидера. Но всё же, прежде чем признать своё поражение, «догматики» предприняли попытку донести свои взгляды непосредственно до руководства КПСС, действуя через голову советского посла, который был настроен к ним явно недоброжелательно. Своим эмиссаром они выбрали главу католической проправительственной организации «Товарищество ПАКС» Б. Пясецкого. ПАКС, созданный в послевоенные годы, зарекомендовал себя как послушное орудие власти, умело действовавшее во вред польскому епископату. Опираясь на сплав христианских и социалистических идей, ПАКС неизменно поддерживал все мероприятия партии, направленные против католической иерархии, считая эту иерархию реакционной и антинациональной (поскольку она подчинялась Ватикану). Верхушка ПАКСа имела тесные связи с Политбюро ЦК ПОРП. В ходе кризиса 1956 г. ПАКС ориентировался на консервативное крыло ЦК ПОРП, т.е. на тех, кого в скором будущем стали называть догматиками. При этом организация была на хорошем счету у советских дипломатов. Автор информационной справки о ПАКСе, составленной для IV Европейского отдела МИД СССР в марте 1960 г., отметил, что «паксовские газеты и журналы были в то время [в 1956 г. — В.В.] одними из немногих, которые не только не печатали откровенно антисоциалистические и антисоветские материалы, но наоборот, во многих случаях выступали объективно в защиту достижений социалистического строя в стране и основ польско-советской дружбы»²⁵. Похвалы от советского дипломата удостоился и Б. Пясецкий, который, по словам автора справки, проявил себя в 1956 г. «как реально мыслящий деятель, здраво оценивающий опасность разнузданной антисоциалистической и антисоветской

кампании...»²⁶. Не могло не импонировать советской стороне также и то, что «все звенья ПАКС сотрудничают на местах с правлениями Общества польско-советской дружбы, принимая активное участие во всех проводимых этим Обществом мероприятиях. Кружки членов Общества созданы при всех отделениях ПАКС в стране»²⁷. Удаление из Политбюро в октябре 1956 г. лидеров консервативного фланга не могло прийти по душе этой организации. В информационной справке советского посольства говорится: «Оценивая направление и характер общественно-политической деятельности ПАКС после октябрьских событий [1956 г. — *В.В.*], а также в свете некоторых принципиальных моментов политики руководства ПОРП более позднего времени, необходимо подчеркнуть, что эта деятельность имеет определённые черты своеобразной оппозиции. Это особенно рельефно выступало в течение 1957 года, когда ПАКС резко негативно оценивал многие основные положения “польского пути к социализму”»²⁸. Работник советского посольства отметил также, что «линия поведения ПАКС в это время не могла быть приемлема для некоторой части польского руководства, которая расценила её как сопротивление установкам VIII пленума ЦК ПОРП [в октябре 1956 г. — *В.В.*]. Вот почему определенное время отношение к ПАКС характеризовалось явным недоброжелательством и даже были попытки его ликвидировать»²⁹. ПАКС чувствовал себя обманутым. «До 1956 г., — сообщал автор справки, — польское руководство довольно широко использовало различные католические организации и группы, а из них — в первую очередь ПАКС, для укрепления своего влияния на верующих и ослабления позиций католической церкви. Им оказывалась серьёзная материальная и организационная поддержка. Деятельность всех этих объединений постоянно направлялась и руководилась соответствующими инстанциями... В настоящее время польское руководство, очевидно, не придаёт серьёзного значения вопросу использования движения прогрессивных католиков...»³⁰.

Неудивительно, что именно Пясецкого противники Гомулки решили отправить в Москву. У бывших и нынешних членов ЦК из числа «догматиков» шансов выбраться в советскую столицу не было — их бы просто не выпустили из страны. Зато поездка главы религиозной проправительственной организации могла быть обставлена как обмен опытом с советскими товарищами в области взаимодействия власти и церкви.

21 марта 1958 г. Пясецкий встретился с послом Абрахимовым и довольно откровенно поведал о своих намерениях. Вначале он рассказал о том, как его организация пережила кризис 1956 г.: «Наиболее острые атаки на ПАКС начались после того, как в конце 1956 г. была опубликована моя [Пясецкого. — В.В.] статья “Государственный инстинкт”... В то время нашу организацию пытались ликвидировать в идеологической борьбе. Однако этот план ревизионистов провалился и наша организация, выдержав натиск, не только не ослабла, но значительно окрепла. В дальнейшем... начались попытки ликвидации ПАКС путём финансового нажима на наши предприятия и издательства. Эту борьбу нам вести трудно. Однако мы не намерены отступить и пока преодолеваем материальные трудности. В настоящее время атаки на ПАКС идут по этим двум линиям одновременно. В подобном положении находятся и здоровые силы партии...». Сказав о здоровых силах в партии (т.е. о «догматиках»), Пясецкий перешёл к сути дела: «Как это ни странно, но эти настоящие коммунисты в Польше вынуждены быть в оппозиции к ряду принципиальных положений политической линии ПОРП и, как это ни странно, устраняются со своих постов и из руководящих партийных органов. В этой связи Б. Пясецкий сказал, что выступление В. Клоевича и некоторых других членов ЦК ПОРП он считает правильным и нужным... их взгляды поддерживаются довольно широкими слоями низового актива». Далее Пясецкий сказал: «Я считаю Польшу кораблём, на котором все говорят и спорят о строительстве социализма, а корабль этот плывёт к капиталистическим берегам». Как же изменить такое положение вещей? По мнению Пясецкого, «надо найти формы усиления влияния на польскую общественность со стороны советской общественности с тем, чтобы показать польскому народу, что сейчас надо не дискутировать о социализме, а строить социализм... Это воздействие на первых порах должно осуществляться по линии моральной поддержки всех сил Польши, которые последовательно стоят на позициях строительства социализма. Это касается не только здоровых сил в партии, но и всех общественно-политических организаций... По-моему, подчеркнул Пясецкий, это в настоящее время является одной из важнейших задач советской политики в Польше». Другими словами, Пясецкий настаивал, чтобы Москва сделала ставку на «догматиков» в ущерб Гомулке. Столь же прозрачно Пясецкий поведал и о целях ПАКСа как общественно-политической организации: «Мы

ставим задачу подменить Демократическую партию [одну из двух «союзнических» партий, действовавших под эгидой ПОРП. — *В.В.*]... нашей организацией, которая в соответствующий момент может быть превращена в политическую партию». Абрасимов «выразил несогласие с рядом положений, высказанных Пясецким, и в частности, с его оценкой внутривнутриполитической обстановки в ПНР в настоящее время. Кроме того, рекомендовал Пясецкому встретиться с товарищем Гомулкой и рассказать ему о деятельности ПАКСа и тех преследованиях, которым эта организация подвергается». Впрочем, посол обещал ходатайствовать перед начальством о помощи в розыске 16-летнего сына Пясецкого, похищенного неизвестными в начале 1957 г.³¹ (очень тёмное дело, не выясненное до сих пор. Тело сына Б. Пясецкого Богдана со следами насильственной смерти нашли в конце 1958 г.).

Тем не менее, Абрасимов дал добро на выезд Пясецкого в Советский Союз формально для ознакомления с методами сотрудничества власти и католической общественности. Первый заместитель министра иностранных дел СССР Н. С. Патолитчев также выразил своё согласие, порекомендовав, однако, узнать точку зрения Совета по делам религиозных культов при Совмине СССР. Совет немедленно затребовал характеристику на Пясецкого и членов его делегации, предварительный план поездки и цели её организаторов, а также мнение польских властей касательно данного визита. Посольство передало требуемые бумаги, ПАКС выслал развёрнутый план, а вот мнение польских ответственных лиц удалось прояснить лишь после двукратного запроса со стороны Совета (мнение это оказалось положительным). В итоге 27 февраля 1959 г. было вынесено следующее заключение: «Совет по делам религиозных культов рассмотрел материалы, касающиеся приглашения делегации ПАКС в Москву, и находит, что этого делать сейчас не следует по следующим соображениям: Во-первых — нельзя обсуждать с Пясецким вопросы, касающиеся внутренней жизни Польши: взаимоотношения между ПОРП и ПАКС, место ПАКС в Польше и др... Очевидно, Пясецкий надеется на то, что его поездка в СССР окажет некоторое влияние на ПОРП в решении интересующих ПАКС вопросов. Вступать в переговоры с Пясецким по этим делам не следует. Во-вторых, вопросы, выдвигаемые Пясецким, касающиеся создания общественно-прогрессивного движения светских католиков в Польше и в других социалистических странах,

никто, кажется, в СССР не изучал и поэтому не выработано ещё определённой точки зрения на этот счёт... Совет по делам религиозных культов не уверен в том, что товарищ Гомулка, давая согласие на поездку делегации ПАКС в Москву, знал о целях этой поездки»³².

Таким образом сорвалась попытка «догматиков» заручиться поддержкой советских властей. С этого времени те из них, кто не отказался от борьбы (а таких осталось совсем немного), сделали ставку на Китай и Албанию. Наиболее активный из «догматиков», бывший секретарь Б. Берута К. Мияль, даже бежал в феврале 1966 г. в Албанию, откуда обратился к соотечественникам через «Радио Тирана» с призывом сбросить ярмо сионистов и ревизионистов. Кроме того, Мияль незадолго перед своим бегством создал подпольную Компартию Польши, в которую вовлёк несколько бывших высокопоставленных партocrats из числа «догматиков». Албанское посольство принялось рассылать от имени этой партии листовки польским чиновникам с резкой критикой Гомулки. Сам Гомулка видел в этих кознях руку китайцев. В мае 1969 г., беседуя с Н. Чаушеску, он прямо заявил: Компартия Польши — это организация, созданная албанцами на китайские деньги, а её существование — часть подрывной работы, которую КПК ведёт по всему миру с целью распространить свои великодержавные интересы³³. Впрочем, к этому времени «догматики» (за исключением Мияля) сошли со сцены, и деятельность последнего из них выглядела скорее курьёзом.

Подытоживая, следует сказать, что советско-китайское размежевание конца 1950-х гг. имело своё воздействие на взгляды дипломатов двух стран относительно внутривосточного положения в Польше. Разница в подходах руководств СССР и Китая к проблемам строительства социализма, а также позиция Гомулки в этом конфликте отразились на той линии, которую вели советское и китайское посольства применительно к борьбе группировок в ПОРП. Первоначальный скептицизм Политбюро ЦК КПСС к новому польскому руководству сменился полным одобрением его курса. Китайская же дипломатия, смотревшая с подозрением на процессы «оттепели» в Советском Союзе и Польше, склонна была больше прислушиваться к мнению лиц, осуждавших разрыв со сталинской практикой. В 1960-е гг. это вылилось в открытый конфликт ПОРП с КПК и привело к полной утрате Китаем той популярности, которую он приобрёл в Польше в 1956 г.

Примечания

¹ Стыкалин А. С. Позиция руководства КПК в условиях польского кризиса октября 1956 г. // Российско-польский исторический альманах. Вып. IV. Ставрополь — Волгоград — Москва, 2009. С. 82, 98—100.

² Torańska T. Oni. Warszawa, 2004. S. 89.

³ Werblan A. Chiny a Polski Październik // Dziś. 2006. № 10. S. 123 — 124.

⁴ Стыкалин А. С. Там же. С. 84.

⁵ Там же. С. 91.

⁶ Там же. С. 95 — 96.

⁷ Там же. С. 100.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0122. Оп. 42. Пор. 8. П. 352. Д. 035.Л. 2—3.

⁹ Archiwum Act Nowych (AAN). XIA/58 K. 221 — 223.

¹⁰ Боффа Д. История Советского Союза. Т. 2. От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущёв. М., 1994. С. 517 — 518.

¹¹ Там же. С. 513.

¹² AAN. XIA/5. K. 226 — 263.

¹³ Ibid. K. 37 — 55.

¹⁴ Gomułka W. Pamiętniki. Т. 1. Warszawa, 1994. S. 370 — 371.

¹⁵ АВП РФ. Там же. Л. 9 — 16.

¹⁶ Там же. Л. 60 — 65.

¹⁷ Там же. Л. 7.

¹⁸ Там же. Л. 175 — 176.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 43. Пор. 27. П. 360. Д. 180. Л. 2.

²⁰ Там же. Л. 175 — 176.

²¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 42. Пор. 8. П. 352. Д. 035. Л. 79.

²² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 43. Пор. 9. П. 358. Д. 035. Л. 4.

²³ Там же. Л. 51 — 53.

²⁴ Там же. Л. 26.

²⁵ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 45. Пор. 46. П. 374. Д. 720/13. Л. 34.

²⁶ Там же. Л. 35.

²⁷ Там же. Л. 43.

²⁸ Там же. Л. 38.

²⁹ Там же. Л. 35 — 36.

³⁰ Там же. Л. 48.

³¹ АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 42. Пор. 46. П. 356. Д. 720/13. Л. 11 — 15.

³² АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 43. Пор. 27. П. 360. Д. 180. Л. 11 — 12.

³³ AAN. Op. cit. K. 178 — 180.

Э. Г. Задорожнюк

Конфигурация новой государственности в программных установках чехословацких антинормализационных течений (апрель 1969 г. — декабрь 1972 г.)*

В период нормализации на формирование идей и концепций новой государственности в Чехословакии — в отличие от других стран Центральной и Юго-Восточной Европы — оказывали влияние два принципиально важных фактора: присутствие на ее территории иностранных войск и подавление демократической модели «социализма с человеческим лицом». Вместе с тем итог Пражской весны — это не только ограничение государственного суверенитета с сохранением его формальных атрибутов и дискредитация идеи демократического социализма, но еще и тот мощнейший интеллектуальный импульс, который в течение достаточно продолжительного времени налагал отпечаток на вектор идейных и концептуальных поисков новой государственности в кругах инакомыслящих и оппозиции.

В статье рассматривается зарождение альтернативных бюрократическому государству контуров новой государственности на одном из этапов чехословацкого оппозиционного движения — его начальной стадии, ограниченной 1969 г. (апрель) — 1972 (декабрь) гг.¹ Именно в этот исторически краткий временной люфт идеи демократизации государственности в ее социалистическом облике занимали на интеллектуальном оппозиционном поле не только важное, но и доминирующее положение. Процесс кристаллизации этой идеи рассматривается на анализе материалов первых чехословацких антинормализационных течений.

Можно утверждать, что антинормализационное движение началось в Чехословакии де-факто после 21 августа 1968 г., когда

---

* Исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

большинство социальных слоев и политических сил страны выступили против возвращения «нормального» социализма, навязанного извне. С апреля 1969 г. курс на «нормализацию» стал ключевым во внутривнутриполитической жизни государства, причем задавался он правящей КПЧ. Официально же, так сказать, де-юре, его провозгласили в декабре 1970 г. в печально известном документе «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ».

Истоки импульсов, которые в какой-то степени можно назвать и элементами идей новой государственности, вырисовывались в представлениях инакомыслящих исподволь. Пробный камень, брошенный группой чехословацких инакомыслящих «режиму нормализации» — Манифест «Десять пунктов», символически датированный 21 августа 1969 г.² Документ явился первой попыткой диалога несогласных с властью предрержащими в рамках легальности, поскольку адресовался федеральному правительству, Федеральному собранию ЧССР, Чешскому национальному совету, правительству Чешской Социалистической республики и ЦК КПЧ. Его подписали 10 человек — представители различных идейных и политических ориентаций (в их числе: члены КПЧ и беспартийные), что, разумеется, не могло не отразиться и на содержании документа. Р. Баттек, Л. Пахман, Й. Тесарж, Л. Кинцл, Л. Когоут, М. Лакатош, И. Непраш, Й. Вагнер, Л. Вацулик и В. Гавел заявили о своем отказе обращаться к нелегальным методам борьбы.

Спектр затрагивавшихся Манифестом проблем был достаточно обширен. В нем подвергся осуждению Московский протокол, а присутствие иностранных войск в стране квалифицировалось как «источник беспокойства»³. Авторы заявили об отказе от советской модели социализма, но не от социалистической идеи как таковой. Они объявили себя сторонниками Программы действий КПЧ (апрель 1968 г.) и процесса обновления периода Пражской весны, расценивавшегося ими как серьезная попытка соединения социализма и демократии.

В 1968 г., как констатировалось в преамбуле, опасность угрожала не социализму, а положению тех, кто деформировал его в течение двадцати лет. «Социализм» в трактовке авторов Манифеста — строй «демократический и гуманный», «социализм с человеческим лицом»; это — не только приказы, ограничения и нищета. Социализм, предоставляя народам все традиционные свободы, завоеванные в предшествующих революциях, может «создать общество более развитое

не только в экономическом, но и нравственном отношениях». «Наши стремления, — говорится в документе, — не расходились с давними идеалами социалистического движения, которые ставили во главу угла право на свободу народа и человека, отрицали сверхдержавное насилие, тайную дипломатию и кулуарную политику». И далее: «Мы выступаем за такую форму социализма, которая может иметь успех в развитых странах, и стремимся к его очищению от тех черт, которые придает ему слой сектантов-догматиков, властолюбивых карьеристов»⁴.

Примечательно, что Манифест, как и апрельская Программа действий КПЧ 1968 года, пронизан идеей обновления социализма. Вместе с тем это еще и принципиальный шаг вперед по сравнению с коммунистической Программой, поскольку в Манифесте впервые открыто заявлено требование отмены монополии на власть КПЧ. В документе констатировалось отрицание роли коммунистической партии как органа власти, ее возвышения над государственными органами, которые должны нести ответственность перед всем народом. «Возвышение партийности над гражданственностью, — утверждалось в нем, — является нелепостью и мы настаиваем на том, что коммунистическая партия может завоевать ведущую роль в обществе только в результате его доверия и убедительной реализации того, в чем это общество более всего нуждается. Отношения между политическими партиями в Национальном фронте могут быть только партнерскими»⁵. В Манифесте признавалась ведущая роль компартии только в случае оказания ей доверия со стороны общества; функционирование же Национального фронта допускалось лишь на основе плюрализма и равенства партнеров.

Разумеется, это свидетельство компромиссного характера подписавших Манифест инакомыслящих, которые, как уже указывалось, решились на диалог с «режимом нормализации». Они требовали от государственных органов начать переговоры о выводе иностранных войск, пересмотреть результаты «чисток» после апреля 1969 г., отменить запрет на деятельность гражданских структур, ликвидировать цензуру. Не претендуя на глобальные системные изменения в обществе, ограничиваясь фрагментарным их изложением, документ тем не менее ставил перед правящей элитой принципиальные вопросы — вывод иностранных войск из страны и продолжение реформ в разных сферах государственного строительства в духе Пражской весны.

Одной из важнейших названа проблема выборов в высшие и местные органы государственной власти в соответствии с таким избирательным законом, который будет способствовать совершенствованию социалистической демократии. «В законе, — говорилось в документе, — должно отражаться право петиционных комитетов граждан выдвигать собственных кандидатов, а также способ отзыва их со своих постов. Выборы, которые будут походить на выборы предшествующего периода, мы заранее отвергаем и участия в них принимать не будем». Этим пассажем Манифест обозначил отношение инакомыслящих к планировавшимся «режимом нормализации» на ноябрь 1971 г. выборам в высшие законодательные органы государственной власти. Здесь нашла отражение и проблема федеративного устройства государства с предостережением против формального подхода к решению этой сложной задачи, а также были выдвинуты протоидеи относительно новой государственности, в первую очередь относительно выдвижения и отзыва депутатов всех уровней.

Авторы документа достаточно четко выражали стремление вернуться к экономическим идеям Пражской весны. В связи с этим интерес представляет требование принятия Закона о социалистическом предприятии, в котором разработан механизм принятия решений, то есть передача производственных вопросов в ведение специалистов, влияние рабочих на распределение прибыли и капиталовложений.

Важнейшее положение Манифеста — призыв к ратификации и реализации международных конвенций по правам человека, которые Чехословакия подписала в октябре 1968 года (важно заметить, что это произошло за шесть лет до того, когда они стали частью преамбулы Хартии 77). Тем самым уже в середине 1969 г. Манифест «Десять пунктов» определил главные тенденции развития чехословацкого антинормализационного движения в перспективе, когда акцент ставился на правах человека на основе существующих законов. В целом же Манифест впервые — в рамках образования, которое тогда именовалось «мировой социалистической системой» — обратил внимание на проблематику гражданских прав и выразил сомнение в соблюдении «режимом нормализации» законов, не отрицая при этом сам режим как таковой, предусматривая возможность перехода от идеологии «социализма с человеческим лицом» к идеологии прав человека.

Для достижения своих целей авторы Манифеста планировали использовать средства и методы протеста, допустимые в рамках уже

существующих в социалистической Чехословакии законов. «И в условиях отсутствия *политической свободы* — подчеркивалось в нем, — цивилизованный народ может противостоять тем, что практически действиями *неполитического характера* (курсив мой. — Э.З.) будет отстаивать свой стиль жизни, свою жизненную философию, свой характер». Симптоматично, что аналогичные идеи высказывались ранее экс-коммунистом, бывшим членом ЦК КПЧ Я. Шабатой, одним из основателей нелегальной оппозиционной структуры — Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ). «Есть только одно, — утверждал он еще в январе 1969 года, — радикальное решение: избавиться от политики. Поэтому представление об обществе, которым правят моральные принципы, непременно связано с *проектом общества, организованного неполитически* (курсив мой. — Э.З.). Движение, которое борется за это, — самое радикальное политическое освободительное движение...»⁶. Следовательно, Шабата, а после него и Манифест отразили идейную установку, ставшую в дальнейшем доминирующей в рамках уже диссидентской составной части антинормализаторского движения в Чехословакии и давшей впоследствии название программе «неполитической политики». Позднее данным термином В. Гавел выразил один из доминировавших в чехословацком антинормализационном движении трендов в целом⁷.

Таким образом, с достаточными основаниями можно утверждать, что уже с середины 1969 г. не только наметились возможные тенденции развития антинормализационного движения в будущем, но и был запрограммирован идейный раскол оппозиции, задававший новые векторы протестному движению и формировавшимся в его рамках концепциям новой государственности. Важно отметить, что Манифест пронизан поисками конкретных тактических шагов — возможного перехода от «политики политической» периода Пражской весны к «неполитической политике».

Манифест вызвал неоднозначную реакцию. Так, представители радикальных левых студентов называли авторов «Десяти пунктов» либерально настроенной партийной интеллигенцией, выражающейся языком периодического издания «Литературная газета» («Literární listy») из «безвозвратно ушедшего 1968 года». Стержнем этой критики и отправной точкой расхождения явилось отношение к «режиму нормализации». По мнению студентов, с ним уже нельзя идти на диалог, его следует решительно отвергнуть и вести против

него непримиримую борьбу. Они утверждали, что подписавшие Манифест заняли конформистскую позицию, так как стремились «действовать конструктивно и вести политическую борьбу в рамках [существующих] институтов»⁸. Часть левоориентированных студентов даже называла Манифест вариантом сталинско-бюрократической системы. Разумеется, это был голос далеко не всего студенчества, но он прозвучал весьма громко, а его отзвуки можно было услышать и осенью 1989 г.

Авторы Манифеста, как уже отмечалось, символически датировали документ 21 августа 1969 г., предлагая тем самым «властным» альтернативный путь выхода из кризиса в режиме возможного диалога с ними. Сверхзадача данного документа, как представляется, состояла еще и в попытке предотвратить возможные трагические последствия планировавшихся на этот день протестной частью общества выступлений против пришедшего к власти в апреле 1969 г. нового партийного руководства⁹. Оно планировало укреплять свои позиции лишь с использованием насилия и приготовилось вести борьбу с политическими оппонентами не политическими, а исключительно силовыми методами.

Уже первая реакция на документ со стороны властей показала, что оппозиционная деятельность внутри легальных структур не представлялась возможной и поэтому ряд активистов приступил к подготовке к переходу на нелегальное положение. КПЧ стала основным агентом процессов «нормализации», а в рамках оппозиции начали формироваться полуполициальные и даже нелегальные структуры. Это отразилось на ходе идейной дифференциации, задававшей новые векторы протестному движению в стране и формировавшимся в его рамках контурам новой государственности. В полную мощь оно заявило о себе с появлением во второй половине 1970-х годов Хартии 77.

Адресаты получили Манифест 12 сентября 1969 г. и достаточно жестко отреагировали на него: против авторов началось судебное расследование. Л. Пахман, Р. Баттек и Я. Тесарж были заключены в тюрьму и в течение нескольких месяцев находились под арестом. Одновременно проверки затронули те слои общества, которые вели борьбу за реформирование прежней модели государственности и поддерживали А. Дубчека. К ним относились, в первую очередь, интеллектуалы и студенты — духовная элита нации, включая часть

членов КПЧ, которые выступали за структурные реформы социалистического государства и его последовательную демократизацию¹⁰. Однако отстаивать свои идеи, касавшиеся новой чехословацкой государственности, этим слоям приходилось уже в подполье.

Активность этих слоев чехословацкого общества прослеживается и при создании одной из первых нелегальных структур чехословацкой оппозиции после поражения Пражской весны — Движения революционной молодежи (ДРМ), аккумулировавшего различные протестные силы. ДРМ не являлось исключительно студенческим движением, хотя и выросло из студенческих протестов, охвативших в 1968 г. весь мир. «Бунт молодежи», «конфликт поколений», «красный май», «кризис общества потребления», «кризис цивилизации» — таковы лозунги, характеризовавшие активность студенчества Франции, когда в полной мере проявились его нонконформистские идеи и позиции, получившие определенный и достаточно значимый резонанс и в Чехословакии¹¹.

Учредительное собрание ДРМ состоялось еще 2 декабря 1968 г. в клубе студенческого общежития Карлова университета «Ветрник» в Праге¹². В 1969 г. ДРМ объединяло около 100 молодых людей, в основном студентов, позже в его состав вошли интеллектуалы; рабочие составляли меньшинство. Движение представляло организованную силу сопротивления режиму, во многом характеризовавшуюся переходным статусом от легального к нелегальному. На встречах студенты и рабочие устраивали дискуссии по книгам Л. Троцкого, Мао Цзедуня, Че Гевары, М. Джиласа и др., периодически выпускали листовки и заявления о политической ситуации. Самая многочисленная ячейка ДРМ находилась на философском факультете Карлова университета (П. Шустрова, Я. Сук, Я. Башта, В. Корчиш, Э. Черны и др.). Значительное влияние на ДРМ оказывали идеи так называемой «новой левой», которая являлась идейной платформой радикального левого протестного движения на Западе. И все же оно отличалось определенной спецификой, сводившейся к акценту на революционном потенциале рабочих — таковой на Западе уже не был в чести, считаясь весомым, скорее, в Югославии и особенно в Польше.

По инициативе одного из своих лидеров П. Ула ДРМ издавало сборник полемических текстов «Бюрократия — нет, революция — да» (конец мая 1969 г.). В нем публиковались тексты Л. Троцкого,

Н. Бухарина, М. Джиласа, М. Михайловича, а также тексты Сука и самого Ула. В сборнике можно найти также отрывки из «Открытого письма», написанного в 1965 г. поляками Я. Куроном и К. Модзелевским — будущими организаторами Комитета защиты рабочих (КОР). В документе «Воззвание идеологической секции», выпущенном незадолго до 21 августа 1969 г. — даты подписания вышеупомянутого Манифеста, говорилось: «Мы не верим в Программу действий КПЧ — мы знаем, что она гуманна, что она была написана с самыми лучшими намерениями и что с ней мы можем во многом согласиться, но мы осознаем, что это программа либерального крыла в руководстве КПЧ и что его цели должны столкнуться (в августе 1968 мы все это видели) с интересами международной бюрократии во главе с кремлевскими властителями. Августовская интервенция показала: эта программа не является истинной, потому что она нереализуема. Мы уже не верим в систему, в которой руководство (хотя и столь гуманное, каким являлось руководство Дубчека) принимает решение за трудящихся без них самих, поскольку лишь сами трудящиеся имеют право принимать решения о своей судьбе»¹³. Можно утверждать, что под подобным заявлением позже подписались бы и хартисты, и другие диссидентские круги некоммунистической ориентации. Общая же для двух документов установка на ограничение роли КПЧ не просто насторожила, но встревожила лидеров правящего режима.

В августовские дни 1969 г. ДРМ выпустило большим тиражом три листовки, призывавшие к сопротивлению. Две из них были подписаны от имени «Революционной социалистической партии (Чехословакии)». Группа распространила также несколько тысяч листовок «Всем, всем, всем», призывавших к акциям протеста. ДРМ подчеркивало, что борьбу против сталинизма нельзя вести только в одной стране, что это международная проблема и поэтому они устанавливали связь с подобными группами в Польше, но, главным образом, на Западе.

Идеологической платформой ДРМ можно считать разработанную П. Улом «Декларацию идеологической комиссии Революционной социалистической партии (Чехословакия)» (август 1969 г.). Она содержала анализ сложившегося в стране положения и предлагала стратегию борьбы против «режима нормализации»¹⁴. В ней, в частности, говорилось, что борьба с «политическим террором» Гусака должна становиться, не теряя своей массовости, все более организованной,

что следует вырабатывать программу действий в рамках заводов и учреждений, что пора перестать верить в мир легальности, поскольку бюрократия пользуется законами в собственных интересах и против интересов народа. Крайне важным считался призыв идти на нарушение этих «антинародных законов» и солидаризироваться с трудящимися соседних «стран народной демократии», народами СССР, а также французскими и итальянскими рабочими и студентами, угнетаемыми народами Африки и Латинской Америки. «Пусть вашей программой, — провозглашалось в Декларации, — на ближайшее время будет следующее: 1. Сохранять и поддерживать народную активность... 2. Сохранять позиции КПЧ в профсоюзных комитетах и на рабочих местах. 3. Создавать небольшие нелегальные группы на основе строгой конспирации... проводить совместные акции... создавать *программу будущего социалистического общества* (курсив мой. — Э.З.). Возникающие организации, несмотря на различия в концепциях, должны были бы объединиться в Фронт народного сопротивления...»¹⁵. В документах отражена последовательность позиции Движения, которое занимало бескомпромиссные позиции в борьбе против «бюрократического», то есть «нормализованного» социалистического государственного строя, ставя перед собой цель его безоговорочного слома и ориентации на новую модель социалистического общества и государства.

И все же на что ориентировалась ДРМ в плане программы будущей социалистической государственности, если в ряде его установок принципиально отрицалась даже парламентская демократия? В принятом в ноябре 1969 г. документе «Программное заявление Революционной социалистической партии (Чехословакия)» речь шла о необходимости «реабилитации социализма», то есть возвращение к «истинной», «правильной», не деформированной модели социалистической государственности. «Путь к ней, — по мысли авторов, — следует видеть *в системе самоуправления* (курсив мой. — Э.З.), которая должна охватить все сферы общественной жизни». Данная система «исключает парламентаризм и тайную дипломатию. Политические партии имеют только идеологическую функцию; в свободной дискуссии предлагаются различные концепции и программы»¹⁶. Трудовые коллективы должны иметь право принимать решения о средствах производства при посредничестве советов трудящихся. Создание советов трудящихся обуславливалось необходимостью координации

деятельности свободных индивидов на предприятиях и территориальных единицах. Бюрократии, по мысли авторов документа, можно избежать посредством введения контроля, ротации членов советов и их включения в трудовой процесс.

В тезисах просматривается преемственность с идеями Пражской весны, несмотря на прозвучавшее в майском Воззвании их отторжение, но, как представляется, доминирует ориентация на югославскую модель самоуправления. Тем самым поисковое поле выхода из «нормализованной» режимом Г.Гусака государственности постепенно разворачивалось и находилось в достаточно широком географическом и историческом контекстах.

Органы госбезопасности уже в начале декабря 1969 г. арестовали 7 главных представителей ДРМ, а к марту 1970 г. — еще 12. В марте 1971 г. состоялся процесс над 17 членами ДРМ (П. Ул, С. Плогштедт, Я. Башта, Я. Фролик, П. Шустрова, И. Деймал, Я. Сук и др.)¹⁷. После пребывания под следствием более года их обвинили в «подрыве существующего строя» и приговорили к срокам заключения от 1 до 4-х лет. Даже прокурор не смог опровергнуть утверждения обвиняемых, что они выступали не против социализма, а против бюрократии и что их идеалом является всенародное социалистическое самоуправление¹⁸. Суд над членами ДРМ стал первым крупным политическим процессом в Чехословакии после августовской оккупации, а сроки оказались весьма большими: главный обвиняемый П. Ул осужден на 4 года лишения свободы. Его цель — вызвать страх и сломить какое-либо сопротивление общества, которое в своем большинстве поддерживало реформы. Наряду с массовыми чистками он должен был способствовать консолидации правящего режима. О процессе говорили как о «целенаправленном ударе против студенчества, которое новыми держателями власти обоснованно считалось одной из наименее надежных частей общества»¹⁹. Остается добавить, что таковым оно считалось вплоть до 1989 г., причем небезосновательно.

Попытки идейных противостояний протестной части общества с «режимом нормализации», казалось, были пресечены раз и навсегда. Тем более, что, как уже говорилось выше, в декабре 1970 г. ЦК КПЧ принимает документ «Уроки кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ», которому на долгие годы суждено было стать главным идеологическим обоснованием «режима нормализации», то есть того «социализма», от которого как раз и пытались

отказаться в период Пражской весны. И все же «нормализованная» государственность сразу же стала подвергаться обструкции ставшими на путь сопротивления режиму инакомыслящими, отыскивающими новые ее контуры.

Как раз в этот момент стали появляться программные документы переходившей на нелегальный режим чехословацкой политической оппозиции, именовавшей себя «социалистической». И это, конечно же, не было случайностью. Во-первых, они явили собой своеобразный вызов «Урокам..», декларируя альтернативные «нормализаторскому» социализму модели государственности в рамках социалистической парадигмы. Во-вторых, в некоторых из них обозначился тренд в сторону поиска антинормализаторской государственности в рамках концепта чехословацкого потенциала, ориентировавшегося в 1968 г. на отмену системы недемократических практик²⁰. Говоря словами М. Кундеры, смысл «чехословацкого призыва» заключался в следующем: «показать, какие безграничные демократические возможности остаются до сих пор неиспользованными в социалистическом общественном проекте, и доказать, что эти возможности можно развить лишь в случае полного освобождения начал политической самобытности отдельного народа. Этот чехословацкий призыв по-прежнему сохраняет силу. Без него уже двадцатый век не стал бы двадцатым веком. Без него и завтрашний мир не станет таким, каким он будет»²¹.

Разумеется, подобная диверсификация социалистической идеи не могла не приравняться «режимом нормализации» к идеологической диверсии. В итоге на протестантов обрушились мощные репрессии вряд ли соразмерные с возможным ущербом от их деятельности. Итог — отождествление любой «ненормализаторской» государственности с социальной деструктивностью, что волей-неволей приводило оппозицию к поискам альтернатив социалистической государственности на последующих этапах. Все же в этот период доминировала нелегальная социалистическая оппозиция, активно сражаясь с «нормализаторским» социализмом. Нужно заметить, что без данных сражений перспективы развития взглядов других разновидностей оппозиции на будущую государственность выглядели крайне туманными.

Это видно на примере такой организационно оформленной оппозиционной структуры как Социалистическое движение чехословацких граждан (СДЧГ). Осенью 1970 г. оно выпустило свой Манифест, а на рубеже января и февраля 1971 г. — Малую программу действий

СДЧГ, само название которой недвусмысленно указывает на аналогию с Программой действий КПЧ от апреля 1968 г. Действительно, в ней просматривается линия на «социализм с человеческим лицом», которая базировалась на основных постулатах указанной Программы периода Пражской весны. В разработке Манифеста приняли участие экс-коммунисты, прежде всего бывший член ЦК КПЧ Я. Шабата, с которым тесно сотрудничали историки М. Гюбл и Я. Тесарж.

Манифест СДЧГ появился 28 октября 1970 г., к 52-й годовщине чехословацкой государственности, как представляется, отнюдь не случайно. «Мы, — подчеркивалось в документе, — отвергли социализм бюрократического аппарата и социализм гуляша, потому что ни один, ни другой не спасает человека от отчуждения, которое терзает людей на Востоке и на Западе. Сегодняшняя власть создаваемой ею реальностью отбрасывает социалистические идеалы, хотя маскирует бюрократическую диктатуру социалистической терминологией. Движение против этого не надо создавать. Оно существовало и существует... Власть уничтожает целые области науки. Она заставила молчать культуру. Она связала профсоюзами инициативу организаций молодежи, женщин и т.д. Она ликвидировала Советы трудящихся. Власть возвращает народное хозяйство к централизму, который уже однажды терпел крах...»²². Участники движения подчеркивали, что все это не только угрожает гражданам Чехословакии, но и тормозит прогрессивное развитие всего восточного блока.

СДЧГ предприняло попытку сформулировать свою концепцию новой антинормализаторской социалистической государственности: «Мы знаем, чего хотим: политическую социалистическую систему, в которой будут партнерами политические и неполитические организации, общественное и заводское самоуправление, институционально закрепленный контроль над властью, основные свободы — включая свободу вероисповедания — сформулированные в том числе и в Декларации прав человека ратифицированной и этим государством»²³. Национализация названа в Манифесте «огосударствлением»; выдвинуто требование введения реальной коллективной собственности в промышленности и ее передачи заводским советам трудящихся. СДЧГ высказалось за равноправие чехов и словаков, напомнив при этом, что смысл федерации поставлен режимом под угрозу²⁴. Отказавшись от террористических насильственных действий и саботажа, движение отдавало приоритет борьбе «политической и позитивной».

Отнюдь не последнее место в спектре вырисовывавшихся программных установок СДЧГ занимала политика «малых дел».

Будущее чехословацкой государственности неразрывно связывалось авторами документа с мировым развитием, однако именно от граждан зависело, как они воспользуются той или иной ситуацией. «Действовать, — подчеркивалось в Манифесте, — может каждый гражданин... Будем терпимы, будем помогать преследуемым... Солидарность всегда была нашим самым сильным оружием. Будем бороться за каждую мелочь. В этой борьбе будем собираться дома, на работе, там, где это только возможно... Это наше обращение может помочь в этой борьбе. Будем распространять его всеми доступными средствами»²⁵.

В дальнейшем положения Манифеста составили основу Малой программы действий СДЧГ, которой, по замыслу экс-коммунистов, следовало сыграть роль интегрирующего начала в разобленном чехословацком оппозиционном движении. Документ появился в самом начале 1971 года (январь-февраль), состоял из семи разделов и включал около 8000 слов²⁶. Главный редактор эмигрантского журнала «Листы» И.Пеликан назвал программу одним из самых интереснейших документов чехословацкой социалистической оппозиции²⁷; она распространялась выборочно среди отдельных групп и лиц для отзывов.

Авторы документа позиционировали себя преемниками послеянварского движения за демократическое возрождение социализма и Программы действий КПЧ, то есть «новой демократической модели социализма, отвечающей чехословацким условиям...». Генеральная политическая ориентация СДЧГ — «борьба за социалистическую альтернативу господствующему социализму “бюрократических аппаратов”».

Социалистическая оппозиция выражала крайнюю потребность во «всесторонне разработанной и обоснованной в политическом и тактическом отношении программе». Однако документ дает весьма приблизительные представления об этой программе, фиксируя только, что «...демократический социализм — это не аналог “социалистической демократии”, которую достаточно лишь углублять, развивать и совершенствовать. Речь идет о системе, которая требует радикальных, революционных (структурных) преобразований...».

Сквозная болевая точка документа — поиск ответа на вопрос — какие силы будут это делать в условиях «режима нормализации».

Принципиально важная часть документа гласит: «Коммунисты — это социалисты, которые считают социализм эпохой “перехода” к коммунизму и социалистическому государству (политическая организация общества — “государство-полугосударство”), инструментом преодоления любой “государственной” (политической) организации. Некоммунистические социалисты к этим “конечным целям” относятся скептически, поскольку отвергают их как утопические, нереальные и т. д. И первые, и вторые, однако, едины в том, что эпоха, в которой мы живем, является эпохой социализма, *социалистического демократического государства* (курсив мой. — Э.З.), что от уровня духовных и политических свобод (т.е. от уровня демократии) и от всестороннего развития возможностей общественной собственности зависит прогресс (независимо от того, приближается он или не приближается “к коммунизму”). Эта программная предпосылка и принципиальная политическая цель объединяют коммунистов и социалистов не только в борьбе за демократический социализм, т.е. в оппозицию бюрократическому социализму, но формируют внутренние связи между ними на протяжении всей эпохи “социализма”, независимо от того, как будут складываться (в формальном смысле) отношения между ними. При этом, конечно же, хотелось бы, чтобы эти отношения формировались (идеологически и организационно) как можно более оптимально и, следовательно, являлись как можно более тесными. Но даже и в этом смысле нельзя предпочитать абстрактные критерии: согласно некоему всеобщему закону тенденция к интеграции является прогрессивной, поскольку она функциональна, целесообразна. Однако она могла бы превратиться в нецелесообразную и дисфункциональную в случае выхода за границы, которые определены современными возможностями и условиями функционирования отдельных составных частей»²⁸. Авторы документа позиционировали себя последователями движения за демократическое возрождение социализма, оказывавшего «радикальное сопротивление политике великодержавной нормализации и бюрократической консолидации».

Конечно же, и данный документ чехословацких социалистов-оппозиционеров подвергся «режимом нормализации» жесткому осуждению. Так, позднее, в ходе судебных процессов летом 1972 г. партийная печать представляла Малую программу действий СДЧГ как «нацеленную на постепенную ликвидацию социалистической

системы» и на «открытое введение буржуазной демократии». Программа, по убеждению представителей «режима нормализации», преследовала цель «оторвать Чехословакию от содружества социалистических стран, навязать ей нейтралитет и привязать ее внешнюю политику исключительно к западным капиталистическим государствам в рамках так называемой среднеевропейской солидарности»²⁹.

Постепенно центр тяжести противостояния смещался от попыток диалога с «режимом нормализации» к программным призывам граждан страны. Одной из форм активности стало поэтому издание листовок, плакатов, журналов, ставивших цель призывать общество к сопротивлению и формировать иной, по сравнению с официальной печатью, образ сложившегося в стране положения. Так, с января 1971 г. в системе «издательского самообслуживания» (самиздат) начал регулярно выходить «Политический ежемесячник: факты, события, заметки». В нем публиковались информация о ситуации в КПЧ, о событиях в мировом коммунистическом движении, экономические анализы, заявления представителей оппозиционных течений. Бюллетень «Из-за завесы» давал детальное освещение положения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, других государствах мира. В его первом номере редакция уверяла, что будет «сообщать то, о чем чехословацкие средства массовой информации умалчивают. У нас нет другой программы, чем поиски правды. Мы призываем вас участвовать в этом»³⁰.

В мае 1971 г. КПЧ созвала свой XIV съезд³¹, которому адресовалось опубликованное в качестве приложения к еще одному выходившему в самиздате изданию «Политический ежемесячник» письмо «Не можем больше молчать». «Делегаты внеочередного 14-го съезда КПЧ» (так оно было подписано) указывали на незаконность готовившегося коммунистического форума. Одновременно этому же съезду направил обращение «Моя точка зрения» бывший член ЦК КПЧ, один из представителей радикальных реформаторов А. Черный. Он напомнил о некоторых ошибках послеянварского партийного руководства, которое было «нерешительно, непоследовательно, колебалось, и его основным методом разрешения кризиса ... стал компромисс». ЦК КПЧ, избранный на Высочанском съезде КПЧ, по его словам, отверг Московский протокол, но партийное руководство «подорвало его решимость», изменило его состав и тем самым предоставило поле деятельности для сил, которые через несколько месяцев

победили реформаторов. Черный обратился со своей критикой правящей партии к делегатам съезда, утверждая, что «разделительная линия между партией прошлого и партией будущего не проходит среди коммунистов в правящей организации и коммунистов, которые стоят вне рядов партии, но внутри двух этих лагерей». «Партия будущего, — продолжает Черный, — еще неорганизована, у нее еще нет названия, но у нее есть два качества, которые никто не может отнять: критическое мышление и сила солидарности»³².

Следующей самиздатовской акцией явилось опубликованное 16 сентября 1971 г. в приложении к «Политическому ежемесячнику» «Обращение» СДЧГ к гражданам страны. В нем выражалось стремление бойкотировать намеченные на ноябрь 1971 г. выборы в парламент страны. Представители оппозиции приняли решение, сократив текст документа, сделать из него листовку и распространить по всей стране во время предвыборной кампании. Листовку, озаглавленную «Граждане», подписали шесть групп социалистической оппозиции³³.

К ярким образцам нелегальных изданий «правооппортунистической направленности», как они обозначались правящим режимом, можно отнести журнал «Рокрок» («Прогресс»), четыре номера которого вышли в первой половине 1971 г. в самиздате³⁴. Решающая роль в издании журнала принадлежала бывшему директору Института истории социализма М. Гаеку.

В первом номере журнала (февраль 1971 г.; тираж — от 120 до 200 номеров) издатели позиционировали это издание как «политическое»³⁵. В публикации под названием «Кто мы» следует следующая расшифровка его сторонников: «Мы — это группа рабочих, служащих, журналистов, коммунистов и беспартийных. Тех коммунистов, которые приветствовали январь и солидарно поддержали Дубчека в судьбоносные дни после 21 августа (многие сегодня из партии исключены). Тех беспартийных, которые вместе с прогрессивными коммунистами вели борьбу за демократизацию нашей страны и за сохранение ее суверенитета. Нам ясно, что фронт борьбы между прогрессом и реакцией в Чехословакии проходит не между коммунистами и беспартийными; с одной стороны, находится подавляющее большинство народа, включая большинство коммунистов, а с другой — коллаборационисты, т.е. меньшинство членов КПЧ, которых поддерживает горстка беспартийных карьеристов»³⁶.

В очередной публикации под названием «Кто мы и чего мы хотим» развитие Чехословакии после августа 1968 г. трактовалось как свидетельство возврата к доянварскому положению. «Сегодня, — утверждали создатели журнала, — мы являемся *марионеточным государством* (курсив мой. — Э.З.), в котором все главные решения правительства и занятие всех значимых постов должны согласовываться с Москвой. Вмешательство в наши внутренние дела привело к тому, что было задавлено демократическое развитие и введена консервативная диктатура, которая подавляет волю абсолютного большинства». Авторы эмоционально выражали протест против сложившегося положения, подчеркивая, что оно «ненавистно» народу, хотя и отмечалось, что ненависть не может быть программой.

В журнале была помещена и обнадеживающая информация о том, что ЧССР на основе советско-американского договора якобы станет нейтральным государством. Еще одна информация предрекала в ближайшем будущем неизбежный крах чехословацкой экономики и последующее за этим падение режима³⁷. Однако журнал достаточно трезво оценивал надежды на нейтралитет чехословацкого государства и скорое падение режима Гусака, назвав их «тешинскими яблочками», то есть неосуществимой мечтой, «нормализаторское» же социалистическое государство именовалось в нем «консервативной диктатурой»³⁸.

Журнал пронизан отрицанием «нормализационной» модели чехословацкой государственности: «Мы не хотим сегодняшнего марионеточного положения нашей республики. Мы не хотим диктатуры никем не избранных лиц»³⁹. В нем настойчиво подчеркивалось: «Национализация основных средств производства является неотъемлемой частью социализма, а потому и нынешний режим не может быть капиталистическим... Однако национализация — это не самоцель. Она проведена для того, чтобы решения, касающиеся народного хозяйства, принимала не горстка финансовых магнатов, а весь народ посредством избранных представителей из специалистов». Характеризуя сложившееся в стране экономическое положение в целом, журнал констатировал, что эта сфера «под гусеницами оккупационных танков снова загнана в прокрустово ложе централизованной директивной системы»⁴⁰.

Режим называется «устаревшей бюрократической системой управления и планирования», которая привела к тому, что «наша экономика отстает от капиталистических стран по темпу развития.

В такой ситуации социализм теряет свое оправдание, заключающееся в том, что он должен дать людям больше материальных благ и больше свободы»⁴¹.

По замечанию журнала, социализм находился в Чехословакии под угрозой, исходившей не столько от Дубчека и его сторонников, сколько от отсутствия способностей у доянварских и нынешних заправил управлять народным хозяйством. «Население сравнивает положение у нас с положением в соседней Австрии или в западной Германии и неизбежно приходит к следующему выводу: если социализм должен быть таким, как у нас, то я — за капитализм. И это соображения не бывших фабрикантов и банкиров. Так сегодня рассуждают рабочие. Конечно, мы полагаем, что причиной неутешительного положения нашей экономики является не социалистическая собственность, а недемократический характер нынешней политической системы»⁴², — с горечью констатировал журнал.

В последующих его номерах вырисовываются и контуры будущей новой государственности, хотя и в крайне мозаичной форме. Так, неотъемлемой составной частью новой модели социалистического государства в экономически развитой стране журнал убежденно называл политическую демократию: «Демократизация являлась главным содержанием развития ЧССР, главным содержанием постянварской политики, является необходимым этапом прогрессивного развития нашего государства. Режим, который ставит препятствия процессу демократизации, не может быть прогрессивным, а неизбежно становится консервативным или реакционным»⁴³.

Целью издателей журнала и поддерживавших его сторонников оставался социализм, избавленный от консервативных искажений, которые превращают его в «жалкую карикатуру». «Мы, — подчеркивали они, — не смотрим с пессимизмом на наше будущее. Однако наш путь к свободе будет долгим и трудным. И все же это не значит, что надо пребывать в пассивном ожидании, надеясь, что свобода свалится с неба. Она придет тем позднее, чем больше мы будем мириться со своим положением, чем меньше мы будем скрывать свое несогласие»⁴⁴. Заканчивается первый номер журнала лозунгом чешского короля Иржи из Подебрад (1420–1471): «Правда победит!» («Pravda vítězí!»)⁴⁵.

Журнал и объединившиеся вокруг него приверженцы претендовали на оппозиционность «особого типа», поскольку не собирались

отрицать позитивную роль тех, кто уже начал борьбу за улучшение экономического положения, повышение уровня жизни, рост образованности. Следовало также, по замыслу авторов, поддерживать участие людей в управлении обществом, повышать роль профсоюзов и даже «углублять социалистическую демократию». Эту часть работы, согласно журналу, нужно вести и в крайне тяжелых условиях «нормализации». Одновременно следовало интенсифицировать усилия по созданию контуров новой государственности, включая защиту демократических свобод, многопартийности, свободы слова и собраний, создания независимых профсоюзов и др. Здесь уже пути инакомыслящих с «режимом нормализации» резко расходились.

В последующие три месяца вышли другие номера таким же тиражом; последним стал майский номер. Все же журнал еще раз заявил о себе, выпустив к 21 августа 1971 г. в связи с третьей годовщиной оккупации листовку под названием «Граждане Чехословакии»; в ней звучал призыв к бойкоту 20 и 21 августа ежедневной прессы.

В целом, несмотря на относительно высокий для нелегального издания тираж (около 300 экз.), оно не получило широкого резонанса. Многие его прогнозы жизнь не подтвердила, поскольку требовались более жесткие взгляды на противостояние «режиму нормализации». Все же, как отмечают современные чешские историки, это вовсе не снижает его значения, заключающегося уже в самом факте выхода журнала в период упадка мужества и воли к сопротивлению. «Сегодня он является для нас ценным свидетельством того, о чем думали и что чувствовали некоторые из тех, кто отказался приспособиться к нормализации»⁴⁶.

Высказанные на страницах самиздатовского журнала соображения, как и программные постулаты экс-коммунистов (Малая программа действий СДЧГ), получили своеобразное преломление в программе еще одного течения нелегальной социалистической политической оппозиции — Чехословацкого движения за демократический социализм (ЧДДС). Оно включало группу бывших членов Чехословацкой социалистической партии (до февраля 1948 г. — Чехословацкая национально-социалистическая партия) в Брно, получившей название «брненские социалисты». Лидеры ЧДДС — Милан Шилган, Ярослав Мезник, Петер Вурм. В своих программах и СДЧГ, и ЧДДС декларировали приверженность социализму и социалистической модели государственности, трактуя при этом ее перспективу по-разному.

Программный документ брненских социалистов — Малая программа действий ЧДДС приобрела окончательный вид после ознакомления с Малой программой действий СДЧГ социалистов из Брно, которые выразили несогласие с рядом пунктов программного документа экс-коммунистов.

Программа брненских социалистов, появившаяся на свет в середине 1971 г., состоит из трех разделов. Первый из них «Необходимость, генезис и политический профиль объединенной социалистической оппозиции» (с подзаголовком «Памятка к дискуссиям некоторых инициативных групп о возможностях формирования объединенного авангардного социалистического движения в Чехословакии») включал семь частей: послаянварское развитие; новая ситуация; о необходимости авангарда; отторжение режима; барьеры внутри социалистической оппозиции; потенциальная база оппозиционных сил; формирование объединенного авангарда.

В отличие от экс-коммунистов, ЧДДС во главу угла ставило «радикальное устранение режима». ЧДДС отдавало дань Пражской весне, но указывало на ее слабые стороны, ошибки и иллюзии. Более того, брненские социалисты ставили в вину лидерам Пражской весны, что чехословацкое послаянварское движение «не сумело стать антибюрократической революцией» и по данной причине своей половинчатостью способствовало переходу некоторых значимых составных частей революционных сил в состояние пассивности.

Важным в связи с этим лидеры ЧДДС считали создание в стране полюса, полярного «режиму нормализации», формирование движения, которое не станет встраиваться в режим, а «целенаправленно и на новых основаниях будет добиваться его поражения». ЧДДС ориентировалось на «новую модель социализма», но «этот “демократический социализм” не является аналогом “социалистической демократии”, которую достаточно лишь углублять и совершенствовать; новая модель требует революционных структурных изменений»⁴⁷. «Мы, — подчеркивается в программе, — пришли к единому мнению: именно такая радикальная борьба с режимом является нашей главной общей целью. Мы стремимся к свержению режима, а ни в коей мере не к его сохранению в каком-либо улучшенном, “демократизированном” виде»⁴⁸.

Как же планировалось социалистами достижение этой цели? В первую очередь, следовало преодолеть раскол социалистического

движения в Чехословакии, объединить раздробленные силы социалистической ориентации. Решение этой задачи планировалось возложить на «политическое движение», позиционировавшее себя «новым» как в организационном, так и в идейном отношениях. «Нынешний тоталитарный режим, — говорится в документе, — нельзя преодолеть иными средствами, кроме революционного выступления организационно объединенного, дееспособного движения, представленного новой, нетрадиционной политической формацией»⁴⁹. Этому «новому авангарду» брненские социалисты дали рабочее название — «Чехословацкое движение за демократический социализм», которое должно интегрировать не только экс-коммунистов и социалистов, но и все прогрессивные силы, заинтересованные в подобного рода тесном сотрудничестве. В силу своего различного генезиса они должны отличаться от традиционных политических течений, но единая система ценностей позволит им сформулировать рамочную и действенную программу. Именно поэтому интеграция и постепенное преодоление перешедшего в наследство раскола социалистической оппозиции, как полагали лидеры ЧДДС, являлись «гораздо более приемлемым путем, нежели надежды на возрождение столь сильно дискредитировавшей себя коммунистической партии и на возрождение в нынешних условиях не функционировавших в течение десятилетий других партий, а тем более на их взаимное сотрудничество!»⁵⁰. Данные и другие положения документа пронизывает убеждение его составителей в эффективности именно «движения», а также отрицание доминантного положения партийного компонента в политической жизни Чехословакии.

Не менее важной считалась разработка идейных основ нового движения, которой целиком посвящен второй раздел Малой программы ЧДДС: «К вопросу об общих программных целях» (как и первый, он также содержит семь частей). В форме декларативных тезисов в нем представлены программные установки чехословацкой социалистической оппозиции: рамочное «идейное» соглашение; суверенитет и нейтралитет государства; внешнеполитические отношения (с разбивкой на следующие параграфы: социалистические страны; Германия; центральноевропейская солидарность; отношение нового авангарда к другим зарубежным организациям); новая культурная ориентация, христианство в демократическом обществе; социализм; политическая демократия (содержит параграфы: гражданские права

и свободы; парламентская демократия и контроль над властью; отношение политических партий к другим организациям).

В документе перечисляются важные конструирующие новую государственность элементы. Так, раздел 8.1. указывает на следующие ее приоритеты: суверенитет и нейтралитет государства. «Мы, — подчеркивается в нем, — выступаем, в первую очередь, за восстановление самостоятельности Чехословацкой республики как суверенного демократического государства. Оккупация республики войсками пяти стран Варшавского договора без согласия и воли наших высших конституционных органов и поддержка, которую эти страны оказали нынешнему антинародному правительству, несовместны с нашим дальнейшим членством в этом военном объединении»⁵¹. Лидеры ЧДДС ставили цель безоговорочного вывода всех иностранных войск, добиться которой можно было как собственной решимостью, так и при помощи демократических сил всего мира.

В документе получили отражение элементы будущей внешней политики нового государства. «Безопасность и территориальную целостность, — говорится в нем, — мы обеспечим сами. Чехословакия в дальнейшем не будет присоединяться к какому-либо военному пакту и провозгласит свой постоянный нейтралитет, обеспеченный собственными вооруженными силами и гарантированный великими державами»⁵². Продуман и структурирован специально выделенный раздел «Внешнеполитические отношения», в котором в целом предполагалась ориентация внешней политики государства на «установление дружественных отношений со всеми демократическими, в первую очередь со всеми соседними государствами».

Отношения с немецким народом, а в сфере межгосударственных отношений — именно с ФРГ — предлагалось выстраивать на новых основаниях. При этом выражалась надежда, что «время недоверия и подозрений, искусственно поддерживаемых акцентом на горечи военного периода, исторически преодолено и не выражает позиции и чувства нынешнего поколения ни с одной, ни с другой стороны», а «шаги по преодолению этого трагического наследия должны быть двусторонними». «Мы, — говорится далее в программе, — испытали на себе то чудовищное давление демагогии и террора, которым подвергаются граждане в любом тоталитарном режиме. Поэтому мы не намерены строить свое отношение с прошлым ни на одной из форм “коллективной вины”, ни на спорадически раздающихся

выкриках немногочисленных группок непримиримых». «Мы считаем непреложным историческим фактом нашу реакцию на те страдания, которые нацизм принес народам Чехословакии — выселение немцев из нашей пограничной территории. Мы готовы решить все человеческие и имущественные последствия войны и ее исхода. Мы также преисполнены решимости достичь соглашения всеобъемлющего характера, которое в общеевропейском контексте и в русле конкретного развития наших отношений могло бы обеспечить процветание и всестороннее гармоничное развитие чехословацких пограничных областей», — подчеркивается в документе.

Один из важных аспектов программы — центральноевропейская солидарность с соседними странами, народ которых «преследует цель построения социалистического общества». Утверждалось, что Чехословакию в будущем будут связывать с этим регионом «особые отношения солидарности и всесторонние тесные связи, обусловленные десятилетиями общей истории и общих целей, после урегулирования политических и экономических соглашений на основах равноправия и взаимоприемлемого сотрудничества, эти связи останутся во всех сферах тесными и масштабными». «Особое значение, — говорится в ней, — мы придаем развитию взаимоотношений с народами и государствами Центральной Европы, в первую очередь с Польшей, Венгрией и Австрией (а в последующем также с Финляндией, Румынией и Югославией), независимо от их политических систем и существующих на сегодняшний день военных союзов. Малые нации этих важных областей могут обеспечить свое мирное будущее, опираясь на собственную совместную инициативу, основывающуюся на определенных традициях прошлого».

В целом новое государство должно, по замыслу авторов, обеспечивать равенство условий и социальную защиту людей. Поэтому оно «должно гарантировать равенство условий для развития и реализации способности всех людей, которым он обеспечивает право на труд и на справедливое вознаграждение за него. Следовательно, ликвидируются все классовые и социальные привилегии — но также и все привилегии политические, партийные, классового или расового характера и т.д.».

В ряду первоочередных задач в решении проблемы динамичного развития экономики в новом государстве перечислены следующие: возрождение отсталой и запущенной чехословацкой экономики,

социальная защита трудящихся. «Необходимые структурные преобразования и шаги, которые обязательны в ряде профессий и в некоторых территориальных областях, социалистическая государственная политика сбалансирует масштабной социальной защитой, системой финансовой помощи пострадавшим, обеспечением и компенсацией расходов по переквалификации, возмещением расходов, вызванных сменой жилья и т.д.», — отмечалось в документе. Важнейшая функция нового государства — интенсивная социальная политика, которая должна проводиться и по отношению к пожилым людям и молодежи.

Основа экономики нового государства — общественная собственность на основную часть средств производства — считалась при этом «непреложной исторической истиной», подчеркивалась нежелательность и невозможность с правовой точки зрения «восстановления прошлого статуса собственности». Иными словами, «то, что было национализировано, конфисковано или “добровольно” передано, уже никогда не будет возвращено первоначальным собственникам даже в тех случаях, когда в правомерности ликвидации некоторых частных владений имеются сомнения. Там, где в результате подобного рода мер возникают ситуации социальной необходимости, дающие о себе знать и в наши дни (в первую очередь это касается пожилых людей), там принятием дополнительных мер положение будет исправлено»⁵³.

При этом низкая эффективность национализированного сектора считалась «очевидной», в связи с чем предполагалось проведение ряда мер, нацеленных на изменение его профиля. «Национализация — не самоцель и не формальный факт. Бюрократический социализм не изменил отношения непосредственных производителей к заводам, на которых они работают (мы ссылаемся на соответствующие статьи О. Шика). Для того, чтобы произошли истинно реальные изменения, нужно по-новому урегулировать отношения между национальными предприятиями и государством, обеспечить эффективное влияние занятых на предприятиях на состояние и функцию заводов», — полагали брненские социалисты.

Вместе с тем в разделе «*Эффективность экономики*» программа категорично констатировала: именно догматизм приводит экономику в плачевное состояние. Вот почему «исходную базу демократической республики» будут характеризовать: стагнация экономической

эффективности и разложение трудовой морали у всех категорий трудящихся, потеря ряда внешних рынков, глубокое техническое отставание основных фондов и т.д. Выходом из тупика «может стать лишь *новая модель управления* (курсив мой. — Э.З.) народным хозяйством, синтез рынка и плана, в котором будут четко преобладать элементы экономического давления на производителя. Новая организация научной, исследовательской и проектной деятельности, как и новый тип руководства предприятиями должны обеспечить экономическую рентабельность, гибкое и своевременное реагирование производства на нужды рынка и перманентное введение различного рода инноваций. Инициативу следует развивать не только в государственном секторе, она должна способствовать значительному развитию кооперативного и частного предпринимательства там, где данная форма экономической активности является рентабельной и полезной для общества. Ее условия следует четко зафиксировать, а также закрепить юридическими нормами; как и государственный сектор, она должна находиться под общественным контролем»⁵⁴.

Достаточно информативен раздел «*Принятие совместных решений — самоуправление — профсоюзы*», в котором утверждалось, что во всех секторах национальной экономики должны возникнуть в качестве высшего представительства трудящихся органы самоуправления работников, ответственные перед ними и избранные только ими. «Эти “Советы трудящихся” профессиональное руководство не может (что должно быть зафиксировано в уставе) ни замещать, ни нарушать в собственных интересах. Профсоюзы должны оказывать большое влияние на состав и деятельность этих органов»⁵⁵. Однако они не должны зависеть от вышестоящих профсоюзных органов. Сами же профсоюзы не должны превращаться в приводные ремни какой-либо партийно-политической структуры. Смысл их деятельности — всесторонняя защита интересов трудящихся, проведение координации в общегосударственном масштабе в качестве независимой общественной силы.

Развернутым в программе выглядит раздел «*Политическая демократия*», в котором выделены следующие пункты: гражданские права и свободы; парламентская демократия и контроль над властью; отношение политических партий к другим организациям. В нем утверждается, что удовлетворение потребностей граждан зависит не только от экономического процветания, им нужен комплекс свобод,

которые человечество сформулировало в последние столетия: свобода собраний, свобода печати, свобода устного и печатного слова, передвижения. Вместе с тем документ требовал, по словам Рузвельта, «свободы от страха», предполагавшие объективность и независимость судов и конституционные гарантии гражданских прав, а в целом превращения республики в правовое государство. «Соблюдение гражданских свобод можно лишь с трудом представить без парламентской демократии, в которой судьбы страны решает правительство, утвержденное собранием, созванным на основе всеобщего, прямого и тайного голосования. Безусловно, парламентская демократия имеет свои недостатки, и даже в этом случае гражданин не гарантирован от манипулирования. Но пока еще не было найдено иное, лучшее решение, ограничивающее власть представителей государства разумным способом и без анархии. Систему парламентской демократии, на наш взгляд, нельзя построить немедленно и непосредственно на развалинах *полицейского государства* (курсив мой. — Э.З.)»⁵⁶, — констатировалось в документе.

ЧДДС подчеркивало, что принятие решения об общественных делах нельзя возлагать исключительно на политические партии, должно быть гарантировано также влияние неполитических организаций: сословных, профессиональных, органов местного самоуправления и т.д. Предполагалась широкая децентрализация государственного управления в низших территориальных единицах. В целом должен сформироваться «новый тип управления государством и общества», в рамках которого политическим партиям можно будет оказывать определенное влияние на перечисленные организации лишь при соблюдении юридических гарантий.

Не обойден разработчиками программы и такой важнейший структурный элемент новой государственности, как сфера культуры. Раздел 8.3. посвящен проблеме новой культурной ориентации. «Стремление сформировать, — излагали свою позицию бременские социалисты, — новое политическое движение нельзя ограничивать сугубо узкой политической или экономической сферой интересов. Речь в нем шла об иной по сравнению с существовавшей исторически обоснованной культурной ориентацией. Мы видели, что официальная идеология базировалась на упрощенном отражении нашего национального прошлого и его общеевропейского контекста, видели, как она выхолащивала культурное наследие. Этот пропагандистский

подход, отраженный в брошюрах для районного политического просвещения, распространяется на все сферы и формирует в конечном счете определенный тип “культуры”. Практически вся интеллигенция выступила именно против подобного снижения уровня бюрократическим “социализмом”. Поэтому здесь произошла первая четкая кристаллизация спора, а догматизм партийных бюрократов был за несколько лет разгромлен и разоблачен: новыми фильмами, романами, работами историков, философов, новым трезвым реализмом, новым подходом к действительности — новой культурой. Мы также находимся в центре этой борьбы еще и потому, что уж коль социализм должен нести людям больше свободы и больше демократии, он не может им предоставлять изуродованную культуру»⁵⁷.

Серьезное внимание уделено важнейшей составной части жизни государства — религии; ей посвящен специальный раздел *«Христианство в демократическом обществе»*. В нем отмечается, что свобода религиозных убеждений и свобода их проявления — сама собой разумеется в цивилизованном обществе без любых форм дискриминации религии, главным образом христианства. «Обучение религии в школах, — по замыслу разработчиков, — должно быть доступно всем, кто в этом заинтересован. Государство будет в финансовом отношении поддерживать деятельность церкви. Материальные отношения будут урегулированы взаимным соглашением так, чтобы они соответствовали внутренним условиям и общественной ангажированности церкви и орденов, а также их развития»⁵⁸.

Что касается видения социализма в целом, то он трактовался ЧДДС как перманентное стремление к такому устройству общественной жизни, которое создает оптимальный простор для наиболее полного развития человеческой личности. Социализм в понимании бременских социалистов — это, в первую очередь, «этический взгляд на человека и на современный мир. К исторической перспективе социализма можно приближаться реализацией преобразований и радикальных реформ, практического выражения которых следует всегда добиваться при участии всех людей доброй воли, всех политических и иных организаций, которые стремятся к той же цели. При этом тогда и лишь только тогда, когда то или иное практическое мероприятие получит существенную поддержку большинства населения, выраженную *демократическим механизмом парламентского государства* (курсив мой. — Э.З.)»⁵⁹. Тем самым, в отличие от экс-коммунистов,

социализм для брненских социалистов не являлся идеологией или закрытым общественным строем.

В рамках такого открытого видения составляющие социализма имели различный генезис: «наряду с базовыми марксистскими установками, чешским социализмом масариковской ориентации здесь имеет место и христиански мотивированный социализм»⁶⁰. Однако ЧДДС не ставило цель объединить всех по «примерному» образцу. «Пусть каждый, — подчеркивается в программе, — имеет и сохранит свой собственный облик, состоящий из любого — хорошего и плохого — не закрытого раз и навсегда, а постоянно уточняющегося — познания. Интеграция на такой основе, то “единство в многообразии” взглядов на социализм, как его формулируют итальянские коммунисты, нельзя назвать слабой стороной чехословацкой социалистической оппозиции. Не исключено, что именно это могло бы придать интеграции исключительную силу и явилось, быть может, самой большой надеждой»⁶¹.

Ссылка брненских социалистов на идеи итальянских коммунистов именно в период, когда в Европе набирал силу еврокоммунизм — свидетельство того, что они не пребывали в некоем идейно-теоретическом идеологическом вакууме, чего фанатично добивался режим. Идеи итальянских коммунистов, которые в рассматриваемый нами период еще не называли себя еврокоммунистами, квалифицировались в большинстве стран социалистической системы и в первую очередь в СССР как правый оппортунизм.

Сложно ответить на вопрос, планировали ли на тот момент ЧДДС принять в полном объеме идеологический дискурс оформлявшегося еврокоммунизма, но то, что в поисках выхода из тупика по ряду позиций оно ориентировалось на ИКП, сомнению не подлежит.

В документе выражено понимание, что для преодоления исторического раскола социалистического движения *во всемирном масштабе* еще не созрели все необходимые условия. Осознание необходимости его преодоления не подлежит сомнению, и многие импульсы к нему особенно сильны именно в Центральной и Восточной Европе. Для Чехословакии же достижение единства социалистического движения, ведущего борьбу за демократическое и гуманистическое содержание социалистической практики, являлось велением времени⁶².

Просматривается в ней и магистральный курс — попытка не только выйти из порочного круга «бюрократического социализма», но

и противопоставить ему принципиально иную модель государственности. На поиски этой модели указывали представления об исторической обреченности капитализма и необходимости формирования нового общественного строя; неприятие концепции партии как лидера рабочего класса и интерпретатора его интересов; расширение представлений о социальной базе нового строя; концепция многообразных форм собственности; развитие самоуправления как инструмента преодоления бюрократизации и др.

Идеологическая близость еврокоммунизма и брненского варианта «социализма с человеческим лицом» предполагала интенсификацию политических связей между приверженцами этих идей и могла дать новое дыхание демократическому социализму. Однако события развивались по такому сценарию, когда данная линия принципиально не могла получить своего развития.

В заключительной части программы «*К некоторым вопросам организации и тактики*» отмечалось, что процесс формирования действительно «нового политического движения» будет тем успешнее, чем больший вклад внесут инициативные группы и чем скорее сами они «будут трансформироваться в идейные открытые недоктринальные объединения активных людей»⁶³.

Чешский историк И. Пернес справедливо обнаружил в программе ЧДДС определенный поворот от социалистических ценностей к ценностям плюралистической демократии⁶⁴. Однако дальше разработки программы дело не пошло, конкретная деятельность ЧДДС вплоть до его разгрома ограничивалась распространением материалов оппозиционного содержания и эмигрантских изданий. Главная цель, которую ставили перед собой социалисты, — оказать влияние на общество и получить его поддержку.

Следует отметить, что попытки «достучаться» до правящего режима как представителей социалистической оппозиции, так и тех, кто оказался в полумиллионной армии исключенных из КПЧ после Пражской весны, не прекращались. Ярким их примером явилось письмо Я. Шабаты, которое 14 июля 1973 г. было направлено Г. Гусаку. Следует подчеркнуть, что оно написано в тюрьме, куда Шабату заключили в ноябре 1971 г., а в июле 1972 г. приговорили к шести с половиной годам заключения по обвинению в «подрывной деятельности». «Состав преступления» — распространение предвыборной листовки, напоминавшей чехословацким гражданам об их

конституционном праве воздерживаться от голосования или вычеркивать фамилии официальных кандидатов. Автор письма предлагал правящим кругам диалог, а в качестве предмета для обсуждения — вопрос гражданских прав. «Может быть, — писал Шабата, — у кого-то возникнет впечатление, что мы ставим этот вопрос [о гражданских правах. — Э.З.], чтобы иметь более удобный случай для подрыва или даже ниспровержения социалистического общественного и государственного устройства, как это говорится в Уголовном кодексе. На это подозрение мы отвечаем: мы твердо стоим на стороне такого государственного устройства и четко осознаем, что хотим сказать этим заявлением и к чему оно нас обязывает. Наше несогласие и наша критика не касаются сущности социализма, но конкретных форм государственного и политического управления, давно и глубоко разведенного бюрократической язвой. Именно в этом мы видим препятствие для полного и свободного развития всех возможностей и преимуществ социализма. В этом мы видим, собственно, внутреннюю причину кризиса конца [19]60-х годов. Мы убеждены, что приход новой эпохи требует перемены этих форм и методов, точно так же, как мы убеждены в том, что эти перемены не будут означать гибель социализма, но будут означать его прогресс. Таким образом, если мы стоим за структурные изменения при сохранении социалистической основы, это вообще не означает, что мы отходим от социалистической идеологии». «Наша позиция, — продолжает автор письма, — это позиция не либеральная. Мы отвергаем либерализм и “бюрократический” (или же “технократический”), и “антибюрократический”. Мы не либералы и не мелкобуржуазные демократы, которые стоят на позициях революционного рабочего движения». Шабата пытается убедить адресата в том, что политика диалога не несет той функции, которую ей хотели бы приписать те, кто понимает борьбу за социалистические принципы узко пропагандистски. Эта политика, по его мнению, не должна способствовать тому, что обычно называют «идеологической диверсией». Напротив, «она должна помочь силам социализма в наступающем (качественно новом) этапе мирной конфронтации социализма и капитализма... Именно продуманная политика диалога может сделать для единства социалистического общества больше, чем какая-либо другая политика, которая не учитывает реальное состояние вещей в обществе, и прежде всего то, что социалистическое единство еще долго будет “единством разнообразия” не потому, что различные

силы хотят того или иного, а просто потому, что такова реальность»⁶⁵. Игнорирование же реальности может «дорого обойтись». Тем не менее подавление социалистической оппозиции как оппозиции анти-социалистической, по словам Шабаты, является именно таким игнорированием. «Одновременно это означает непринятие во внимание импульсов к дальнейшему прогрессу, что, в свою очередь, подготавливает почву для новых потрясений. Мы приходим к такому выводу: самый верный способ вызвать кризис — это отвергать диалог. И наоборот, именно политика диалога, политического решения противоречий — это самая лучшая профилактика против рецидива кризиса. Это путь борьбы со всеми многочисленными источниками потенциального кризиса, симптомы которого нельзя не замечать. И, наконец, в более глубоком смысле — это путь к всестороннему развитию демократических, социалистических отношений, без которых переход к будущему свободному обществу самоуправления невозможен», — заключает автор.

Однако прозвучавшие в письме вопросы автора: «...почему диалог между различными политическими силами должен вести непременно к ослаблению социализма, если эти силы социалистические? Почему позитивные отношения между силами, которые, безусловно, выражают тенденции, несомненно существующие в народе, должны вести к ослаблению единства этого народа?»⁶⁶, — повисали в воздухе. Поэтому спустя некоторое время, в августе 1973 г., не получив ответа от Гусака, Шабата отправил копию своего письма генеральному секретарю компартии Великобритании Дж. Голлану и попросил его выступить в качестве посредника⁶⁷.

Несколько дней спустя, 25 июля того же 1973 г., свое письмо, но уже лидеру СССР Л. Брежневу, направляет бывший председатель Федерального Собрания ЧССР, член Президиума ЦК КПЧ Й. Смирковский, мысли и идеи которого во многом созвучны программным установкам социалистической оппозиции. Цель письма — указать на негативные явления в жизни страны. «Основные задачи, — на его взгляд, — (такие, как глубокое и настоящее развитие социалистической демократии; не декларируемая, на деле же силой удерживаемая крепость нашего государства; единство партии и народа; неформальные, дружеские отношения с Советским Союзом и другими союзниками; отвечающее современным требованиям развитие экономики, науки и культуры; возможность разностороннего развития личности и так далее),

которые должны были быть разрешены еще пять лет назад, если социализм в такой развитой стране, как Чехословакия, хотел достичь новых, отвечающих современным требованиям рубежей — все эти задачи решены до сих пор не были или решаются так медленно, что это не отвечает изменениям в международной ситуации и сегодняшним нуждам социализма»⁶⁸. Ситуация в стране, с иронией замечает Смирковский, стабилизировалась «основательно». Однако слишком многое из этой стабилизации «объясняется лишь вмешательством власти, централизмом, административным и социальным давлением, в то время как роль действительного идейного единства народа и государства, партии и масс, роль социалистической демократии — очень мала. Чехословакия, я считаю, отстает от темпов и нужд социалистических стран. Наступил серьезный упадок уровня научной и культурной жизни, лишенной многих талантливых творческих людей. И хотя широкие массы этому режиму подчинились, но внутренне по отношению к нему они находятся в оппозиции, которая — как это бывает по нашей чешской традиции — хоть и глубоко скрыта, но очень серьезна»⁶⁹. Автор послания представил свое видение выхода из сложившегося в стране кризиса, призвав советскую сторону сделать «решительный шаг» в решении «чехословацкого вопроса» с тем, чтобы можно было «достичь позитивного поворота событий». В противном случае Чехословакии «грозит в будущем многолетняя стагнация, если не депрессия или просто маразм. В этом состоянии вряд ли могла бы Чехословакия соревноваться с Западом в условиях мирного сосуществования и его повышенных требований на хозяйственный уровень, политическую твердость и идеологическую активность. Все это дальше могло бы только хронически ухудшаться и сделало бы невозможным использование того, что Чехословакия может (и должна) сделать с ее традициями и с ее географическим положением на разделе Запада и Востока. Это приведет к нежелательной шаткости внутри страны, с чем можно бороться только силой, что безусловно серьезно повредит европейским отношениям, установления которых советская политическая линия вместе с прогрессивными и реалистически мыслящими силами Запада сознательно добивается»⁷⁰. Письмо было вручено представителю советского посольства в Праге, а через пять дней его вернули автору, намекнув, что «советское руководство серьезно изучает» его. Болезнь и последовавшая за ней смерть Смирковского помешали ему продолжить эти «дискуссии»⁷¹.

Таким образом, представители чехословацкого оппозиционного движения на начальном этапе «нормализации» избрали свой путь выработки альтернатив бюрократической «нормализованной» государственности, приступив к формированию отдельных элементов ее принципиально новой конфигурации. Однако попытки чехословацкой оппозиции пройти путь реформирования чехословацкой государственности «шаг в шаг» по стопам Пражской весны, реанимировать отдельные структурные элементы модели демократического социализма (политический плюрализм, демократизация системы выборов в местные органы власти, отказ от планово-централизованной экономики, синтез рынка и плана, смешанная экономика, сочетание рыночных отношений в экономике с сильной регулирующей ролью государства, независимость профсоюзов, свобода слова и собраний, динамичность и открытость вместо статичности и кастовости и др.) не имели в условиях нараставшего прессинга начального этапа «нормализации» шансов на успех. Курс правящей компартии на идеологическую «стерилизацию», принципиально отрицавшую идейное наследие Пражской весны, исключал выработку на данном этапе антирежимного движения законченных концепций системных изменений чехословацкой государственности.

* * *

Проанализированная в статье страница истории чехословацкого оппозиционного движения как одного из этапов — назовем его поисковым — выработки новой конфигурации государственности останется в истории как время нереализованных возможностей обновления социализма. Отказ от идеи демократического социализма и его потенциала, от попытки, по словам М. Кундеры, «создать наконец-то (и впервые в его мировой истории) социализм без всепилья тайной полиции, со свободой печатного и устного слова, с общественным мнением, которое выслушивается, и с политикой, которая на нем базируется, со свободно развивающейся современной культурой и с людьми, у которых исчез страх...»⁷², на следующем этапе более четко обозначил дифференциацию представлений о новой, антинормализационной государственности в рамках чехословацких антирежимных течений и структур. Идеологема «социализма с человеческим лицом» с потенциальной той «свободы, которой мир еще не знал» (слова того же Кундеры), уже не могла служить в Чехословакии ориентиром в поисках новых альтернативных траекторий бюрократической государственности,

в которых социалистическая составляющая занимала уже не столь заметное место. Тем не менее во всемирном масштабе социалистический дискурс продолжал занимать важное место в обосновании различных моделей социального развития, а «человеческое лицо» социализма просматривалось в идеях еврокоммунизма, документах Социнтерна, в углублении той же скандинавской модели и т. д.

Возможно, паритет между двумя «социализмами», своего рода конвергенция двух альтернатив чехословацкой государственности могли бы открыть ей «третий путь» развития, но реалии чехословацкой действительности вывели оппозицию на путь, открывший впоследствии принципиально иной спектр возможностей. Действительно, дальнейший ход событий более четко обозначил дифференциацию идей и представлений о новой, антинормализаторской государственности, что во многом предвосхитило расхождения в чехословацком оппозиционном движении в более отдаленной — примерно с середины 1970-х годов — перспективе, когда идеологический клинч социалистов-нормализаторов и социалистов-оппозиционеров побуждал представителей антирежимных течений искать формы антибюрократической государственности уже не в рамках социалистической парадигмы.

В рассматриваемый же период оппозиционные движения не теряли своего социалистического этоса или отказывались от него с большим трудом. Сложилась парадоксальная ситуация: «социалисты» коммунистической направленности (напомним, что Чехословакия именовалась социалистической республикой) жестко преследовали «социалистов» (включая экс-коммунистов) демократической направленности, составлявших на тот момент основной отряд оппозиции. Это противостояние завершилось арестами января и политическими процессами лета 1972 года, что фактически привело к безальтернативности коммунистической идеологии и соответствующего ей развития чехословацкой государственности.

Примечания

¹ Обоснование хронологических маркеров чехословацкого антинормализационного движения см.: Задорожник Э. Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции. Из истории оппозиционного движения в Чехословакии (август 1968 г. — ноябрь 1989 г.). М., 2008.

² Манифест, по словам Г.Скиллинга, циркулировал нелегально в Чехословакии и публиковался за рубежом. См. Skilling H. G. *Czechoslovakia's Interrupted Revolution*. Princeton, 1976. P. 821.

³ В русском переводе впервые опубликован: Задорожнюк Э. Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции... С. 314.

⁴ Там же. С. 313, 317.

⁵ Там же. С. 315.

⁶ Социалистическая оппозиция в Чехословакии. Подборка документов. 1973–1975 / Под ред. Я. Кавана и Я. Даниела. Перевод с английского. London, 1976. С. 39.

⁷ В совершенно иных условиях — контексте второй половины XIX — начала XX века — идеями «неполитической политики» как в теории, так и на практике руководствовался, к примеру, Т. Г. Масарик, а еще ранее их декларирует К. Гавличек-Боровский. См.: Masaryk T. G. Karel Havlíček, Jan Laichter. Praha, 1920. Эти же идеи высказывались и другими видными славянскими мыслителями, в частности, М. П. Драгомановым.

⁸ Pelikán J. *Socialist Opposition in Eastern Europe: the Czechoslovak example*. London, 1976. P. 33.

⁹ Подробнее см.: Tůma a kol. *Srpen' 69. Edice dokumentů*. Praha, 1996.

¹⁰ Belda J. *Konečná fáze likvidace obrodného procesu*. In: *Československo roku 1968, 2. díl: Počátky normalizace*. Praha, 1993. S. 95.

¹¹ Подробнее см.: Pažout J. *Mocným navzdory. Studentské hnutí v šedesátých letech 20. století*. Praha, 2008.

¹² По утверждению Я. Кавана и Я. Даниела, ДРМ создано осенью 1968 г. См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 49. Первоначально организацию предполагалось назвать «Лига левой молодежи». См.: Pažout J. *Hnutí revoluční mládeže 1968–1970. Edice dokumentů*. Praha. 2004. S. 8. Существует версия, что речь идет о двух организациях. См.: Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 49.

¹³ Pažout J. *Hnutí revoluční mládeže...* S. 48–49.

¹⁴ Ibid. S. 12.

¹⁵ Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 50.

¹⁶ См.: Pažout J. *Hnutí revoluční mládeže...* S. 75.

¹⁷ См.: Tůma O. a kol. *Op. cit.* S. 49. Pozn. 1; см. также: Otáhal M. *První fáze opozice proti takzvané normalizaci (1969–1972) // Dvě desetiletí před listopadem 89*. Praha, 1993. S. 16–19.

¹⁸ Социалистическая оппозиция в Чехословакии ... С. 54.

¹⁹ Pažout J. *Hnutí revoluční mládeže...* S. 29. Менее 20 лет спустя выяснилось, что цель была намечена верно, но поразить ее не удавалось. Так, среди подписавших Хартию 77 можно найти имена бывших членов ДРМ: И. Деймал, Я. Сук, В. Корчиш, П. Шремер, Я. Башта и др.; они же стали заметными фигурами и в ходе «бархатной» революции. Поэтому в целом данное

движение можно считать средой зарождения или своего рода «инкубатором» диссидентства.

²⁰ Возвращаясь к оценкам Пражской весны, М. Кундера, в частности, утверждал: «Мы сделали это сами для себя, но все же дело касалось не только нас, поскольку оно заключало в себе — хотели мы того или нет — значимость прецедента и призыва. Независимо от того, удалось нам это или не удалось, был этот шаг уверенным или неуверенным, — мы шагнули в центр всемирной истории». Подробнее см.: Задорожнюк Э. Г. Милан Кундера, Вацлав Гавел и чешская доля // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М., 2012. С. 216.

²¹ Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы и материалы последней трети XX века. Начало 1970-х-первая половина 1980-х годов. Т. 1. М., 2012. С. 369.

²² Socialistické hnutí čs. občanů // Listy. 1971. Leden. Č.1. S. 3.

²³ Ibid. S. 5.

²⁴ Ibid. S. 4.

²⁵ Ibid. S. 5.

²⁶ Kusin V. V. Challenge to Normalcy: Political Opposition in Czechoslovakia. 1968–77 // Opposition in Eastern Europe. Ed. R. L. Tokes. London, 1979. P. 40.

²⁷ Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe... P. 135–156.

²⁸ Анатомия конфликтов... Т. 1. С. 405–406.

²⁹ Цит. по: Pelikán J. Socialist Opposition in Eastern Europe... P. 135–136.

³⁰ Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 62

³¹ Внеочередной XIV съезд КПЧ, проходивший на заводе в Высочанах (получивший наименование Высочанский) в августе 1968 г., в первые дни интервенции, квалифицирован Московским протоколом как «незаконный».

³² Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 64.

³³ Подписи под листовкой располагались в следующей последовательности: Чехословацкое движение за демократический социализм, Движение гражданского сопротивления (чешская секция), Движение гражданского сопротивления (словацкая секция), Коммунисты в оппозиции, Революционное движение Яна Палаха, Социалистическое движение чехословацких граждан. Подробнее см.: Задорожнюк Э. Г. От крушения Пражской весны к триумфу «бархатной» революции... С. 113–114.

³⁴ Cuhra J. Pokrok. Samizdatový časopis 1971. Předmluva // Materiály, studie, dokumenty, 1997. Číslo 7.

³⁵ Pokrok. 1971. Únor. č. 1. S. 2.

³⁶ Ibid. S.3.

³⁷ Ibidem.

³⁸ Pokrok. 1971. Duben. Č. 3. S. 4.

³⁹ Ibidem.

⁴⁰ Pokrok. 1971. Březen. Č. 2. S. 3.

-
- ⁴¹ Ibid. S. 3–4.
⁴² Ibidem.
⁴³ Ibid. S. 4.
⁴⁴ Ibidem.
⁴⁵ Ibid. S. 6.
⁴⁶ Cuhra J. Op.cit. S.3.
⁴⁷ Анатомия конфликтов... Т.1. С. 421.
⁴⁸ Там же. С. 429.
⁴⁹ Там же. С. 426.
⁵⁰ Там же. С. 427.
⁵¹ Там же. С. 442.
⁵² Там же.
⁵³ Там же. С. 446.
⁵⁴ Там же. С. 447–448.
⁵⁵ Там же. С. 447.
⁵⁶ Там же. С. 448.
⁵⁷ Там же. С. 444.
⁵⁸ Там же. С. 445.
⁵⁹ Там же.
⁶⁰ Там же. С. 419.
⁶¹ Там же. С. 430.
⁶² Там же. С. 431.
⁶³ Там же. С. 449.
⁶⁴ См.: Pernes J. Od demokratického socialismu k demokracii. Nekomunistická socialistická opozice v Brně v letech 1968–1972. Brno, 1999.
⁶⁵ Социалистическая оппозиция в Чехословакии... С. 153–158.
⁶⁶ Там же. С. 158.
⁶⁷ Там же. С. 152.
⁶⁸ Там же. С. 144–145.
⁶⁹ Там же. С. 146.
⁷⁰ Там же. С. 148–149.
⁷¹ Там же. С. 140.
⁷² См.: Задорожнюк Э.Г. Милан Кундера, Вацлав Гавел и чешская доля... С. 216. «Ничего не остается нашему социализму, — писал М. Кундера, — коль скоро он должен добиться свободы и демократии, не остается ему ничего иного, как создать “свободу и демократию, каких мир не видел”». Анатомия конфликтов...Т. 1. С. 382.

О. Н. Майорова

Формирование и деятельность демократической оппозиции в Польше во второй половине 1970-х годов

Впечатляющие результаты экономического развития в начале «декады семидесятых», а также ослабление многих запретов дало возможность команде Герека достичь значительной политической стабилизации. Пятилетие 1971—1975 гг. можно назвать наименее конфликтным периодом в истории ПНР. Отмечался небывалый в послевоенной Польше рост жизненного уровня. Однако VII съезд ПОРП (декабрь 1975 г.) неадекватно оценил достигнутый уровень политического и в целом общественного развития Польши, заявив, что в стране уже построены основы социализма.

Между тем именно в этот период в среде неконформистской интеллигенции происходили сложные идейные процессы. К моменту прихода к власти Э. Герека польский ревизионизм как течение мысли, альтернативной марксистской, практически прекратил свое существование. Наиболее известные его приверженцы расстались с коммунистическими убеждениями и перешли в ряды социал-демократии западного образца. Светское католическое движение также постепенно теряло свое политическое значение. Таким образом, для начала 1970-х годов характерно отсутствие каких-либо оппозиционных течений с четкими границами и идейными позициями.

Началом новой фазы оппозиционной активности явилась кампания писем протеста против поправок к конституции, включавших статью о руководящей роли ПОРП и дружбе с СССР. Несмотря на то, что внешне она провалилась, поскольку поправки все же были приняты, она сыграла важную роль в оформлении единой оппозиции на рубеже 1975—1976 гг. Контактующие между собой, но расплывчатые оппозиционные группы нашли поле для совместной деятельности. Было продемонстрировано отсутствие коренных расхождений в целях между разными течениями политической оппозиции.

Выявилось существование двух противоборствующих сторон в политической сфере жизни польского общества: авторитарного государства и демократической оппозиции. Как подчеркивает польский исследователь А. Фришке, эта кампания способствовала разрушению пропагандистского мифа о единомыслии народа, объединенного вокруг партии. Была уточнена и обнародована система ценностей и важнейшие цели оппозиции. Установился политико-психологический контакт между оппозицией в стране и эмиграцией¹

Уже с 1974 г. в польской экономике проявились первые признаки инфляции, обозначился неконтролируемый рост цен, усилились спекуляция, коррупция. Цикл неурожайных лет, осложнивших положение в сельском хозяйстве Польши, совпал с мировым топливно-энергетическим кризисом, а к концу 1975 г. задолженность казначейства выросла почти до 8,5 млрд долларов.

В июне 1976 г. власти были вынуждены принять решение о радикальном повышении цен на продовольствие. Общество восприняло это как попытку отнять достигнутое после 1970 г. Для многих групп населения повышение означало снижение жизненного уровня ниже социального минимума². 25 июня, т.е. накануне планировавшегося повышения, в десяти воеводствах отмечались митинги и забастовки, особенно ожесточенные в Радоме и Варшаве. Отказ вечером того же дня от введения планировавшегося повышения цен позволил избежать дальнейшей эскалации конфликта. Эти события показали, что поляки извлекли уроки из недавнего прошлого (борьба рабочих зимой 1970–71 гг. закончилась их полной победой). И они похожим образом среагировали на аналогичные действия со стороны правительства. Теперь любой серьезный шаг государственных властей, вызывавший значительное снижение уровня жизни, должен был встречаться массовым взрывом по всей стране³.

Как отмечалось в информации Генконсульства СССР в Гданьске, обстановка на Побережье выглядела угрожающей. По словам первого секретаря Гданьского ВК ПОРП, об этом свидетельствовал тот факт, что «в поддержку рабочих Гданьской судовой верфи им. Ленина и Эльблонгского электромеханического завода “Замех“, которые прекратили работу и намеревались устроить антиправительственную демонстрацию по улицам областных центров, практически выступили, прекратив работу, рабочие первого цеха Гданьской судостроительной верфи, 2-х заводов сельскохозяйственных машин г. Пруща (в 10 км

от Гданьска), ряд предприятий Эльблонга...»⁴. Проект предложений о новых ценах «наиболее острую реакцию встретил в Щецине и Щецинском воеводстве, особенно в тех крупных коллективах, которые были основными участниками забастовок в 1970—1971 гг. — это судостроительная верфь им. А. Варского, судоремонтная верфь и некоторые другие. 25 июня с.г. массовый протест против предложения об изменении цен выразили рабочие судоремонтной верфи в Щецине (коллектив более 5 тыс. чел.), которые прекратили работу в первой смене, судостроители верфи им. А. Варского, рабочие (900 чел.) электростанции “Дольна Одра“, рабочие и служащие (до 500 чел.), обслуживающие городской транспорт в Щецине, отдельные цеха швейной фабрики “Дана“»⁵. В другой информации отмечалось, что «рабочие коллективы крайне негативно отнеслись к предложенному проекту о повышении цен, а на ведущих промышленных предприятиях в знак протеста прекратили работу. На судоремонтной верфи, электростанции “Дольна Одра“ и некоторых других были созданы забастовочные комитеты. На судоремонтной верфи раздавались выкрики “коммунистов на веревки”»⁶.

Очень трагический характер события имели в Радоме. По словам первого секретаря Краковского ВК ПОРП Драпиха, в них участвовало более 100 чел. «Группы хулиганов и уголовников», как формулировалось тогда в партийных кругах, «разгромили ок. 200 магазинов и киосков, сожгли много автобусов, легковых автомашин, тракторов и прицепов, некоторые помещения, разгромили здание воеводского комитета партии и подожгли его. Банды пытались поджечь здание Управления воеводы и атаковали воеводскую комендатуру милиции. В отдельных местах сооружались баррикады, есть жертвы среди людей... Выступления ... имели место в 10 воеводствах и главным образом во вновь созданных»⁷.

«Во всех воеводствах проходят митинги в поддержку политической линии ЦК ПОРП и правительства ПНР, выработанной на УІ и УІІ съездах ПОРП, — сообщалось в информации Генконсульства в Гданьске. — 27 июня с.г. массовые митинги проведены в городах Быдгоше (ок.40 тыс. чел.), в Ольштыне (ок. 35 тыс. чел.), в Торуне, Влоцлавке и Сувалках (по 13—15 тыс.) в каждом воеводстве... На тех же митингах осуждаются имевшие место антисоциалистические и хулиганские действия в Радоме и Урсусе. Митинги прошли организованно и с подъемом. Однако отдельные партактивисты считают,

что эти митинги носили несколько парадный характер и полностью не отражают мнения широких масс местного населения»⁸.

Властями принимались соответствующие меры наказания. Так, в информации Генконсульства в Щецине в начале июля, в частности, сообщалось: «Выявленные зачинщики, подстрекатели и активные участники забастовок наказываются в административном порядке, как правило, путем увольнения с работы, лишения месячной надбавки за трудовой стаж на данном предприятии, премиальных и т.п. Уволено с работы ок. 120 рабочих, а всего на территории Щецинского воеводства намечено подвергнуть различного рода наказаниям ок. 3 тыс. рабочих. Вопрос о мерах наказания в отношении каждого из виновных подвергается тщательному рассмотрению с тем, чтобы наказания не повлекли за собой судебных эксцессов, выступлений солидарности и т.п. Для подыскания подходящих положений в кодексе о труде в воеводском Совете профсоюзов состоялось совещание с участием знатоков права, воеводского руководства и находящихся в г. Щецине представителей ЦК ПОРП»⁹.

Естественно, что итоги неудачных попыток повышения цен подвергались анализу в польских партийных и государственных кругах. Так, в информации Генконсульства в Гданьске сообщалось, что «отдельные руководящие товарищи в доверительных беседах все чаще высказываются в том плане, что руководством партии и правительства страны в период 1970–1975 гг. была допущена определенная ошибка в экономической политике, когда, без учета возможностей страны, ежегодно допускалось неоправданное повышение заработной платы и предоставлялись большие льготы частному сектору. В результате этого у части населения, особенно зажиточного крестьянства и ремесленников, скопилось большое количество денег»¹⁰. Проблема из экономической превратилась в политическую: «В руководящих партийных кругах все чаще высказывается мнение, что экономисты ПНР, которым было поручено разработать проект, отнеслись к подготовке материалов о повышении цен легкомысленно, допустили крупные промахи при подсчетах и выкладках, пренебрегли уроками событий 1970 г., предложениями и советами с мест. Это усугубило остроту проблемы...»¹¹. Примечательно, что кое-где высказывалось мнение о том, что «определенные лица из руководящего состава центральных органов власти ПНР умышленно поставили премьер-министра П. Ярошевича под удар, как верного друга Советского Союза,

с целью его компрометации, а затем и последующего освобождения от занимаемого поста»¹².

Отмечалось, что «не было сделано главное, а именно: не был мобилизован, не был организован на конкретную, трудную и непопулярную работу весь партактив... Консультации проводились главным образом на предприятиях (167) и выбранных (20) гминах, охваченных опекой ЦК ПОРП и воеводских комитетов партии. Консультации заключались в проведении собраний или встреч только с незначительной частью коллективов... Было также похоже, что с таким непопулярным вопросом актив, местные парторганизации боялись широко идти в массы»¹³.

«Непродуманным, несерьезным» считали польские рабочие подход руководства страны к вопросу цен. По мнению местных руководящих работников, «руководство страны было плохо информировано об обстановке на местах, настроениях трудящихся, определенные успехи в народно-хозяйственном развитии привели к излишней самоуверенности...»¹⁴. «Все собеседники отмечали, — подчеркивалось в информации Генконсульства в Щецине, — что если бы было внесено предложение о повышении цен на 20–30 %, то оно могло бы быть принято без каких-либо осложнений. В таком случае не обязательно следовало бы выдавать компенсацию»¹⁵.

В информации Генконсульства в Гданьске от 20 июля относительно неудачного введения проекта закона о регулировании цен говорилось: «многие представители местных руководящих партийных органов отмечают, что он был неприемлемым как по существу, так и по времени, которое отводилось для консультаций и вынесения его в Сейм на обсуждение. Секретарь Быдгошского ВК ПОРП тов. В. Сапаровский доверительно заявил, что при решении рассматриваемого вопроса были допущены крупнейшие ошибки со стороны руководства ЦК ПОРП и Польского правительства, которое трезво не оценило политической обстановки в стране (судило о ней по собраниям активов) и фактически не спросило мнение низовых, в т.ч. воеводских парторганизаций... Вопрос регулирования цен, по его мнению, нужно было решать поэтапно, начиная с 1973–1974 гг.»¹⁶.

По оценке партработников (в частности, Первого секретаря ВК ПОРП в г. Познани Е. Засады), примерно половина предприятий не поддержала представленный в Сейм проект изменений розничных цен на продовольственные товары. «Если бы, — указывалось

в документе, — консультации проводились непосредственно с рабочими, то число несогласных было бы намного больше... наиболее напряженная обстановка наблюдалась 24–25 июня в воеводствах Балтийского побережья, а также почти во всех вновь образованных (июнь 1975 г.) воеводствах... Это свидетельствует о преждевременном решении и проведении административной реформы. Во вновь образованные воеводские комитеты ПОРП... пришли молодые (1934–1937 гг.р.) первые секретари ВК ПОРП, которые создали слабые аппараты ВК ПОРП, не сумевшие в трудные часы удержать в руках создавшееся положение»¹⁷.

Отмечались также крайне негативные последствия неудачной попытки ввода новых цен: «В быстром отказе правительства от проекта повышения цен многие усматривали слабость и даже поражение партии и правительства в реализации политики цен. Подобное мнение высказывалось даже членами ПОРП»¹⁸. В информации Генконсульства в Гданьске подчеркивалось, что «среди некоторой части партактива имеется немало и таких работников, которые считают, что целиком не следовало бы снимать предложения о повышении цен с рассмотрения Сейма, а нужно было бы снизить процент повышения цен с учетом мнения широких кругов общественности (к чему она уже была практически подготовлена) и осуществить намеченные мероприятия ближайшего времени. Снятие вопроса о ценах с рассмотрения в Сейме расценивается малосознательной частью населения как проявление слабости со стороны центральных властей и вдохновляет антиобщественные элементы на дальнейшие действия против мероприятий, проводимых ПОРП и органами народной власти»¹⁹.

Негативной была и реакция советской стороны на проект повышения цен. Так, при обсуждении этого вопроса в мае 1976 г. на встрече премьер-министров А. Н. Косыгина и П. Ярошевича «на замечания с советской стороны, связанные с международными последствиями такой меры, т. Ярошевич не реагировал». А партийный и государственный руководитель ГДР Э. Хонеккер «в порядке предостережения напомнил [зам. премьер-министру Польши] Врзашчику, что события 1953 г. в Берлине начались вследствие крупного повышения цен, которое имело значительные международные последствия». При этом, как отмечалось в информации Посольства СССР в ВНР от 10 августа, «решение этого основополагающего

с точки зрения внутривнутриполитического положения в стране, а также оказывающего воздействие на международные связи вопроса на обсуждение Пленума ЦК ПОРП, по сведениям венгерских товарищей, не выдвигалось. Причиной этому, по всей вероятности, было то, что в Политбюро ПОРП в отношении повышения цен имеются значительные расхождения во взглядах, налицо сильная оппозиция и в ЦК»²⁰.

20 июля 1976 г. по инициативе епископа Домбровского состоялась его встреча с членом Политбюро, секретарем ЦК ПОРП С. Каней «по вопросу рабочих, репрессированных за выступление против повышения цен». Епископ заявил, что католическая иерархия из чувства ответственности за спокойствие в стране воздержалась от каких-либо официальных деклараций, чтобы не подливать масла в огонь. «Мы всегда готовы успокаивать общество, — убеждал Каню епископ Домбровский. — Но политика репрессий и возмездия может привести к такой ситуации, когда разгоряченное и обиженное общество уже не будет в состоянии услышать никакой разумный голос». По его мнению, взбудораженные массы успокоит «не репрессия, а амнистия»²¹. Требование прекратить репрессии против рабочих, которые справедливо выступили против чрезмерного повышения цен, было четко высказано в сентябре 1976 г. в коммюнике 154-й Конференции епископата Польши. Это же требование было повторено в ноябре того же года, когда ко всем католикам обращалось воззвание об оказании помощи семьям уволенных рабочих, причем подчеркивалось, что это обязанность всех людей доброй воли, т.е. это явная поддержка действий Комитета защиты рабочих (КОР). Известны такие имена священников, участвовавших в этой деятельности, как Ян Зея. Ксёндз Котлаж, критиковавший власти, в проповеди в своем сельском костеле в Радомском воеводстве говорил открыто об обоснованности протеста, о том, что он был чем-то большим по сравнению с «обычным бунтом из-за цен на колбасу», а также связывал его с протестами на Побережье в 1970 г. Епископ А. Токарчук, высказываясь в защиту радомского протеста, назвал действия протестующих «героическими»²².

Таким образом, католический костел официально сохранил значительную дистанцию по отношению к протесту, однако неофициально поддержал реформаторское движение и гарантировал помощь жертвам репрессий. В целом партийное руководство сочло, что «во

время этих волнений епископы и духовенство вели себя достойно». С целью стабилизировать обстановку после уличных выступлений премьер утвердил давно ожидавшие предложения церкви на строительство 30 костелов. Партийные власти, хотя по-прежнему и оставшиеся идеологически враждебными католическому костелу, стремились использовать его для нахождения общественного консенсуса.

В польском обществе прошли различные акции в поддержку репрессированных рабочих. Так, в письме 13-ти польских интеллектуалов в защиту прав трудящихся в Польше, опубликованном в лондонском еженедельнике «Дзенник Польски» от 7 августа 1976 г., заявлялось, в частности: «Мы считаем своим долгом выразить протест против трактования выступления рабочих против несправедливой социальной политики и произвола властей как “хулиганских“. Следует твердо подчеркнуть, что ответственность за правонарушения в ходе событий на “Урсусе“ и в других городах Польши ложится на власти, которые своими действиями нарушили принципиальные формы рабочей демократии, низвели на нет рабочее самоуправление, которое родилось в октябре 1956 г., а также превратили в безвластную и фиктивную организацию профсоюзы, полностью подчинив их себе»²³. В этом же русле написано и открытое письмо оппозиционного деятеля Я. Куроня генеральному секретарю Итальянской компартии Э. Берлингуэру. В информации Посольства СССР в ПНР обращалось внимание, в частности, на то, что Куронь обращается к нему «как к политику, который борется за социализм, не противоречащий человеческим правам». «Июньские события, — подчеркивалось в документе, — в письме характеризуются как проявление “тяжелого заболевания“ общественной жизни в ПНР. Вся ответственность лежит таким образом на руководстве, лишившем “рабочий класс и все общество каких-либо способов выражения своих взглядов и защиты своих интересов“... “чтобы отомстить демонстрантам, запугать рабочий класс, государственные власти прибегли к массовым репрессиям“»²⁴.

Июньский протест разделяет декаду 1970-х годов на две части. Так, до июня 1976 г. властям удавалось мобилизовать людей на участие в модернизации страны посредством более высоких зарплат, развитием патерналистских функций государства, потребительских стремлений. После июня надежды на быстрое улучшение жизни, а с ними и общественный энтузиазм стремительно исчезали.

После рабочих волнений в Радоме, Плоцке и на тракторном заводе «Урсус» под Варшавой в июне 1976 г. довольно аморфные и разобщенные ранее оппозиционные течения начали приобретать определенные организационные формы. Идеологическое «обеспечение» оппозиционных кругов взяла на себя эмиграция, прежде всего два главных центра независимой интеллектуальной жизни, сформировавшихся вокруг лондонских «Ведомостей» и парижской «Культуры», которую многие годы возглавлял Ежи Гедройц. Принципиальная разница их позиций вытекала из отношения к общественно-политической действительности в Польше. «Ведомости» эти реалии отвергали во имя сохранения своеобразной фикции политической преемственности Второй Речи Посполитой. «Культура» же отличалась тем, что на первый план выдвигала не проблемы эмиграции, а политические процессы в Польше, провозглашая необходимость поддержки каждой инициативы, расширявшей сферу гражданских свобод в стране, а также теорию эволюционного «размягчения» системы. Свою задачу этот ежемесячник видел в проведении дискуссий, нацеленных на поиски решений. Он поддерживал как проекты национально-освободительной политики, признающей главной целью оппозиционной деятельности обретение польским народом полной суверенности, так и деятельность КОР, развивающего общественное и гражданское самосознание. «Оппозиционная» дискуссия концентрировалась на спорах о конечной цели оппозиции (борьба за суверенность, полное отбрасывание господствующего режима или постепенные системные реформы, ведущие к эволюционному преобразованию различных общественных институтов в демократическом направлении), а также тактических методах ее деятельности. «Наше кредо, — писал один из ее авторов Ю. Мерошевский, — свержение коммунизма. Хорош любой метод, который ведет к этой цели... На страницах “Культуры” есть место как эволюционистам, так и революционерам, поскольку их единит общность цели. Наша программа — перестройка Советского Союза и введение демократии в Восточной Европе»²⁵.

В одном из материалов Посольства СССР в ПНР (июль 1975 г.) особое внимание уделялось сформулированным в январском номере парижской «Культуры» в статье «Политическая оппозиция в Польше» комплексной политической платформе и практической программе оппозиционной деятельности в ПНР. Отмечалось, что

«политическая платформа эмигрантских кругов, объединенных вокруг “Культуры“, основывается на лозунгах “анти тоталитаризма“ и “независимости“... В порядке борьбы за практическое осуществление указанных программных положений “Культура“ разработала целый комплекс установок, направленных на активизацию оппозиционных настроений и выступлений в ПНР вплоть до организации забастовочного движения и оправдания актов террора против руководителей ПНР. Рекомендуются, в частности, организация систем скрытого распространения среди польского населения нелегально ввозимой западной литературы, брошюр, листовок; подстрочное изложение антисоциалистических воззрений в легальных изданиях, полемических статьях, фельетонах; использование иносказательных исторических параллелей в литературном творчестве для очернения социалистического строя (“обращение к историческому прошлому для выражения протеста против нынешних порядков в стране и подчинения ее северному соседу“)...

Особые возможности для оппозиционных выступлений, — излагалось далее в документе, — «Культура» усматривает в полузаконной деятельности любительских эстрадных групп, студенческих кабаре, в создании немногочисленных молодежных дискуссионных клубов («не оформленных организационно, чтобы избежать репрессий»), в которых особенно студенческая молодежь могла бы регулярно обсуждать политические события «в домашней обстановке, что обеспечивает большую свободу высказываний против произвола властей».

В упомянутом материале Посольства подчеркивалось усиление идеологического наступления на ПНР по мере приближения VII съезда ПОРП, причем всё большую роль в этом начинают играть «организации политической эмиграции, которые могут стать наиболее эффективным инструментом прозападного влияния в условиях более свободного обмена идеями, людьми и информацией после проведения общеевропейской конференции по безопасности и сотрудничеству. Это удобная ширма для империалистической пропаганды в новых условиях. Подобная опасность особенно актуальна для Польши, учитывая многомиллионную армию лиц польского происхождения, проживающих за границей»²⁶.

Особое внимание «Культура» обращала на деятельность Польского национально-освободительного соглашения и КОР. Авторы

Соглашения ставили акцент на необходимость борьбы за конечные цели (т.е. полную суверенность), развитие интеллектуально-программной деятельности, направлений возможных идейных поисков оппозиции. Функционирование же КОР означало фактическую реализацию провозглашаемой в течение многих лет концепции союза взбунтовавшейся интеллигенции и отсталых рабочих кругов. В 1981 г. Ежи Гедройц признавал, что главная заслуга КОР — именно деятельность по политическому образованию в рабочих кругах, особенно газеты «Роботник», столь сильно влиявшей на членов свободных профсоюзов Побережья²⁷.

Представители оппозиции считали публицистику «Культуры» одним из важнейших факторов своего политического образования. Путем активной «рекламы» оппозиционной деятельности на Западе ежемесячник способствовал не только развитию многочисленных форм организационно-финансовой помощи для нее, но и значительному росту ее значения в Польше.

Именно в эмиграции сначала польским философом и публицистом Л. Колаковским, а затем группой хорошо законспирированных интеллектуалов (т.н. Польское национально-освободительное соглашение — ПНОС, созданное оппозиционным деятелем З. Найдером) была сформулирована самая первая по времени целостная концепция борьбы за освобождение страны от иностранной зависимости и свержение существовавшего в ПНР строя. У истоков Соглашения стояли такие литераторы и общественные деятели, как А. Киёвский, Я. Ольшевский, Я. Ю. Щепаньский, В. Карпиньский, Я. Зараньский. В комментарии к публикациям на своих страницах «Программы» лондонский эмигрантский еженедельник «Тыдзень польский» утверждал, что появление такого документа свидетельствовало об усилении в ПНР движения протеста против политики партии и правительства²⁸.

По существу его программа не отличалась по содержанию от «Письма 59-ти», хотя более жёстко определяла существующее положение («система тоталитарной автократии»). Подчеркивалось состояние зависимости ПНР от СССР, что являлось причиной кризиса и отсталости в развитии по сравнению с западными странами. В будущем предвиделся взрыв кризиса «во всей остроте». В 26-ти пунктах программы давался подробный критический анализ реалий ПНР и рисовался образ желаемого будущего. В основу государственного

устройства, говорилось в программе, должен быть положен принцип суверенитета народа: гарантом демократических отношений между властью и обществом считалась система свободных, независимых сообществ самой различной направленности. Экономическая программа не отрицала государственную собственность в ключевых отраслях экономики, предлагая вместе с тем расширение частного сектора и отделение политики от экономики.

При этом отмечалась важность «занятия активной позиции всем, кто не одобряет сегодняшней ситуации и не согласен с политикой партии... Надо ежедневно стремиться к формированию конструктивных планов и требований». Именно в этом виделась задача прежде всего польской интеллигенции, на которую «история возложила огромную ответственность за духовные судьбы народа», но также и «наиболее многочисленной общественной группы, работников промышленности, обладающих огромной силой»²⁹.

Непосредственно начало организованному оппозиционному движению в стране положил Комитет защиты рабочих (КОР), который был создан оппозиционно настроенной интеллигенцией для оказания непосредственной материальной и юридической помощи рабочим, репрессированным после июньских демонстраций. Подписавшиеся 23 сентября 1976 г. под «Воззванием к обществу и властям ПНР» 14 человек требовали «амнистии для приговоренных и арестованных и возвращения всем репрессированным работы», солидаризируясь в этих требованиях с решением Конференции Епископата от 9 сентября, а также призывали общество «поддержать эти требования», «ведь у общества нет иных методов защиты от бесправия, кроме солидарности и взаимопомощи»³⁰. При этом не выдвигалось никаких политических целей, акцентировались «неполитические» мотивы помощи рабочим: необходимость межчеловеческой солидарности, протест против бесправия. Но для всех вовлеченных было очевидно, что эта деятельность — большой вызов властям. Возможно, это была своего рода терапевтическая мера, направленная на снижение барьера страха, достаточно сильного и понятного. Вокруг своей акции КОР создавал относительно широкое общественное движение. В издававшихся информационных бюллетенях часто писали: «где бы ни были в стране репрессированные, обязанностью общества является организация их защиты. В каждой среде, на каждом предприятии должны найтись смелые люди, инициирующие коллективные

формы помощи»³¹. Инициаторами его создания выступили Я. Куронь, А. Михник, Я. Карпиньский, Я. Липский, А. Мацеревич.

КОР ставил задачу формирования организованного оппозиционного движения. В одном из его обращений к обществу, в частности, отмечалось: «Опыт декабря 1970 г. и июня 1976 г. показал, что в результате общественного давления возможно склонить власти к уступкам. Однако результаты этих действий оказались кратковременными. Власти очень быстро отнимали у разобщенного общества то, чего ему удавалось добиться. Противостоять этому может только *постоянное, повсеместное и организованное* давление» (курсив мой. — *О.М.*)³².

Исходя из признания невозможности изменения политического строя в ближайшем будущем, идеологи КОР стремились найти ту сферу общественного бытия, где желаемые перемены могли быть достигнуты быстро. Именно такой сферой являлись сознание людей, работа по самоорганизации общества. Программа действий в этой области была определена А. Михником как «новый эволюционизм» и предполагала полное отрицание социализма, но не посредством открытой политической борьбы, а путем создания «снизу» широких анклавов независимости, борьбы за реформы, максимальное расширение прав человека.

По сути подобная концепция представлена и в работах Я. Куроня, выдвигавшего идею «самоограничивающейся революции». Наиболее полно теоретические основы КОР были изложены в его работах: «Размышления о программе действий» (1976 г.), «Замечания о программе демократического движения» и «Идейные принципы» (1977 г.). «До тех пор, пока мы не сменим власть, — отмечал он, — будем жить в общей стране с теми властями, которые у нас имеются. Поэтому необходим диалог между властью и обществом. Однако суть дела заключается в следующем: до тех пор, пока общество не сформируется в независимые от государственной власти организации, любой разговор будет монологом власти». Успешность деятельности КОР объяснялась Куронем тем, что удалось «подорвать государственную монополию одновременно в трех областях: организации, информации, решений, а начатое им дело объединяет всё общество, особенно рабочих и интеллигенцию. Отсюда следует урок, что перед лицом организованного общества... власти ПНР будут идти на уступки». Его утверждение, что рабочие должны не «сжигать» партийные комитеты, а создавать собственные, не было продиктовано лишь

тактическими соображениями, а проявлением опасения, что может случиться, если беспорядки в Польше превратятся в перманентную революцию. По его мнению, задача интеллигенции состояла в смягчении угрозы общественной анархии, которая могла привести к колоссальному общественному взрыву. «Чем в большей степени, — констатировал он, — польское общество будет организовано в независимые от государственных властей общественные движения и их институты, тем менее вероятен общественный взрыв и связанная с ним советская интервенция»³³.

Таким образом, сознательное исключение насилия польскими оппозиционерами во время острого политического кризиса — в значительной мере заслуга КОРа, который выступал за мирные средства решения общественных конфликтов, главным образом, на пути соглашения. Опасение перед сильным и неконтролируемым общественным взрывом, который разрушит полулиберализм эпохи Герека и может вызвать еще бóльшие несчастья, например, советскую интервенцию, выражали многие публицисты неподцензурной прессы. Надежды на быстрые и ощутимые положительные результаты от действий оппозиционеров были невелики. «Не помню, чтобы кто-либо до июля 1980 г., когда начались забастовки, рассчитывал, что грядущие события явятся началом глубоких политических перемен, — писал впоследствии деятель оппозиции В. Кучиньский. — Политические события превзошли наше воображение»³⁴.

Комитет сыграл роль пионера в эволюционном преобразовании оппозиции из спонтанной и нелегальной в легальную и организованную. Главным образом, благодаря усилиям КОРа удалось нарушить монополию государства на информацию, устранить барьеры, разделявшие рабочих и интеллигенцию. Не случайно большинство руководителей августовских забастовок 1980 г., а также «Солидарности» сотрудничали ранее с КОРом. До середины 1970-х годов характерной чертой польского диссидентства было стремление интеллигенции оказывать непосредственное давление на власть. На практике это означало ограничение деятельности именно этим общественным слоем. Комитет же сделал главный акцент на давление на власть через другие общественные группы. Ему также удалось преодолеть еще одно препятствие — между неверующими и католическим костелом.

Осенью 1977 г. совершается переход к более политизированной фазе. В сентябре Комитет защиты рабочих был преобразован

в постоянный орган — Комитет общественной самообороны (КОС КОР). В связи с этим в «Заявлении» КОР отмечалось, в частности, что задачей КОС КОР станет: «Поддержка и защита всех общественных инициатив, направленных на реализацию прав человека и гражданина...Мы должны продолжать нашу деятельность, так как мы убеждены, что наиболее успешным оружием перед силой правящих является активная солидарность граждан. Ведь главный источник произвола властей — это безоружность общества, лишенного институтов, независимых от государства и защищающих права личности и групп в соответствии с их интересами»³⁵. КОС КОР огласил Декларацию демократического движения, в которой представил широкий каталог общественных и политических требований, в том числе независимости — как перспективной цели и восстановление самоуправления общественных и профессиональных групп — как непосредственной. Следовательно, с осени 1977 г. КОС КОР более четко определился как демократическая оппозиция, а не только группа граждан, борющихся за отказ от послеиюньских репрессий.

Примечательно, что имелись контакты между польской и чехословацкой оппозицией. До лета 1978 г. представители Хартии-77 и КОР ограничивались в основном обменом деклараций, в которых представители двух движений подчеркивали значение взаимной поддержки. В одной из них, от 31 октября 1977 г., представители КОС КОР выразили солидарность с арестованными подписантами Хартии-77³⁶.

Как и КОР, Хартия провозглашала легальность, заинтересованность неофициальным творчеством, культурой, публичные декларации об отсутствии политической ориентации. Общей чертой было также стремление к взаимному сотрудничеству, начиная с обмена информацией до личных встреч на границе. Вместе с тем следует отметить, что активисты Хартии и КОР имели совершенно различные исторические, культурные и общественные условия для своей деятельности. В Польше оппозиционные интеллектуалы постепенно приближались к рабочей среде, формируя тем самым предпосылки для создания НСПС «Солидарность» как общенационального движения, что было обусловлено углубляющимся экономическим кризисом. Как уже отмечалось, на польскую специфику большое влияние оказывал католический костел, а также

потребительски настроенное общество в начале 1970-х гг. Что касается Чехословакии, то оппозиционные силы в этот период были значительно менее многочисленными, к тому же действовавшими в условиях систематических репрессий. Информацию о ситуации в соседнем государстве деятели оппозиционных движений находили в этот период прежде всего в эмигрантской литературе, в передачах зарубежных радиостанций, реже — посредством телефонных контактов.

Уже в ходе первой встречи 13 августа 1978 г. (в Крконошах) оказалось, что польская оппозиция находилась на совершенно ином уровне, чем чехословацкая. В Польше формула движения, основанного на дружеских и неформальных связях была уже недостаточной, настало время большей организованности. Встреча получила отклик в эмигрантских и западных изданиях. После второй встречи в начале сентября 1978 г. некоторые представители Хартии дали интервью польскому «Информационному бюллетеню КОР», изложив цели и позиции Хартии-77. Развитие сотрудничества прервало вмешательство тайной полиции³⁷.

КОР стал интеллектуальной и организационной основой т.н. свободных профсоюзов, первые группы которых были созданы в 1978 г., что ознаменовало новый этап деятельности КОР. Именно на оппозиционное профсоюзное движение была сделана главная ставка. Благоприятные условия для этого возникли из-за пассивности и бюрократизма официальных профсоюзов, аппарат которых во многих случаях утратил связи с трудовыми коллективами. На Балтийском побережье их создали Кш. Вышковский, А. Гвезда, А. Валентинович и Л. Валенса; в Силезии, в Катовице — К. Свитонь. В Декларации Учредительного комитета свободных профсоюзов Побережья (апрель 1978 г.), в частности отмечалось: «Общество должно бороться за свое право демократически руководить своим государством. Все его слои должны получить возможность самоорганизации... Цель свободных профсоюзов — организация защиты экономических, юридических и гуманитарных интересов рабочих»³⁸.

В материале польского Института исследований современных проблем капитализма отмечалось, что «с осени 1977 г. западные радиостанции, прежде всего С[вободная] Е[вропа], заострили критику деятельности профсоюзов в Польше, усиливая одновременно пропаганду, рассчитанную на инспирирование движения в рабочей среде

против роли и методов функционирования профсоюзов, а прежде всего против профсоюзного аппарата во главе с ЦСПС... Впервые заявление о необходимости создания “свободных профсоюзов”, — отмечалось в документе, — прозвучало в передаче радиостанции, которая ссылалась на редакционную статью в нелегальном издании в стране “Рабочий“ от 09.77 г. В ней содержалась формулировка о том, что необходимо “начать дискуссию над способами создания рабочих представительств, их роли, круга полномочий и обязанностей”, и это рассматривалось как требование и решение оппозиционных сил в стране, “выборы независимых представителей рабочих, которые должны заменить в ПНР мертвый институт официальных профсоюзов, как условие солидарности в защите интересов рабочего класса”... Такие материалы использовались для раскола единства профсоюзов в Польше»³⁹.

Зарождалось и независимое студенческое движение. Так, подвергая критике прежний устав и формы деятельности Социалистического Союза польских студентов за то, что он «присвоил себе право представлять всех, кто по разным причинам (например, из-за мировоззренческих или религиозных различий) не разделяет его идеологические принципы», краковская студенческая молодежь заявила в мае 1977 г. о принципах и целях Студенческого комитета солидарности: он «не является организацией, инициатива носит характер широкого общественного движения с целью контроля за формами и принципами прав, на которые каждый имеет право в соответствии с текстом Конституции»⁴⁰.

На распространение информации о деятельности независимого студенческого движения были направлены, в частности, и пропагандистские передачи радиостанции «Свободная Европа». Сообщались такие факты, как: создание новых «студенческих комитетов солидарности» (СКС) — варшавского (октябрь 1977 г.) и вроцлавского (декабрь 1977 г.); создание вроцлавского СКС фонда помощи для студентов, как было сказано, «преследуемых властями ПНР за политические и общественные воззрения», создание 22 октября 1977 г. краковским СКС «независимого дискуссионного клуба». Передавая статью активиста варшавского СКС Людвика Дорна, «Свободная Европа» акцентировала внимание слушателей на том, что, действуя в интересах своей среды, студенты в то же время «осуществляют важные цели для всего польского общества. После рабочих студенты

являются наиболее активной общественной группой в Польше. То, что происходит в вузах, имеет символическое значение: интерпретируется как показатель общей ситуации в стране»... Главным заданием «независимого студенческого движения» определена борьба за права человека⁴¹.

Таким образом, в середине 1970-х годов КОР стал наиболее влиятельной силой альтернативной политической жизни, но далеко не единственной. Осенью 1976 г. возникло второе течение политической активности, определявшее себя как независимое, более традиционное национально-освободительное Движение защиты прав человека и гражданина, которое возглавляли Анджей Чума, Лешек Мочульский и Войцех Зембиньский. Первые документы этого движения — Программа 44-х, Мемориал Л. Мочульского и декларация Движения защиты прав человека и гражданина, обнародованная в марте 1977 г., — поражают своей умеренностью, отсутствием явных национально-освободительных и антисоветских акцентов. Так, инициатива его создания объясняется «острой общественной необходимостью»: «практическая реализация этих конституционных норм стала необходима не только для духовной жизни народа; она — неотъемлемое условие надлежащего развития экономики и культуры»⁴². В то же время национально-освободительные и антисоветские акценты появлялись во внутренних, секретных документах. Явное обострение антикоммунистического тона в публичных высказываниях принесли осенние месяцы 1977 г. По мнению польского исследователя А. Фришке, это позволяет утверждать, что оппозиционные правые первые шаги делали очень осторожно, как бы прощупывая почву⁴³.

В это время появляются Конверсаторий «Опыт и будущее», Товарищество научных курсов, Конфедерация независимой Польши и другие оппозиционные организации. Создание группы «Опыт и будущее» (ДиП — польское сокращение) было важной инициативой двух журналистов — Ст. Братковского и Б. Готовского, в которой принимал участие и один из активистов католической оппозиции А. Велёвейский. На первых порах в нее входили десять человек из кругов партийной, независимой и католической интеллигенции. Подхватив клубную традицию 1956–1962 гг., они предлагали развернуть широкую дискуссию о реформировании страны. ДиП составила в 1978–1982 гг. четыре доклада о состоянии государства.

Доклады опирались на анкеты-опросы, распространявшиеся поначалу среди ста, а позднее — среди полтора ста интеллигентов, включая экспертов. Итоговые доклады передавались руководству партии и правительства, а также различным авторитетным общественным фигурам, в первую очередь Папе Римскому и кардиналу-примасу. Кроме того, доклады печатались и распространялись неподцензурно. Первая работа (1979 г.) называлась «Доклад о состоянии Речи Посполитой и о путях, ведущих к ее улучшению». Документ продолжал традиции знаменитого трактата польского общественного деятеля и мыслителя XVI в. А. Ф. Моджевского «Об исправлении Речи Посполитой»⁴⁴.

Как «политическое событие первостепенного значения» восприняла его французская газета «Фигаро». В докладе отмечается, в частности, невозможность стабильного экономического развития страны; непригодность высших структур власти («наш кризис имеет прежде всего характер политического кризиса»); противоречия между группами интересов («по мере исчезновения идеологических ценностей главным мотивом становится сама власть и связанные с ней выгоды... противоречие интересов между людьми, представляющими власти, и другими социальными группами... Кроме того, внутри самих правящих кругов возникают конфликты между группами интересов»). Обращается внимание на то, что «третий раз за последнюю четверть века ситуация развивается по одной и той же схеме: взрыв недовольства, смена руководства, временная либерализация, возвращение к старым методам руководства, новый взрыв недовольства и т.д. ... Но теперь ситуация более сложная... и напряжение более серьезное».

Дискуссионная группа предлагала пути выхода из этой ситуации: эффективное разделение властей, партии следует прекратить отвечать за всё. В дальнейшем ее контроль смогут осуществлять ее представители в парламенте в качестве руководящей силы в стране. Предполагались подлинные выборы, хотя, по данному проекту, только между кандидатами партии (количество мест для каждой партии определяется заранее). Свобода печати должна гарантироваться, а цензура ограничиваться. Ответственные посты необходимо предоставлять только по способностям. Профсоюзам необходимо наконец стать подлинными представителями трудящихся, религиозной свободе — реально гарантированной.

Нелегко будет навести порядок в экономике, говорилось далее в докладе. Польша не обойдется без серьезных западных кредитов, следовательно, «каждое осложнение в отношениях с США станет синонимом катастрофы для страны». Именно необходимость получить кредиты на Западе усиливает необходимость в реформах, так как «западные партнеры не согласятся предоставлять кредиты, если не получат зримые гарантии эффективного использования предоставленных средств»⁴⁵.

Создание Товарищества научных курсов (январь 1978 г.) отвечало устремлениям студенческой молодежи и молодой интеллигенции Польши «расширить, обогатить и дополнить знания». Это представляло особую ценность, поскольку «без поиска правды о мире и о себе не могут формироваться творческие, самостоятельные, гражданские позиции людей»⁴⁶. В материале польского Института исследования современных проблем капитализма отмечалось, что «создание антисоциалистическими элементами этого общества, а также проведенная ими лекционная кампания под названием “летучего университета” вызвали растущий интерес западных радиостанций к проявлениям активности т.н. оппозиции в студенческой среде и к вдохновляемой ею кампании “самообразования”... Это событие посчитали “наиболее знаменательным и смелым начинанием демократического движения на всей территории Восточной Европы”... Доказывалось, что новый элемент настоящей политической ситуации — это растущая роль в политической жизни страны т.н. демократической оппозиции, затрагивающей своей деятельностью все более широкие сферы внутренней жизни. Говорилось, что подрывные элементы, якобы “идя навстречу общественным требованиям”, берут политическую инициативу в свои руки, расширяя тем самым размеры конфронтации с властями... Это должно было стать, как утверждалось, “прямой попыткой преодоления партийно-государственной монополии в области просвещения, своевольно устанавливающей, что граждане должны знать”... Одновременно с утверждениями о том, что эти действия не выходят за рамки польского законодательства, доказано ее соответствие “духу и букве и более того — предписаниям Всеобщей декларации прав человека... хельсинкского заключительного акта”...»⁴⁷.

Свою гораздо более радикальную позицию продемонстрировала созданная в сентябре 1979 г. Конфедерация независимой Польши:

«Появившийся шанс создания независимой и демократической Речи Посполитой нельзя упустить. Единственный шанс, ведущий к этой цели, — устранение советского господства путем ликвидации власти ПОРП»⁴⁸.

По большому счету различие между левым и национально-патриотическим течениями политической оппозиции в ПНР заключалось отнюдь не в конкретных задачах и целях, а лишь в расстановке акцентов. Левые акцентировали внимание на завоевании полноценной демократии, а правые — на достижении политической независимости. В нелегальной прессе признавалось не только нормальным, но и необходимым разработка и публикация политических программ отдельных группировок: «Если мы намерены добиться построения в Польше демократического строя — а мы намерены! — то уже сегодня должны формировать хотя бы в зачаточной форме будущую полную и разнообразную политическую жизнь; должны представлять разнообразные и альтернативные решения, чтобы у общества была возможность выбора... Однако из этого вытекает, что эти особые, даже противоречивые политические программы необходимы, в частности, для достижения общей цели — построения демократического строя»⁴⁹.

Выдвигая программу более или менее глубокого демонтажа политической системы, оппозиционные круги значительно меньше внимания уделяли перспективе преобразования экономического строя. «Даже те группировки, которые акцентировали свое отличие, а иногда и неприязнь к левому течению, в общественно-экономических вопросах по существу не формулировали отличающейся программы», — пишет польский исследователь Ян Скужиньский⁵⁰. Им был близок поиск «третьего пути», соединявшего политическую демократию с государственной в принципе экономикой.

Для пробуждения активности общества часто использовались годовщины крупных выступлений рабочих. Так, в 1979 г., в связи с 9-й годовщиной декабрьских событий на Побережье, в «Обращении» группы оппозиционных деятелей, в частности, отмечалось: «Рабочий бунт на Побережье не перестает напоминать о необходимости деятельности, направленной на возвращение принадлежащих обществу прав... Рабочий протест — это важная составляющая польской традиции независимости. Воспитание для независимости складывается

из утомительной науки коллективных действий. Сначала небольших групп, затем целых общественных слоев и, наконец, народа... На этом пути важна любая, даже самая малая победа. Свободные профсоюзы и не подвластная цензуре пресса, политические партии и объединения, наконец Сейм, избранный на свободных выборах, — вот те инструменты, которые позволят исправить экономику, добиться демократии и независимости»⁵¹.

Примечательно, что власти по отношению к оппозиции проводили более либеральную, в сравнении с другими периодами ПНР, политику. Несомненно, это обуславливалось международным положением, политикой разрядки и желанием сохранить хорошие отношения с Западом. Однако некоторые польские исследователи полагают, что важным, если не важнейшим фактором было желание команды Герека использовать оппозицию как своего рода вентиль безопасности. С точки зрения властей, такая контролируемая, а, возможно, и частично управляемая службой безопасности оппозиция могла быть каналом выхода общественного недовольства, своего рода «меньшим злом».

Служба безопасности не бывала застигнута врасплох акциями оппозиции. Если, например, разрешили «черный марш» в Кракове в мае 1977 г. после убийства Ст. Пыяса, то не потому, что СБ ничего об этом не знала. Здесь играл роль холодный расчет плюсов и минусов с точки зрения оперативных действий и позиция политического центра, выступавшего против силового решения, о чем пишет Э. Герек в своих воспоминаниях. Было признано более разумным разрешить крупнейшую в 1970-е гг. уличную демонстрацию, чем ее жестоко разгонять на глазах иностранных журналистов и гостей, прибывших на освящение костела в Новой Гуте.

Между властью и оппозицией велась своеобразная политическая игра. СБ не раз сознательно не блокировала создания новых оппозиционных структур, а скорее нацеливалась на их тщательный оперативный контроль, вводила собственную агентуру, что, по мнению некоторых исследователей, было основным методом борьбы с оппозицией. При этом степень управляемости оказывалась весьма относительной. Даже если Служба безопасности старалась инспирировать конфликты внутри групп, действия оппозиции были аутентичным явлением, которые меняли политическую ситуацию независимо от СБ, аппарата партии и т.д., причем МВД имело более технический подход к проблеме, а ПОРП — более идеологический⁵².

Показательно, что по этому поводу говорили представители самой оппозиции. Так, А. Михник в статье «Польские перспективы» (журнал «Шпигель» № 12 за 1977 г.) писал: «нет сомнения в том, что нынешнее руководство, по сравнению со своими предшественниками, проявляет значительно больше здравого смысла... Герек является первым государственным деятелем в странах Восточной Европы, который, кажется, способен понять, что гибкая государственная власть является свидетельством его (Герек) здравого рассудка, а не слабости». Однако, «как показали события прошедшего [1976] года, этот диалог с населением потерпел полный провал. Стало ясно, что такой диалог невозможен, если одновременно затыкать прессе рот... Невозможно одновременно желать знать и скрывать правду».

По мнению Михника, перед Герекком и его окружением стоял выбор: «диалог или террор». «Все предыдущие действия партруководства, — по его словам, — свидетельствуют о растущем смятении в его рядах, о вере в действенность полумер, надежде заставить замолчать оппозицию в стране с помощью кампании клеветы и нападок в прессе. Некоторые из них верят в возможность изолирования оппозиции». «Однако эта иллюзия основана на полном незнании оппозиционных кругов и настроений в массах. Оппозиция готова к компромиссам..., однако она не может больше отступить, т.к. для отступления не осталось больше места»⁵³, — заключает Михник.

Представляет также интерес мнение некоторых западноевропейских газет на сей счет. Так, французская газета «Монд» (25.07.77) характерной чертой политического положения в Польше считала «отсутствие единодушия» у руководства ПОРП. «Даже оппоненты сегодня признают существование этого и разделяют его на тех, которые придерживаются более либеральной линии Герекки и тех, которые хотели бы принять более энергичные меры для возвращения порядка». Газета также отмечала, что в Польше ведутся поиски «создания такой инстанции контроля, которая бы меньше зависела от правительства». В числе подобных шагов автор статьи называл создание «штата экспертов» при первом секретаре, что «свидетельствует о стремлении Герекки несколько высвободиться из-под влияния партаппарата»⁵⁴.

Английская газета «Интернэшнл Геральд Трибюн» писала, что «партия достаточно сильна, чтобы... допускать проявления

различных протестов оппозиции, начиная от публикаций, высмеивающих официальную цензуру, и кончая деятельностью свободных университетов». Кроме того, Варшава полагает, что предоставляя оппозиции такого рода временную свободу, диссиденты сами пьянеют от «фактического плюрализма». «Партия предпочитала бы не прибегать к репрессивным мерам, опасаясь вызвать пожар, который она была бы не в состоянии потушить. Один диссидент недавно заявил, что “не должны предаваться забвению имевшие место за последние 15 лет три восстания, перед которыми режиму каждый раз пришлось отступать. И кроме того, теперь у нас есть папа“»⁵⁵.

Активные оппозиционеры составляли небольшой процент общества (до лета 1980 г. — около 2 тыс. чел.), в основном это была молодая интеллигенция, особенно гуманитарная. В оппозиционных кругах преобладали заинтересованность, скорее, в культуре, чем в экономике; определенное пренебрежение к зарабатыванию, карьере. Более важной считалась свобода, чем благополучие.

Оппозиционеры дразнили правящий режим своей бескомпромиссностью, требованием активности, связанной с немалым риском. Нелегальную печать охотно читали, деятели оппозиции не ощущали враждебности со стороны обычных людей. Здесь сказывались национальные традиции солидарности с конспираторами, теми, кто боролся с властью, преследуемыми.

В молодом поколении, которое к 1980 г. составило 40 % профессионально активного населения, быстрее исчерпывались общественно-психологические факторы, стабилизовавшие систему. Между тем во второй половине 1970-х годов начал снижаться уровень жизни, обострилась жилищная проблема. Практически исчез страх перед Германией, войной. Контакты с Западом разжигали потребительские устремления, которые, как оказалось, существовавшая система не может удовлетворить.

Молодое поколение оказывало значительное влияние на формы религиозной практики. Развивалась сеть летних католических лагерей, т.н. «движение оазиса», организованное костелом с целью воспитания детей в духе католицизма, активизировалась работа, адресованная более образованным молодым католикам. Костел для многих становился важной альтернативой официальной модели молодежных организаций⁵⁶.

Существенные изменения произошли также в отношениях между оппозиционной интеллигенцией и костелом. В ее среде значительно ослабли антирелигиозные традиции. Опубликованная в 1977 г. книга А. Михника «Костел, левица, диалог» была предложением, сделанным католической интеллигенции, а также иерархии костела вести диалог и сотрудничество в строительстве плюралистичной демократической культуры и основ гражданского общества.

Для участников демократической оппозиции, в т.ч. неверующих, Костел становится желанным партнером, они ценили его роль в общественной жизни, искали его опеки и поддержки. О каждом существенном заявлении КОР информировали примаса Вышиньского, все три голодовки солидарности состоялись в помещениях костела.

Наибольший общественный резонанс получила первая голодовка в мае 1977 г., предпринятая с целью освобождения осужденных рабочих, а также ряда оппозиционеров, оказывавших им помощь. В какой мере этот необычный протест против нарушения прав человека способствовал решению об амнистии, принятом властями спустя два месяца, — неизвестно. Однако с уверенностью можно сказать, что голодовка была важна для формирования этоса польской демократической оппозиции, в котором светский моральный протест сочетался с традицией Костела как убежища и поддержки для преследуемых. Особое значение имели участие в ней Б. Цивиньского, члена руководства варшавского Клуба католической интеллигенции, и поддержка Т. Мазовецкого, главного редактора газеты «Więź» («Связь»), который стал доверенным лицом голодающих, поскольку оба являлись важными фигурами католического движения «Знак»⁵⁷.

1970-е годы в целом были временем неуклонного роста авторитета церкви. Кардинал Вышиньский все чаще выступал в защиту прав человека, открыто выражал убеждение, что задача костела — говорить не только от имени костела, но и от имени народа. По стране распространялся самиздат — тексты его проповедей, произнесенных в варшавском костеле св. Креста. В них кардинал говорил о свободе претворения в жизнь нравственных ценностей, о достоинстве человека в экономической сфере, о свободе объединений и о необходимости защищать свои права. В этом же ключе находилась и позиция Вышиньского, в частности в отношении

деятельности «летучего университета». Так, отвечая в письме тогдашнему министру вероисповеданий Конколу на упрек в поддержке этой деятельности, кардинал заметил, что в ней видны только скромные попытки восполнить недостатки публичного образования, раскрыть покрытые молчанием факты минувшего периода, что каждый интеллигентный человек имеет на это право и что он не может усмотреть в деятельности «летучего университета» вменяемых ему преступлений⁵⁸.

В информации Посольства СССР в ПНР неоднократно отмечалось, что «католическая церковь при нынешней расстановке классовых сил в стране определенно становится главной антисоциалистической силой, группирующей вокруг себя оппозиционные антисоциалистические элементы. Костел по-прежнему весьма остро реагирует на любые мероприятия народной власти, которые в той или иной мере могут затронуть его интересы... При этом характерным является то, что епископат уже не ограничивается требованиями только материального характера (разрешения на строительство новых костелов и т.п.), а идет значительно дальше. В сообщении о 140-й пленарной конференции епископата, зачитанном 3 февраля 1974 г. во всех костелах ПНР, ... выдвигаются требования предоставить полную свободу религиозной деятельности, созданию католических молодежных и других организаций, а также подвластной только костелу, не контролируемой государством печати и т.д. Выданные в 1973 г. 130 разрешений на возведение церковных объектов конференцией епископата признаны «неудовлетворяющими даже самых неотложных потребностей»⁵⁹.

В своей деятельности костел использовал разнообразные методы. В информации Консульства СССР в Кракове, в частности, отмечалось: «Лишенные возможности использовать такие средства массовой информации, как радио, ТВ и государственная сеть кинопроката, католическая церковь активно ведет пропаганду своих идей через имеющуюся в ее распоряжении газету «Тыгодник повсехный» и другие печатные органы, выпускаемые издательством «Знак», путем встреч с верующими в костелах, через своих активистов по линии «душ пастерских» и с использованием крупных религиозных празднеств»⁶⁰. Костел, вопреки закону, «легализовал религиозные шествия на улицах городов и сел... , стал выходить с программой долговременного противостояния социалистической

идеологии, формулирует свою концепцию польского патриотизма, облекая ее в форму “христианского патриотизма“. Временем для начала этой кампании костела можно считать сентябрь 1972 г., т.е. вскоре после выдвижения Герекком тезиса о необходимости воспитывать молодежь в духе социалистического патриотизма»⁶¹. Активизация деятельности католического костела среди учащихся школ, студенчества и некоторых слоев интеллигенции подчеркивалась и в информации Консульства СССР в Кракове: «эта работа ведется выборочно, без афиширования. Представители “душ пастерских“ рекомендуют костелам наиболее способных и пользующихся уважением в своей среде учеников, студентов и представителей интеллигенции и на работе с этими лицами сосредотачивают свои усилия. В случае необходимости им оказывается материальная помощь и моральная поддержка, с использованием влияния костела создаются некоторые привилегии в школе, институте или на работе. Такой дополнительный религиозный актив в дальнейшем используется костелом для оказания нужного ему влияния на соответствующую общественную среду»⁶².

Костелу удалось многого добиться. В одной из статей в газете «Интернэшнл Геральд Трибюн» в конце 1970-х гг., озаглавленной «Католическая церковь процветает в Польше», приводились слова главного редактора газеты «Венз» Т. Мазовецкого: «Мы можем сказать, что костел одержал победу в конфронтации с коммунизмом. Он защитил свою независимость и заставил государство признать право костела откровенно высказываться по наиболее важным социальным проблемам». «Чаша весов перевесила в пользу костела, — заявлял один западногерманский дипломат в это же время. — Папа доказал, что моральной альтернативой партии служит могущественный костел». Считая недостаточным количество выдаваемых разрешений на строительство новых костелов, епископат усматривал определенное улучшение в этой области по сравнению с периодом до 1970 г. Были достигнуты определенные успехи и по другим направлениям. Среди них «вопрос легализации статуса церкви, что позволило бы укрепить права костела перед судом; расширение доступа к средствам массовой информации, включая право на трансляцию по телевидению богослужений и издание ежедневных газет; прекращение дискриминации верующих католиков и, главное, предоставление костелу права религиозного обучения молодежи»⁶³.

«Костел имеет очень сильные позиции, и с этим приходится считаться», — признавали и польские партработники. В аннотации (05.07.79 г.) работы польского ученого Э. Палыги, посвященной этому вопросу, отмечалось, что в соглашении между представителями правительства ПНР и епископатом (апрель 1950 г.) католическая иерархия признала (опередив на 10 лет соответствующее постановление II Ватиканского собора), что «миссия костела может осуществляться в различных социально-экономических строях, установленных светской властью». Таким образом, Польша была первым социалистическим государством, которое заключило частичное соглашение с церковью⁶⁴.

В целом отношения между костелом и государством можно охарактеризовать как «тонкое взаимодействие конфронтации и сотрудничества». «При режиме Герека костел, представлявший собой нечто вроде лояльной оппозиции, ущемлялся в своих правах, однако с ним сотрудничали во времена кризисов, в 1970 и 1976 гг., когда кардинал Вышинский настоял на обуздании страстей, и его послушались... Костел же рассматривает режим Герека — относительно либеральный по сравнению с другими коммунистическими режимами — как лучшее, на что можно надеяться в настоящее время и не желает становиться причиной общественных беспорядков»⁶⁵. «Государство высоко ценит гражданские позиции духовенства, — констатировалось в брошюре «Государство и Костел», выпущенной в августе 1977 г. для внутреннего пользования ЦК ПОРП. — В юбилейную годовщину 30-летия ПНР св. 1500 ксендзов получило высокие государственные награды»⁶⁶.

В аннотации работы Э. Палыги, подготовленной в Посольстве СССР в ПНР в июле 1979 г., отмечалось, что важным импульсом для качественно новой практики взаимодействия между государством и костелом в Польше явилось высказывание Э. Герека в Мельце 5 сентября 1976 г. Тогда он заявил: «Я считаю, что существует широкое поле для плодотворного сотрудничества костела и государства в реализации важных национальных целей. Это, впрочем, не только мое личное мнение, а позиция центральных органов власти нашего государства». Важный момент — встреча в здании Сейма Герека с кардиналом Вышинским 29 октября 1977 г.⁶⁷.

«Мероприятия партии и государства по противодействию католической церкви отличаются нескрывае­мой осторожностью

и стремлением не обострять отношений с иерархией, а постепенно оттеснять церковь от широкого влияния на общественно-политическую жизнь страны, — подчеркивалось в одной из информаций Посольства СССР в ПНР. — Незаконная деятельность ксендзов и епископов не наказывается. Даже в партийной печати практически не ведется никакой антирелигиозной пропаганды». При этом «политика временного компромисса с костелом, уступок и попыток воздействовать на него через Ватикан у определенной части партактива вызывает сомнения, и они высказываются за разработку более четкой программы борьбы с антисоциалистической деятельностью католической церкви»⁶⁸.

В этот период коммунистическим властям удалось привлечь Ватикан к переговорам государство-костел. С 1974 г. существовала группа по осуществлению контактов между правительством ПНР и Ватиканом, при этом власти предпочитали вести переговоры с Ватиканом, а не с Вышиньским, не с другими епископами, поскольку Ватикан, исходя из реальности, в то время был нацелен на диалог с коммунистическими правительствами, а польский костел являлся твердым противником такой позиции. Огромной заслугой польских епископов, прежде всего кардинала Вышиньского, явилось принятие в конце концов модели переговоров, в которых участвовали не только представители Ватикана и правительства, но и епископата Польши. Принципиальная смена мышления, философии Ватикана произошла лишь с началом понтификата Иоанна Павла II. Вот что писал об этом журнал «Ньюсвик»: «Визит папы привел к изменению тактики даже в деликатном маневрировании на высшем уровне между двумя большими иерархиями Польши. Раньше польские епископы противились установлению дипломатических отношений между Варшавой и Ватиканом, опасаясь, что Рим может принести в жертву права верующих ради разрядки с коммунизмом. С избранием папой Иоанна они активно стремятся к установлению таких отношений. Католики уверены, что время работает на них». «Они нуждаются в нас больше, чем мы в них», — сказала доверенное лицо папы автору статьи⁶⁹.

Вопрос о нормализации отношений явился предметом различного рода контактов с Ватиканом, имевших место в течение ряда лет. Первым документом Ватикана, передающим западные земли ПНР под управление польского костела, стал акт Павла VI от 22 марта

1967 г. После нормализации отношений между ПНР и ФРГ папа буллой от 26 июня 1972 г. образовал на западных землях пять епархий и назначил епископов. Таким образом, был закрыт период «временного управления», который негативно влиял на послевоенные отношения с Ватиканом. Польский ученый Э. Палыга отмечал, в частности, большое значение встречи Герека с папой Павлом VI в декабре 1977 г. в Риме, в ходе которой, в частности, затрагивались вопросы о роли Ватикана в укреплении мира. На пресс-конференции в Риме Герек заявил, что контакты с Ватиканом становятся более систематическими и ритмичными⁷⁰.

Сторонники «Знака» (парламентское представительство светских католиков) способствовали организации антикоммунистической оппозиции, поддерживая прямые связи с членами КОРа. В 1976 г. парламентская группа «Знак» после принятия властями поправок к конституции прекратила свое существование. В конце 1970-х гг. не только многие священники, но и епископы, включая кардинала Вышиньского, поддерживали личные контакты с членами нарождавшейся оппозиции. В Кракове после убийства агентами тайной полиции студента, сотрудничавшего с КОРом, был создан Комитет студенческой солидарности. Кардинал Кароль Войтыла приглашал к себе этих молодых людей для обсуждения их планов. Упомянутое ранее избрание Войтылы Папой Римским в 1978 г. стало событием из категории «невозможных», и именно это чувство реальности «невозможного» поселилось в подсознании поляков⁷¹. Первый приезд Иоанна Павла II в страну (июнь 1979 г.) способствовал общественному единению. Повсюду его сопровождали огромные толпы. В его словах поляки видели возвышенное и облагороженное выражение собственных чаяний. И ничего удивительного, что профсоюз «Солидарность», появившийся на свет в результате забастовок в Гданьске и Щецине год спустя, так часто обращался к христианским ценностям. Церковь поддержала идею «самоограничивающейся революции».

Таким образом, можно сказать, что костел однозначно поддерживал протесты простых людей, все инициативы, направленные на служение альтернативному обществу, выполнял функцию убежища для репрессированных. Однако не все епископы придерживались такого же мнения, как кардинал Вышиньский или кардинал Войтыла. Были и более сдержанные в контактах с оппозицией, по-разному оценивавшие группы этой оппозиции.

Примечательно, что среди католической интеллигенции существовало два течения, по-разному понимающих роль религии и Костела в отношениях с обществом и культурой. Представители одного направления ссылались на традиции, связывавшие польскость с католицизмом, на Романа Дмовского; представители другого подчеркивали интегральность польской культуры, в которой совмещаются католические и не католические сюжеты; требовали открытости культурным течениям, идущим из Западной Европы, а также нейтральности государства в отношении различных мировоззрений. По этому поводу в одной из информаций Консульства СССР в Кракове утверждалось следующее: «Внутри местного католического клера нет полного единства. Как известно, кардинал Вышинский, выступающий за традиционный католицизм и некоторую национальную самостоятельность польского костела, не пользуется безоговорочной поддержкой Ватикана и встречает известное противодействие со стороны сторонников приспособления церкви к изменившимся условиям, наиболее ярким представителем которых является кардинал Войтыла. Однако эти противоречия некоторых групп руководства польского костела не выходят за рамки внутренних противоречий и не являются достоянием широкой массы верующих»⁷².

Интересно проследить, на что обращали внимание в июне 2011 г. участники конференции, посвященной демократической оппозиции в ПНР рассматриваемого периода. Делясь собственным опытом оппозиционной деятельности, представители различных оппозиционных кругов отмечали, в частности, что оппозиция для них была «борьбой и приключением», что чрезвычайно важными для них стали дружественные связи, установившиеся в ходе оппозиционной деятельности; самые сильные чувства, ассоциирующиеся с этим временем, — солидарность и свобода. Подчеркивая значение оппозиционной деятельности второй половины 1970-х гг., они указывали, что без реальной общественной солидарности между студентами, рабочими, интеллигенцией и другими общественными группами успех Августа-80 был бы невозможен; что опыт солидарности того периода является настолько фундаментальным, что благодаря ему стала возможным позднее субъективизация общества при опоре на НСПС «С»; что крупнейшим достижением оказалось распространение в польском обществе нелояльных взглядов посредством независимых изданий⁷³.

На конференции в сентябре 2006 г. А. Пачковский подчеркнул, в частности, «историческое место» независимого издательского движения второй половины 70-х гг., периодически появлявшегося в широком масштабе, начиная с Январского восстания 1861 г. Б. Торунчик издательское движение и сам КОР оценила как большое изобретение. Была потребность в том, чтобы неформализованное, нелегальное оппозиционное движение, подобно подводной ледяной глыбе, каким-то образом вышло на поверхность. Эманация широкого движения — это КОР. Она отметила также крупнейший феномен тех времен — политическая демократическая оппозиция много читала, среди нее существовал т.н. интеллектуальный снобизм; читали всё нелегальное, независимо от идейных различий, т.к. был «голод живого контакта с мыслями других людей». В отличие от Запада, где молодые люди, желая проявить свою энергию, становились артистами, в Польше наибольшую привлекательность имели политика, деятельность в нелегальном издательском движении, в политической оппозиции, где люди с темпераментом могли себя проявить. На конференции отмечалась важность возникновения техники массового печатания, при этом подчеркивалось, что использование множительных аппаратов было связано прежде всего, кроме конспиративных технических проблем, с преодолением психологического барьера страха, поскольку эти аппараты были запрещенным оборудованием. Легальное представительство издательства НОВА представляло своего рода шлюз между легальными формами деятельности и частично конспиративным движением. Вспоминали также философию оппозиционеров того времени: «Героем можешь ты не быть, но там, где ты находишься, можешь стать немного более независимым»⁷⁴.

К крупнейшим достижениям оппозиции до августа 1980 г. можно отнести возникновение негосударственной издательской деятельности, просветительскую работу Товарищества научных курсов, которая способствовала созданию атмосферы большей интеллектуальной свободы, а также возникновение независимого от партийных и административных властей профсоюзного движения. Однако в целом как рабочее, так и крестьянское и студенческое движения не приобрели в 1970-е годы значительных масштабов.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод, что в 1970-е годы шел многоплановый процесс эрозии старой системы, «нового

общественного соглашения», создавались зачатки серьезного перелома в сознании. Эти годы стали подготовкой огромного переворота в сознании и культуре, который принесла революция «Солидарности».

Примечания:

¹ Friszke A. Przystosowanie i opór. Studia z dziejów PRL. W-wa, 2007. S. 251, 254.

² Friszke A. Polska Gierka. Warszawa, 1995. S. 64,36; Zaremba M. Upalny Czerwiec 1976// Więż. W-wa, 2001. R.44. N. 6. S. 114–115.

³ Zuzowski R. Komitet Samoobrony Społecznej KOR: Studium dysydentyzmu i opozycji politycznej w Polsce (przekł. z ang.). Wrocław, etc. 1996. S. 30.

⁴ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 0122. Оп.64. П.447. Д.35. Лл.141–145.

⁵ Там же. Лл.146–148.

⁶ Там же. Д.36. Лл.5–6.

⁷ Там же. Д.35. Лл.150–152.

⁸ Там же. Лл.141–145. Похожей была и информация Генконсульства в Кракове: «27–30 июня во всех воеводствах консульского округа, на крупных предприятиях прошли митинги и манифестации, на которых с основными речами выступали первые секретари воеводских комитетов ПОРП, а также представители различных слоев общественности... Вместе с тем, по рассказам участников, большого энтузиазма, подъема и вдохновения на митингах не было». Там же. Лл.150–152.

⁹ Там же. Д.36. Лл.2–4. «На Гданьской верфи им. Ленина уволено с работы около 80 участников забастовки, из них 20 арестовано». Там же. Лл.7–9.

¹⁰ Там же. Д.35. Л.100.

¹¹ Там же. Л.158. Главной ошибкой в ходе подготовки к повышению цен считалось то, что «вся подготовка на местах велась вслепую, без знания существа вопроса. Подробности стали известны только за два дня до объявления мероприятия, что не позволило глубоко и всесторонне изучить, а также учесть мнение общественности. Многие подчеркивают, что новые цены на продукты были чрезмерно завышены и что для обсуждения и консультаций следовало отвести не два дня, как это было объявлено, а две-три недели. Всюду отмечается, что сетка компенсации в связи с повышением цен была определена неправильно. На основании этой сетки низкооплачиваемая категория получала меньше, а с более высокой зарплатой — больше. По их мнению, все следовало бы сделать наоборот...». Там же. Лл.141–145.

¹² Там же. Лл.141–145.

¹³ Там же. Лл.150–152. «Во многих случаях разъяснительная работа ограничивалась рамками партийно-хозяйственного актива и носила зачастую формальный и неубедительный характер... Неудовольствие вызвал также тот факт, что на консультации по вопросу повышения цен было отведено всего лишь один-два дня. В связи с этим консультации проходили в большинстве случаев формально, в обстановке нервозности и накала эмоций, что мешало серьезному обсуждению вопроса, или же в обстановке подавленности и пассивности, в которой царило настроение: “зачем разыгрывать комедию консультаций, когда и без нас уже все решено”». Там же. Л.172.

¹⁴ Там же. Д.36. Лл.2–4.

¹⁵ Там же. Лл.5–6.

¹⁶ Там же. Лл.7–9. В другой информации отмечалось, что «многие местные руководители признают, что упомянутые события убедительно показали слабость постановки воспитательной работы с молодежью, особенно с ее рабочей частью, которая зачастую попадает под влияние костела и западной враждебной пропаганды». Там же. Л. 23.

¹⁷ Там же. Лл.26,28.

¹⁸ Там же. Д.35. Л.172.

¹⁹ Там же. Лл.141–145. Генконсульство в Щецине отмечало, что «среди широких масс трудящихся упало доверие к реальности намеченных партией планов народно-хозяйственного развития. В беседе с советским специалистом мастер судостроительной верфи отметил, что, если и в последующем социалистическое строительство в ПНР будет осуществляться существующими методами, то окончательно социализм в ПНР будет построен через многие десятки лет» Там же. Д.36. Лл.2–4. «Проектом, по словам секретаря Быдгощского ВК ПОРП тов. Сапаровского, нанесен ощутимый вред партии и стране, а также всему социалистическому содружеству...» Там же. Лл.7–9.

²⁰ Там же. Лл.75–76.

²¹ Po czerwcu-76: Pouczenie dla Gierka// «Rzeczpospolita». Dodatek «Plus-Minus». 1996. 29–30.06.

²² Morgan D. Konflikt pamięci. Narracje radomskiego czerwca 1976. W-wa, 2004. S.30,33.

²³ АВП РФ. Ф. 122. Оп.57. П.192. Д.11. Л.109.

²⁴ Там же. Ф.0122. Оп.64. П.447. Д.36. Лл.92–93; подробнее см.: Майорова О.Н. 1976 год — начало формирования организованной оппозиции в Польше // «Studia Slavica-Polonica» (К 90-летию И. И. Костюшко). М., 2009. С. 346–353.

²⁵ Цит. по: Унгер Л. О «Культуре» // Новая Польша. 2005. №.9. С.4.

²⁶ АВП РФ. Ф.0122. Оп.60. П.440. Д.28. Лл.56–61.

²⁷ <http://umcs.lublin.pl/images/media/MISH/Tyrchan>

²⁸ АВП РФ. Ф. 0122. Оп.64. П.447. Д.36. Л.83.

²⁹ Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Документы последней трети XX в. т.1. 1970-е — середина 1980-х гг. СПб., 2012. С. 180–199.

³⁰ Анатомия конфликтов... т.1. С. 203.

³¹ Dokumenty Komitetu Obrony Robotników i Komitetu Samoobrony Społecznej «KOR». W-wa-Londyn, 1994. S. 40, 45, 59.

³² Dokumenty Komitetu...S.296.

³³ Анатомия конфликтов... т.1. С. 229–231.

³⁴ Цит. по: Friszke A. Przystosowanie... S. 271.

³⁵ Анатомия конфликтов... т.1. С. 240–241.

³⁶ Анатомия конфликтов... т.1. С. 241–242.

³⁷ www.kor.30.sws.org.pl/Referaty KOR-IPN.

³⁸ Анатомия конфликтов... т.1. С.246.

³⁹ АВП РФ. Ф.122. Оп.59. П.196. Д.12. Лл.57–61.

⁴⁰ Анатомия конфликтов... т.1. С. 236–237.

⁴¹ АВП РФ. Ф.122. Оп.59. П.196. Лл.53–56.

⁴² Анатомия конфликтов... т.1. С. 233–235.

⁴³ Friszke A. Przystosowanie... S. 264.

⁴⁴ Велёвский А. Я видел, как до этого дошло // Новая Польша, 2011. № 1. С.55.

⁴⁵ АВП РФ. Ф.122. Оп.60. П.198. Д.16. Лл.141–144. Доклад неофициальной группы исследователей, требующей проведения основных преобразований в стране, появился в связи с подготовкой Польши к своему очередному съезду компартии, отмечается в английской газете «Интернэшнл Геральд Трибюн». «Доклад был тайно распространен в июне между членами ДиП, куда входят члены партии и не допускаются диссиденты. Однако в последнее время доклад оказался в руках последних, которые незамедлительно отпечатали еще 5000 экз.». Из результатов анкет следовало, что общественность приняла социализм как систему, но один из отвечающих на вопросы анкеты заявил: «Социализм, который народ видит, сравнивается с социализмом, который он хотел бы видеть, и здесь различие между реальностью и моделью является болезненным». По поводу места Польши в советском блоке один из отвечающих написал: «Поляки понимают, что оставаться в союзе с СССР для них выгодно, но они хотят, чтобы это было на основе их собственного волеизъявления, а не так, чтобы это решалось за них». В одной из анкет было сказано, что неизменное улучшение положения в Польше невозможно без налаживания более равноправных отношений с Москвой. Там же. Лл.145–147.

⁴⁶ Анатомия конфликтов... т.1. С.243.

⁴⁷ «Широко обсуждалась позиция властей ПНР по отношению к “ОНК” и “летучему университету”, — отмечалось далее в материале Института исследования современных проблем капитализма. — Как Би-Би-Си, так

и “С[вободная] Е[вропа]” подчеркивали, что “перманентное недовольство в стране, имеющее политический и экономический характер”, вынуждает власти “избегать использования мер, которые могут привести к внутреннему конфликту” и “вызвать серьезные политические последствия”. В связи с этим, по мнению радио “Свободная Европа”, “игра, рассчитанная на ожидание, продлится некоторое время”, а осуществляемая властями “политика преследования” должна повлечь за собой снижение участия или “запрет лекций в “летучем университете”. Одновременно доказывалось, что ввиду “необходимости объединения усилий всего народа для преодоления настоящего экономического кризиса” власти должны “избегать ухудшений и занять в отношении ОНК более либеральную позицию. Новая волна репрессий была бы опасной и неэффективной акцией». АВП РФ. Ф.122. Оп.59. П.196. Д.12. Лл.47–52.

⁴⁸ Анатомия конфликтов... т.1. С. 259–260.

⁴⁹ Анатомия конфликтов... т.1. С. 249–250.

⁵⁰ Skórzyński J. Opozycja i socjalizm // “Rzeczpospolita”. Dodatek “Plus-Minus”. 1995. 14-15.01, 25-26.03.

⁵¹ Анатомия конфликтов... т.1. С. 262–264.

⁵² Дискуссия по статье Ł.Kamiński. Władza wobec opozycji.1976–1989// Pamięć i Sprawiedliwość. 2003. N 2. S. 33–68. www.polonus.mojeforum.net/temat-vt441.

⁵³ АВП РФ. Ф.122. Оп.58. П.194. Д.13. Лл.69–73.

⁵⁴ Там же. Лл.115–117.

⁵⁵ Там же. Оп.60. П.198. Д.16. Лл.128–129.

⁵⁶ Подробнее см.: Friszke A. Przystosowanie... S. 271–272.

⁵⁷ Skórzyński J. Głódówka u św. Marcina// Od Piłsudskiego do Wałęsy. Studia z dziejów Polski w XX wieku. W-wa, 2008. S.441–448.

⁵⁸ www.kor.30.sws.org.pl/Referaty KOR-IPN.

⁵⁹ АВП РФ. Ф.0122. Оп.59. П.436. Д.34. Лл.95–100. По данным на 1972 г., в Польше действовало около 14 тыс. костелов, часовен и моельных домов; католический костел располагал «постоянным аппаратом в 46 тыс. ксендзов и монахов и опирался на широкий религиозный актив. В его руках находилось 16 издательств и 49 газет и журналов». Там же. Л.48; оп.57. П.426. Д.40. Лл.170–175.

⁶⁰ Там же. Ф.0122. Оп.64. П.447. Д.35. Лл.90–93.

⁶¹ Там же. Оп.57. П.426. Д.40. Лл.170–175. Концентрация усилий как костела, так и партии по привлечению на свою сторону молодежи была подмечена, в частности, в статье в «Интернэшнл Геральд Трибюн» «Католическая церковь процветает в Польше». В ней говорилось, что «количество желающих поступить в духовные семинарии в 1979 г. составило 2400 чел. по сравнению с 1246 в прошлом году». Там же. Ф.122. Оп.60. П.198. Д.16. Лл.151–154.

⁶² Там же. Ф.0122. Оп.64. П.447. Д.35. Лл.90–93. Пример попытки костела расшатать стабилизированное положение приводится, в частности, в информации Генконсульства в Познани: письмо кардинала Вышинского, зачитанное 29 апреля 1973 г. в парафиях, «характеризуется сильной оппозицией по отношению к политике партии. Критикуются меры партии по повышению производительности труда, что является якобы ничем иным, как «эксплуатацией трудового народа партийной кликой»... В письме верующие призываются к увеличению строительства костелов и сакральных помещений. По словам [первого секретаря ВК ПОРП в Познани] Засады, примерно 40 % ксендзов прочитало это письмо сухо, по обязанности, другие 30 % даже пропуская некоторые острые моменты в послании Вышинского, остальные 30 % не только передало содержание письма верующим, но вносило в свои выступления некоторые добавления, усиливающие оппозиционность письма». Там же. Оп.58. П.431. Д.34. Лл.56–58.

⁶³ Там же. Ф.122. Оп.60. П.198. Д.16. Лл.151–154.

⁶⁴ Там же. Лл.71–76. В аннотации брошюры «Государство и костел», выпущенной в августе 1977 г. для внутреннего пользования ЦК ПОРП, в частности отмечалось: «С начала 70-х гг. власти ПНР предприняли ряд шагов в направлении нормализации отношений государства с костелом: урегулирование имущественного вопроса в западных и северных районах на основании закона от 23 июня 1971 г., по которому 4700 костелов и часовен, а также 2200 зданий, принадлежавших государству, было бесплатно передано костелу; за 1971–1976 гг. выдано 360 разрешений на строительство новых и реставрацию старых костелов; в августе 1973 г. ликвидированы все задолженности по аренде с объектов, переданных на западных и северных землях; в значительно большем размере выдавалось разрешение на проведение костелом различных массовых мероприятий... Был облегчен выезд за границу для духовенства... Всё это, а также установление постоянных рабочих контактов с Ватиканом, смягчило остроту разногласий между государством и костелом». Там же. Оп.59. П.196. Д.12. Лл.1–2.

⁶⁵ Там же. Оп.60. П.198. Д.16. Лл.151–154.

⁶⁶ Там же. Оп.59. П.196. Д.12. Лл.1–2.

⁶⁷ Там же. Оп.60. П.198. Д.16. Лл.71–76.

⁶⁸ Там же. Ф.0122. Оп.59. П.436. Д.34. Лл.95–100.

⁶⁹ Там же. Ф.122. Оп.60. П.198. Д.16. Лл.132–133.

⁷⁰ Там же. Лл.71–76.

⁷¹ Цит. по: Friszke A. Przystosowanie... S. 274.

⁷² АВП РФ. Ф.0122. Оп.64. П.447. Д.35. Лл.90–93.

⁷³ <http://histmag.org/?id=5606>

⁷⁴ www.kor30.sws.org.pl/referaty-KOR-IPN.

А. С. Гладышева

Декабрьские события 1989 г. в Румынии в освещении центральных советских газет

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. начался новый этап в истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы, связанный с серией демократических («бархатных»¹) революций. В Социалистической республике Румыния (СРР) в 1989 г. и в Албании в 1991 г. революции отнюдь не были «бархатными», обернувшись вооруженными столкновениями манифестантов с защитниками правящих режимов и многочисленными потерями среди мирного населения².

В течение двух с половиной десятилетий власть в Румынии находилась в руках Н. Чаушеску (1965—1989). В 1974 г. ему удалось занять все руководящие посты, в результате чего он совместил в своем лице должности генерального секретаря ЦК РКП, главы Государственного Совета, Верховного Главнокомандующего армией, главы Совета по безопасности СРР, президента СРР. В 1970-е гг. румынские предприятия в соответствии с установками партии запрашивали банковские кредиты для выполнения явно завышенных экономических планов. В следующем десятилетии Н. Чаушеску решил полностью расплатиться с иностранными кредиторами. Принятые правительством меры по рациональному потреблению продуктов питания, а также экономному использованию природного газа, тепла и электроэнергии, привели к резкому падению уровня жизни³. К марту 1989 г. Румыния выплатила все долги, но Н. Чаушеску не принял никаких мер для улучшения социально-экономической ситуации в стране, что вызвало недовольство населения.

Поводом к свержению режима стали митинг 15 декабря 1989 г. в поддержку диссидента, протестантского священника Л. Тёкеша (род. в 1952 г.) в трансильванском городе Тимишоара. Прихожане и сочувствующие пастору жители города выступили против судебного решения о его выселении, принятого властями в ответ на правозащитную

деятельность Тёкеша. 16 декабря манифестация вылилась в массовую акцию протеста, проходившую под антиправительственными лозунгами и разогнанную полицией. Министр обороны В. Миля отказался участвовать в вооруженном подавлении повстанцев. Вместо него армейские части возглавил генерал В. Стэнкулеску. В ночь с 16 на 17 декабря военные подразделения вошли в Тимишоару и обстреляли местное население⁴. Правительство не оповещало граждан о происходящих событиях. В румынской прессе главный акцент в эти дни делался на трехдневном визите Н. Чаушеску в Иран (18–20 декабря)⁵. В последующие дни беспорядки охватили Бухарест, а затем всю страну, и продолжались вплоть до 29 декабря⁶.

К концу декабря, после «бархатных революций» в ГДР, Болгарии и Чехословакии, Румыния осталась фактически последним оплотом коммунизма в Европе. Отношения румынского коммунистического режима с СССР складывались в конце 1980-х гг. непросто. Приход к власти М. С. Горбачева в 1985 г. и начало перестройки насторожили Н. Чаушеску, поскольку быстро обесценили в глазах Запада его репутацию как лидера единственной страны-диссидента в социалистическом лагере⁷. Лидеры двух государств неоднократно встречались. 4 декабря 1989 г. в рамках встречи руководителей стран-участниц ОВД состоялась двусторонняя беседа М. С. Горбачева и Н. Чаушеску. Президент СРР в ходе встречи, оказавшейся для них последней, высказал недовольство тем фактом, что советская сторона обсуждала с американским президентом Дж. Бушем (старшим) перемены в Восточной Европе⁸. Румынский лидер, вероятно, опасался того, что Москва и Вашингтон окажут поддержку оппозиционерам существующего режима⁹.

М. С. Горбачев действительно был сторонником демократизации режимов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, относившихся к советской сфере влияния. С момента первой реакции советской прессы 20 декабря 1989 г. на волнения в СРР события, происходившие в этой стране, преподносились в качестве акта справедливого возмездия за годы нищенского существования миллионов румын. В этой связи наиболее показательны материалы, публиковавшиеся в советских официозах «Правда» и «Известия».

Задача данной работы — установить степень информированности советских печатных СМИ о событиях декабря 1989 г. в Румынии. В качестве предмета нашего исследования выступают выпуски газет

«Правда» и «Известия» за конец декабря 1989 г. Основное внимание обращено на следующие вопросы: каналы поступления информации в страну, круг затрагиваемых корреспондентами тем, а также оперативность подачи материала и способы его обработки. Предпринята попытка выяснить, существовали ли разногласия между позициями «Известий» и «Правды», а также между позициями этих официозов и других советских газет в отношении происходившего. При этом особенно важным для изучения представляется момент, когда газеты перешли от нейтралитета в освещении событий в Румынии к поддержке повстанцев.

Этапы и особенности восприятия румынской революции 1989 г. мировыми средствами массовой информации достаточно хорошо разработаны. Исследователями были проанализированы, в частности, американские и английские газеты¹⁰, а также материалы из итальянских СМИ¹¹.

Вместе с тем отражение декабрьских событий в советской прессе до сих пор мало изучено. Что же касается самой румынской революции, к ее изучению неоднократно обращались как российские историки, так и журналисты. Необходимо упомянуть работы В. Л. Мусатова¹², В. Л. Пещерского¹³, В. И. Потапова¹⁴, А. А. Язьковой¹⁵, написанные, в том числе, по материалам советской и румынской прессы. Несколько статей декабрьским событиям посвятила Н. Ю. Калашникова¹⁶. Работа с румынскими газетами начала 1990-х, обзор зарубежных исследований, а также привлечение архивных документов¹⁷ позволили вышеупомянутым авторам сделать ряд важных выводов о причинах радикальных политических изменений в стране в конце декабря 1989 г. и их последствиях.

В первые годы перестройки задачи СМИ в СССР изменились. Благодаря политике гласности, подразумевавшей ослабление цензуры¹⁸, пресса получила возможность в достаточно свободной манере излагать материал, а также критиковать происходившее в стране и за её пределами, в частности, в странах социалистического лагеря.

При освещении событий в Румынии «Известия» и «Правда», опирались, прежде всего, на информацию своих собственных корреспондентов. Помимо этого, 22 декабря в страну был командирован из Болгарии специальный корреспондент «Комсомольской Правды» О. Мамедов¹⁹. Интересными и богатыми по содержанию представляются также подборки материалов в еженедельнике «Новое время»

(авторы — М. Павлова-Сильванская, С. Свирин, Г. Сысоев, В. Пещерский, Д. Погоржельский, А. Бутенко)²⁰ и «Литературной газете»²¹. Остальные издания (органы печати общественных организаций и научных сообществ) при освещении международных событий, как правило, использовали только сводки советских и мировых информационных агентств или перепечатывали материалы из центральных газет.

Разветвленная корреспондентская сеть издания предоставляет ряд преимуществ. Она позволяет по крупницам собирать информацию, как из центра событий, так и из близлежащих стран, создавая подробную картину происходящего. В декабре 1989 г. в румынской столице работал корреспондент «Правды» В. Ведрашко, в молдавском Кишиневе от этой газеты — А. Пасечник, в украинском Львове — В. Дрозд. Газета «Известия» из Бухареста получала сведения от В. Володина, а в двадцатых числах месяца командировала в Тимишоару своего будапештского корреспондента Ф. Е. Лукьянова. Собственные корреспонденты, готовя репортажи из Румынии, использовали свои личные наблюдения, интервью с представителями новой власти и населением; сведения, почерпнутые из румынских фото-, теле- и радиорепортажей, они привлекали также результаты совместной работы с румынскими коллегами и информацию, полученную из ведомственных организаций (используя свое общение с сотрудниками ряда министерств СРР).

Сводки советских корреспондентов, работавших в Румынии, составлены, как правило, грамотно. В них содержатся отсылки к определенным каналам поступления информации, особо отмечены неподтвержденные сведения («по слухам», «якобы», «по неофициальным данным», «по неофициальной информации», «по сведению журналистов»)²². Создается впечатление, что скрупулезность изучения материала для составления обзоров была обусловлена не только директивами свыше, но также недостатком источников информации, их ограниченностью. Вторым каналом поступления информации в СССР были сводки новостных агентств: советского ТАСС, румынского Аджерпресс, югославского ТАНЮГ (Телеграфное агентство новой Югославии), британского Рейтер, французского Франс пресс, западногерманского ДПА (Немецкое агентство прессы) и др.

Ключевые позиции в советской печати занимали сообщения ТАСС. В Румынии работали корреспонденты А. Г. Бочаров, Д. Г. Дьяков, Н. Н. Морозов, В. Малютин. Именно им принадлежит

основная заслуга в освещении декабрьской революции 1989 г. Ежедневные сводки о происходившем по всей стране (в городах Тимишоара, Бухарест, Арад, Тырговиште, Олтеница, Плоешти, Брашов, Сибиу и др.) позволяют теперь составить четкую хронологию событий.

«Правда» и «Известия» публиковали также сообщения сотрудников ТАСС из Великобритании, Франции, ФРГ, ГДР, Польши, ЧССР, Болгарии, Венгрии, Монголии, КНР, КНДР, передававших информацию о реакции в мире на смену румынской политической верхушки. Первые упоминания о волнениях в СРР появились в сообщениях собственного корреспондента «Известий» В. Володина в московском вечернем выпуске 19 декабря, т.е. на пятый день после первых манифестаций в Тимишоаре²³. Газета «Правда» в выпуске от 19 декабря содержит лишь упоминание о прибытии днем ранее в иранскую столицу с трехдневным официальным визитом Н. Чаушеску²⁴. Стоит отметить, что вся информация в «Правде» и в утренних всесоюзных «Известиях»²⁵ публиковалась с опозданием на один день, т.к. новые выпуски, подписанные в печать вечером, выходили в свет только на следующее утро, уже после получения очередной порции материалов от информагентств и своих собственных корреспондентов. Краткие сводки ТАСС публиковали московский вечерний выпуск «Известий» и газета «Вечерняя Москва» (22, 23, 25–27 декабря)²⁶.

Ежедневную хронику о волнениях в Румынии «Правда» и «Известия» вели с 20 по 29 декабря 1989 г. Сводки отражали определенный круг тем, привлекавших первоочередное внимание журналистов. Помимо оперативных данных в газетах появлялись аналитические статьи, а также публикации официальных заявлений МИД, правительства СССР. По мере накала обстановки к середине двадцатых чисел декабря сведения о румынских волнениях стали занимать первые полосы газет.

Заметки из Румынии лаконично осведомляли о действиях повстанцев и реакции правительства, о количестве жертв, о формировании власти после отстранения Н. Чаушеску. Черпая часть информации из местной прессы, радио и телевидения, корреспонденты внимательно следили за всеми изменениями в румынских СМИ. Как и репортеры из других государств, советские журналисты проявляли особый интерес к получению сведений о соотечественниках, находившихся в Румынии (послы, члены дипломатической и торговой миссий, туристы).

Вспыхнувшие в Тимишоаре события румынское правительство в первые дни не предавало огласке. Центральное радио призывало граждан страны соблюдать общественный порядок. Поскольку правительство не позволяло румынским СМИ освещать волнения (основной темой новостей был визит Н. Чаушеску в Тегеран) и пресекало все попытки иностранцев комментировать их²⁷, советским журналистам в Бухаресте приходилось довольствоваться на первых порах исключительно слухами и сообщениями западных информгентств²⁸, а также собственными наблюдениями. Так, В. Володин и В. Ведрашко передавали информацию об усилении патрулирования улиц Бухареста, о закрытии доступа в город 20 декабря²⁹.

Первая реакция правительства на тимшоарские митинги и их разгон была озвучена только 21 декабря. Н. Чаушеску, вернувшись из Ирана, заявил по телевидению о том, что были совершены антиправительственные действия, и он вынужден ввести военное положение в уезде Тимиш³⁰. Сводки ТАСС, датированные тем же числом, сообщали, что президент Румынии организовал в полдень митинг в свою поддержку, пообещав изменить социальную политику. Но, как отмечали корреспонденты, ситуация в стране уже выходила из-под контроля: жители Бухареста прошли на ул. Магеру с ответной манифестацией и требованием отставки правительства³¹. По сведениям, переданным В. Ведрашко, утром 22 декабря Н. Чаушеску объявил режим военного положения по всей стране. Его усилия оказались тщетными: армейские части начали переходить на сторону повстанцев³², а руководство страны ушло в отставку³³. Н. Чаушеску был вынужден покинуть столицу на вертолете.

Позднее силы, поддерживавшие старую власть, стали проникать в Бухарест, и начали обстрел населения. Эти действия длились неделю. В прессе вооруженные люди фигурировали как «террористы». Корреспондент «Известий» В. Володин сделал предположение о том, что стреляли специальные отряды из личной гвардии Н. Чаушеску³⁴. Стычки происходили на городских улицах, в домах и даже на кладбищах в дни похорон жертв волнений. Сторонники президента обстреливали мирное население с вертолета, из машин скорой помощи, переодетые в гражданскую одежду. Боевые действия распространились на всю Румынию. Новостные агентства информировали об участии в стрельбе палестинских и ливийских наемников, однако правительства Израиля и Ливии опровергли эти обвинения³⁵. 27 декабря, как

писал корреспондент «Правды», было принято постановление об учреждении военных трибуналов в стране. Также регламентировался крайний срок добровольной сдачи оружия и боеприпасов (28 декабря, 17:00), по прошествии которого лица, продолжавшие вести вооруженную борьбу, должны были предстать перед этими трибуналами³⁶.

Со ссылкой на Аджерпресс «Правда» 23 декабря сообщила, о том, что 22 декабря власть перешла в руки Национального комитета демократии Румынии, сформированного из числа повстанцев³⁷. Еще через день поступило известие о его переименовании во Фронт национального спасения (ФНС), который взял курс на демократизацию страны. Из его программы следовало, что, оставаясь членом ОВД, страна отныне отказывалась от однопартийности, брала курс на перестройку экономики, внешней торговли и т. д.³⁸ Основу ФНС составили оппозиционные прежнему руководству партийные функционеры, деятели искусств, военные, порвавшие с режимом Чаушеску, вошли и рабочие, позднее в него включили членов тимшоарской организации с её руководителем Ф. Лорином³⁹. «Правда» и «Известия» по мере поступления материалов сообщали о составе временного правительства, публиковали его декреты (декрет о военном трибунале, декрет о функционировании ФНС), предоставляли сведения о новых руководящих кадрах, в частности, опубликовали краткую биографию возглавившего Совет ФНС И. Илиеску (род. в 1930 г.), бывшего секретаря ЦК РКП⁴⁰. Его первым заместителем стал Д. Мазилу, премьер-министром — П. Роман, министром национальной обороны — Н. Милитару⁴¹. К 29 декабря состав ФНС был расширен с 42 до 145 членов. Последовали новые назначения: заместителями премьер-министра были избраны М. Дрэгунаэску и Дж. В. Войкулеску, министерство национальной экономики возглавил генерал А. В. Стэнкулеску, министерство сельского хозяйства и пищевой промышленности — Н. Штефан, министерство культуры — А. Плешу, временным руководителем Союза писателей назначили М. Динеску⁴². 25 декабря был воссоздан Демократический союз венгров Румынии, начался процесс возрождения партий, сошедших с политической арены после государственного переворота в декабре 1947 г.⁴³ (Национал-царанистской и Национал-либеральной партий) и появления новых (демократической, экологической партий и др.)⁴⁴.

После смещения правительства на повестке дня встал вопрос об участии клана Н. Чаушеску. Еще до падения режима распростра-

лись слухи о том, что в государственном аппарате работало, по разным подсчетам, от 40 до 200 родственников президента. Эти сведения частично подтвердились⁴⁵. 22 декабря ТАСС сообщило, что президента и его жену перехватили в г. Тырговиште, а британское агентство Рейтер из Белграда ссылалось на то, что супругам якобы удалось бежать за границу⁴⁶. На следующий день И. Илиеску в телевыступлении подтвердил факт ареста Н. Чаушеску, его жены Елены и брата Илие⁴⁷. Сутки советская пресса молчала о судьбе диктатора и его супруги, а затем 26 декабря сообщила об их расстреле. Еще раньше об этом объявили по радио. Корреспонденты передавали в редакции газет сведения о деталях ареста: автомобиль, в который президент пересел из вертолета, был перехвачен в 100 км от Бухареста 22 декабря⁴⁸. «Известия» опубликовали полученную через агентство «Франс Пресс» стенограмму судебного заседания, вынесшего смертный приговор супружеской чете по обвинению в геноциде более 60 тыс. человек и подрыве национальной экономики. Телевидение показывало видеоролики о последних часах жизни президента и его жены (они транслировались потом по многим телеканалам мира), а тем временем правительство получало из-за рубежа обвинения в адрес новой власти, устроившей на Рождество кровавую расправу над главой государства. В интервью французским корреспондентам премьер-министр П. Роман заявлял, что данная мера была вынужденной и предупредила вероятность освобождения свергнутого диктатора из плена его сподвижниками⁴⁹. Позднее советская пресса также сообщила о задержании дочери Н. Чаушеску Зои, самоубийстве его брата Марина в румынском торговом представительстве в Вене. После казни встал вопрос об имуществе супругов и всего клана. Нота в адрес Швейцарии с просьбой начать поиски средств была фактически проигнорирована. Банки страны объяснили это нежеланием раскрывать тайну банковских операций⁵⁰.

После убийства Н. Чаушеску разгорелись споры о справедливости обвинения диктатора в геноциде. Сведения о количестве жертв волнений в Тимишоаре, Бухаресте и ряде других городов были очень противоречивыми. Официальные цифры на сегодняшний день таковы: 1104 убитых, 3352 раненых⁵¹. Но пресса в 1989 г. писала о гибели десятков тысяч людей. Из материалов «Известий» на самое большое количество жертв указывало западногерманское агентство ДПА (70 тыс. убитых и около 300 тыс. раненых). 24 декабря в газете со

ссылкой на ТАСС сообщалась информация о 5 тыс. убитых только в Тимишоаре, среди которых было около 800 детей. О таких же потерях, но уже в пределах всей страны, через несколько дней передавал корреспондент В. Володин⁵². Аналитический обозреватель «Известий» Ф. Лукьянов писал о том, что количество жертв колеблется от 6 до 12 тыс. человек. Он же заявлял о том, что убитых вероятно больше, так как поступают сведения о краже трупов из морга агентами безопасности⁵³. Главный врач крупнейшей столичной клиники Бухареста, куда отвозили людей с тяжелыми ранениями, А. Караси говорил о 5–7 тыс. убитых и 15–20 тыс. раненых⁵⁴. Но если число жертв было так велико, версия об укрытии трупов выглядит слишком неправдоподобной. Как можно было остаться незамеченными, вывозя тысячи трупов, особенно в те декабрьские дни, когда не утихали городские бои?

Зачем нужно было называть невероятные цифры? Чтобы взбудоражить население? Чтобы оправдать жестокую расправу над Н. Чаушеску? Определенного ответа нет. Но уже в последних числах декабря появились цифры, близкие к тем, что являются сейчас официальными. Бывший министр здравоохранения В. Чобану, выступая перед журналистами, сделал официальное заявление о том, что число погибших в Бухаресте не более 500⁵⁵. Любопытно, что, вопреки последовавшему позднее заявлению А. Караси, на 24 декабря «Правда» писала о немногим более 90 трупах, находившихся в главной городской больнице Бухареста. В Тимишоаре 25 декабря из 45 раненых, доставленных в тот день в медицинское учреждение, двое скончались⁵⁶. Несмотря на официальные цифры, вопрос о количестве жертв до сих пор вызывает дискуссии. Образованная в Румынии «Ассоциация 21 декабря 1989 г.» продолжает заниматься поисками пропавших без вести⁵⁷.

Корреспонденты из СССР активно следили за изменениями, происходившими в средствах массовой информации самой Румынии. 22 декабря корреспондент «Правды» В. Ведрашко сообщал, что в полдень силам сопротивления удалось занять здание радио и телевидения⁵⁸. С официальным теле- и радиовещанием, занимавшим несколько часов эфира ежедневно, было покончено⁵⁹. Румыны смогли увидеть на экранах телевизоров не только выступления членов партии, но и различные передачи, фильмы, мультипликацию, которые прежде были крайне редки. Декабрьские телерепортажи стали

главным информационным орудием в руках временного правительства: новости, заснятые аресты, обращения членов Совета ФНС. Сообщалось также о новой свободной прессе, о символичном переименовании газеты «Scântea pororului» («Искра народа») в «Adevarul» («Правда»), о появлении новых изданий: «Libertatea» («Свобода») и «România liberă» («Свободная Румыния»)⁶⁰.

Еще одной темой ежедневных сводок из Румынии были сообщения о судьбах советских граждан, находившихся в стране. 18 декабря были закрыты румынские границы с Югославией и Венгрией и до 5 января приостановился обмен туристическими группами под предлогом неблагоприятной погоды⁶¹. Сведения о туристах и семьях дипломатов из СССР «Правда» и «Известия» получали из пресс-центра МИД. Так, 26 декабря «Правда» сообщала о том, что в Румынии ранены два советских гражданина и десять автотуристов на румыно-югославской границе. Ответственными за эвакуацию структурами МИД было принято решение о переправке домой около 280 человек. При этом 224 советских туриста, находившихся на горных курортах, должны были остаться в стране «до первой возможности переправки»⁶². Подтверждение этой информации находим в «Известиях» за 28 декабря: со слов корреспондента в пресс-центре МИД Г.Чародеева, на родину «вернулось около 280 человек, из них более 120 — дети»⁶³.

Сотрудники «Правды» следили за поступающей в Советский Союз информацией о реакции на события в СРР за рубежом и публиковали заявления властей. Корреспонденты ТАСС в европейских и азиатских государствах подчеркивали, что отношение мировой общественности к смене власти в Румынии было положительным: все поддерживали необходимость отстранения Н. Чаушеску. После разгона демонстрантов в Тимишоаре с применением оружия незамедлительно осудили действия румынских властей венгерское, польское, югославское и чехословацкое правительства. Наиболее чувствительной к ситуации в Румынии оказалась соседняя Молдавия, в то время одна из республик в составе СССР. Корреспондент «Правды» в Кишиневе А. Пасечник передавал информацию о том, что 23 декабря была создана республиканская правительственная комиссия по оказанию помощи румынам во главе с первым заместителем председателя Совета Министров МССР М. Платоном⁶⁴. Гуманитарная помощь шла из СССР (в том числе из УССР, МССР), Швеции, Венгрии, Болгарии⁶⁵. В ФРГ было открыто 5 банковских счетов в целях сбора

средств для пострадавших в Румынии. Помимо СССР, КНР, соцстран Центральной и Юго-Восточной Европы (включая ГДР) власть ФНС до конца года признали Франция и ряд других государств. При этом во Франции и Великобритании на румынские события отреагировали антикоммунистическими кампаниями. В ответ местные коммунисты дали понять, что в Румынии были попораны права человека, и правление Чаушеску не имеет ничего общего с коммунистическими идеалами⁶⁶.

Официальную позицию советского руководства отражали публикации в газетах заявлений МИД, правительства, комментарии М. С. Горбачева на II Съезде народных депутатов СССР. Сначала МИД СССР отказывалось комментировать события в СРР, ссылаясь на неполноту информации⁶⁷. «Известия» опубликовали две любопытные заметки об обсуждении румынского вопроса с послом США в СССР Дж. Мэтлоком. 22 декабря 1989 г. с ним встретился министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварнадзе, а 24 декабря — его заместитель И. П. Абоимов⁶⁸. Газета отметила, что стороны обменялись мнениями. В заметке от 25 декабря нашла отражение ставшая к тому времени уже официальной позиция одобрения революционного брожения в Румынии, и вместе с тем представители пресс-службы МИД не изложили американскую точку зрения на происходящее в этой стране (кроме заявления США о готовности оказать Румынии гуманитарную помощь)⁶⁹. Из дневника И. П. Абоимова становятся ясны мотивы этого поступка. Лидеры США считали предпочтительным, чтобы СССР и страны ОВД ввели свои войска в Румынию. В. Л. Мусатов полагает, что таким образом США намеревались сделать более благоприятным внешнеполитический фон своей агрессии в отношении Панамы (вторжение США в Панаму, 20 декабря 1989 г. — 12 января 1990 г.)⁷⁰.

В дни румынской революции в Советском Союзе проходил II Съезд народных депутатов (12–24 декабря 1989 г.). Стенограммы заседаний публиковала газета «Известия». Судя по их содержанию, ситуация в Румынии крайне волновала депутатов, особенно делегированных из расположенной рядом Молдавии. С 22 по 24 декабря все речи председателя заседания М. С. Горбачева предварялись или завершались сводкой последних новостей из СРР. Руководство СССР действительно было слабо осведомлено о том, что там происходило, в силу чего в первые дни не могло занять определенную позицию.

М. С. Горбачев не решался реагировать на ситуацию в Бухаресте, не имея четкого представления о ней⁷¹. На 16-м заседании II съезда СНД 21 декабря он сообщил о том, что дал распоряжение советскому послу в румынской столице представить отчет о событиях⁷². На следующий день съезд, руководствуясь поступившей информацией, подготовил «Послание румынскому народу», опубликованное в газетах. Оно стало своеобразной нотой в поддержку революционного процесса⁷³. С этого же момента, т.е. с 23 декабря «Известия» и «Правда» перешли от нейтралитета в освещении событий к поддержке революционеров. Этой же позиции стали придерживаться и другие советские печатные издания⁷⁴. Разногласий между газетами и правительственной позицией не было, так же как отсутствовали противоречия в оценке революции между самими изданиями. В оповещении делегатов съезда о румынских событиях на последующих заседаниях чувствовалось, что информация, приходившая из Румынии, крайне противоречива. Казалось бы, каналы КГБ, МИД, ГРУ должны были располагать более точными данными, но точных сведений в выступлениях М. С. Горбачева не было. Когда члены ФНС объявили о желательности оказания военной помощи из-за рубежа, советская сторона оказалась в сложном положении. Новая внешняя политика СССР с отказом от «доктрины Брежнева» не позволяла осуществить интервенцию (в начале декабря была признана незаконной акция 1968 г. в отношении Чехословакии), но в то же время имело место и нежелание терять позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе. Отказ главы ФНС И. Илиеску и начальника генштаба ВВС Румынии С. Гушэ от военной помощи из-за рубежа разрешил эту дилемму⁷⁵.

Отношения с новыми властями на первых порах складывались дружеские. М. С. Горбачев всячески контактировал с румынской стороной: газеты опубликовали запись телефонного разговора с И. Илиеску, приветственные письма в адрес председателя ФНС и в адрес нового премьер-министра П. Романа⁷⁶. 5 апреля 1991 г. был подписан Договор о сотрудничестве, добрососедстве и дружбе с СССР, фактически означавший отказ от территориальных претензий Румынии в отношении Бессарабии. Поворот Румынии в сторону Запада проявится позднее, с распадом советского государства.

Исходя из проведенного исследования, можно говорить о том, что освещение румынской революции в советских газетах было очень информативным и, насколько это было возможно, достоверным.

Сомнительные сведения старались в кратчайшие сроки уточнить. В газетах информация подавалась в качестве сводки, пересказов телефонных разговоров с корреспондентами, а также их собственных статей. Предпринимались и попытки по горячим следам событий проанализировать ситуацию в стране и её возможные последствия.

После официального заявления Советского Союза о справедливости действий народа, пресса с 23 декабря перешла от нейтралитета в освещении событий к однозначной поддержке повстанцев. Это стало возможным и по другой причине. К этому моменту сведения, поступающие из Румынии, стали полноценнее, в силу того, что волнения перекинулись в столицу, где находилось большинство журнальных самых разных изданий.

Газеты затронули определенный круг тем, связанных с революцией, таких как: проблема перерастания регионального по своему масштабу конфликта в беспорядки по всей стране, реакция румынских властей, формирование позиции СССР и мирового сообщества в связи с волнениями в Румынии. Особое место в «Правде» и «Известиях» отводилось роли румынских СМИ в событиях. После падения режима Н. Чаушеску пресса представила всю необходимую информацию о формировании новой власти. Не остался без внимания и вопрос о жертвах трагических событий декабря 1989 г. Наряду с реакцией на казнь диктатора, на страницах газет развернулась дискуссия о числе погибших, а также затрагивался вопрос об участии советских граждан, пребывавших в эти дни в Румынии.

Именно в прессе были поставлены вопросы, волновавшие мировую общественность: что произошло в Румынии: революция, путч или смена правящей элиты, кто стоял за сменой режима, почему Н. Чаушеску и его жена были спешно казнены, кто обстреливал мирное население на улицах румынских городов, по каким причинам в дни волнений завышали реальное число жертв⁷⁷. Эти вопросы до сих пор остаются дискуссионными.

Примечания

¹ Так символически принято называть события в ГДР, Чехословакии, Болгарии, в ходе которых мирным путем удалось свергнуть коммунистические режимы в регионе. В Венгрии и Польше не было даже бархатных революций, там происходили эволюционные процессы.

² История антикоммунистических революций конца XX века. Центральная и Юго-Восточная Европа / Под ред. Ю. С. Новопашина. М., 2007. С. 23.

³ Opreș P. Politici de raționalizare a consumului în economia românească, 1974–1989 // Arhivele totalitarismului. № 56–57, 3–4/2007. București, 2007. P. 203–224.

⁴ Deletant D. Romania sub regimul communist. București, 1997. P. 191–200.

⁵ Целью визита было договориться о дополнительных поставках нефти в Румынию.

⁶ Coman I. Timișoara. Zece ani de la sângerosul decembrie 1989. Documentar. București, 1999; Deletant D. Romania under communist rule. București, 2008; Sava C., Monac C. Revoluția română din decembrie 1989 retrăită prin documente și mărturii. București, 2001; Scurtu I. Revoluția română din decembrie 1989 în context internațional. București, 2006.

⁷ При Г. Георгиу-Деже в конце 1950-х — середине 1960-х гг. сложились объективные предпосылки «особого внешнеполитического курса» Н. Чаушеску. Советское влияние в стране сокращалось с каждым годом. Румыния стала единственной страной соц. лагеря, из которой были выведены войска Советского Союза (1958) до его распада. Не желая оставаться аграрным придатком в рамках СЭВ, СРР начинает активно сотрудничать с западными государствами. Об «особом внешнеполитическом курсе» см.: Васильев А. В. «Особый курс» Н. Чаушеску — внешняя политика в условиях лимитирующих факторов // Россия XXI. М., 2001. № 4. С. 72–97.

⁸ Имеется ввиду встреча глав США и СССР на Мальте 2–3 декабря 1989 г.

⁹ Горбачев М. С. Жизнь и реформы. Т. 2. М., 1995. С. 390–404; Săndulescu Ș. Decembrie '89. Lovitura de stat a confiscat Revoluția română. Colecția Documente. București, 1996. V.1.

¹⁰ Revoluția română văzută de ziaristi americani și englezi. București, 1991.

¹¹ Decembrie 89 în presa italiană. Reportaje, interviuri, comentarii / Ed. de N. Luca. București, 1999.

¹² Мусатов В. Л. Горбачевская перестройка и режим Чаушеску // Новая и новейшая история. М., 2010. № 3. С. 106–119; Мусатов В. Л. Советско-румынские отношения в период кризиса и краха режима Чаушеску // Революции и реформы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: 20 лет спустя / Под ред. К. В. Никифорова. М., 2011. С. 191–211.

¹³ Пешерский В. Л. Бесславный конец. Взлет и падение Николае Чаушеску // Новое время. М., 1990. № 2. С. 8–9.

¹⁴ Потапов В. И. Судьба диктатора Чаушеску // Новая и новейшая история. 1990. № 4. С. 96–120.

¹⁵ Юго-Восточная Европа в эпоху кардинальных перемен // Под ред. А. А. Язьковой. М., 2007; Язькова А. А. Крах «золотой эпохи» Чаушеску // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 14–24.

¹⁶ Калашникова Н. Ю. Чаушеску жив? Политические реалии постсоциалистической Румынии // «Восточноевропейский социализм»: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992. С. 187–197; Она же. Румынская коммунистическая партия в 1945–1990 гг. // Балканские исследования. М., 1994. Вып. 12. С. 210–229; Она же. Семейный портрет в интерьере: Эпоха и клан Чаушеску // Бывшие «хозяева» Восточной Европы / Под ред. Ю. С. Новопашина. М., 1995. С. 205–255.

¹⁷ Документы, хранящиеся в архивах, были использованы В. Л. Мусатовым.

¹⁸ Горбачев М. С. Политический доклад центрального комитета КПСС XXVII съезду коммунистической партии Советского Союза // Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. М., 1987. Т. 3.; Шубин А. В. Парадоксы Перестройки: неиспользованный шанс СССР. М., 2005; Buga V. Apusul unui imperiu. URSS în epoca Gorbaciov, 1985–1991. București, 2007.

¹⁹ Комсомольская правда. 1989. 23.12. С. 1.

²⁰ Новое время. М., 1990. №№ 1–6.

²¹ Литературная газета. 1989. № 52. С. 9.

²² Известия. 1989. 19–22.12.; Там же. 1989. 28.12. С. 6.; Правда. 1989. 19–22.12.; Там же. 1989. 30.12. С. 5.

²³ Известия. 1989. 19.12. С. 8.

²⁴ Правда. 1989. 19.12. С. 5.

²⁵ «Известия» в то время выходили двумя выпусками — московский вечерний и утренний на весь СССР.

²⁶ Вечерняя Москва. 1989. 22–23.12., 25–27.12.

²⁷ К событиям 1989 года в Румынии // Дипломатический вестник. М., 1994. № 21–22. С. 74–75.

²⁸ Известия. 1989. 20.12. С. 8; Правда. 1989. 20.12. С. 5.

²⁹ Известия. 1989. 20.12. С. 8, Известия. 1989. 21.12. С. 8

³⁰ Известия. 1989. 22.12. С. 12. С 1968 г. жудец — основная административно-территориальная единица в Румынии

³¹ Там же; Правда. 1989. 22.12. С. 5.

³² К этому после занятия оппозицией здания телецентра призывали в интервью глава бухарестского гарнизона генерал-лейтенант М. Кицак и командующий войсками госбезопасности генерал Ю. Влад, арестованный новыми временными властями бывший министр внутренних дел Т. Постельнику.

³³ Правда. 1989. 24.12. С. 6; Там же. 25.12. С. 5.

³⁴ Известия. 1989. 25.12. С. 12.

³⁵ Там же. 27.12. С. 4; Там же. 29.12. С. 7.

³⁶ Правда. 1989. 28.12. С. 5.

³⁷ Там же. 23.12. С. 6.

³⁸ Там же. 24.12. С. 5.

³⁹ Сысоев Г. Новые люди в Тимишоаре // Новое время. М., 1990. № 2. С. 7.

- ⁴⁰ Известия. 1989. 26.12. С. 4.
- ⁴¹ Позже И. Илиеску стал президентом Румынии, правительство возглавил П. Роман. Д. Мазилу уже в начале 1990 г. из-за разногласий с Чаушеску вышел из Совета ФНС.
- ⁴² Известия. 1989. 27.12. С. 4.; Правда. 1989. 30.12. С. 5.
- ⁴³ 30 декабря 1947 г. в Румынии путем внутривластного заговора была свергнута монархия. Новое правительство, в котором ключевые позиции сосредоточили коммунисты, возглавил П. Гроза (сам он формально не был коммунистом). В результате планомерного устранения оппозиции у власти оказалась единственная партия — Румынская рабочая партия (с 1965 г. — Коммунистическая партия Румынии).
- ⁴⁴ Известия. 1989. 28.12. С. 5.
- ⁴⁵ Павлова-Сильванская М. Крах великого кондуктора // Новое время. М., 1990. № 1. С. 5–7.
- ⁴⁶ Известия. 1989. 23.12. С. 11; Правда. 1989. 23.12. С. 6.
- ⁴⁷ Там же. 24.12. С. 8.
- ⁴⁸ Правда. 1989. 26.12. С. 5., Там же. 27.12. С. 5.
- ⁴⁹ Известия. 1989. 27.12. С. 4.
- ⁵⁰ Там же. 26.12. С. 4; Там же. 28.12. С. 5; Там же. 29.12. С. 1.
- ⁵¹ Gabanyi A. U. Systemwechsel in Rumänien. Von der Revolution zur Transformation. München, 1998. P. 6–8.
- ⁵² Известия. 1989. 24.12. С. 8; Там же. 27.12. С. 4.
- ⁵³ Там же. 28.12. С. 6.
- ⁵⁴ Там же. 27.12. С. 4.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Правда. 1989. 25.12. С. 5; Там же. 1989. 26.12. С. 5.
- ⁵⁷ Asociatia 21 decembrie. URL: <<http://www.asociatia21decembrie.ro>> (дата обращения: 12.02. 2012).
- ⁵⁸ Правда. 1989. 23.12. С. 6.
- ⁵⁹ В Румынии, к тому времени, вещание было ограничено 2–3 часами в сутки. В эфирное время транслировались официальные мероприятия (заседания, съезды, собрания), а также визиты и встречи Чаушеску с лидерами иностранных государств.
- ⁶⁰ Известия. 1989. 26.12. С. 4; Правда. 1989. 26.12. С. 5.
- ⁶¹ Известия. 1989. 20.12. С. 8; Правда. 1989. 20.12. С. 5.
- ⁶² Правда. 1989. 26.12. С. 5.
- ⁶³ Известия. 1989. 27.12. С. 6.
- ⁶⁴ Там же. 21.12. С. 8; Правда. 1989. 21.12. С. 4; Там же. 24.12. С. 5.
- ⁶⁵ Конкретную информацию о масштабах помощи из СССР см.: Правда. 1990. 07.01.
- ⁶⁶ Правда. 1989. 29.12. С. 6.
- ⁶⁷ Известия. 1989. 21.12. С. 8.

⁶⁸ К событиям 1989 года в Румынии // Дипломатический вестник. М., 1994. № 21–22. С. 78–79.

⁶⁹ Известия. 1989. 23.12. С. 11; Известия. 1989. 25.12. С. 12.

⁷⁰ Мусатов В.Л. Советско-румынские отношения в период кризиса... С. 209. В дневнике Абоимова дается следующее изложение содержания его беседы с послом США: «Затем Мэтлок коснулся вопроса, который он, судя по всему, с самого начала беседы имел в виду поднять. Администрацию, сказал он, весьма интересуется, действительно ли абсолютно исключена возможность оказания Советским союзом военной помощи румынскому Фронту национального спасения. Мэтлок пробросил и такой вариант: а как-де поступит Советский Союз в случае соответствующего обращения со стороны Фронта? Параллельно посол провел мысль, явно санкционированную из Вашингтона. Он дал понять, что при нынешнем раскладе военное участие Советского Союза в румынских событиях могло бы не подпадать под «доктрину Брежнева». На этот зондаж американца дал ответ совершенно четкий и недвусмысленный, изложив нашу принципиальную позицию. Заявил, что такой сценарий нами не рассматривался даже теоретически. Мы против любого вмешательства во внутренние дела других государств и намерены твердо и неуклонно следовать позиции. Так что американская сторона может считать, что «доктрину Брежнева» мы подарили ей» (К событиям 1989 года в Румынии // Дипломатический вестник. М., 1994. № 21–22. С. 79.)

⁷¹ Выступления М.С. Горбачева, находившие отражение в декабре 1989 г. в центральной прессе, были опубликованы позже в собрании его сочинений. См.: Горбачев М. С. Собрание сочинений. Т. 17. М., 2010.

⁷² Известия. 1989. 23.12. С. 9.

⁷³ Правда. 1989. 23.12. С. 1.; Известия. 1989. 23.12. С. 1.

⁷⁴ Комсомольская правда. 1989. 24.12., Московская правда. 1989. 25.12., Литературная газета. 1989. 27.12., Советская Молдавия. 1989. 24.12., Московский комсомолец. 1989. 24.12., Вечерняя Москва. 1989. 25.12.

⁷⁵ Известия. 1989. 25.12. С. 11.

⁷⁶ Там же. 27.12. С. 1; Там же. 27.12. Веч. выпуск С. 1.

⁷⁷ См.: Морозов Н.Н. Декабрьские восстания 1989 г. в Румынии: революция или путч // Неприкосновенный запас. М., 2009. № 6. С. 217–225.

Г. Н. Энгельгардт

**Балканы для ангажированных
интеллектуалов:
влияние общественных деятелей
на формирование политики Франции
в югославском кризисе 1991–1995 гг.**

Процесс формирования позиции Франции по балканскому кризису в первой половине 1990-х гг. представляет интерес как с точки зрения истории самого кризиса и международных усилий по его разрешению, так и как модель, которая затем повторялась Парижем и в отношении других конфликтов конца XX — начала XXI вв. Особого рассмотрения заслуживают механизмы влияния общественных деятелей и неправительственных организаций (НПО) на формирование и коррекцию политического курса Франции в отношении крупной международной проблемы. Поэтому история эволюции французской политики на первых (хорватском и боснийском) этапах кризиса служит показательным примером как выработки курса этой державы, так и ее влияния на ход событий в очаге конфликта.

Балканский кризис конца XX — начала XXI вв. непосредственно повлиял на самые разные стороны европейских и мировых процессов. В том числе он показал существенную трансформацию системы «исторических союзов» в регионе.

Как правило, в предшествовавших конфликтах XX в. каждая из соперничавших балканских наций или держав опиралась на поддержку дружественных внешних сил (например, хорваты и словенцы — Германии, Австрии и/или Италии; Сербия и Греция — Британии, Франции, России и США; мусульмане (с 1993 г. использующие самоназвание «бошняки») — Османской империи; албанцы — Австро-Венгрии и Италии). Поэтому, хотя региональные конфликты и могли выйти за локальные рамки, благодаря общему балансу сил «стран поддержки» враждующие стороны всегда оставались в относительно равном положении.

Однако события 1991–1996 гг. продемонстрировали значительную эволюцию, если не полный коллапс, этой системы. В то время

как традиционные связи одного из лагерей (Словении и Хорватии) с соседями по Mitteleurop'e (Германией в первую очередь), восстановились в полном объеме, а впервые обретшие самостоятельность боснийские мусульмане добились решающей поддержки от США и исламского мира, сербская сторона оказалась в беспрецедентной международной изоляции.

В начале конфликта сербская (и не только) общественность полагала, что «вековые союзники» поддержат и сербов. Ведь в обеих мировых войнах Сербия (или сербское население Югославии) сражалась на стороне Антанты или антигитлеровской коалиции, в то время как хорваты, словенцы и мусульмане активно поддерживали Четверной союз и Третий рейх, в крайнем случае, соблюдали благожелательный нейтралитет. Сербы были убеждены, что их жертвы на алтарь общей победы навсегда обеспечили им постоянную дружбу и поддержку Англии и Франции. Нельзя сбрасывать со счетов и давние культурные связи, равно как и англо- и франкофильские традиции сербской элиты.

Но в реальности ни Англия, ни Франция не встали открыто на сторону Белграда. Более того, после известного колебания и сопротивления, они также заняли антисербскую позицию, хотя и не столь выраженную, как у США, Германии и стран исламского мира.

Каким образом это произошло и оказалось возможным?

Проследим эволюцию отношения французского общественного мнения к балканскому кризису.

Чем интересно отношение к нему французского общества? По мнению самих французских дипломатов, именно общественное давление привело к изменению официального подхода к проблеме. Отметим, что различия между общественным мнением и политикой правительства были весьма значительными, но в критические моменты правительство всегда уступало внутреннему давлению.

Если франкофильство было сильно в Белграде, то это не означало автоматической взаимности в Париже. Да, именами Петра и Александра, королей Сербии и Югославии начала XX века, названы улицы столицы Франции! Но ведь у Франции было много союзников и друзей... Рассматривая отношение к сербам во французской традиции нельзя не признать, что исторические связи Франции и, например, Польши несравнимо крепче и глубже. Однако, в любом случае, к сербам во Франции относились определенно лучше, чем к хорватам,

которых все-таки подозревали в пронацистских симпатиях. Важную роль сыграло и то, что для многих французов сербы уже растворились в общей массе «югославов», и их национальная самобытность, стремления и позиции были весьма смутны.

Кратко обрисует политику Франции на первом этапе балканского кризиса (распад СФРЮ и боснийский кризис).

Можно выделить две фазы этой политики, определенные фигурами французских президентов этого периода. Если администрация Франсуа Миттерана, возглавлявшего Францию в 1981–1995 гг., старалась не переступить грань между дипломатическим участием и прямым вовлечением в конфликт, то его преемник Жак Ширак, руководивший страной в 1995–2007 гг., уже в конце мая 1995 г. сделал этот шаг, поддержав бомбардировки сербских позиций у Сараево за срыв мусульманского наступления в мае 1995 г. Бомбардировки привели к майскому кризису с заложниками, за которым немедленно последовало создание сил быстрого реагирования (СБР), ставших своего рода переходной структурой от СООНО² к ИФОР³. Одним из главных элементов этого контингента, размещенного на горе Игман над Сараево, стали части французского Иностранного Легиона. Уже летом 1995 г. строго антисербская направленность СБР была очевидна всем наблюдателям, кроме тогдашнего российского МИДа. Она реализовалась в ходе сентябрьского кризиса 1995 г., когда артиллерия СБР активно обстреливала сербские позиции и объекты. Активное участие в воздушной операции НАТО в Боснии приняла и французская авиация, причем сербы сбивали над Сараево французский «Мираж» и взяли в плен двух его пилотов. Этот незначительный военный эпизод (единственный самолет НАТО, сбитый ПВО Республики Сербской (РС) в ходе авиаударов альянса в августе–сентябре 1995 г.) оказал определенное влияние на завершающие стадии дейтонского переговорного процесса, так как освобождение двух летчиков стало приоритетным политическим вопросом для французского правительства. В конце ноября–начале декабря 1995 г. президент Жак Ширак даже поставил освобождение пилотов условием формального заключения мирного соглашения по Боснии. В итоге совместной операции Службы внешней разведки (СВР) России и спецслужб Франции пилоты были переданы властям СРЮ и затем возвращены на родину, а Ширак получил возможность провести престижную церемонию 16 декабря 1995 г. в Елисейском дворце и назвать Дейтонские соглашения Дейтонско-Парижскими.

При этом основа французского подхода к проблеме сложилась все же в президентство Ф. Миттерана. На этот счет существует примечательное свидетельство одного из экспертов Кэ д'Орсэ по Югославии, Пьера Руйе (Pierre Royet): «Еще в 1991 г. был поставлен вопрос, имеются ли какие-нибудь реальные основания особого характера франко-сербских отношений. Ответ был дан весьма четко — эти отношения являются достоянием прошлого и существовали лишь в первой трети XX века — с 1903 по 1936 гг. Французское присутствие в экономике Югославии и Сербии незначительно, да и вообще Балканы относятся к немецкой экономической зоне. В сущности, Франция не имеет серьезных интересов на Балканах и, несмотря на относительную близость, кризис является для нас периферийной проблемой»⁴.

Но хотя кризис и не затрагивал жизненных интересов Франции, он представлялся Парижу прекрасной возможностью поднять престиж Франции как влиятельной державы, в том числе и в международных организациях, включая ООН. Обладая ограниченными силами, Франция выступала за коллективное решение конфликта державами, дорожа самим фактом своего участия в процессе выработки решений и подчиняясь логике процесса⁵, т.е. диктату наиболее заинтересованных держав: это относится к признанию независимости Хорватии и Словении (под нажимом Германии) и к политике первой половины 1990-х гг. в Боснии.

Изначально Франция была против отделения Хорватии и Словении по следующим причинам:

- сугубо этническая основа хорватского и словенского сепаратизма;
- отделение разрушает существующее государство;
- создает угрозу миру в регионе;
- увеличение числа государств в Европе объективно усложняет европейские отношения⁶.

Однако на исходе 1991 г. Ф. Миттеран считал возможным согласиться с требованием Берлина признать независимость Словении и Хорватии, так как важнее сохранения целостности распадавшейся федерации для него было заключение Маастрихтских соглашений и поддержание внешнеполитического единства ЕС.

Для поддержания международного авторитета Париж отправил на Балканы наиболее внушительный контингент «голубых ка-

сок» — в 1994 г. он достиг 7500 военнослужащих (однако это заставило Францию крайне осторожно относиться к любым попыткам перейти к военному участию в конфликте из-за опасений за безопасность своих военных, т.е. из-за возможности внутренних осложнений). Ряд французских генералов (Ф. Морийон, А. Кот, Б. Жанвье, Б. де Лапрель) занимали руководящие посты в СООНО. Особый акцент был сделан на гуманитарных аспектах как наиболее зримых и популярных на внутривосточной сцене. Речь идет о бурной деятельности министра здравоохранения и гуманитарных проблем Бернара Кушнера, исколесившего в 1991–начале 1992 гг. югославские фронты. Кушнер, создавший в 1971 г. международную организацию «Врачи без границ», использовал Боснию как важный этап в своей карьере: в 1999–2001 гг. он был главой миссии ООН в оккупированном Косово, а в 2007–2010 гг. занимал пост главы МИД Франции. Реакцией на его широко освещавшиеся в СМИ вояжи по Балканам стала сатирическая книга «Югославские блуждания Бернара К. или гуманитарный обман»⁷. Большое внимание придавалось эффектному визиту Франсуа Миттерана в Сараево 28 июня 1992 г., результатом которого явилась передача сербскими силами сараевского аэродрома Бутмир под контроль СООНО и открытие его для доставки гуманитарных грузов в Сараево. При этом следует отметить, что, несмотря на эту сдержанность, французы понесли в ходе миссий СООНО в Хорватии и БиГ достаточно заметные потери — 55 военных (9 в 1992 г., 8 — в 1993 г., 4 — в 1994 г. и 34 в 1995 г.)⁸.

Тем не менее неверно и преуменьшать роль Франции, определившей такое ключевое решение того периода, как заключение Арбитражной Комиссии ЕС (более известной как комиссия Бадинтера) по Боснии. Робер Бадинтер — председатель Конституционного суда Франции в 1986–95 гг. Арбитражная комиссия ЕС действовала с ноября 1991 г. по январь 1993 г. По мнению ряда наблюдателей, «то, что называлось комиссией Бадинтера, по сути дела свелось к самому Бадинтеру»⁹. Логика этого решения была сугубо французской¹⁰: так как в Республике может существовать только единая политическая нация, то никакая этническая группа не может опротестовывать волю арифметического большинства жителей. На основании этого комиссия поддержала провозглашение независимости БиГ и отклонила протесты сербской общины, бойкотировавшей референдум

по вопросу о независимости республики. Следует отметить, что МИД Франции выступал против зафиксированного в заключении подхода к превращению административных границ в международные и выступал за возможность их пересмотра. Другой важной инициативой Франции было создание в 1993 г. Международного Трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) в Гааге. Выходя за хронологические рамки статьи, отметим весьма ревнивое отношение французов к преобладанию граждан англосаксонских стран (США, Великобритания, Канада, Новой Зеландии, Австралии и ЮАР) как в руководстве МТБЮ, так и в числе персонала этого учреждения¹¹.

Рассматривая эффективность пропаганды самих сторон конфликта, следует отметить, что провал сербской пропаганды и успех хорватской, а затем и мусульманской был вызван следующими факторами:

— сербская пропаганда оперировала общими понятиями: союзничество в мировых войнах, традиции хорватского нацизма, зверства усташей в 1941–1945 гг., подстрекательская роль Германии, фундаментализм лидера боснийских мусульман Алии Изетбеговича;

— их противники использовали совершенно иную аргументацию — конкретные современные человеческие страдания мирного населения и стремление своих стран в Европу.

Огромную роль сыграли СМИ, создавшие у общества иллюзию полной осведомленности о войне, но при этом показывавшие ее лишь с одной линии фронта. Тем самым закреплялось представление о сербах как основных виновниках происходивших ужасов и хорватах (потом и мусульманах) как их безвинных жертвах. Образно говоря, сербам отводилась подавляющая часть ответственности за разжигание кризиса и военные преступления, хорватам — значительно меньшая, а мусульманам — лишь самая незначительная, причем лишь «в порядке возмездия».

Понятно, в чью пользу делали свой выбор интеллектуалы и активисты общественных движений, т.е. те, кто и определяет общественное мнение.

В ходе первой фазы войны — сербо-хорватских столкновений в Краине 1991 г., — симпатии французов были достаточно неопределенны и, скорее, ограничивались желанием положить конец кровопролитию, так как достаточно националистический проект Хорватии Ф. Туджмана во Франции не вызывал особых симпатий.

Причина этого тесно связана с французским отношением к национальной и этнической проблематике. Еще к эпохе революции 1789 г. восходит французская интерпретация нации как гражданской, политической, а не этнической общности. По классическому определению Э. Ренана, «нация — это ежедневный референдум, ... желание жить вместе»¹². Высшим выражением ее является Республика с большой буквы. Любая попытка раскола Республики по национальному признаку автоматически вызывает у сторонников «французского подхода» активное неприятие. Именно потому многие в Париже осуждали Хорватию и Словению за стремление развалить многонациональную страну на этнические государства. Это общее настроение вполне передает название дискуссии, проходившей 28–29 февраля 1992 г. под личным патронажем президента Ф. Миттерана: «Племена или Европа?».

Именно в это время философ Алэн Финкелькрут (Alain Finkielkraut) как во многочисленных интервью, так и вышедшей позднее книге «Можно ли быть хорватом?»¹³ выступил в защиту хорватского и словенского сепаратизма. Он утверждал, что развал общности низшего уровня (Югославии) оправдан, если он предпринимается ради интеграции в общность более высокого уровня — ЕС¹⁴.

Ситуация стала меняться с началом осады югославской армией Вуковара и Дубровника в сентябре-октябре 1991 г. Уже в октябре 1991 г. появляется первое требование признать независимость Хорватии и Словении, подписанное более чем сотней известных деятелей¹⁵. Далее кампания набрала ход, хотя продолжались и попытки защитить югославскую идею, призывы к «югославам» в ноябре 1991 г. не «доверять ни одному из национализмов». Поэтому и противостояние сторонникам Хорватии велось с позиций защиты «космополитической идеи югославянства», а не поддержки сербов как таковых.

Неудивительно, что как только стал очевидным окончательный крах Югославии, то по инерции и фактически теми же деятелями (философ Бернар-Анри Леви — Bernard-Henry Levy; славист Катрин Самари — Catherine Samary) начинается пропаганда идеи «защиты Боснии». Эту пропаганду можно свести к формуле: «Если мы не смогли спасти от националистов Югославию, то нужно сохранить Боснию как Югославию в миниатюре»¹⁶. Первая заметная манифестация в защиту Боснии состоялась в Париже 25 июня 1992 г.

Очевидно, что главным фактором изменения отношения к сербам стали репортажи из осажденного Сараева, представлявшие действия армии Республики Сербской как бессмысленное и жестокое уничтожение мирных жителей, а также съемки из лагерей интернированных в Боснийской Краине (август 1992 г.). Умело представленные как классические лагеря смерти, они окончательно закрепили за боснийскими сербами образ «фашистов», агрессоров, варваров, осознанно проводящих политику этнических чисток. Само это понятие — «этническая чистка», ворвавшееся во французский дискурс с Балкан, оставалось достаточно неопределенным. Во французской прессе встречались такие формулировки: «идти на фронт (сербу) значит совершать этническую чистку»¹⁷. Одно было ясно — это нечто гнусное, совершаемое сербами. Примечательно, что первое, вышедшее на французском языке исследование «этнических чисток», принадлежало группе хорватских авторов и было вполне политически ангажированным¹⁸. К этому добавился еще и образ «национал-коммуниста» С. Милошевича как «идеолога Великой Сербии». Сатанизация сербов стала свершившимся фактом, так как эти стереотипы прочно закрепились в общественном сознании. Можно отметить выпущенный в конце 1992 г. движением «Врачи без границ» плакат, прямо отождествлявший С. Милошевича (а значит и сербов) с Гитлером. Окончательную солидность и официальный характер виновности сербов дали доклады комиссии Т. Мазовецкого. Попытки президента Ф. Миттерана провести относительно сбалансированный подход привели к прямо противоположному результату из-за катастрофического падения популярности главы государства с середины его второго мандата.

Во французских интеллектуальных кругах, традиционно тяготевших к левым идеям, 1970–1980-е гг. были связаны с серьезной переоценкой ценностей и выбором новых ориентиров. Разочарование в советском социализме и маоизме привело многих бывших гошистов 68-го года к общему осуждению тоталитаризма и пропаганде европейского единства. Горбачевская перестройка, «бархатные» революции 1989 г., падение Берлинской стены, демократический антикоммунизм — все это символы преобразования советского блока давали французским интеллектуалам некое ощущение «конца истории» по Ф. Фукуяме, всеислия Европы и Запада в целом, еще более упрощенное триумфом Запада в первой войне в Персидском заливе 1991 г.

Потому кровавый конфликт, разразившийся пусть не в Западной, но все же в Европе, стал для них потрясением.

Довольно распространенным было мнение, что Европа может и должна решительно положить ему конец. На общем фоне спокойной и размеренной европейской жизни общественному горению объективно оставалось мало места, помимо защиты иммигрантов от расистов и прочих «малых дел». Поэтому балканский кризис для многих интеллектуалов оказался как нельзя кстати. Открылась превосходная возможность саморекламы, постоянного присутствия в СМИ по самым благородным — гуманитарным поводам. Мало-помалу начинается настоящее паломничество в Югославию (в основном в Хорватию и в Сараево) с любыми миссиями, главная цель которых — обязательное позирование в бронезилете перед камерами. Как сформулировал Бернар-Анри Леви «у нас теперь есть своя Испания»¹⁹. Бернар-Анри Леви, или «Бэ-Аш-Эль», как называла его французская пресса, одна из медиа-звезд страны, полужурналист-полуфилософ, а с 1993 г. — председатель наблюдательного совета Седьмого канала ТВ-Арте, вечный соперник Алэна Финкелькрута, подключился к кризису в Югославии уже на боснийском его этапе, возглавив кампанию в защиту «многонациональной, плюралистической и терпимой Боснии-Герцеговины» против «агрессии сербского фашизма». Главный лозунг этой кампании состоял в требовании военной интервенции великих держав против сербов и/или отмены эмбарго СБ ООН на поставки оружия правительству Сараево.

Идея раздела Боснии между враждовавшими общинами отвергалась в принципе при постоянном проведении параллелей между Боснией и Францией как Республиками. Эти лозунги полностью совпадали с позицией правительства А. Изетбеговича, декларировавшего свою приверженность целостности боснийского государства. По ироничному замечанию газеты «Монд», «г-н Леви в некотором роде взял на себя пиар А. Изетбеговича в Париже»²⁰.

Антисербское движение стало реальностью, объединив самые полярные взгляды: А. Финкелькрут, защищающий право малых наций на самоопределение для хорватов и словенцев, и Бэ-Аш-Эль, восхваляющий воображаемую «многонациональную, плюралистическую и толерантную» Боснию А. Изетбеговича и обвиняющий боснийских сербов в сепаратизме, национализме и фашизме. Опорой движения становятся многочисленные общественные группы антирасистского,

правозащитного, культурного, гуманитарного характера, молодежные и профсоюзные объединения. С начала 1993 г. создаются и новые кружки, такие как комитет «Вуковар-Сараево», ассоциации солидарности с Боснией²¹. В привлечении симпатии женских организаций ключевую роль сыграли репортажи о массовых изнасилованиях мусульманок сербами²². В 1993—1994 г. эта мобилизация набирает все больший размах, появляется ряд инициатив, так или иначе связанных с Сараево, как, например, объявление города культурной столицей Европы в 1993 г.

Кульминацией общественной мобилизации стало выдвижение в 1994 г. на выборах в Европейский парламент списка «Европа начинается в Сараево», поддержанного более чем 300 общественными организациями. Главная цель идеологов списка — доказать общественное влияние интеллектуалов. Он замышлялся как партия интеллигенции и должен был показать вес, каким обладают в век масс-медиа «мыслители», их способность мобилизовать общественное мнение. Список составил особо серьезную угрозу социалистам²³, вынудив их лидера Мишеля Рокара включить в свою программу его главное требование — интервенция или отмена эмбарго на поставки оружия боснийским мусульманам²⁴. При этом и лидер правоцентристского блока UDF-RPR (Союз за французскую демократию — Объединение в поддержку республики) Доминик Боди (Dominique Baudis) также был принужден поддержать эти лозунги²⁵.

Собственно сам список просуществовал менее двух недель — с 17 по 30 мая. Сначала опросы отводили детищу Бернар-Анри Леви 12%²⁶ голосов, затем цифра снизилась до 7%²⁷ и 4%²⁸. 30 мая инициаторы списка Б.-А. Леви, Андрэ Глюксманн и др. заявили о выходе из предвыборной борьбы. Низовые структуры движения и официальный лидер Леон Шварценберг решили довести дело до конца, но особых успехов не добились — на выборах 12 июня 1994 г. список получил 305.000 голосов или 1,56%²⁹.

Существовала ли во Франции другая точка зрения? Да, но ее представляли лишь одиночки, пытавшиеся оспорить господствующую тенденцию.

Относительно безопасно в защиту сербов могли выступать лишь абсолютно авторитетные личности, которые рисковали только тем, что их мнение будет полностью проигнорировано. Лица, не защищенные таким статусом, подвергались публичной маргинализации. К первым может быть отнесен генерал Пьер-Мари Галуа (Pierre-Marie

Galois), разработчик теории ядерного сдерживания и создатель французских ядерных сил (1911–2010), а также крупный политолог Анни Крижель (Annie Kriegel) (1926–1995)³⁰.

Ко второй группе можно причислить одного из руководителей телеканала France 2 Жака Мерлино (Jacques Merlini), издавшего книгу «Правда о Югославии не так проста», в которой детально показан механизм хорватской и мусульманской пропаганды в США и Европе, а также ставился ряд «неудобных вопросов» к официальной версии конфликта³¹. Однако заметного влияния на общественные настроения эта разоблачительная работа не оказала. Поучительна также судьба главы лозаннского издательства «L'age d'Homme» Владимира Димитриевича. На протяжении десятилетий это швейцарское издательство знакомило франкоговорящий мир с творениями классиков восточно-европейских литератур, с вольными текстами диссидентов. Но когда Димитриевич не только не поддержал антисербскую кампанию, но и рискнул опубликовать тексты иной направленности, он сразу же получил ярлык «сербского шовиниста»³², обрушившие его репутацию.

Влиятельность антисербских настроений проявилась и в том, что на президентских выборах в мае 1995 г. все основные кандидаты (мэр Парижа Ж. Ширак, глава социалистов Л. Жоспен и премьер-министр Э. Балладюр) имели советниками по боснийской проблеме деятелей «движения Сараево». Так, Б.-А. Леви состоял в штабе Л. Жоспена.

Политически корректным во Франции стало осуждать сербов, частично осуждать хорватов и практически полностью поддерживать мусульман. Прочность этих стереотипов в полной мере проявилась в августе–сентябре 1995 г., когда исход сотен тысяч сербских беженцев из Краины и Западной Боснии был воспринят как нечто допустимое, во всяком случае, не как достойная осуждения этническая чистка.

Отношение к происходящему на Балканах, сформированное в начале 1990-х гг., сыграло свою роль в ходе косовского кризиса 1998–1999 г., обеспечив общественную поддержку участия Франции в военной операции против своего бывшего исторического союзника. Оно также влияло на последующую политику Парижа на Западных Балканах, включая как активное участие в военных операциях НАТО против Югославии в 1999 г., так и поддержку создания независимого Косова.

Следует отметить, что механизм использования «ангажированных интеллектуалов» для оформления вовлечения Франции в операции

против других стран был задействован как во время косовского кризиса 1998–99 гг., представленного общественности в качестве «гуманитарного крестового похода», так и в ходе свержения режима М. Каддафи в Ливии весной-осенью 2011 г. Именно Б.-А. Леви тогда посещал столицу ливийских повстанцев Бенгази, привозил в Париж представителей ливийского Переходного национального совета и устраивал им прием у президента Н. Саркози.

* * *

История формирования и эволюции подхода Франции к процессу урегулирования югославского кризиса демонстрирует процесс эволюции т.н. «традиционных союзничеств» в изменившемся по завершении холодной войны международном и европейском контексте. Заслуживает внимания влияние, оказанное на эту эволюцию группами общественных активистов, в первую очередь «ангажированными интеллектуалами», сумевшими превратить локальный конфликт в «новую Испанию». Тем самым им удалось не только диктовать моральные оценки и ориентиры как обществу, так и политическому классу, но и создать себе дополнительный источник политического влияния, придав мировоззренческие масштабы вполне заурядной этнической гражданской войне.

Примечания

¹ Avenue Pierre I-er de Serbie, Place Alexandre I-er de Yougoslavie (Versailles).

² СООНО — Силы ООН по охране, миротворческая операция ООН на территории бывшей СФРЮ (в Хорватии и Боснии и Герцеговине) в 1992–1995 гг.

³ ИФОР — Implementation Force (Силы по выполнению соглашений), название миротворческой операции НАТО в БиГ в 1996 г.

⁴ Royer P. «Strategie des diplomaties exterieures — la France» // Выступление на семинаре «Sciences sociales face aux guerres en e[-Yougoslavie» в Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales 20 февраля 1995 г.

⁵ Ibidem.

⁶ Ibidem.

⁷ Floquet M., Coq B. Les tribulations de Bernard K. en Yougoslavie, ou l'imposture humanitaire. Paris, 1993.

⁸ Подсчитано по: Hommage aux militaires français tués en EX-YOUGOSLAVIE//<http://anciens-combattants.forumactif.com/t274-hommage-aux-militaires-francais-tues-en-ex-yougoslavie>

⁹ Martel F. Pour servir a l'histoire de notre defaite // Le Messenger Europeen. 1994. P. 133.

¹⁰ Royer P. Op.cit.

¹¹ См. напр: Hartmann Fl. Mir i Kazna: tajni ratovi međunarodne politike i pravosuda. Sarajevo, 2007. S. 40–41

¹² Renan E. Qu'est-ce qu'une nation. Conférence faite en Sorbonne, le 11 mars 1882 P.1882. P.28–29

¹³ Le Monde. 1991.9.07; 1991. 4.10; Le Nouvel Observateur. 1991.12.12.

¹⁴ Finkielkraut A. Comment peut-on être Croate? Paris Gallimard 1992; Finkielkraut A. L'Europe — le crime d'être née// Le Messenger Europeen 1994

¹⁵ Le Monde. 1991.16.10.

¹⁶ Garde P. La vie et mort de la Yougoslavie. Paris, 1994; Samary C. La déchirure Yougoslave. Paris, 1994; Juillard J. Ce fascisme qui vient. Paris, 1994

¹⁷ Un Serbe affirme été forcé à avouer des crimes non-commis AFP 162024 MAR 1993 Sarajevo 16 Mars 1993.

¹⁸ Grmek M., Gjidara M., Simac N. Le nettoyage ethnique. Les documents historiques sur une ideologie serbe. Paris, 1993.

¹⁹ Le Figaro. 1994. 16.05.

²⁰ Ibid. 1994. 18.05.

²¹ Livre noire de l'ex-Yougoslavie. Paris1993; Vukovar, Sarajevo... La guerre en ex-Yougoslavie. Par Comité Vukovar-Sarajevo. Paris, 1994; Rupnik J. De Sarajevo à Sarajevo. L'échec Yougoslave. Paris, 1992

²² F. Martel Pour servir ... P.143

²³ Liberation. 1994. 20.05.

²⁴ Le Monde. 1994. 29–30.05.

²⁵ Liberation. 1994. 3.06.

²⁶ Опрос IPSOS 19–24 мая 1994 // Le Point. 1994. 28.05.

²⁷ Опрос CS. 27 мая 1994//Le Monde. 1994. 28.05.

²⁸ Опрос SOFRES// в Liberation. 1994. 30.05.

²⁹ Le Monde. 1994. 16.06.

³⁰ Le Figaro. 1992. 28.01; 1993. 13.01; 1994. 4.05.

³¹ Merlino J. Les verités Yougoslaves ne sont pas toutes bonnes à dire. Paris, 1994.

³² Martel F. Op.cit

Н. В. Коровицына

Чехи об истории

Ключевым вопросом любого общества является обращение к его корням, истории и особенно отражение их в сознании современников. Вся конкретная общественная атмосфера — это не только результат объективных исторических событий, но и отражение того, как на нее смотрят, как ее понимают люди, живущие в данном обществе. Поэтому общество, которое хочет познать само себя, должно осуществлять рефлекссию своей собственной истории.

Проблематика отношения людей к истории, их представления о прошлом, т.е. исторического сознания населения Чешской республики находится в центре внимания социологов страны. Они изучают, насколько чешские граждане интересуются историей, как ее оценивают и какое значение придают ей в своей жизни. Историческое сознание понимается широко: не как совокупность знаний и представлений о прошлом, а как общее представление об истории или состоянии мышления общества, зависимое от характера эпохи и поэтому изменчивое, как сознание определенных зависимостей (преемственности или разрыва) между прошлым (коллективная память), настоящим и будущим.

Одним из существенных аспектов исторического сознания является степень интереса людей к прошлому. Имеется в виду способ проявления интереса граждан ЧР к прошлому, источники информации о нем и уровень познаний, которым они обладают. Как показало исследование 2009 г., среди чешского населения крайне мало тех, кто — согласно их собственным признаниям — активно интересуется историей. Таких людей всего 4%. По 2/5 проявляют средний и слабый интерес к истории, а 1/5 историей вообще не интересуется. Чаще остальных говорят об интересе к истории учащиеся, высокообразованные, относящие себя к высшим слоям среднего класса

и практикующие верующие. Не интересуются историей малообразованные¹.

Интерес к истории затрагивает нескольких тематических областей. Первое место занимает чешская история — в целом и отдельных мест проживания людей. Второй важной сферой интереса являются события или места, связанные с жизнью известных людей, мифами и легендами, интерес к историческим памятникам. К третьему разделу исторической информации относятся отдаленные географически (всемирная или европейская история, история внеевропейских цивилизаций) или по времени (история древних цивилизаций) темы. Наконец, последние два места с точки зрения интереса чешского населения занимают две специфические области, которые можно обозначить как история культурного развития (повседневность, искусство, мышление, религия) и история цивилизационного развития (наука, техника, войны, экономическая и политическая история).

По большинству пунктов чаще остальных проявляют интерес к различным областям истории учащиеся. Высокообразованные больше других интересуются чешской и всемирной историей, а также памятниками. Люди старше 60 лет интересуются чешской и региональной историей, а история войн намного более привлекательна для мужчин, чем для женщин.

Наиболее часто используемым источником информации об истории служат телевизионные передачи, игровые и документальные фильмы, наименее — радиопередачи, популярные научные книги и исторические романы. В целом чехи критически относятся к СМИ, по их мнению, нередко тенденциозным и искажающим историю во имя политических интересов. Специфическое положение занимает Интернет, который как источник информации об истории некоторыми группами людей совсем не используется (старшими по возрасту), а другими — очень часто (молодежью). Школьное образование в среднем упоминается крайне редко, но учащимися и высокообразованной категорией существенно чаще. Последние две категории часто черпают данные об истории из учебников и энциклопедий. Учащиеся получают информацию также из разговоров с членами семьи — родителями и прародителями (обычно личные воспоминания о Второй мировой войне и социализме 1948–1989 гг.), — а высокообразованные — из Интернета, школы, газет, научно-популярных книг, бесед с членами семьи и радиопередач. У многих хранятся дома

фотографии, документы, письма, дневники или коллекции марок, как правило, не образующие систематического семейного архива; некоторые считают модным трендом составление генеалогического дерева семьи.

Свои познания в области истории как выше средних оценивают 8% чехов (преимущественно учащиеся и высокообразованные), как средние — 48%, как ниже средних — 42% (люди с базовым 8-летним образованием). Таким образом, интерес преобладающего большинства чехов к истории невелик и имеет несистематический характер. Если они интересуются историей, то это касается конкретных узких областей, и лишь изредка речь идет об активном поиске информации, углубляющей их познания.

Важной составной частью изучения исторического сознания является проблематика чешской национальной истории. Первый опрос (1000 респондентов из Чехии и Моравии) по этой проблематике провел в ноябре 1946 г. Чехословацкий институт по исследованию общественного мнения при Министерстве информации ЧСР (функционировал до 1952 г.). Второе исследование по этой теме реализовал в октябре 1968 г. (662 опрошенных) Институт по изучению общественного мнения Чехословацкой Академии наук (возник в 1966 г.). Последующие опросы относятся уже к периоду после 1989 г., прежде всего силами Центра по изучению общественного мнения Института социологии АН ЧР. Данные упомянутых исследований в разные периоды получены на основе вопросов, сформулированных по-разному, что препятствует их сравнительному анализу. Однако доминанты чешской национальной памяти все же видны из результатов этих опросов. (Вопрос формулировался как открытый: «Если Вы задумаетесь над историей чешского народа, какой период национальной истории назовете самым славным, периодом подъема, развития?» Можно было выбрать три ответа).

Вскоре после окончания Второй мировой войны чехами акцентировался гусизм как период, символизирующий решимость отстаивать национальные интересы и строить новое общество. Второе по важности место занял период правления Карла IV. Третий по частоте ответ касался периода жизни опрошенных — 1945–1946 гг. — и служил характерным проявлением послевоенного оптимизма. Первая Чехословацкая республика в 1946 г. упоминалась нечасто по той причине, что в памяти чехов еще были живы воспоминания об экономическом

кризисе 1930-х годов и особенно — о конце республики в 1938 г., связанном с принятием мюнхенского диктата.

Позже, в 1968 г., доминантой национальной памяти стала первая Чехословацкая республика, которая в глазах общественности символизировала свободу и демократию. Симпатия к первой республике — главное отличие опроса 1968 г. от предшествующего опроса 1946 г. Гусизм переместился на вторую позицию, а период Карла IV — на третью. Женщины чаще вспоминали первую республику и период после января 1968 г., а мужчины — период гусизма.

После 1989 г. на передний план выдвинулся вопрос чешской европейскости и вместе с ней эпоха Карла IV, когда Чешские земли в контексте европейской истории играли значительную роль, а трансформационный процесс в посткоммунистическом обществе проходил под лозунгом «возвращения в Европу». Второе место заняла первая Чехословацкая республика. Такое распределение можно объяснить реакцией на предстоявший распад чехословацкой федерации, поставивший под вопрос чешско-словацкую концепцию ее создателя и первого президента Т. Г. Масарика. Опрос 537 человек был проведен в сентябре 1992 г.

На вопрос, в какой период чешский народ находился в наибольшем упадке, в 1946 г. у поколения, пораженного травмой Мюнхенского соглашения, капитуляции и шестилетнего порабощения, чаще всего звучал ответ — в период протектората, вдвое реже — тридцатилетняя война, редко упоминались периоды Бранибора в Чехии и второй республики. В 1968 г. наиболее бесславыми периодами чешской истории народ назвал также протекторат, оккупацию и почти столько же период после поражения у Белой горы в 1620 г., а также август 1968 г., 1950-е годы, Мюнхен и вторую республику. Респонденты старшего возраста в большей степени указывали на годы фашистской оккупации, возрастная категория 25–39-летних — на 1950-е годы, а самые молодые — на август 1968 г.

В течение первого десятилетия 2000-х годов выяснялось также мнение о самых значительных периодах чешской национальной истории (декабрь 2001 г. — 1168 чел., декабрь 2005 г. — 1098 чел., октябрь 2008 г. — 834 чел.). Из предложенного списка респондентам надо было выбрать только один период, представляющий вершину чешской истории. Первое место с большим отрывом стабильно занимал период правления короля Карла IV, за которым следовали период

первой республики, национальное возрождение и гусизм. Периодами наибольшего упадка названы Вторая мировая война, т.е. протекторат и немецкая оккупация, а также период после битвы у Белой горы. Опросные данные декабря 2009 г. (1071 чел.) свидетельствуют, что преимущественно позитивно оценены (по убывающей) период Карла IV, период Великоморавской империи и Пршемьсловских королей, первая республика, период барокко XVIII в., период Рудольфа II, а из современной истории — период с 1989 до 2000 гг., национальное возрождение. Отрицательные оценки (также по убывающей) преобладают в случаях протектората, оккупации нацистской Германией, 50-х годов XX века, 1970-х и 1980-х годов (нормализации), современности, т.е. периода после 2001 г., и конца 1960-х годов.

Некоторые из опрошенных признавались, что в течение жизни меняли свое представление об исторических событиях, сформированные в школе. Это касалось взглядов на гусизм, церковь, послебелогорский период, освобождение в 1945 г., выселение немцев и период коммунизма. Люди допускали последующее изменение своих оценок с течением времени.

Изучалось также отношение населения ЧР к чешским историческим личностям². Вопрос формулировался как открытый, можно было назвать три фамилии. Наиболее выдающимися людьми в истории страны названы в 1946 г. (по убывающей) Т. Г. Масарик и Э. Бенеш, за ними следовали Карл IV, св. Вацлав, Я. А. Коменский, Я. Жижка, К. Гавличек-Боровский, св. Кирилл и Мефодий, Иржи из Подебрад, Пршемьсл Отакар, Й. Добровский. Духовное наследие св. Вацлава предпочитал 21 % опрошенных, а Я. Гуса — 39 %, обоих в равной степени — 28 %.

В конце 1960-х годов вместе с первой республикой на короткое время был реабилитирован и ее основатель Т. Г. Масарик; его назвал 81 % опрошенных, которого в последующие годы нормализации как представителя «буржуазной идеологии» надолго забыли. Далее следовали Я. Гус, Карл IV, Я. А. Коменский, Л. Свобода, А. Дубчек, Ф. Палацкий, Я. Жижка, Иржи из Подебрад, Э. Бенеш, св. Вацлав и К. Гавличек-Боровский. Странники традиции св. Вацлава составляли 22 %, Я. Гуса — намного больше, чем в 1946 г., — 51 %, обоих — 26 %.

Исследование в ноябре 2007 г. (1038 респондентов) показало следующую иерархию: Карл IV и Т. Г. Масарик (их назвало свыше половины опрошенных), В. Гавел (треть респондентов), Я. А. Коменский

и Я. Гус (четверть опрошенных), В. Клаус, Я. Жижка, св. Вацлав. Таким образом, высшие позиции среди деятелей чешской истории, согласно общественному мнению, занимают Масарик, Карл IV, Коменский и Гус. Остальные упоминаются в соответствующих временных контекстах. В частности, из современников названы хоккеист Я. Ягр и певец К. Готт. Из женщин наиболее часто упоминалась писательница Б. Немцова. Попали в список имен, известных многим в наши дни, также писатель К. Чапек, композиторы Б. Сметана и А. Дворжак, один из основателей чехословацкого государства и второй президент Э. Бенеш и легендарный атлет, четырехкратный олимпийский рекордсмен Э. Затопек.

В оценках отдельных исторических событий обнаруживаются определенные различия во взглядах отдельных возрастных и образовательных групп. Люди старше 60 лет несколько чаще остальных называют периодами расцвета эпохи гусизма, национального возрождения и конец 60-х годов XX века. Для молодежи более привлекательна первая республика, а гусизм — согласно современным учебникам истории — скорее считается периодом упадка. В случае первой республики сказывается разрыв в преемственности познания этого периода во второй половине XX века. Он касается 30–60-летних. Напротив, молодежь (18–29-летние) и люди старше 60 лет хорошо знакомы с этим историческим периодом и воспринимают его только позитивно.

Опрошенные с высшим образованием более склонны выделять период правления Рудольфа II, эпоху барокко, национальное возрождение и первую республику. Верующие чаще, чем неверующие, упоминают Великоморавскую империю, время правления Карла IV, а также национальное возрождение и первую республику. Следует заметить, что в отношении гусизма и барокко во взглядах верующих и неверующих не было обнаружено значительных различий.

Задавался вопрос, чего было больше в чешской истории — поражений или побед. Одна (меньшая) часть участников опроса склонялась к преобладанию побед и в качестве главного аргумента использовала факт, что чешский народ все еще существует, не исчез и обладает независимостью. Другая часть считает, что в чешской истории было больше поражений, прежде всего потому, что чехи как малый народ всегда зависели от великодержавных интересов других государств.

Совокупная оценка отношения чехов к истории проявляется в том, насколько они испытывают гордость за свою историю и что думают о значении государственных праздников. Гордость за свое прошлое ощущают 57 % чехов, не ощущают 36 %, не знают 7 %. В большей степени гордость за национальную историю испытывают учащиеся, высокообразованные и люди старше 60 лет. В отношении настоящего чувствуют гордость существенно меньше людей, чем в отношении прошлого, соответственно 57 % и 21 % граждан. Меньше всего гордятся прошлым и настоящим люди с основным 8-летним образованием.

Помнить о значении чешских государственных праздников считают важным 78 %, неважным — 19 %, не знают 3 %. Для многих (особенно молодежи) государственные праздники — не что иное, как свободный день, и они часто даже не знают об их историческом значении. Важнейшим государственным праздником чехи считают дату возникновения самостоятельной Чехословакии — 28 ноября. Вместе с тем возникновение Чешской республики (1 января 1993 г.), как правило, не отмечается. Свыше половины (58 %) чешских граждан помнит государственный праздник 17 ноября — День борьбы за свободу и демократию, установленный в честь протеста чешских студентов в 1989 г. против коммунистического режима, но не празднует его. Треть граждан не знает об этом празднике. Лишь 6 % отмечает 17 ноября: по 1 % с семьей и друзьями, по 2 % на общественных акциях и иным способом. Помнят и отмечают этот праздник в основном жители ЧР с высшим образованием. Половина нынешних 15–19-летних о нем не знает.

В чешском общественном сознании господствует представление, что ход истории является закономерным процессом, в котором все события взаимосвязаны, но проявляются элементы случайности. Наибольшее влияние на ход исторического процесса, считают чехи, оказывают властные интересы и политическое влияние, а наименьшее — поведение обычных людей, тайные сообщества и случай. Особенно часто это мнение высказывают респонденты старше 60 лет. Влияние церкви и религии больше акцентируется высокообразованными. Большинство участников опроса сомневалось, что в истории можно найти какой-либо смысл. Практически никто не вспомнил марксистского учения о типах общественно-экономических формаций, базисе и надстройке, о роли классовой борьбы. Лишь 15 % видит

историю как процесс восходящего развития в направлении прогресса во всех областях или только в области технологии.

Важным аспектом исторического сознания является значение, которое люди придают истории с точки зрения современной и будущей жизни. История, согласно мнению чехов, во многих направлениях воздействует на настоящее и будущее. Это существенный фактор формирования национальной идентичности и чувства сопричастности, источник ценностей, полезный для наших дней и показатель культурного уровня. В непоследнюю очередь знание своей истории, по мнению чехов, является основной предпосылкой развития национальной гордости, понимания трудного пути, пройденного обществом и преодоленных проблем. Преобладает мнение, что люди не способны извлекать уроки из истории. В сознании граждан ЧР, таким образом, парадоксально сочетается большое значение, которое они придают истории, со средними или даже слабыми познаниями в этой области, отсутствием стремления их расширить.

Больше половины (59%) опрошенных рассматривает сам ход истории человечества как единый циклический, волнообразный процесс, в котором перемежаются хорошие периоды с плохими, периоды подъема и упадка, благополучия и бедности, свободы и ее отсутствия, войны и мира.

Рассматривая XX век в категориях подъема и упадка, чешское общество лучше всего оценивает (опрос 2009 г.) межвоенный период первой Чехословацкой республики. В позитивном свете его рассматривает 85%, тогда как в негативном — всего 15%. Напротив, как фазу упадка характеризуются следующие за ним — протекторат и оккупация фашистской Германией (4% к 96%). Столь же негативно оценивает современная чешская общественность годы после февраля 1948 г., т.е. конец 1940-х и 1950-е годы (16% к 55%). В восприятии конца 1960-х годов и конкретно 1968 г. доли сторонников подъема и упадка выровнены (45% к 55%). Новый упадок в глазах общества наступил в 1970–1980-е годы. Эти два десятилетия чехи рассматривают однозначно отрицательно: 29% к 71%. Как период подъема рассматривается первое десятилетие после «бархатной революции», хотя оно не достигает такой универсально положительной оценки, как первая республика. Вторая же декада после 1989 г. видится совсем иначе, чем первая. Если в период 1989–2000 гг. доля воспринимающих этот период как время расцвета преобладала (69% к 31%),

то в период от 2001 г. до наших дней отрицательные оценки даже несколько преобладают над положительными (44 % к 56 %). Усиление критицизма в отношении процесса перемен, считают чешские социологи, сигнализирует о своего рода сломе в развитии чешского общества³.

Исследовалось, в какие периоды чешской истории XX века люди проявили себя наиболее и наименее доблестно, мужественно. Оказалось, что период упадка мог сопровождаться значительным позитивным импульсом в формировании исторического сознания или национальной идентичности. Это характерно для периода, воспринимаемого как время глубочайшего упадка — так называемый протекторат и оккупация, а также период антифашистского сопротивления (1938—1945 гг.), когда чехи, по мнению современников, проявили себя наиболее доблестно. Аналогично оценивается время провозглашения самостоятельности в ноябре 1918 г. и мобилизация армии накануне мюнхенских событий 1938 г. Достаточно много и тех, кто на первое место поставил доблестное поведение чехов в ходе «бархатной» революции.

Выяснялось также, каких событий в новейшей истории чехам следует стыдиться. По этому показателю выделяются политические процессы 1950-х годов. Их считают наиболее позорной страницей современной истории страны. Второе место как позорное событие заняла капитуляция перед нацистами — начало периода наибольшего упадка страны. Немалая (14 %) доля считает, что чехи должны испытывать стыд за развитие после ноября 1989 г. Немногим менее позорные события — февраль 1948 г. и нормализация 70—80-х годов.

Ответы на оба вопроса в определенной степени обусловлены поколенчески. Люди в возрасте свыше 60 лет чаще остальных гордятся мобилизацией перед Мюнхеном и антифашистским сопротивлением, а возрастная категория 18—29 лет, напротив, — «бархатной» революцией. Старшие менее часто стыдятся за нормализацию 1970—1980-х годов, но считают позорным период после ноября 1989 г.

Исследователи предложили ответить на открытый вопрос, касающийся самых значительных для чешского народа событий после окончания Первой мировой войны (можно было выбрать три варианта ответа). На первом месте оказалась «бархатная» революция и крушение коммунистического режима в 1989 г., которые назвали 60 % респондентов, за ними следовали Мюнхен и последующая немецкая

оккупация, Вторая мировая война и освобождение (49%), возникновение чехословацкого государства в 1918 г. (32%), Пражская весна и события 1968–1969 гг. (29%), февральский переворот в 1948 г. (16%), распад чехословацкой федерации и возникновение самостоятельной Чешской республики (13%), вступление в Европейский союз (11%)⁴.

Узловые точки современного исторического процесса в Чехии — Пражская весна 1968 года, подписание Хартии 77 в период нормализации, «бархатная» революция 1989 года, раздел федерации на Чешскую и Словацкую республики в 1993 году и процессы общественной трансформации — являются предметом регулярного исследования Центра изучения общественного мнения Института социологии АН ЧР на протяжении всего первого десятилетия 2000-х годов. В центре внимания чешских социологов находятся современные оценки этих переломных для всей Центральной и Юго-Восточной Европы исторических событий.

Около половины чехов чувствуют себя достаточно информированными о том, что происходило в Чехословакии в течение 1968 г. «Скорее информированную» группу образуют 45–59-летние, а «достаточно» информированную — люди старше 60 лет — непосредственные свидетели *Пражской весны*. Мужчины чаще, чем женщины, утверждали, что о тех событиях знают «решительно достаточно». Половина опрошенных выразила мнение о поддержке «пражсковесенних» настроений большинства народа. Пятая часть — среди них больше всего потенциальных избирателей Коммунистической партии Чехии и Моравии (КПЧМ) и людей с неполным средним образованием — утверждала, что эти идеи поддерживали лишь некоторые группы, по мнению же каждого десятого — все общество. Три четверти респондентов соглашались с утверждением: «Пражская весна была попыткой обновления демократии в социалистической Чехословакии». Негативно отнесся к этому утверждению лишь каждый десятый.

Немногим более половины опрошенных согласилось, что «ключевое значение для развития событий в ходе Пражской весны имела ликвидация цензуры» и «коммунисты-реформаторы во главе с Александром Дубчеком были политически наивны». С этим связано установление жесткого порядка нормализации, но не демократизация общества. Треть опрошенных отрицала, другая соглашалась

с утверждением: «В ходе Пражской весны речь шла лишь о борьбе двух фракций внутри Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ)». Примерно каждый третий участник опроса не сформировал свое мнение. Странники КПЧМ значительно чаще остальных «скорее не соглашались», что Пражская весна была попыткой обновления демократии, демонстрируя «идейную солидарность» избирателей партии, которая как наследница КПЧ никогда полностью не дистанцировалась от партийного прошлого периода 1948–1989 гг. По мнению опрошенных, во многом ее приходу способствовали чехословацкие СМИ. Однако респонденты не могли точно ответить на вопросы: когда ликвидировали цензуру, какие конкретно авторы публиковались и в каких периодических изданиях, о чем шла полемика на их страницах. На ввод войск стран Варшавского договора, по однозначному мнению 8 из 10 человек, наибольшее влияние имели политические деятели Советского Союза. Почти 2/3 видели это влияние в активности членов ЦК КПЧ и политиков соседних социалистических стран. Остальные группы и институции (рядовые члены КПЧ, политики из капиталистических стран Запада, бывшие политзаключенные, аполитичные граждане) обладали незначительным влиянием.

В ответах на вопрос, стоит ли вспоминать события Пражской весны, чешское общество разделилось на два лагеря. Относительно большая доля граждан (45 %) считает, что историческая рефлексия не имеет смысла, 41 % — уверены в обратном. К ответу «скорее не имеет» склонны 15–19-летние; «решительно да» — избиратели Гражданской демократической партии (ГДП). Для тех, кто отдаст свой голос КПЧМ, воспоминание о Пражской весне «решительно не имеет» значения.

С одной стороны, распространены утверждения: «история народа важна», «люди должны учиться на собственных ошибках», «это был важный исторический момент». С другой — «это преодолено», «это уже прошлое», «уже никому не интересно», «уже ничего не изменить», а значит, нет смысла «переносить» Пражскую весну в наши дни, «надо жить для современности, решать новые проблемы», «смотреть в будущее», «молодежи это уже не интересно». При ее оценке общественное мнение ЧР склоняется к представлению, что речь шла о процессе демократизации общества, в котором участвовало большинство жителей⁵.

Оценке деятельности *Хартии 77* и причин подписания этого документа посвящено исследование 2004 г., проведенное по аналогии с исследованием 1993 г.

По мнению 28 %, *Хартия 77* подготавливала угасание коммунистического режима, почти треть считает, что она своей деятельностью ни на что не повлияла (в 1993 г. затруднялся с ответом каждый второй). Свыше 2/5 видит причину подписания *Хартии 77* в критике «режима нормализации», свыше пятой части — в свержении коммунизма, почти каждый десятый связывает эту акцию с получением выгод на Западе⁶.

Население Чешской республики, согласно сегодняшним опросам, *раздел Чехословакии* в 1993 г. на два самостоятельных государства не поддерживало. Почти половина заявляет, что были тогда против, больше четверти поддерживали его, столько же не ответили на этот вопрос. В большинстве своем это молодые люди до 29 лет, которые в то время не обладали собственным мнением о разделе страны. Больше всего противников среди людей старше 60 лет. За последние 6 лет особенно возросла доля ответов «не знаю» за счет родившихся после 1993 г. или заставших это событие еще детьми. Одновременно произошло уменьшение доли тех, кто был против раздела. Процент ответивших «за» в рассматриваемый период практически не менялся.

Отметим, что та половина жителей ЧР, которая по их словам, тогда не соглашалась с разделом, сейчас это событие оценивает как правильный шаг, свыше трети — неправильный. И на эти суждения оказывает большое влияние возраст. Отрицательно оценивают распад федерации люди старшего возраста, как «скорее плохое» событие — 45–59-летние, «решительно плохое» — граждане свыше 60 лет, кто в общем государстве прожил значительную часть своей жизни. Их мнение в течение последних 5 лет практически не менялось. Немногим более половины оценивает его как правильное событие. Об отношениях между чехами и словаками сейчас и тогда, чаще (43 %) высказывается точка зрения об их неизменности, почти треть говорит, что они стали лучше, чем перед распадом федерации, 15 человек из 100 — хуже. Главное различие между отдельными возрастными группами проявляется не в том, стали отношения хуже или лучше, а в том, что младшая возрастная категория — 15–29-летние — не имеет возможности для сравнения⁷.

Возникновение самостоятельной ЧР после раздела Чехословакии сопровождается в настоящее время следующими оценками: жалость — 43 %, грусть — 36 %, в гораздо меньшей степени — стыд или надежда, радость, гордость. Страх, существовавший в 1993 г., со временем прошел. Молодежи трудно сформировать свои чувства в отношении раздела. Люди старше 45 лет испытывают жалость, грусть, стыд и страх. 30–44-летние скорее склонны к радости, гордости, надежде.

Причины распада страны люди чаще всего (80 %) связывали с решением политиков, а не общества. Чехи объясняют это событие также внешним (словацким) фактором. С утверждением о том, что словаки не хотели жить в одном государстве с чехами, соглашаются несколько более половины опрошенных. 60 % не согласны с бытующим мнением, что раздел замыслился чехами, не желавшими доплачивать в экономике за словаков. Чехи также не считают, что представление словаков о недостатке их прав было оправданным (согласились 30 %), или что чехи перед разделом не уделяли внимания проблемам в Словакии (21 %). Люди старше 45 лет скорее соглашались с утверждением, что разделение инициировалось словаками, и чехи игнорировали словацкие проблемы. Молодежь, как правило, отвечала «не знаю» или возлагала ответственность за произошедшее на политиков⁸.

В связи с 15-летием раздела Чехословакии в конце 2000-х годов изучалась оценка этого события. Для 81 % — оно уже не актуально. По мнению 3/4, о причинах раздела не следует больше дискутировать. Возвращаться к распаду федерации как к значительному для чешской истории событию считает необходимым лишь треть опрошенных. Выступающие против необходимости раздела чаще являются сторонниками сохраняющейся актуальности этой темы, чем убежденные в необходимости раздела.

По вопросу, был ли мирный раздел Чехословакии нормальным для данного политического и культурного пространства или исключительным, чешское общество разделилось почти на равные части. 45 % считает, что это был случай исключительный, а 39 % — рядовое решение проблемы. Но большинство — 78 % — испытывают гордость за такой способ раздела страны. Для 3/4 общества словаки по сравнению с остальными народами Европы остаются ближайшим народом. Примерно столько же уверено в необходимости развивать со Словакией более тесные связи. Со времени раздела, по мнению 45 %, чехи и словаки остались в той же мере близкими народами, 32 % — менее

близкими и 13 % — более близкими. Молодежь, особенно 15–19-летние, не в такой степени, как старшие, уверена в необходимости сохранять со Словакией более тесные отношения, чем с другими соседями.

Хотя «бархатная» революция 1989 г., как упоминалось выше, относительно часто рассматривается как предмет гордости чехов, в то же время период, следующий за ней, частью современного чешского общества воспринимается как заслуживающий осуждения. Тем самым оценка «бархатной» революции, связанных с ней событий и ее последствий далеко неоднозначны.

Желанием большинства граждан в тот период являлся переход к демократии. Однако представления о дальнейшем развитии были, конечно, туманными. Мнение, что Чехословакии следовало в дальнейшем идти «по капиталистическому пути», выражало всего 3 % населения. В период с октября по декабрь 1989 г. снизилась доля тех, кто хотел развития «социалистическим путем» (с 45 % до 41 %) и соответственно возросло число желающих «третьего пути», компромиссного представления о выгодах тогдашнего социализма и капитализма (с 47 % до 52 %). В первые послереволюционные годы в чешском обществе изменилось восприятие таких категорий, как социализм, коммунизм, капитализм.

Почти 2/3 чешских граждан соглашаются, что смена общественной системы, произошедшая в 1989 г., была оправданна. Противоположного взгляда придерживаются 22 %. Высоко оценивают изменение 20–44-летние, с полным средним или высшим образованием, предприниматели и ремесленники, высококвалифицированные специалисты и руководящие работники, приверженцы ГДП. Противоположное мнение чаще выражают люди старше 60 лет, пенсионеры, безработные, граждане с низким уровнем жизни, избиратели КПЧМ.

В связи с 20-летием «бархатной» революции детально исследовалось отношение к ней в ЧР в наши дни. Население в подавляющем большинстве получает информацию о происходившем 20 лет назад из СМИ — телевидения, печати, радио. 70 % «черпают» ее из художественных произведений (кино и литература) и 68 % — из рассказов о ней. Только 2/3 опираются на личный опыт. На личные воспоминания ссылаются чаще пенсионеры, экономически активные, сторонники КПЧМ и ЧСДП, люди старше 45 лет. Около трети узнали о событиях 1989 г. в школе.

Больше всего (41 %) считает, что причиной революции стали внутренние истощенность и дискредитация доноябрьского режима. 17 % указывали на стремление людей к свободе и демократии, 13 % — на внешние геополитические изменения (распад восточного блока), 6 % — на «народное восстание» и 3 % — на экономические причины падения режима. Кроме того, 2 % не считали события 1989 г. революцией, а определяли их как «театр по договоренности» и столько же отмечали активность диссидентов. Наконец, всего по 1 % видели следующие причины событий 1989 г.: реставрация капитализма, имущественный переворот, интерес западных стран. Большинство (61 %) считает, что целью революции была смена режима, 28 % склоняется к мнению о реформе коммунистической системы. Первой точки зрения чаще придерживались сторонники ГДП, второй — ЧСДП и люди старше 60 лет. Почти 2/3 опрошенных рассматривали «бархатную» революцию как общественное движение, менее трети — скорее как результат деятельности диссидентских групп. В чешском обществе однозначно преобладало мнение, что революция имела доминирующий политический характер. Эту точку зрения разделяли 74 % опрошенных. Меньше пятой части видели цель ноября, прежде всего, в экономической перемене. О политической революции говорили люди с высоким уровнем жизни и потенциальные избиратели ГДП, а об экономической — приверженцы КПЧМ и опрошенные с низким уровнем жизни.

Кто же составлял социальную базу «бархатной» революции как общенародного движения? 11 % считали, что это «все общество», 61 % — «большинство народа». 22 % высказывали мнение о ее поддержке лишь некоторыми группами людей, а незначительная часть не видела у нее никакой поддержки. Общенародным движением называли 1989 г., главным образом, сторонники ГДП, 30–44-летние, с высоким уровнем жизни и образования, экономически активные, руководящие работники. Сторонники КПЧМ, старше 60 лет, с низким уровнем жизни, экономически неактивные, пенсионеры объясняли события 1989 г. деятельностью некоторых «групп людей» и отрицали наличие социальной базы «бархатной» революции.

Подавляющее большинство (73 %) склонялись к мнению, что надо и сейчас вспоминать события «бархатной» революции, а менее пятой части сомневалось в такой необходимости. Среди первых преобладали сторонники ГДП, 30–44-летние, опрошенные с высоким

уровнем жизни и образования, руководящие работники. В числе вторых — избиратели КПЧМ, старше 60 лет, с низким уровнем жизни, с неполным средним образованием и пенсионеры⁹.

Общественно-исторической рефлексией чехов исследователи ЧР занимаются с первых послереволюционных лет. Но и исследования последних лет показывают, что периоды до и после 1989 г. различаются не столь радикально, как можно было ожидать с учетом преимущественно позитивного восприятия самой «бархатной» революции. Люди не видят значительных отличий в состоянии общества от периода нормализации. Не все ключевые реформы, проведенные после 1989 г., чешской общественностью оцениваются как успешные и даже правильные. Так, почти половина (44 %) населения считает, что не удалось реализовать один из лозунгов ноябрьских событий «Назад в Европу», выразивший смену геополитической и культурно-цивилизационной ориентации страны и выравнивание с экономическим уровнем западных стран, их жизненными стандартами. Существенная часть чешского населения не считает справедливыми некоторые важнейшие посленоябрьские акты, такие как купонная приватизация (54 %), реституция крупной собственности (44 %), дерегулирование цен (42 %). Как ошибочные значительным количеством чехов рассматриваются закон о люстрации (29 %), реституция мелкой семейной собственности (22 %).

Оценка политической системы в стране в 2009 г. (в %)

	хорошая	ни хорошая, ни плохая	плохая	не знаю
Политсистема до 11.1989	15	23	50	12
Политсистема в 90-е годы	32	36	23	9
Современная политсистема	18	30	50	2
Ожидаемая политсистема через 10 лет	30	21	22	27

Современный политический строй оценивается почти так же, как и до «бархатной» революции 1989 г. 50 % называют его плохим и менее 1/5 — хорошим. Но даже приверженцы КПЧМ оценили прошлый режим однозначно: очень хорошим его назвали всего 12 % и еще 50 % — «скорее хорошим».

Преобладает мнение, что перемены в 1989 г. были оправданными, и со временем оно усиливается, в последние 10 лет произошел сдвиг

в оценке этих событий. В октябре 1999 г. в плодотворности смены режима было убеждено 56 %, а десятью годами позже — 69 %. Не считают, что стоило менять систему, лишь голосующие за коммунистов: среди них 3/4 оценивают 1989 г. негативно, но четверть потенциальных избирателей КПЧМ против возврата коммунизма. Большинство людей, доля которых с 2005 г. стабилизировалась, не верит в правдоподобность повторения коммунистического режима (89 %) и считает такой возврат нежелательным. «Антикоммунистическое большинство» в Чехии колеблется около 80 %¹⁰.

То, что большинство людей выше оценивает посленоябрьский режим по сравнению с периодом нормализации, не означает полной удовлетворенности первым. Около половины людей стабильно воспринимает нынешний режим со смешанными чувствами, а количество удовлетворенных и неудовлетворенных сбалансировано. Оптимизм характерен для сторонников ГДП, неудовлетворенность — для коммунистов и неголосующих, а смешанные чувства — для членов ЧСДП.

Однозначно позитивно (90 %) воспринимают люди возможности, недоступные при прежнем режиме. Открылись границы, граждане смогли выражать свои взгляды, создавать объединения, содружества, другие организации. Своих представителей можно теперь избирать из большего количества партий. Подавляющее большинство (80 %) убеждено, что прибавилось шансов чего-то достичь, чем-то владеть, несравнимо богаче выбор услуг и товаров, разрешена любая частная собственность. Открылись возможности для трудолюбивых и талантливых, для получения образования, для того, чтобы самостоятельно решать свою судьбу. Преимущественно благоприятно (70 %) оценивается возникновение самостоятельного чешского государства, вступление в НАТО и ЕС.

Неоднозначно воспринимается экономическая ситуация, переход к рыночной экономике, проникновение иностранного капитала (2/3 сторонников), но различия в доходах или имуществе оцениваются в такой же степени неблагоприятно. Очень негативно воспринимается современное состояние пенсионного обеспечения и оплаты по болезни, условия жизни семей с детьми. Неблагоприятные оценки преобладают в сфере общественного порядка и безопасности граждан. Совершенно неблагоприятно выглядит область межлических отношений и общественной морали.

В целом однозначные сторонники перемен составляют 25 %, удовлетворенные — 30 %, умеренные критики — 26 %, а противники — 19 %. Разделительную линию между ними создает политическая ориентация (самоопределение по лево-правой шкале) и партийные предпочтения. Другая важная детерминанта разделения на сторонников и противников развития после 1989 г. — материальное положение людей. Те, кто, по их собственному признанию, хорошо обеспечены, в подавляющем большинстве одобряют новый курс, а малообеспеченные — критикуют. Соответственно, к первым, прежде всего, относятся студенты и предприниматели, ко вторым — пенсионеры. Более слабыми факторами деления общества на сторонников и противников режима служат возраст и образование. В возрастных категориях до 45 лет лишь единицы процентов предпочитали ситуацию до ноября 1989 г. Напротив, у тех, кто старше 45, это уже ощутимые 17 %, а кто старше 60 — почти треть. Чем выше образование, тем четче обозначается позитивное мнение о современности (33 % — с неполным средним образованием, 62 % — с высшим). Различаются взгляды и у людей, имеющих и не имеющих опыт политических преследований в 1970–1980-е годы. Те, у кого близкие пострадали в период нормализации, считают нынешнюю жизнь лучше. «Совокупным качеством жизни» удовлетворено ныне 63 %, не удовлетворено 37 %¹¹.

За исключением двух исследований (1997 и 1998 гг.), когда Чешская республика переживала экономический и политический кризисы, позитивные оценки до- и посленоябрьского времени сблизились, в большей или меньшей степени преобладает положительная оценка современной жизни. Этот перевес был очевиден в самом начале 1990-х годов, т.е. сразу после смены системы, и сохранялся до 1996 г. Затем, в связи с политическим, экономическим и социальным развитием, в стране возросло количество предпочитающих доноябрьский порядок при одновременном спаде позитивных оценок текущего периода. Поворот в пользу нынешнего периода наступил после 1998 г. Со временем росла доля затруднявшихся с ответом (как результат смены поколений).

Ряд социологов уже на заре 1990-х годов отмечал противоречие между так называемой социалистической ментальностью и свободным духом либеральной демократии и рыночной экономики. Рост свободы, особенно в экономической сфере, вызвал уменьшение равенства в результатах, увеличение рисков и ответственности за собственную

судьбу. Все это привело к ностальгическим воспоминаниям о «старых добрых временах», особенно у домохозяйств, столкнувшихся с экономическими трудностями, — немалых общественных групп людей с низким уровнем образования и, следовательно, более ограниченными возможностями самореализации на рынке труда¹².

Чешские социологи делают вывод: «начиналось все хорошо, но потом как-то испортилось». Говорят, прежде всего, о значительном ухудшении по сравнению с дореволюционным периодом положения с социальными гарантиями и общего экономического фона. Ожидания благосостояния, появившиеся в послереволюционные месяцы и более менее реализовавшиеся в первые годы трансформации, дали на рубеже веков первую осязаемую трещину. Кроме того, нельзя не учитывать и неудовлетворительную политическую ситуацию, которая отразилась, в частности, на осязаемом спаде избирательной активности и доверия к политическим институциям. Корни критической оценки первой декады нового тысячелетия следует искать в событиях второй половины 1990-х годов и обстоятельствах вхождения во вторую послереволюционную декаду, сопровождавшихся гражданскими протестами против оппозиционного соглашения («Спасибо, уходите!» и так называемый телевизионный кризис). Поскольку принципиальных позитивных сдвигов ни в сфере экономики, ни в сфере политики, ни в межчеловеческих отношениях, в первое десятилетие 2000-х годов не произошло, неудивительно, что у людей появилось ощущение ухудшения положения. События рубежа первого и второго десятилетий XXI столетия — мировой экономический кризис и значительные изменения чешского политического представительства после выборов в Палату депутатов в 2010 г. — несомненно, внесут свой вклад в формирование чешского общественного мнения на новом историческом этапе.

Примечания

¹ Šubrt J., Vinopal J. K otazce historického vědomí obyvatel České republiky // Naše společnost. 2010. № 1.

² Šubrt J., Pfeiferová Št. Veřejné mínění o problematice českých dějin // Naše společnost. 2009. № 2.

³ Hampl S., Vinopal J., Šubrt J. Reflexe novodobých dějin, sametové revoluce a současného vyvoje v názorech veřejnosti // Naše společnost. 2011. № 1.

⁴ Červenka J. Osobnosti a události českých dějin očima veřejného mínění // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 1.2. 2006.

⁵ Škodová M. Občané o Pražském jaru a srpnu 1968 // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 20.08. 2008.

⁶ Kunštát D. Názory na Chartu 77 // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 22.03.2004.

⁷ Škodová M. Názory obyvatel na rozdělení Československa // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 03.12.2009.

⁸ Tabery P. Názory obyvatel na rozdělení Československa // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 17.01.2008.

⁹ Procházková K. Srovnání poměru dnes a před rokem 1989 // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 09.11.2006.

¹⁰ Kunštát D. Názory na sametovou revoluci // Tisková zpráva CVVM. Praha. Sociologický ústav AV ČR. 03. 11. 2009.

¹¹ Hampl S., Vinopal J., Šubrt J. Op. cit.

¹² Kunštát D. Pluralita paměti a komunistická minulost: česká veřejnost a její reflexe roku 1989 a polistopadového vývoje // Naše společnost. 2010. № 1.

РАЗДЕЛ II
ИЗ АКТУАЛЬНЫХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
(БОГЕМИСТИКА И СЛОВАКИСТИКА)

Л. Н. Будагова

Ирония и юмор в сатирической поэзии

«...В истинно комических ситуациях в искусстве больше отрицательного пафоса, чем в наиболее трагических»¹
(Ю. М. Лотман)

Недостатком внимания к формам и категориям такого значимого и распространенного явления, как юмор, страдает литературоведение многих стран, в частности, и сегодняшней России, несмотря на то, что целый ряд известных русских филологов прошлого века заложили в этой области свои богатые традиции (М. М. Бахтин, В. М. Жирмунский, Б. В. Томашевский и др.). Отсюда — актуальность современных исследований этого «стабильного компонента литературы и культуры», которому посвящена и настоящая статья.

Ее материал будет ограничен обращением к политической сатире и анализом произведений Янки Есенского (1874–1945)² и русского поэта осетинского происхождения Тимура Кибирова (р. 1955). Есенский — представитель модернизированного реализма XX века, Кибирова можно отнести к постмодернизму. Однако между ними, представителями разных литератур, поколений и направлений, есть связь. Оба избрали мишенью своей сатиры известнейших политиков XX в., лидеров массовых политических движений, обернувшихся для человечества большими потрясениями и жертвами. В творчестве Есенского это фигура Гитлера. У Кибирова — личность Ленина. Причем, это произошло не в условиях послевоенного мира, когда Гитлер был уничтожен, и не в годы перестройки, когда деятельность Ленина стала объектом жесткой критики, а в пору прижизненной власти одного и посмертного культа другого. Оба поэта, проявляя гражданское мужество, писали о них нелегально, подвергая опасности свою жизнь (как Есенский), или — карьеру и положение в обществе (как Кибиров).

Скажу прямо, я не отношусь к тем, кто отождествляет коричневый цвет гитлеризма с красным цветом революционного движения, осуждая «красно-коричневых» как некое единство. При том, что оба движения стояли у истоков тоталитаризма XX века, это явления с противоположными ценностными знаками. В основе фашизма — культ не справедливости, а силы, идея санации человечества путем избавления от «неполноценных» рас и народов. В основе социализма лежит идея гуманистическая, у которой было множество сторонников и которая дала жизнь мощному направлению революционно-пролетарского искусства. Профашистская литература, худосочная по составу приверженцев и созданных в ее русле произведений, не идет с революционной ни в какое сравнение. Поистине, «гений и злодейство — две вещи несовместные». Можно сказать, что искусство — в какой-то мере — лакмусовая бумажка нравственности и безнравственности овладевающих человечеством стремлений. Вера в социализм, многие из идей которого заложены в христианстве, возникла на пути человечества к самоусовершенствованию. Фашизм же несет в себе патологическое начало, симптомы деградации части рода людского, являя обратное движение от цивилизации к варварству. Социализм породил много зла при попытках его реализации. Но преступления большевиков и советской власти, превратившей насилие в инструмент внутренней политики, совершались вопреки и в нарушение исходной гуманистической цели (хотя и под ее прикрытием). Преступления фашизма логически вытекали из его идеологии — изначального, абсолютного зла³.

Тем не менее, разводя фюрера и вождя мирового пролетариата по разным аксиологическим полюсам, можно найти в их политике аналогии, коренящиеся в экспансионистских стремлениях возглавляемых ими идеологий и государств, в стремлениях каждой стороны к мировому господству. В первом случае через мировую войну ради расширения жизненного пространства одной, или избранных наций, во втором — через мировую революцию во имя установления диктатуры одного класса. Их сближает и проводимый каждым из лидеров геноцид: в одном случае — геноцид «неполноценных» рас, в другом — «неполноценных» («эксплуататорских») сословий. В обоих случаях — жестокое и жесткое искоренения всяческого инакомыслия, полное исключение плюрализма идей и мнений. При политической и нравственной дискредитаций обоих политиков (Гитлера еще в 1930–40-е гг., Ленина — только с конца 1980-х гг.), в мире еще не перевелись их сторонники.

Если национал-социалисты находятся под запретом (что, впрочем, происходит даже юридически далеко не всегда и не во всех странах), то сторонники большевизма (назовем их «интернационал-социалистами»), имеют возможности иметь свои партии, пропагандировать свои взгляды, что и сегодня придает актуальность развенчанию основателей этих движений. Особый случай — деятельность реформированных компартий, укрепление позиций социал-демократии, противостоящей «акулам капитализма», но к нашей статье это отношения не имеет.

Ее задача — показать возможности сатирической поэзии в создании не иллюзорных, идеализированных, замешанных на пропаганде сторонников, а объективных, приближенных к исторической правде и просто к правде жизни образов Гитлера и Ленина. В качестве материала берутся стихи Я. Есенского 1930—1940-х гг. (в основном из сб. «Na zlobu dňa II» // In: Janko Jesenský. Spisy VI. Slovenské vydavateľstvo krásnej literatúry. Bratislava, 1962) и поэма Т. Кибирова «Когда был Ленин маленький» (1984, опубликована в самиздате: «Митин журнал» № 25, январь/февраль 1989; и в СПб в 1995 г.). Развенчание двух знаковых фигур XX в. происходит у Есенского и Кибирова доходчиво и эффективно именно благодаря обращению к сатире, которая в силу своих особенностей облегчает восприимчивость текстов. Нейтральные или серьезные произведения труднее доходят до людей, чем написанные с иронией и юмором и запрограммированные тем самым на массовую ответную реакцию. (Одно из доказательств — смех не одного человека, а, как правило, всего зала, если со сцены или с трибуны звучат остроты).

Произведения Я. Есенского конца 1930-х-начала 1940-х гг., которые он писал изо дня в день, были, как известно, его протестующим откликом на ситуацию в Словацком государстве (1939—1945). Злободневность подчеркивалась их точной датировкой, привязкой к конкретным событиям, к действиям и заявлениям официальных лиц, о чем стареющий и практически не покидавший свой дом писатель (живший, кстати, рядом с полицейским управлением) узнавал из газет или радиопередач. Стихи Есенского — это язвительные комментарии ко всем этим фактам, которые не оставались за кадром. Вынесенные в эпиграф, они становились частью произведений, придавая им документальность и доходчивость. Было ясно, против чего протестует поэт и как велика пропасть между кажущимся и сущим, между тем, что старалась внушить народу официальная пропаганда,

и объективным положением дел. Его стихи были лишены поэтических изысков: к ним не располагали ни темы, ни условия творчества. Однако, оставаясь в царстве силлабо-тонических размеров и реалистической поэтики, поэт мастерски пользуется всеми их возможностями: варьирует ритмы, жанры, приемы, пишет эпиграммы, басни, сонеты, детские считалочки, прибегает к звукописи, переименованию известных песен, расхожих слов и выражений.

Мы остановимся на произведениях, где в той или иной связи упоминается или подразумевается Гитлер.

Выдержки из доступных Есенскому материалов, разумеется, отбирал он сам, останавливаясь на главном, а именно, на роли нацистской Германии в судьбе его родины. Газеты и радио старались убедить словаков, каким благом стала полученная из рук Гитлера независимость. Есенский придерживался другого мнения. Одно из определений юмора — «одобрение под маской осмеяния»⁴. Иронию можно было бы в таком случае определить, как «осмеяние под маской одобрения». В стихах Есенского маской одобрения новой реальности и личности Гитлера становился эпиграф, в стихотворном же комментарии происходило «срывание всех и всяческих масок», только не гневно-патетическое, а язвительно-ироническое, часто с привлечением зрелищных видов творчества.

Ян Мукаржовский в свое время отмечал разносторонность поэтов, их способность переходить от одного жанра и вида деятельности к другому и проявлять себя в живописи, музыке, театре, в науке⁵. Но эта многогранность может реализовываться не только при миграции от жанра к жанру, от одного искусства к другому, но и в пределах одного произведения. Художником, музыкантом, актером, философом поэт мог быть, не меняя профессии, а пользуясь лишь своим словом. Без дополнительных реквизитов оно способно обогащать поэтический текст элементами других искусств, придавая ему живописность, музыкальность, театральность, кинематографичность и т.д.

Подобной многогранностью отличалась уже довоенная поэзия Есенского, о чем ярко свидетельствуют, к примеру, такие стихи, напоминающие одноактные драмы с диалогами и монологами как «Смерть Пушкина» и «Аутодафе Гоголя» (сб. «Protí noci», 1945). Она сохранилась и в его антифашистской сатире.

Двуплановость произведений, где констатация политических абсурдов и нонсенсов (вынесенных в эпиграф или подразумеваемых),

сочеталась с их остроумным опровержением, придавала многим стихам внутреннюю драматургию с иногда возникающими знаками драматургии внешней (элементы диалогов, голоса и реплики политиков, генералов, автора и других «действующих лиц», использование лапидарных сюжетов).

Одно из лучших стихотворений того периода «Ochrana» от 28 марта 1939 г., где выражена позиция автора, тот угол зрения, под которым он будет рассматривать происходящее, снабжено эпиграфом «Beriem vás pod svoju ochranu» и написано в форме басни о «независимости» цыплят, ликующих в когтях у ястреба:

Teší sa kurčá: Ochochoch!
Som rado v jeho pazúroch,
On berie ma len do ochrany,
tie pazúry su pod krídlami.

Viac ma nik netkne zobákom.
Kuriatko samostatné som!

Саму эту басню можно сравнить с минисценарием для короткометражки в стиле action, где есть натура (мирный солнечный дворик), действующие лица (беззаботные цыплята), надвигающаяся опасность (ястреб в небе), трагическая кульминация действия (цыпленок в лапах у хищника), впечатляющий финал (эйфория жертвы, принявшей палача за своего защитника).

Если для Есенского Гитлер и гитлеризм — хищники, терзающие свои жертвы, то для властей тогдашней Словакии фюрер подобен Богу. Именно таким он выступает в стихотворении «Zase ochrana» от 2 августа того же 1939 г. в котором поэт вскрывает противоречие между конституцией Словацкой республики, провозгласившей, что «Slovenský národ» находится «pod ochranou boha všemohúceho», и речами публичных ораторов, твердящих, что, оказывается, «naším ochrancom je vodca Germánov».

Автор не возражает против двойной защиты, но предпочитает другое:

Ten Germán práve tak jak všemohúci boh,
a všemohúci boh nás ako Germán chráni.
Dobrý je ochrana, lepšie je mať hned' dvoch,
najlepšie: keby sme chránili seba sami.

Уподобление фюрера Богу, напрашивалось, как видно из этой строфы, на обратные кощунственные аналогии.

Постоянно иронизируя над сакрализацией вождя третьего рейха, Есенский проявляет большую изобретательность.

В одном случае, поэт издевается над Войтехом Тукой, который подчеркивал, что именно под знаменами Гитлера будет реализована угодная Христу программа, и, вспомнив песенку о «милом Августине», называет председателя правительства «глупый Августин» (одноименное стихотворение от 3 сентября 1940 г.) В другом случае он извлекает нужный ему смысл из цепочки аллитераций. Слово «prst» из заявления министра Маха «Hitler je ten prst boží, ktorý nám ukazuje cestu...», тянет за собой в стих Есенского близкие по звучанию и расположению в теле человека слова «hrsť» и «päť», и вывод, что не один, а «všetky prstu» из кулака душителя народов и государств указывают дорогу к «hrozným bránam pekelným» («Ministrotví vnútra», 3.9.1940). В результате вместо божественного образа фюрера возникает его дьявольский образ.

Реагируя на происходящие «перемены» (так названо несколько стихов), в частности на замену патриархальных приветствий «Ježíš Kristus buď pochválen!» нацистским «Heil Hitler!», поэт язвительно предлагает по-прежнему сохранить ответное «Amen!» («Перемены», от 22 апреля 1942 г.). Есенскому претят и культ Гитлера, как освободителя словацкого народа («nás predsa veľký Führer oslobodil»), и готовность правящей верхушки оборвать братские узы с чехами, заменив их немцами («nie Čech je bratrom, bratmi sú nám Nemci», — «30. október 1942»), и абсурдная надежда, что именно новые братья помогут словакам достойно представлять славян. На заявление Тисо, что «Československý národ bol netvor» и что «Českoslováci chcú dnes predstavovať Slovanov...Vďaka veľkému vodcovi nemeckého národa, Hitlerovi» поэт отвечает неологизмом «nemeckoslovenský rod» вместо «československý», и заканчивает свой ответ прославлением нового гибрида, такой же «нечисти»:

Slováci! Na stráž! Ruky dohora!
Pozdravte bleskom očí, hromom hlasu,
perverznú lásku vašu, lásku našu,
nemeckoslovenský rod netvora.

(Netvor. Bratislava 4. júla 1939).

Силою сатирического таланта Есенского антигерой его поэзии Адольф Гитлер, из которого профашистская пропаганда настойчиво лепила символ освобождения и спасения словацкого народа, предстает настоящим символом зла, из тех, что являются «подведением итогов величайших человеческих катастроф» (Из классификации символов по А. Ф. Лосеву).

В поэтике Есенского доминируют веристические принципы, дискредитация объекта происходит на семантическом, а не на семиотическом уровне, т.е. с помощью остроты ума, способности подмечать и оговаривать абсурдность происходящего, не прибегая при этом к гротеску, к карикатуре на реальность, поскольку и без этого она выглядела в глазах поэта карикатурно.

Как известно, стихи Есенского, изданные лишь после войны, по мере написания нелегально переправлялись в Лондон и оттуда транслировались на Словакию по подпольному радио. В иронической форме в них запечатлены факты и атмосфера времени, настроения очевидца, уроки истории, которые нельзя забывать. Злободневные, они не стали стихами-однодневками, пережили свое время и как документ эпохи и как событие словацкой и мировой сатирической поэзии.

Поэма Т. Кибирова «Когда был Ленин маленький» тоже построена по принципу комментирования цитат, только не из газет или радиопередач, а из популярной в СССР книги Анны Ильиничны Ульяновой, старшей сестры Ленина, «Детские и школьные годы Ильича» (Москва, Детгиз, 1947). Название поэмы — тоже цитата из стихотворения для детей «Когда был Ленин маленький с кудрявой головой, он тоже бегал в валенках по горке ледяной», в котором создан умильный образ малыша, близкого простому народу — носил зимой валенки, катался с ледяных горок. Поэма Кибирова заставляет усомниться в идеальном образе не только «маленького», но и большого Владимира Ильича.

Ленин для автора — не противник, не враг. Кибиров принимает как должное его репутацию политика, изменившего ход истории. Только вдумываясь в приводимые сестрой случаи из детства, где проявлялся характер, или которые влияли на судьбу Ильича, Кибиров не умиляется, как было принято у верных ленинцев, а весьма удивляется прочитанному. Недоумевая, он предоставляет самим читателям решать, говорят ли эти случаи о заложенных в натуре Ленина не самых лучших генах, или это просто шалости ребенка, которые мало

что скажут о личности взрослого человека. Автора волнует и другой вопрос: как бы сложилась жизнь Ильича и всего человечества, не попади он в детстве в ту или иную переделку.

Тон поэме Т. Кибирова задают интонация искреннего удивления, (а не обличения, как стихам Есенского) и форма сослагательного наклонения. Его не терпит история, но вполне допускает художественная литература (причем, с пользой для той же истории). В отличие от Есенского, в чьих стихах, пригвождающих свои объекты к позорному столбу, все предельно ясно, Кибиров прибегает к раздумьям, недомолвкам, приемам умолчания. Хотя все это игра, стилизация сатиры под рефлексивную лирику, призванную вопросы ставить, но не решать. Вывод-то напрашивается один: без Ленина и ленинизма Россия пошла бы другим, менее тернистым и кровавым путем.

Открывающий поэму эпиграф рассказывает о родителях героя — Илье Николаевиче Ульянове, инспекторе Народных училищ Симбирской губернии, который «с трудом получил образование», и Марии Александровне, весьма образованной дочери врача. Все это читатели знают и без Кибирова. Однако, в ироническом контексте произведения фраза о том, что отец Ленина «с трудом получил образование», обретает (как далее и многое другое) двусмысленность. Анна Ильинична объясняет эти трудности недостатком материальных средств. Но у читателя могут возникнуть подозрения в недостатке способностей у отца Володи.

От эпиграфа и родителей Ленина автор переходит к вещам интимным, заповедным, вполне житейским, но как-то не вяжущимся с фигурой вождя мирового пролетариата:

Я часто думаю о том, как... Право странно
представить это. Но ведь это было!
Ведь иначе бы он не смог родиться!
[...] Для появления
его, для написания «Что делать?»
и «Трех источников марксизма», для «Авроры»,
[...] для всего —
сперматозоид должен был проникнуть
(хотя б один!) в детородящий орган
Марии Александровны...Как странно...

Маяковский, как известно, видел в рождении Володи Ульянова высший смысл, историческую закономерность. «Коммунизма призрак по Европе рыскал, уходил и вновь маячил в отдаленье. По всему поэтому, в глуши Симбирска родился обыкновенный мальчик Ленин» (из поэмы «Владимир Ильич Ленин»). Кибиров возвращает событию смысл житейский, показывая, что «призрак коммунизма» здесь не при чем. «Как странно...». Далее следует череда других странностей, которые поражают поэта. Например, что поздно начавший ходить Володя часто падал и хлопался головой об пол, на что знакомые говорили, «либо очень умный, либо очень глупый он у них вырастет»; что «игрушками он мало играл, больше ломал их», что любивший «ловить птичек», он вроде бы мало заботился о них. «Читатель мой! Я, право, и не знаю, что тут сказать...», — признается автор, порой вовсе воздерживаясь от комментариев.

Не умиляться, а удивляться фактам из биографии Ильича было в советские времена кощунством. Низвержением Ленина с пьедестала рьяно займутся в период перестройки, когда это стало делом обычным (и конъюнктурным). Поэма Кибирова была написана, когда еще ничто не предвещало перемен. Публикации в открытой печати она ждала 11 лет.

Размышления о загадках характера Ильича сменяются раздумьями о роли личности в истории: о том, что было бы с Россией, если бы однажды упавшего в канаву и ставшего тонуть Володю не спасли, и не было бы ни Ленина, ни ленинизма? Или, если бы его спас не рабочий с завода, а мужик, купец, поповский сынок, т.е. «кто-нибудь ... из своры палачей»?

Здесь ответы автора, мобилизующего лексику советской пропаганды, однозначны. В первом случае Россия бы до сих пор «загнивала». Но как приятно и комфортно! «И до сих пор бы ели ананас и рябчиков жевали бы...», — вздыхает автор, используя не только признаки буржуазного загнивания по Маяковскому, когда-то написавшему «Ешь ананасы, рябчиков жуй! День твой последний приходит, буржуй», но и собственные симптомы этого процесса. «И безнаказанно бы жил себе Кровавый царь Николай с супругой и детьми. А ум, и честь, и совесть (имеются в виду ссыльные революционеры, хотя автор цитирует советский плакат 1970–1980-х гг., прославляющий КПСС — Л.Б.) продолжали б томиться в Шушенском!». Нагнетая «ужасы» жизни в России без ленинизма, Кибиров заканчивает

ироническим выпадом в адрес популярного поэта Евгения Евтушенко. Если в СССР он собирал большую аудиторию на своих вечерах в Политехническом музее и других достойных местах, то в царской России «ей-богу, пришлось бы Евтушенко выступать в одесских кабаках...Подумать страшно!». И в случае спасения Ильича не рабочим, а классовым врагом тоже ничего хорошего бы не вышло. Стал бы Ленин не вождем пролетариата, а мужиком сермяжным или кадетом. «Ах, как это странно. Как странно это все, если подумать», — завершает тяжелым вздохом Кибиров свою поэму.

Как Есенский в стихах, так и Кибиров в поэме развертывает целую систему несоответствий, реализуя основной принцип поэтики комического. Наиболее принципиальное несоответствие (между официальной и неофициальной трактовкой явлений) подчеркивала сама структура произведений, состоящих из документальных материалов (развернутых у Кибирова и лаконичных у Есенского), и их иронической интерпретации. Если Есенский решительно и однозначно разрушал идеализированный образ Гитлера, то Кибиров выносил на суд читателя лишь свои сомнения в праведности Ильича. Подрыв веры в социалистическую мифологию осуществлялся у русского автора через несоответствия между своей и официальной концепцией пути развития России без ленинизма. Под видом «загнивания» (официальная концепция) Кибиров рисовал картину сытого, мирного бытия без жестокостей и кровопролитий, с сохранением жизни императорской семьи, с поеданием «буржуйских» ананасов и рябчиков, что больше ассоциировалось не с упадком, а с процветанием.

В определенных несоответствиях находились содержание и стилистика произведений.

У Есенского драматизм происходящего часто передавался в мажорной тональности, с помощью легких, почти легкомысленных ритмов, что подчеркивало презрительно-ироничное отношения поэта к деятельности фюрера и его приспешников. У Кибирова, напротив, вроде бы мелкие факты и подробности из детства человека, правда, неординарного, подавались в стиле философских раздумий о превратностях судеб народов и государств, о роли личности в истории и других немаловажных вопросах.

Наконец, третий тип несоответствий — из сферы интертекстуального. В поэме Кибирова кроме него присутствуют незримо и другие — известные и безымянные, и почти всегда трудно совместимые

авторы. Местами ткань поэмы начинает напоминать хаос разнокалберных фрагментов, строчек, выражений из произведений элитарной, народной и массовой культуры. Настоящий карнавал, постмодернистское и зашифрованное перифразами «доминирование цитат» (Т. Жилка)⁶. После выдержки из воспоминаний Анны Ильиничны о том, что маленький Ленин любил ломать игрушки и открутил однажды ножки у подаренной ему игрушечной тройки лошадей, ключевое слово «тройка», вызвав у автора ассоциацию с гоголевской «птицей-тройкой», впрягает в себя множество слов и образов из текстов, связанных с мотивами дороги. Среди них «колокольчик» из народной песни «Однозвучно гремит колокольчик и дорога пылится слегка...», и знаменитая фраза Ленина тоже про дорогу — «нет, мы пойдем другим путем», и обрывки из попутной песни Глинки, где «веселится и ликует весь народ, и все быстрее поезд мчится в чистом поле». У Кибирова — «в чистом поле», «все быстрее», «чтоб ликовал народ и веселился весь...».

В том же духе представлен в поэме птичий рай, куда упорхнула от маленького Володи погибшая птичка-реполов, тот «сонм теней»,

где вьются голуби Киприды,
 где Лесбии воробушек, где Сокол,
 израненный, приветствует полет
 братишки Буревестника...
 [...]

 где чайку дачник дробью уложил...

К античным пернатым и птицам из русской классики (к Буревестнику из «Песни о Буревестнике» и Соколу из «Песни о Соколе» Горького, к чеховской чайке) слетаются птахи попроще: из песен народных, советских, а также из сказок, старинных романсов и современных шлягеров. Тут и «чибис», что «поет юннатам у дороги» (из пионерской песенки «У дороги чибис»), и «соловей над розой» из музыки Т. Хренникова к спектаклю «Много шума их ничего» в театре Вахтангова, и «курочка ряба» и «птица счастья», и «малиновки голосок» (из репертуара современной эстрады), и «орленок» — из песни о герое гражданской войны, погибшем «в шестнадцать мальчишеских лет». Путая времена и пространства, зловещий «ворон» из поэзии Эдгара По, летящий «в час полночный к безумному Эдгару»,

вдруг оказывается там, «где меж небом и русской землею льется пенье» и где пристало бы виться и петь «жаворонку» из одноименного романса Глинки и Кукольника.

Как видно из текста Кибирова, постмодернисты, не отказываясь от традиционных приемов достижений сатирических и комических эффектов, находят и свои источники иронии и юмора, еще не ведомые предшественникам.

У Есенского и у Кибирова система несоответствий не искажает, а проясняет реальность, помогает через приемы комического пробиться к постижению далеко не смешной сущности ее явлений, героев и антигероев. Произведения обоих авторов, эпиграфы к которым подчеркивают их жизненные истоки, можно отнести к типу документальной, или документализированной сатиры, чья мотивация, включенная в текст, легко доступна реципиенту. Это аргумент в пользу исторического значения и актуальности созданных больше полувека назад стихов Янко Есенского и тоже не слишком-то новой поэмы Тимура Кибирова.

Примечания

¹ Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Л., 1972. С.255.

² Подробнее см.: Будагова Л. Н. Янко Есенский // История словацкой литературы. М., 1970. С. 341- 355.

³ Будагова Л. Н. Социалистический реализм: предпосылки и судьба // Знакомый незнакомец. Социалистический реализм как историко-культурная проблема. М., 1995. С.11–27.

⁴ Кормилов С. И. Юмор // Литературная энциклопедия терминов и понятий. М., 2001.

⁵ Mukářovský J. Básník // Mukářovský J. Studie z estetiky. Praha, 1966. S. 149.

⁶ Об этой особенности постмодернизма см.: Žilka T. Groteska vo filme a literatúre // Žilka T. (Post) moderná literatúra a film. Nitra, 2006. S. 65–77.

И. А. Герчикова

«Майские звезды» или «Мороз из Кремля» (советский военный в чешской литературе)

За освобождение стран Европы и Азии от фашизма более 1 млн. советских воинов отдали свои жизни, о чем постоянным напоминанием служат братские могилы на территории 12 государств. За освобождение Чехословакии Красная Армия воевала семь месяцев. Это были очень тяжелые бои, с которыми армия шла от восточных границ Чехословакии до Праги. К 11 мая 1945 года советские войска, оказывая помощь восставшему населению столицы и других районов Чехословакии, разгромили в ходе Пражской операции войска группы армий «Центр», отказавшиеся капитулировать.

Многое изменилось за более полувека, прошедшие со дня окончания войны. То, что считалось героическим и чем гордились, теперь стыдливо стараются забыть. Предпринимается множество попыток предать забвению и сам освободительный подвиг, и связанные с ним реликвии, о чем свидетельствуют случаи проявления вандализма по отношению к памятникам воинам и их захоронениям. Вот уже и освобождение Чехословакии в 1945 г. становится «занятием территории», а то, что в Праге сохранилась старая историческая часть города, и большая часть населения осталась целой и невредимой, основная заслуга, как все чаще и настойчивее теперь говорится, принадлежит власовцам, принявшим участие в восстании на стороне чешских патриотов. В то время как англичане и американцы не откликнулись на отчаянные призывы чехов о помощи (более того, американцы в занятом ими районе даже препятствовали населению в стихийной поддержке повстанцев), а советские войска были слишком далеко и не могли вмешаться (передовые части 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева достигли города только через четыре дня после начала восстания, утром 9 мая), 1-я дивизия РОА оказалась единственным источником помощи для повстанцев.

Вмешательство власовской армии оказалось «решающим», существенно изменив военное положение в Праге в пользу повстанцев и сильно приободрив население. Такой позиции придерживаются сегодня многие историки Великой Отечественной войны.

Уже и Фучик, национальный герой, почти вычеркнут из истории и больше внимание уделяется его неопубликованной главе «Репортажа с петлей на шее», где он признается, что начал давать немцам показания.

После шести долгих лет Второй мировой войны, которая повлекла огромные потери в человеческих жизнях и материальные, во вновь соединённой Чехословацкой республике наступил новый период. Освобождение сначала принесло новые надежды, но за этим со стороны Советского Союза последовали притязания на политическое влияние, национализация, политические репрессии. И, конечно, 1968 год, ставший уже неким символом, о чем до сих пор идет дискуссия, что же именно он символизирует: «начало морального падения», присутствие иностранных войск, преступления коммунизма, шанс на построение «лучшего социализма», «русскую угрозу», проявления «мюнхенского комплекса» или звено в цепочке «чешской судьбы»¹.

История по-разному в разные времена интерпретирует те или иные события. Но есть еще литература, в которой эти события показываются в особом эмоциональном свете. Много написано о чешской литературе, прежде всего поэзии, первой откликнувшейся на события 1945 г. Поэты выразили свою радость и огромное чувство облегчения вместе с надеждами на светлое будущее. Вероятно, все более или менее известные авторы воздали дань уважения советским солдатам и благодарность Советскому Союзу: Ф.Грубин, В.Голан, Я.Заградничек, Ф.Галас, Й.Кайнар и многие другие поэты. Образ сугубо положительного советского воина (например, сборник «Красноармейцы» В.Голана, 1947 г.) — такого родного и близкого, не давал повода усомниться в великой освободительной миссии советских солдат, помогавших братскому чехословацкому народу.

В прозе первых послевоенных лет также присутствовал исключительно позитивный образ советского солдата-освободителя. Он был лишен индивидуальных черт. Русский солдат выполнял свою особую миссию. Он принес долгожданную свободу, его встречали с цветами и слезами радости. Такой солдат есть, конечно же, у Яна Дрды

(«Немая баррикада», сборник 11 рассказов). В рассказе «Деревня» у этого солдата даже нет имени, но это некий символ, показывающий русского как святыню (здесь чешская семья Бернатовых скрывает у себя русского, их выдает гестаповцам односельчанин, семью казнят, их имущество достается предателю, но жить ему остается недолго, так как возмездие приходит быстро). Нет никакого сомнения, что русский должен быть спасен любой ценой, и ради этого погибают четверо чехов. В рассказе, давшем название всему сборнику, три человека разных национальностей удерживают баррикаду и одерживают победу над немцами. Несомненно, восстание имело прежде всего огромное морально-политическое значение для чехов, дав чешскому народу в последний час возможность внести свой, пусть крохотный, вклад в победу над Германией. По Дрде создается впечатление, что, подняв восстание 5 мая, чехи вообще самостоятельно изгнали немцев из Праги, проявив чудеса героизма. Но нет. Все-таки настоящее освобождение происходит, когда входят советские танки. В фильме Отакара Вавры (1949 г.), снятом по рассказу Дрды, победоносное вступление советских солдат показано с особой торжественностью и пиететом. Мы видим простые, мужественные лица наших солдат, то и дело мелькает надпись «Освободители» — все это сопровождается музыкальной импровизацией на мелодию советского гимна.

В повести «Кому-то жизнь, кому-то смерть» (1957) Честмира Ержабека (1893–1981) рассказывается о советском солдате и немецком офицере, которые в дни битвы за Сталинград волею судьбы оказываются в засыпанном подвале и переживают полные драматизма моменты в ожидании смерти. Здесь показаны два мира: старый и новый, бесчеловечное лицо фашизма и светлый образ будущего, носителем которого, конечно же, является мужественный, бескомпромиссный, справедливый советский человек.

Во второй и третьей частях трилогии Марии Пуймановой «Игра с огнем» (1948 г.) и «Жизнь против смерти» (1952 г.) мы видим Советский Союз как «великую страну», с которой чехи связывают все свои помыслы, мечты о светлом будущем. Жизнь Ондржея Урбана, Ленки и Тоника в СССР радостна, их вера и любовь к России безгранична. «Россия-мать земли, Чехия — девушка...». Один из главных героев Митя постоянно возвращается в своих воспоминаниях к красноармейцу, охранявшему в Горьком нефтехранилище, и этот образ перекликается с образами солдат на улицах освобожденной Праги в мае

1945 года. То же трепетное, уважительное, почти восторженное отношение к старшему брату, к стране, где чешское «завтра» стало «сегодняшним днем» (знаменитая серия репортажей Фучика — «*Země, kde zítra již znamená všega*», 1932), мы найдем у Яна Вайсса в его романах «Спящий в зодиаке» (1937) и «Крик о помощи» (1946).

Хотя до Второй мировой войны в восприятии СССР чередовались два типа взглядов (вдохновение новым советским обществом и критическое отношение к СССР), русофильские симпатии все же преобладали. Т. Г. Масарик еще во времена Первой мировой писал: «В Чехии живется нелегко! Нелегко потому, что чешский народ никогда не скрывал свои симпатии к Славянам, в особенности к русским. Кто из нас не сербофил, русофил, славянофил?»². Чешское русофильство, предрекал он в своей речи в августе 1917 г., будет «чем дальше, тем сильнее, но будет более критичным»³ Так оно и складывалось. И все же симпатии сохранялись, несмотря ни на что, а в мае 1945 еще более углубились.

Характерно, что уже и в наше время такое отношение сохраняется, причем далеко не у русофилов. Интересен в этом смысле роман, написанный на английском одной из самых известных чешских диссиденток Зденой Томиновой (род. в 1941 г.) под названием «Ботинок Сталина» (*Stalin's Shoe*, 1986). Его героиня постоянно возвращается к детским воспоминаниям о советских солдатах, которых она, будучи совсем ребенком восторженно встречает на улицах Праги, а потом еще долго боготворит Сталина и с особой ностальгией вспоминает свою молодость. Этому не помешает последовавший 1968 год и вынужденная эмиграция.

Более индивидуализированный образ советского солдата, обрисованный с не меньшей симпатией, но приобретающий уже черты не официозного героя, а конкретного человека, мы найдем у Людвика Ашкенази (1921–1986) в его рассказах «Душан и генерал», «Рыжий», «Цибулька», «Голубая искра», «Квартира на чердаке» (Сб. рассказов «Детские этюды», 1955, «Украденный месяц», 1956). По этим рассказам Ашкенази написал и сценарий к фильму «Майские звезды», поставленному в 1959 г. С.Ростоцким. Первый рассказ и соответствующая новелла (всего их в фильме четыре, действие в них взаимно переплетается) — о советском генерале, находившемся на постое в чешской семье в первые дни после окончания войны. Встреча с маленьким чешским мальчиком Душаном, которому очень

понравилась его генеральская папаха, всколыхнула в душе генерала целый мир воспоминаний о прожитой им жизни, о погибшей семье. Он относится к ребенку с трогательной нежностью, понимая, что, наверное, именно за его счастье он воевал. Уезжая, генерал отдает свою папаху мальчику. В фильме генерала сыграл Александр Ханов. И вообще в фильме было целое созвездие актеров, российских и чешских: Михаил Пуговкин, Леонид Быков, Николай Крючков, Ладислав Пешек, Милош Недбал. Во второй новелле Вячеслав Тихонов в паре с Яной Брейховой, тогда еще женой Милоша Формана, сыграл лейтенанта Рукавичкина. Он — сапер, извлекает мины и оставляет надписи мелом, что место разминировано. Когда у него этот мел закончился, он приходит в школу, знакомится с чешской учительницей. Видимо, этим двоим не суждено больше встретиться, так как адрес, написанный мелом на доске, стирает директор школы. Эти удивительно тонкие, трогательные и великолепно сыгранные сцены надолго остаются в памяти. В третьей новелле рассказывается о том, как в первый день мира русский солдат, не колеблясь, отдал свою жизнь, спасая чешского гражданина, перенесшего огромные страдания в фашистском концлагере Терезин. (Кстати, советские солдаты не только освободили от фашистов Терезин, но и взяли на себя охрану лагеря, организацию отправки узников на родину в более чем 30 стран, проходившую до конца августа 1945 г., и борьбу с эпидемией тифа, спасли 30 000 жизней заключенных). Последняя новелла о русском солдате, бывшем вагоновожатом. Ему хочется повести трамвай, он истосковался по мирному труду, и такая возможность ему предоставляется. Он ведет трамвай до первой остановки, довольный сходит и идет по улице Праги рядом с чешской старушкой, мило беседуя. Рассказы Ашкенази проникнуты теплым лиризмом, русские выписаны у него ненавязчиво и тонко, с искренней симпатией, пониманием. Им присущи такие же слабости, они испытывают боль, радость, они способны к любви. Это значительно отличается от всего написанного в 1950-е годы, когда коммунизм стал государственной идеологией, насаждалась обязательная дружба с СССР, и советский человек не мог выступать в иной роли, нежели образца всего самого совершенного, правильного. При этом он не имел никаких привлекательных черт, лишившись всего человеческого, в том числе самых обычных слабостей и страстей, превращаясь в героя с плаката и вызывавшего не симпатию, а отторжение.

Третья часть литераторов представляла образ советского военно-исключительно в негативном свете. Советский прессинг постепенно вызвал упадок искреннего интереса к СССР, а после вторжения в 1968 г. даже ненависть ко всему русскому (но это уже особая тема). «Мороз приходит из Кремля» — так называлась вышедшая в 1978 г. книга мемуаров Зденека Млынаржа (1930–1997), сокурсника и соседа по общежитию юридического факультета МГУ М.Горбачева в 1950–1955 гг. Пожалуй, так в целом можно обозначить отношение чехов ко всему советскому, в том числе и к теме освобождения в 1945 г. Неприязнь, страх, презрение — вот те чувства, которые переносились на страницы произведений, созданных не по указке компартии и в жестких рамках господствующей идеологии, а за пределами Чехословакии, публиковавшихся в самиздате. Создание карикатурных образов русских, не несущих ничего положительного, тупых, самодовольных, трусливых стало для ряда писателей важной задачей, поскольку помогало им хоть как-то излить свою обиду, компенсировать годы унижения, вынужденной эмиграции, репрессий. Начало этому положил в 1958 году Йозеф Шкворецкий в своем романе «Малодушные», где он описывал последние дни оккупации Чехословакии и показал Красную Армию в самом нелюбимом свете. Советский генерал здесь проявляет постыдную трусость, убегая с трибуны и прервав на полуслове обращенную к чешскому населению пафосную речь, едва слышав автоматную очередь. Да и обычные солдаты не вызывают никаких чувств симпатии, так как напоминают беспорядочную орду. С той же неприязнью Шкворецкий выставит русских в своем «Танковом батальоне» (1969). Одноглазый военный советник из СССР станет посмешищем для всех со своими огромными погонами, демонстрирующими советское безвкусице, а любое его появление будет выглядеть смешным и жалким. Роман «Малодушные» в свое время вызвал волну возмущенной критики: его видение великих дней мая 1945 года разительно отличалось от общепринятого. Но надо сказать, что с не меньшей иронией Шкворецкий изобразил в обоих романах и действия наспех собранных чешских вооруженных отрядов в 1945 г., и все военные «успехи» чехов — рядовых и офицеров седьмого танкового батальона. Да и вину за все происходящее Шкворецкий не склонен был сваливать только на СССР.

Совершенно в духе Шкворецкого показывает советских военных и Карел Пецка (1928–1997). От человека, отсидевшего 11 лет

в лагере, сложно ожидать особенной любви ко всему советскому. Его русские военные — самые настоящие карикатуры. В романе «Письма из тюрьмы пропавшему без вести» (1980) все они появляются на страницах книги только с целью продемонстрировать тупость, злобу, отвратительные манеры, им надо только чтобы была «водка, кушать, девочки»⁴. Они — самые большие мастера в селекции заключенных, отбираемых для работ на урановых рудниках, и сравнить деяния русских можно только с фашистами. Русских легко узнать по отвратительному запаху одеколona, безвкусной одежде, грубости и хамству.

Увы, такой образ не мог не появиться в чешской литературе после 1948 года и особенно после известных событий Пражской весны. К сожалению, как пел в своей популярной песне «Вот вы и здесь, братья» Карел Крыл (1944–1994), известный чешский бард и поэт, встречать советских военных с сиренью, как в 1945 г., спустя 23 года, уже никто не собирался. Безвозвратно ушел в прошлое простой, добрый, бескорыстный солдат-освободитель, образец добродетели, способный любить, дружить, понимать и помогать.

Но такова наша история...

Примечания

¹ Бобраков-Тимошкин А. Символ «чешской судьбы»: 1968 год в контексте «споров о смысле чешской истории» // Неприкосновенный запас. М., 2008. № 4.

² T. G. Masaryk. Válka a revoluce I. Články — memoranda — přednášky — rozhovory. 1914–1916. Eds. K. Pichlík, D. Hájková, R. Vaňek. Praha, 2005. S. 50.

³ T. G. Masaryk. Válka a revoluce II. Články — memoranda — přednášky — rozhovory. 1917. Eds. K. Pichlík, Z. Maršálek. Praha, 2008. S. 68.

⁴ Pecka K. Motáky nezvěstnému. Praha, 1990. S. 129.

А. Ю. Пескова

Экспрессионистская новелла в Словакии — яркая палитра индивидуальных решений

Место экспрессионизма в истории словацкой литературы, особенно в прозаических жанрах, столь значительно, что его нередко воспринимают как «общий знаменатель» (Я. Штевчек) всей словацкой прозы 1920–1930-х годов.

Как известно, первые признаки экспрессионизма появились в немецком искусстве (точнее, в искусстве немецкоязычных стран Европы — Германии, Австрии, говорящих по-немецки кантонов Швейцарии) еще в 1905–06 годах, а вся суть этого течения раскрылась на протяжении следующего десятилетия (с 1910 по 1920 год), прошедшего здесь уже под знаком экспрессионизма. Затем экспрессионизм в этом регионе постепенно отходит на второй план, уступая место произведениям сатирического, и, главным образом, иронического, свойства, поэзии «новой деловитости». Однако, будучи искусством Первой мировой войны, как его часто характеризуют, он вовсе не исчез по ее окончании, а напротив, даже расширил свои границы, выйдя за пределы немецкой культуры. Еще до войны, а затем в военные и первые послевоенные годы течение экспрессионизма широко распространяется в других литературах, в том числе и в литературах Восточной Европы, США, Латинской Америки, Китая. Таким образом, перешагнув через национальные и временные границы, экспрессионизм стал уже международным литературным явлением и «наднациональным единством» (терминология Д. Дюришина¹).

В Чехии и Словакии экспрессионизм начинает набирать силу, когда после войны, проигранной Австро-Венгрией, входившие в ее состав народы получают долгожданную возможность самоопределения, а чехи и словаки объединяются в единое самостоятельное государство. Образование Чехословацкой Республики в 1918 году повлекло за собой перемены не только в экономической и политической

жизни страны, но и смену ориентиров общественного сознания, изменение духовной атмосферы в обществе. Вплоть до этого момента литературный процесс в Словакии не отличался большой дифференцированностью. В прозе в основном доминировала реалистическая концепция (так называемая «Молодая Словакия»). В поэзии модернистские новации хотя и появились в творчестве представителей Словацкой Модерны уже в начале века (это был первый пример приобщения словацких литераторов к современным европейским художественным исканиям), однако эти писатели в послевоенные годы уже практически завершили свою творческую карьеру и были не в состоянии предложить программу обновления литературы.

На этом фоне новое поколение словацких писателей (так называемые «экспериментаторы»), заявившее о себе после окончания войны, видели свою задачу в том, чтобы постараться поднять литературу до уровня западноевропейского, привнести в неё дыхание новых течений и эстетик. Усилившаяся тяга к эксперименту, философской и эстетической модернизации творчества повлекла за собой появление широкого спектра новых течений, концепций, групп, объединений. Однако в отличие от многих других литератур, большинство течений в словацкой литературе этого периода не имело своих программ, манифестов, четких временных границ, истории развития, и практически ни одно из них не проявило себя в «чистом» виде. Нередко концепции этих течений перемежались, стирались границы между ними, и в результате их взаимодействия рождались новые литературные явления.

Объединяющим фактором для приверженцев той или иной художественной концепции становятся схожие мировоззренческие и жизненные позиции. Для большинства молодых литераторов этого периода был характерен индивидуалистический и одновременно скептический взгляд на действительность, и в этом смысле экспрессионизм явился по своей идейной и эстетической сути наиболее близким для них литературным течением. Почти сразу же после его появления в Словакии он становится одним из самых заметных явлений в культурной жизни страны. В начале 1920-х годов в словацкой литературе практически повсеместно, без каких-либо деклараций и манифестов, спонтанно, в творчестве порой совершенно не похожих друг на друга авторов начинают появляться признаки экспрессионизма.

Одной из специфических черт словацкого экспрессионизма, которая отличает его от экспрессионизма в большинстве других европейских литератур, в том числе славянских, является его широкое распространение в прозаических жанрах и гораздо меньшее влияние на драму, а также довольно слабое проявление в поэзии. Так, в словацкой драматургии элементы экспрессионизма проявились в произведениях Владимира Гурбана Владимировича (псевдоним — ВГВ), Ярко Элена, Эмиля Руско, Юлиуса Барч-Ивана и некоторых других. Однако двадцатые годы — это время становления профессионального театра в Словакии, а в свою очередь для драматургии это был «период эклектизма и незавершенных эстетических проектов»², поэтому достаточно сложно говорить об экспрессионистской драме как о распространенном виде искусства.

В словацкой прозе межвоенного двадцатилетия экспрессионистские тенденции представлены в творчестве достаточно широкого и разнообразного по своей идейно-эстетической ориентации круга писателей, среди которых: Ян Грушовский (1892–1975), Гейза Вамош (1901–1956), Петер Илемницкий (1901–1949), Мило Урбан (1904–1982), Йозеф Цигер Гронский (1896–1960), Штефан Летц (1900–1960), Тидо Йозеф Гашпар (1893–1972), Иван Горват (1904–1960), Франтишек Швантнер (1912–1950), Доброслав Хробак (1907–1951) и некоторые другие. Следует отметить, что воздействие немецкого экспрессионизма на словацкую почву накладывалось на уже сложившиеся традиции самобытной национальной культуры. Вместе с тем экспрессионистская линия в литературе пересекалась с иными художественными концепциями — импрессионизмом, поэтизмом, лиризованной прозой, неосимволизмом и т.п. Этим можно объяснить тот факт, что в творчестве отдельных словацких авторов, обращавшихся к экспрессионизму, порой параллельно сосуществуют разнообразные тенденции, однако, в конце концов, в каждом случае речь идет о различных модификациях экспрессионизма. Словацкий экспрессионизм представляет собой довольно неоднородное явление, поскольку каждый из писателей, основываясь на определенных отечественных и зарубежных традициях, одновременно своим творчеством опровергает эти традиции, создавая собственный, неповторимый вариант литературного экспрессионизма.

Как правило, большинство словацких исследователей свои обзорные статьи, посвященные экспрессионизму в литературе

Словакии, начинают с упоминания крупноформатных произведений перечисленных нами Я. Грушовского (повесть «Человек с протезом. Дело поручика Сиборна» (1925), роман «Петер Павел на пороге нового мира» (1930)), Г. Вамоша (роман «Атомы Бога», 1928), П. Илемницкого (роман «Победное падение», 1926), М. Урбана (роман «Живой бич», 1927) и Й. Ц. Гронского (романы «Йозеф Мак», «Хлеб», «Пророчество доктора Станковского», «Писарь Грач»). Этому, вероятно, в большой мере способствовал выход в свет в 1983 г. монографии «Современный словацкий роман» авторитетнейшего ученого Я. Штевчека, который на фоне полного отсутствия до той поры аналитических работ по словацкому литературному экспрессионизму в каждом из вышеуказанных романов исследовал некоторые специфические черты экспрессионистской поэтики и мировосприятия. Авторы более поздних работ о словацком экспрессионизме зачастую ограничиваются цитированием концепции Я. Штевчека и его классификации словацкого экспрессионистского романа («вампирический» и «неоромантический» экспрессионизм Грушовского, «натуралистический» экспрессионизм Вамоша, «активистский» экспрессионизм Илемницкого, «социальный» экспрессионизм Урбана, «трагический» и «гротесковый» экспрессионизм Гронского), лишь вскользь касаясь или даже не упоминая вовсе имен других, не менее интересных авторов, создавших яркие образцы экспрессионистской прозы в малых жанрах.

В словацкой литературе можно говорить о практически равнозначном присутствии экспрессионизма как в больших, так и в малых прозаических жанрах. Тот факт, что писатели-экспрессионисты в Словакии часто обращаются в своем творчестве к жанрам романа и повести, можно отнести к одной из специфических особенностей словацкой экспрессионистской литературы, поскольку эти жанры, как известно, изначально не были созвучны экспрессионизму, отрицавшему излишнюю описательность, попытки анализа и т.п. Именно поэтому, например, в экспрессионистской прозе Германии явно преобладают малые жанры, которые, по выражению Н. Пестовой, «в наибольшей степени соответствуют пафосу движения, «эстетическому принципу интенсивности» (К. Пинтус) и вытесняют излишнюю для экстатичного мировосприятия эпическую полноту»³. Более того, малая проза легче доходила до читателя и обеспечивала ставшую на этот момент столь важной для искусства обратную связь. С этим можно

связать и то, что первым совместным изданием экспрессионистски ориентированных словацких писателей стал «Сборник молодой словацкой литературы» (*Zborník mladej slovenskej literatúry*, 1924), где были представлены произведения, написанные в жанре новеллы, а многие словацкие писатели-экспрессионисты — Я. Грушовский, Г. Вамош, П. Илемницкий — начинали свой творческий путь с создания именно сборников экспрессионистских новелл и только затем перешли к сочинению крупноформатных произведений. Кроме того, малые прозаические жанры, которые наряду с поэзией на протяжении многих столетий доминировали в словацкой литературе, имели здесь богатую и наиболее устойчивую традицию.

Одним из авторов, в новеллистическом творчестве которых отмечают значительное влияние экспрессионизма, был Тидо Йозеф Гашпар (1893–1972). Писатель, чей творческий путь продлился лишь полтора десятилетия, сумел оставить заметный след в истории словацкой литературы благодаря своему неповторимому стилю, в котором сочетаются черты поэтики экспрессионизма, орнаментальность, экзальтированность, патетика, богатая образность и яркая символика. Большое влияние на формирование личности будущего писателя Т. Й. Гашпара оказала его служба на Адриатическом военном флоте, что в дальнейшем значительно отразилось в его творчестве. Действие самых известных его произведений разворачивается в море, на военных кораблях, а водная стихия во многих новеллах становится одним из действующих лиц. Наибольшее влияние поэтики экспрессионизма заметно в его в прозаических сборниках, изданных в начале тридцатых годов: «Красный корабль» (*Červený koráb*, 1931) и «Моряки» (*Námorníci*, 1933). Но и в новеллах из его ранних сборников, почти полностью посвященных любовной тематике, просматриваются элементы модернистского и, в частности, экспрессионистского мировосприятия.

Уже в первой книге новелл Гашпара «Гана» (*Hana*, 1920) в центре внимания автора оказывается глубоко личная, интимная сторона жизни героев, которые часто предпочитают мечту реальности, поскольку лишь только воображение и иллюзии способны облегчить им страдания от травм, нанесенных окружающим миром. Многие из произведений, вошедших в этот и последующие сборники Т. Й. Гашпара, проникнуты глубоким пессимизмом и фатализмом в сочетании с довольно новаторским для словацкой литературы откровенным

эротизмом. Ярким примером такого синтеза является новелла «Конец Гранда» (*Koniec Grandy*), где автор обращается к модной в те годы теме эротики смерти, подробно описывая смерть героя в момент наивысшего чувственного наслаждения. Кроме того, в целом отношения между мужчиной и женщиной Гашпар часто представляет как борьбу полов, победу в которой одерживает женщина — демоническое существо, все поведение которой определяется ее половыми инстинктами и сексуальной эмансипацией (например, в новелле «Твоя женщина», *Tvoja žena*). Однако существует и другая распространенная в произведениях Гашпара схема отношений мужчины и женщины, основанная на фантазиях героя и мотиве «женщины-фантома» (Я. Э. Бор), то есть вымышленного образа возлюбленной, причем реализация этих отношений неизбежно влечет за собой глубокое разочарование. Творческую манеру Гашпара двадцатых годов можно назвать, скорее, переходным явлением, в котором, по справедливому замечанию Ю. Богданова, «причудливо сочетаются экзальтированный пафос, обязанный своим происхождением влиянию прозы Вааянского, и тяготение к новой экспрессивной стилистике, к “лиризму”, к конструированию исключительных ситуаций, в которых герои и особенно героини произведений наглядно проявляют свои земные и неземные чувства»⁴.

Среди всего довольно однородного творчества Гашпара, в котором многие мотивы и художественные приемы переходят из одной книги в другую, выделяются уже упоминавшиеся сборники «Красный корабль» и «Моряки», в которых писателю удалось достичь наибольшей философской глубины и выразительности. Сюжеты большинства новелл этих книг основаны на реальных событиях, участником которых был автор во время своей службы на флоте на Адриатическом море в годы войны. Одним из самых известных и выдающихся произведений Гашпара, которое одновременно являет собой яркий пример экспрессионизма в малой прозе, можно назвать новеллу «Красный корабль», посвященную восстанию моряков на Адриатике в конце войны. В основе сюжета произведения лежит история о том, как на одном из дредноутов австро-венгерского королевского флота в порту Пулы власть захватывают матросы, верящие в торжество мировой пролетарской революции, но ночью итальянцам удается заминировать корабль, и в результате взрыва он идет ко дну, а все находившиеся на борту люди погибают.

На первый план в новелле выходит мифологическое начало: корабль неоднократно сравнивается с ковчегом, его капитан Вукович — с Ноем, а матросы — с тварями в этом библейском ковчеге, в критическую минуту проявляющими свою истинную сущность (обезьяны, подражающие своим бывшим командирам; старые хитрые лисы, стерегущие ворону с сыром; змеи-обольстители, уговаривающие смело кусать «запретный плод восстания»; тигры, жаждущие крови, а также хамелеоны, ослы, блохи, свиньи, бараны). В момент наивысшего напряжения, когда до взрыва корабля остается всего пять минут, ужас перед неминуемой гибелью разъединяет людей, и из единого целого команда матросов превращается в безудержную толпу, где каждый сам по себе и старается спасти собственную жизнь даже ценой жизни другого. В развязке этой истории Гашпар подчеркивает, что все действующие лица были лишь марионетками в некоей игре, о которой они не догадывались. Типично экспрессионистским фатализмом проникнуто обращение писателя к человечеству, живущему на Земле — палубе смерти, завершающее новеллу: «Люди, бессильные волны, вы хотите вырваться из русла судьбы? За новыми мечтами возноситеесь вы в светлое блаженство небес, но земное притяжение каждый раз повергает вас в прах»⁵. Глубокую символичность повествованию в самый трагический момент взрыва дредноута придают выразительные сравнения корабля с гробом, братской могилой, а мачты — с крестом на этой могиле.

«Помпезная барочная выразительность» (Ю. Ноге) и «оранжерейность образной системы» (А. Матушка), которыми было отмечено все предыдущее новеллистическое творчество Гашпара, здесь служат для создания типично экспрессионистских образов и атмосферы крайнего эмоционального напряжения: «Рассветная заря брызжет багровым светом на горизонт истории, и революция, жар-птица, выскочив из пепла перебитых миллионов, расправляет над миром свои пламенные крылья... Волны, вечные языки моря, сердито облизывают берега... Люди, огненные языки толпы, сердито поджигают мир»⁶. Все использованные писателем стилевые средства: нагнетание отрывистого речевого потока, подчеркивающее стремительность развивающихся на корабле событий, внутренняя напряженность ассоциативно выстроенных фраз, взвихренная эмоциональность ритма, тесное пространство действия, сталкивающего резко контрастные характеры, — полностью соответствуют принципам экспрессионистской

художественности. От импрессионистской игры с цветом в этом произведении Гашпар переходит к экспрессионистскому культу цвета: в сцене насильственного захвата матросами власти на корабле он использует различные оттенки красного (кроваво-красный, алый, огненно-красный, багровый, оранжево-красный), а с помощью черно-серых тонов нагнетает атмосферу предчувствия неминуемой трагедии (черная ночь, черный ветер веет над морем, в черном тумане покачивается спящий корабль, перед взрывом огромное воронье крыло становится пепельным, по холодному серому ветру разносятся крики, черный ветер свистит около черных мачт).

Новелла «Красный корабль», безусловно, является ярчайшим, но не единственным примером экспрессионизма в прозе Гашпара. Многие его произведения посвященные как морской тематике, так и другим темам, несут в себе целую гамму характерных для экспрессионистской литературы стилистических средств (экстатичность интонации, взвинченность оборванной фразы, ассоциативность, абстрактность образов, лишенных психологизма). Так, один из традиционных для экспрессионизма образов можно найти в новелле «В изголовье кровати Непорочной Девы Марии» (*Na peľasti posteľe Márie Immaculaty*, 1925) — это образ проститутки в ночном баре, в которой рассказчик видит больное дитя общества, израненное, измученное и многократно обманутое судьбой, которое с нетерпением ожидает своей смерти как избавления. Практически в каждом произведении Гашпара присутствует мотив смерти. Для некоторых героев его новелл смерть становится символом освобождения от тягот земного существования, и жажда избавления от страданий приводит их к самоубийству (новелла «Моряки»), но большинство персонажей прозы Гашпара погибают насильственной смертью или в результате разгула природной стихии. Кроме того, на связь новелл Гашпара с экспрессионизмом указывают и такие стилевые черты, как введение в образную ткань снов, галлюцинаций, видений, резкие контрасты (света и тени, мечты и реальности), «активистский» порыв и неприятие пассивности, созерцательности.

Творчество известного писателя Штефана Летца (1900–1960) так же, как и многих его современников, частично отталкивалось от существующих литературных традиций Словакии, но в гораздо большей степени тяготело к более современным художественным течениям. Наибольший интерес с точки зрения проникновения в творчество

Летца элементов поэтики экспрессионизма представляют его новеллы «Голый солдат» (*Nahý vojak*, 1927) и «Медаль инвалида Крхниача» (*Metál invalida Krchniaca*, 1930), посвященные традиционной экспрессионистской теме человека на войне.

В «Голом солдате» Летц описывает историю, разыгравшуюся на одном из фронтов Первой мировой войны. В самом центре боевых действий оказался стоявший между окопами двух враждующих армий старинный деревянный крест, окруженный невысокой оградкой, с металлической фигурой распятого Иисуса Христа. В те моменты, когда во время боя пули попадали в изображение Спасителя, раздавался звук, похожий на человеческий стон. Солдаты в окопах были уверены, что Бог будет помогать им лишь до тех пор, пока пули, успевшие уже многократно пробить металл, окончательно не сорвут фигуру Христа на землю, в грязь. Ночью, когда огонь утих, полковой маляр Тобиаш неожиданно для всех выбрался из укрытия, прополз к кресту и принялся укреплять, чистить и красить его и изображение Христа на нем, раздевшись при этом донага. От звуков ударов его топора проснулся вражеский лагерь и начал прицельный обстрел Тобиаша, однако в то время, когда он занимался ремонтом креста, все пули пролетали мимо него. В момент, когда он красной краской отметил Христовы раны, одна из пуль все же попала в цель и убила Тобиаша. Но этот подвиг голого солдата и вновь гордо возвышающийся, свежеекрашенный крест с фигурой Спасителя придали сил и отваги его товарищам, и уже через час солдаты заняли вражеские окопы.

Рассказанная без лишнего пафоса аллегорическая история «святого» Тобиаша, олицетворяющего обнаженную человечность на войне, читается как острый протест против насилия и войн в мире. Символический образ голого солдата заставляет нас вспомнить понятие «обнаженной души» (*Nackte Seele*), часто встречающееся у немецких экспрессионистов в их программных заявлениях и манифестах. Как правило, у них речь шла об «обнаженном человеке» как человеке самом по себе, таком, каков он есть, свободном от любых социальных связей. В новелле «Голый солдат» Ш. Летцу удалось наиболее ярко продемонстрировать глубокий символический смысл этого образа. Сам автор-повествователь в сцене, когда Тобиаш снимает с себя всю одежду и остается перед крестом абсолютно обнаженный, объясняет, что сделал он это для того, чтобы стать снова «просто человеком».

Такое желание автора подчеркнуть общечеловеческую сущность героя, надындивидуальность, безличность его образа основывается на стремлении экспрессионистов показать не отдельного, конкретного человека, а типизированного представителя всего человеческого рода. В то же время физическая нагота героя в произведениях экспрессионистов зачастую является и символом наготы душевной. В новелле Летца, прежде всего, это символизирует открытость героя перед Богом.

Тема человека, искалеченного войной, поднимается Летцем в наполненной тонкой иронией и юмором новелле «Медаль инвалида Крхниача». В центре повествования находится фигура ветерана мировой войны Петера Крхниача, потерявшего в боях на итальянском фронте левую руку и часть уха, но которого официальные власти не захотели признать инвалидом и потому вынесли заключение, что он совершенно здоров. Единственная награда, которая осталась у Крхниача после войны и которую он как орден на ленте носит под длинным глубоким шрамом, протянувшимся от самого горла до нижних ребер, — это его сердце. В этой небольшой новелле автор закладывает глубокую гуманистическую идею о необходимости сохранять в самых тяжелых обстоятельствах человечность и доброту души, жизнелюбие и сердечность.

Черты экспрессионистской поэтики отчетливо выражены и в ряде произведений словацкого писателя Ивана Горвата (1904–1960). Как и в случае со многими вышеназванными авторами, его творчество сложно отнести к какому-либо одному литературному направлению, поскольку в нем пересекаются разнообразные тенденции и художественные установки. Чаще всего в литературоведении о творчестве Горвата, которого считают одним из основателей модернистской словацкой прозы, говорится, что оно представляет собой реакцию на современные ему европейские творческие течения. Так, критика двадцатых и тридцатых годов (А. Мраз, Й. И. Гамалиар) в духе тогдашней моды определяла его творчество как импрессионистское, а в шестидесятые годы с учетом повышенного интереса к авангарду его причисляли и к поэтизму (С. Шматлак), и к экспрессионизму (П. Штевчек), и к дадаизму (Я. Штевчек). Все это лишний раз подтверждает тот факт, что Горват представлял собой современный тип писателя, в своем творчестве обращавшегося ко многим модернистским, авангардным тенденциям межвоенного периода. Воспитанный

в национальном духе (его отец был последователем гласизма, а дед принадлежал к штуровскому движению) и высоко образованный (он окончил юридический факультет братиславского Университета, а затем юридический факультет парижской Сорбонны), Горват был одним из ярких представителей словацкой интеллигенции и богемной жизни Братиславы. Кроме того, наряду с литературой он занимался и другими видами искусства — кино, театром, изобразительным искусством, что нашло отражение в его литературном творчестве.

Уже в первом своем сборнике «Мозаика жизни и снов» (*Mozaika života a snov*, 1923) Горват продемонстрировал владение современной техникой литературного письма. Здесь мы встречаемся с целым репертуаром модернистских, декадентских и экспрессионистских элементов: мотив игры (любовь как игра в новелле «Игра», *Hra*), гротесковость («Когда закипает кровь», *Ked' krv vrie*; «*Sempre avanti*»), повторяющийся мотив маски, изображение крайних проявлений чувств, неконтролируемых эмоций (истерический смех, плач, агония). Кроме того, важную роль в этой книге играет тема мечты, сна, заявленная уже в самом ее названии. Пытаясь понять жизнь, описываемую через призму сознания и воображения героя, Горват создает некий параллельный мир, противопоставленный реальному, в котором стираются границы времени и пространства, из-за чего атмосферу его новелл нередко сравнивают с атмосферой в произведениях Франца Кафки⁷. Иногда в этом сборнике также возникает образ манипулятора, злодея, обладающего своей дьявольской стратегией игры, с садистским удовольствием разрушающего чужие судьбы, который здесь, как правило, выступает в роли рассказчика («Когда закипает кровь»; «На Дунае», *Na Dunaji*). В ряде произведений писатель формирует образ «нервного интеллектуала», с болезненной раздражительностью реагирующего на окружающую среду («Перед концом», *Pred koncom*; «Мириам», *Miriam*; «Ее отец», *Jej otec*). Кроме того, обращает на себя внимание композиционное решение некоторых новелл, где линейность повествования часто нарушается ретроспективой, отступлениями, размышлениями, пропуском отдельных эпизодов или в основе которых лежит лишь некий ассоциативный ряд, свободный поток воспоминаний героя-рассказчика или автора-повествователя, что свидетельствует о движении писателя в направлении к свободной композиции.

В этом же сборнике присутствуют и другие яркие элементы, присущие чисто экспрессионистской поэтике. В большинстве новелл

повествование ведется от первого лица, что позволяет непосредственно донести чувства и эмоциональное состояние героев. При этом Горват изображает своих персонажей как людей, чьи поступки могут казаться нелогичными, поскольку подчиняются лишь логике их собственной внутренней жизни, инстинктам или безудержным страстям — ярости, гневу, раздражению, зависти, сладострастию, ревности. Такое тяготение экспрессионизма к вызывающей алогичности призвано подчеркнуть полную деформацию, «вывернутость» всех человеческих отношений.

Сами герои вполне могут быть названы людьми странными, действующими в необычных обстоятельствах и ситуациях, да и в своем окружении они часто считаются странными, чудными («*divými*»). В новелле «*Sempre avanti*» возникает и экспрессионистский образ человека без сердца, неспособного, как кажется ему самому, чувствовать и любить, своеобразного двойника героя известной повести Я. Грушовского «Человек с протезом».

Почти все новеллы сборника строятся на серьезном конфликте, часто приводящем к трагической развязке, причем постоянно нагнетаемое автором напряжение усиливает ощущение предчувствия трагедии. Нередко созданию такой атмосферы в произведениях способствует и параллельное изображение Горватом природных сил как разбушевавшейся стихии, что вполне соответствует духу экспрессионизма. В новелле «Покаяние Штефана Бабиака» (*Pokánie Štefana Babiaka*), единственной из всего сборника затрагивающей военную тематику и проблему искалеченного войной сознания человека, Горват обращается к традиционному экспрессионистскому мотиву очищения, катарсиса. Герой этой новеллы — солдат, возвращающийся с фронта в родную деревню, — услышав колокольный звон, перерождается, поскольку лишь в этот момент осознает, что законы войны, законы борьбы за существование с помощью физической силы и ценой убийства других людей в мирной жизни не действуют. Его покаяние изображается Горватом как покаяние всего человечества за развязанную кровопролитную войну, обезобразившую облик мира, полностью изменившую жизнь и сознание людей. В целом тематика и проблематика сборника, строящаяся на неразрешимых противоречиях субъекта и окружающего его мира, а также образы героев новелл Горвата могут быть названы экспрессионистскими по своей сути.

В дальнейшем Горват постепенно отходит от экспрессионизма, от попыток иррационального познания окружающей действительности и изображения «странных» героев в необычных жизненных обстоятельствах. Свидетельством движения писателя в сторону конкретности и рационализма являются его книги «Человек на улице» (*Človek na ulici*, 1928), «Серебряная пыль» (*Strieborný prach*, 1929) и «Виза в Европу» (*Vízum do Európy*, 1930), в которых элементы экспрессионистской поэтики спорадически проявляются, в основном, лишь на уровне тематики, проблематики и образов персонажей. Так, герои сборника «Человек на улице» брата Юрги — необычные, точнее сказать, странные люди, каждый из которых показан в момент глубокого внутреннего кризиса. Кроме того, двое героев этой книги — Томаш Юрга и Лацо — изображаются Горватом как вечно странствующие персонажи, ищущие новых впечатлений и тем для творчества и размышлений. Повествование о странствиях героев и остановках на их пути, служащих символическим обозначением внутреннего движения, развития души, заставляет вспомнить так называемую «Драму пути» (*Stationendrama*). Её классические образцы были созданы на рубеже веков шведским писателем и драматургом Августом Стриндбергом (драматическая трилогия «На пути в Дамаск», *Till Damaskus*, 1898–1904; «Игра снов», *Ett drömspel*, 1901). Действие «Драмы пути» образует круговой путь героя (каждый раз движение завершается возвращением в исходный пункт, но на новом уровне), в котором действие развивается скачкообразно от одной остановки («станции») к другой, отмечая этапы душевной эволюции персонажей. Эта форма драмы была, как известно, воспринята и утверждена экспрессионистами (Р. Зорге «Нищий», *Der Bettler*, 1912; Ф. Верфель трилогия «Человек-зеркало», *Der Spiegelmensch*, 1920, драмы Г. Кайзера, Э. Барлаха и других), которые широко использовали и развили ее.

Ряд элементов экспрессионистской поэтики возникает и в новелле Горвата «Серебряная пыль». В ее основе лежат довольно часто встречающийся в экспрессионизме сюжет восстания сына против отца (ненависть незаконнорожденного сына к собственному отцу, оставившему его мать) и мотив инцеста (любовь к сводной сестре). Этими двумя обстоятельствами, определяющими все поведение и поступки героя, Горват стремится подчеркнуть биологическую константу человека. Образы персонажей также решены

в экспрессионистском духе: писатель рисует их широкими, грубыми мазками (как, например, образ матери, создаваемый автором через описание ее тяжелых рук и большого кулака). Фигура автора-повествователя как бы сливается с фигурой героя новеллы Яна Мартинака, поскольку часто восприятие и описание окружающей действительности происходит через призму сознания героя и болезненного состояния его психики. Многие поступки Мартинака совершаются им как бы в тумане, в забытии, что в целом создает атмосферу сна, параллельной реальности, в которой живет герой. Более того, иногда временные пласты в повествовании ничем не отделяются, переходы не ясны, и воспоминания переплетаются с происходящим наяву. Одновременно в новелле возникает и распространенный в экспрессионизме мотив неведомой высшей силы, управляющей поступками героя: «Какая-то сила заставляла его идти, сжимала в его руке топор... Что-то поднимало руку Яну, топор в ней»⁸. Тесное переплетение реальности и фантастики, совмещение сна и яви позволяют говорить о значительном влиянии на поэтику этого произведения сюрреализма, провозгласившего источником искусства сферу подсознания, а его методом — разрыв логических связей, замененных свободными ассоциациями.

Развязка действия новеллы «Серебряная пыль» демонстрирует трансформацию мировосприятия как персонажа, так и самого автора, поскольку Горват уже не стремится изобразить человека, который подчиняется лишь зову крови и в своей ненависти готов пойти до убийства, но наоборот — человека, способного противостоять своим инстинктам. Страдание оказывается для Яна Мартинака той очищающей силой, которая помогает человечности, разуму и воле победить внутренние неосознанные побуждения и «животные» чувства. В этом мы видим отступление писателя от поэтики и философских принципов экспрессионизма и модернизма в целом. Уже в изданной годом позже книге «Виза в Европу», считающейся вершиной творчества Горвата, реальность полностью побеждает сны, абстрактность уступает место конкретности, простоте и воздержанности, а эмоциональное видение дополняется рациональностью познания. Это движение писателя в направлении к конкретной ясности, точности и краткости изображения можно сравнить с процессом перехода художников и литераторов в Германии и других немецкоязычных странах во второй половине двадцатых годов от экспрессионизма

к искусству «новой деловитости». Именно в литературе «новой деловитости» реакцией на экспрессионистский «крик» и пафос возмущения стала стилистика лаконичного, сдержанного высказывания, холодной констатации. Метущихся героев вытесняют «обыкновенные» люди, и во всех сферах искусства начинает преобладать изображение актуального жизненного материала.

Однако следует отметить, что в отличие от Германии, где уже к середине 1920-х годов экспрессионизм в значительной мере исчерпал себя и практически полностью уступил место новому художественному направлению, в Словакии черты экспрессионистской поэтики заметны у некоторых писателей вплоть до начала 1940-х годов. В словацкой культурной жизни межвоенного двадцатилетия процесс смены одного преобладающего направления другим не был таким отчетливым и очевидным. Это связано и с тем, что процесс освоения словацкими литераторами европейского художественного опыта после переворота 1918 года проходил довольно хаотично, в ускоренном темпе. Как мы видим, в результате взаимодействия различных концепций, заимствованных из зарубежных литератур, рождались трудно определяемые в концептуальном плане новые образования. Так, и круг авторов, творчество которых в той или иной степени связывалось с понятием экспрессионизма, был необыкновенно широк, и в их творчестве порой сосуществовали черты совершенно различных поэтик. Мировоззренческие установки экспрессионизма и его способ отражения действительности удивительным образом оказались почти одинаково близки писателям самых различных идеологических взглядов и эстетической направленности: начиная с ярких представителей авангардного искусства и богемной жизни Братиславы (И. Горват, Т. Й. Гашпар) и заканчивая адептами марксистской революционно-пролетарской идеологии, авторами эталонных произведений социалистического реализма (П. Илемницкий). Причем влияние экспрессионизма на определенном этапе творчества испытали и те словацкие прозаики, которые традиционно ассоциируются у нас с иными литературными течениями, как, например, имена ярких представителей словацкого натурализма Франтишека Швантнера (1912–1950) и Доброслава Хробака (1907–1951). В середине и второй половине тридцатых годов, когда художественная концепция этого литературного направления лишь начинала складываться, они создали ряд произведений, носящих в себе признаки экспрессионистской поэтики.

Рассматривая новеллы Ф. Швантнера «Расчет» (*Výpoved'*, 1933), «Ярмарочная история о золотом крестике» (*Jarmočná anekdota o zlatom krížiku*, 1936), «Два времени» (*Dve doby*, 1938, в печати — 1959) «Первый снег» (*Prvý sneh*, 1938) и ранние новеллы Д. Хробака, часть из которых вошла в его сборник «Приятель Яшек» (*Kamarát Jašek*, 1937), можно отметить обращение этих авторов к типичным для экспрессионизма темам, мотивам, образам. Так, герои Хробака тягостятся своим одиночеством и находятся в непрерывных поисках веры в добро и человечность, за которыми стоят поиски самих себя, оказывающиеся бесперспективными. Сугубо экспрессионистский конфликт в его новеллах раскрывается характерными для концепции экспрессионизма средствами: используя монологическую форму повествования, автор добивается того, что рассказчик не только сближается, но порой и совершенно сливается с персонажем. К примеру, эти границы стираются в новелле «Голые стены» (*Holé steny*, 1930), где герой — писатель Беньямин Корбель, страдающий от внутреннего кризиса и одиночества, умирающий от туберкулеза в больничной палате — ведет нескончаемые воображаемые диалоги, тщетно пытаясь преодолеть свою разобщенность с окружающим миром. К похожему образу Хробак обращается и в новелле «Силуэт» (*Silueta*, 1937), героиня которой ощущает свое перманентное одиночество и страдает от мысли о невозможности стать матерью, что приводит ее к постепенному духовному и физическому умиранию. Во многих случаях у Хробака мы также встречаемся с типично экспрессионистской идеей фатальной зависимости человека от заранее предначертанной ему судьбы, воли высших сил.

Раннее творчество Ф. Швантнера являет собой еще более интересный пример использования приемов экспрессионистской поэтики, которые в вышеперечисленных новеллах писателя сочетаются с элементами сюрреализма и натурализма. Именно на середину тридцатых годов приходится формирование концепции словацкого литературного сюрреализма, получившего название «надреализм». Типично сюрреалистическое тяготение к изображению персонажей, помещенных в смутно очерченное пространство между реальностью и сновидением, галлюцинацией, отличает и этот период творчества Швантнера. С одной стороны, его новеллы «Два времени» и «Первый снег» проникнуты экспрессионистским мироощущением: в первой новелле оно проявляется в охватывающем героя-рассказчика чувстве ужаса

перед хаосом мира, в его подсознательном желании отомстить своему отцу за мать; во второй — в непрерывном ощущении приближающейся смерти, с которой герой и героиня ведут непрерывную борьбу, но победить в ней суждено только одному из них. С другой стороны, в обоих произведениях ткань повествования пронизывается типично сюрреалистическими фантазиями и видениями персонажей, в которых порой возникают причудливо-ужасающие образы (например, в новелле «Два времени» — капающая из сосков матери кровь, которую пьет герой). Постепенное ослабление влияния поэтики экспрессионизма и все более отчетливое проявление признаков натуралистической концепции становится заметно в прозе Ф. Швантнера и Д. Хробака лишь к началу 1940-х годов.

Несомненно, список имен словацких авторов, в прозе которых экспрессионизм получил свое отражение, можно было бы еще продолжить, добавив в него имена писателей, чьи произведения не стали столь заметными явлениями в словацкой литературе, но концепция творчества которых тяготела к экспрессионизму. Таким писателем был, к примеру, Болеслав Братиславский (1894—1975), автор нескольких сборников новелл, в основном, на военную тематику, в числе которых «Словацкие рапсодии» (*Slovenské rapsódie*, 1921), «В борьбе с темнотой» (*V borbe s temnotou*, 1922), а также романа «Хаос» (*Chaos*), выходявшего в печати как роман с продолжением. Следы восприятия философии и художественной концепции экспрессионизма заметны и в творчестве прозаика Штефана Графа (1905—1989), в частности, в его произведениях второй половины тридцатых годов — сборнике новелл «В горячем прибое» (*V horúcom príboji*, 1937), романах «Смятение» (*Zmätok*, 1938) и «Борьба» (*Zápas*, 1939). В этих произведениях Ш. Графа нашло свое отражение характерное экспрессионистское мировосприятие с его пессимистическим видением будущего и биологизмом во взгляде на человеческую природу. Не избежал влияния поэтики экспрессионизма и писатель Кветослав Флориан Урбанович (1885—1963), в ранних романах которого, написанных в начале двадцатых годов («Проступки», *Poklesky*, 1922; «Тридцать сребреников», *Tridsať strieborných*, 1923), отчетливо проявляются черты поэтики экспрессионизма.

В целом этот довольно обширный круг авторов, причисляемых к экспрессионистам, а также достаточно длительный период преобладания экспрессионизма в литературе Словакии — с конца 1910-х

до начала 1940-х годов — свидетельствуют о значительности и масштабности этого явления. Трудно переоценить и то существенное влияние, которое оказал экспрессионизм на прочие художественные направления, как развивавшиеся в словацкой культуре и литературе параллельно с ним в те же годы (пролетарская литература), так и на пришедшие ему на смену (надреализм, натурализм). Это воздействие особенно ярко проявилось в произведениях авторов, чья творческая концепция в определенный момент оказалась на границе двух различных направлений (П. Илемницкий, Д. Хробак, Ф. Швантнер). Такой огромный размах феномена литературного экспрессионизма, вероятно, может объясняться тем, что с самого начала экспрессионизм не укладывался в общепринятые понятия «течение», «направление», «стиль», и его масштабы определяются тем коренным переломом в европейском самосознании, который начал происходить на рубеже XIX и XX веков, порывавшим с позитивистскими идеями и отказавшимся от веры в рациональное преобразование мира. Выстроенная словацкими писателями-экспрессионистами художественная модель мира является эстетически актуальной, адекватной эпохе и богатой возможностями дальнейшего развития. В ней заложена такая мировоззренческая и художественная ценность, которая также оказалась созвучной мироощущению последующих деятелей литературы и искусства.

Примечания

¹ Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литературы. М., 1979.

² Крочанова Д. Литература 1920–1950. Драма // Словацкая литература: XX век. М., 2003. С. 295.

³ Пестова Н. Литература и экспрессионизм // Энциклопедический словарь экспрессионизма. / Отв. ред. П. М. Топер. М., 2008. С. 337.

⁴ Богданов Ю. В. Словацкая литература // История литератур западных и южных славян. Т. III. Литература конца XIX — первой половины XX века (1890-е годы — 1945 год). М., 2001. С. 494.

⁵ Гашпар Т. Й. Красный корабль // Дунайская мозаика: Антология словацкой новеллы XX века. Сост. А. Машкова. Кн. 1. М., 2008. С. 91.

⁶ Там же. С. 65.

⁷ Например, Števcík J. Literárny profil Ivana Horvátha // Slovenské pohľady. 82.1966. Č. 1. S. 50.

⁸ Горват И. Серебряная пыль // Дунайская мозаика... С. 154.

Н. В. Шведова

Мирослав Валек как сюрреалист в поэзии для детей (1960-е годы)

Мирослав Валек (1927–1991) — выдающийся словацкий поэт второй половины XX в., продолживший национальные и мировые традиции модерна и авангарда и определивший развитие словацкой поэзии с конца 1950-х гг. Видный литературовед Павол Штевчек написал о нем в конце 1990-х, когда Валека успели и подвергнуть предвзятой критике (в том числе посмертно), и даже слегка забыть в погоне за конъюнктурой: это был поэт, «который вдохновил и одновременно основал современную поэзию второй половины двадцатого столетия в истории словацкой литературы. Без творческого вклада его поэтической личности ее бы и не было»¹. С некоторыми оговорками (на наш взгляд, весьма спорными) высоко оценивает Валека литературовед и поэт Ян Замбор: «Большая часть поэтического творчества Валека относится к базовым и постоянно живым ценностям словацкой поэзии XX в. Его собственные стихи (включая поэзию для детей) и переводы подстегивали также ход литературного процесса и не перестают быть источником вдохновения»².

Валек начал печатать стихи в 1940-е гг. в католических журналах, с середины десятилетия и до 1959 гг. был известен по публикациям в периодике. Его дебютная книга, «Прикосновения» (1959), определила период переоценки ценностей, стремления создавать поэзию если не «с человеческим лицом», то уж, несомненно, с человеческой душой во всей ее противоречивости, неправильностях и контрастах. В 1960-е гг. Валек создает произведения сложной, во многом авангардной поэтики, отмеченные неустанными гуманистическими поисками, порой заводящими в тупик, внушающими отчаяние. Это поэтические сборники «Притяжение» (1961), «Беспокойство» (1963), «Любовь в гусиной коже» (1965). С 1959 по 1970 г. он пишет также пять книг стихов для детей. Помимо поэтического творчества, Валек

занимался переводом (в частности, очень интересно передал на словацком образы и звукопись Андрея Вознесенского), литературно-критической деятельностью.

В 1969–1988 гг. Валек был министром культуры Словакии, что после «бархатной» революции (1989) вызвало волну огульных обвинений. Однако П. Штевчек, сам пострадавший в период «нормализации», открыто и честно высказался в уже цитированном тексте: «Он хотя и служил министром, как требовали законы эпохи, но никому и ничему не прислуживал. При этом он все же попал в знакомую ситуацию современного словацкого политика: он должен был избрать путь наименьшего зла. [...] Мы можем видеть, что Валек-политик сделал свой вклад как конструктор положения культуры в пройденную эпоху. Даже без подсчета и документирования его чисто личных заслуг при поддержке словацких деятелей искусства и самого их существования»³.

В пору своей «министерской деятельности» Валек публиковал новые стихи очень редко (хотя большой популярностью пользовались переиздания его произведений, часто с прекрасными иллюстрациями, прежде всего любовная лирика с рисунками замечательного словацкого графика, в основе своей сюрреалиста Альбина Бруновского). Поэма «Слово» (1976), глубокое и, по сути, трагичное исследование природы поэтического творчества и любви, погруженное в жгучий социально-политический контекст, вызвала вначале шквал восторженных отзывов («отметились» все ведущие литературоведы, критики, в том числе поэты). После «бархатной» революции это сложнейшее и невероятно совершенное с точки зрения образности, звукописи, рифмовки произведение поспешили объявить «рифмованным переложением “Уроков кризисного развития в партии и обществе”» (М. Гамада, Я. Кошка). Гораздо более взвешенный анализ дал Ф. Матейов в статье для «Словаря произведений словацкой литературы XX века»⁴. От «политической» (условно говоря) поэзии «Слова» Валек бесповоротно ушел в драматичную, изысканную по форме любовно-философскую лирику: поэма «Из воды», скомпонованная по принципу переосмысленного венка сонетов (1977), сонетный цикл «Картинная галерея» (1980). В последнее десятилетие своей недолгой жизни Валек не публиковал новых стихов. После незаслуженного «забвения» Валека на родине ситуация сейчас уже выглядит более отрадно и справедливо: издаются художественные произведения и исследования его творчества. В частности, Валеку отведено заметное место в портретной галерее словацких поэтов

Я. Замбора (упомянутая книга «Интерпретация и поэтика», 2005). Он оказался в одном ряду с такими знаковыми именами национальной поэзии, как И. Краско, Л. Новомеский, П. Горов, М. Руфус.

В России М. Валеку постоянно уделяли большое внимание. В 1960–2000-е гг. были переведены его поэтические произведения, его творчеством занимались Ю. В. Богданов, И. А. Богданова, Л. Н. Будагова, С. А. Шерлаимова, Н. В. Шведова. Последняя защитила кандидатскую диссертацию «Творчество Мирослава Валека. К проблеме лирического героя» (МГУ, 1987). В 1982–2012 гг. ею опубликован ряд статей и материалов о данном авторе и поэтические переводы его произведений. К сожалению, по финансовым причинам не состоялся проект издания многочисленных переводов Валека на русском языке (2007, к юбилею поэта).

Проблема «М. Валеk и сюрреализм» в период существования социалистической Чехословакии и СССР специально не рассматривалась, хотя еще в 1983 г. выдающийся словацкий литературовед, педагог и писатель Ян Штевчек сказал автору этих строк: «Валеk, в сущности, неосюрреалист». Творчество Валека пытались вписать в концепцию социалистического реализма (в диссертации Н. В. Шведовой и других работах советских ученых — в рамках «открытой системы», по интерпретации Д. Ф. Маркова, иначе оно в эту концепцию не укладывалось). Черты сюрреализма, однако, выделены в работе Н. В. Шведовой при анализе поэзии Валека 1960-х гг. Уже в 2010 г. ею был сделан доклад «Сюрреалистическое влияние в поэзии М. Валека (1960-е гг.)» на конференции «История и культура славян в прошлом и настоящем», организованной Институтом славяноведения РАН и Государственной академией славянской культуры. Аспект «детской поэзии» там не рассматривался, он стал предметом исследования в докладе Шведовой на II Международном симпозиуме «Славянские языки и культуры в современном мире» (Москва, МГУ, 21–24 марта 2012 г.)⁵.

Сюрреализм — единственное авангардное направление, оформившееся в литературе и искусстве Словакии в 1930–1940-х гг. и оказавшее большое влияние на развитие словацкой поэзии, живописи, графики, кинематографа XX–XXI вв. Расцвет словацкого сюрреализма (самоназвание с 1939 г. — надреализм) пришелся практически на годы Второй мировой войны (1939–1945 гг. или 1946 г.). В 1950-е гг. надреалисты публиковали стихи в духе социалистического реализма, в 1960-е отчасти пытались вернуться к поэзии своей молодости.

Сейчас эта проблематика активно изучается в России (прежде всего работы Л. Н. Будаговой, Н. В. Шведовой, А. Б. Базилевского).

1960-е гг. были для словацкой поэзии, как и культуры и общественной жизни в целом, временем достаточно свободным в плане творческого самовыражения и экспериментов. Своеобразный «Ренессанс» надреализма проявился не только в попытках бывших надреалистов актуализировать темы и поэтику того периода. Поэзия надреалистов переиздается в рамках авторских книг и антологии. Выходят литературоведческие работы, посвященные словацкому и французскому сюрреализму (в частности, исследования С. Шматлака, Б. Ковача). Собрание статей и документов, связанных с надреалистическим движением, издано его организатором и теоретиком М. Бакошем⁶. В такой атмосфере появляются сборники стихов Мирослава Валека, в которых нарастает влияние сюрреалистической поэтики.

Для поэзии Валека характерны такие черты, как спонтанность, алогичность, обращение к подсознанию, «ошеломляющий образ», «конвульсивная красота», «объективная случайность» (базовые понятия сюрреализма). Минорная тональность и хаотические, порой страшные, видения, обычные для писавших во время войны надреалистов, по-своему отзываются в стихах Валека. Любовь у него желанна и трагична, как и у надреалистов, а мир в целом часто непостижим и враждебен человеку, который ощущает одиночество, отчужденность, неспособность проявить себя даже в чувстве любви, хотя она становится последним островком спасения.

Главным завоеванием сюрреализма в чешской (В. Незвал) и словацкой (Р. Фабри, В. Райсел) литературах было раскрепощение творческой фантазии. Это во многом относится к поэтическим книгам Валека для детей: «Чудо под столом» (1959), «На природу посмотри: кто полезен, кто вредит» (1960), «Где живут птички» (1961). Особенно выделяются «Большая дорожная лихорадка для маленьких путешественников» (1964) и «В Трамтарию» (1970).

Наряду с познавательными задачами (прежде всего во второй и третьей книгах), Валек ставит перед собой задачу вовлечь маленького читателя в игру, где используются традиционные сказочные приемы и совершенно неожиданные повороты, типично валековские парадоксальные метафоры, блестящие эксперименты с языковым материалом. «Вещи нелогичные представляются логичными, а невероятные — как действительные» (С. Шматлак)⁷. Понятие

игры — одно из важных в поэтике сюрреализма, в том числе — игры воображения. Валек с непривычных сторон рассматривает представителей животного мира и современные виды транспорта, придавая им человеческие черты (типично сказочный прием) и щедро используя юмор и иронию, что также характерно для сюрреалистов. Часто для создания поэтического образа служат звуковые соответствия, изобретательно используются рифма, омонимия (это вообще отличительное качество поэтики Валека, в том числе и в поэме «Слово»).

Наиболее виртуозной в плане фантазии и сюрреалистических находок стала книга «В Трамтарию», сюжетный стержень которой — путешествие в сказочную страну, где совершаются невероятные события. К поэтике неожиданного относятся «фирменные» валековские расщепления идиом, обнаружение потаенного смысла стертых выражений (что развито современным словацким поэтом Павлом Яником). Для маленького читателя это может быть не совсем понятно, но Валек и в сфере детской поэзии отыскивает подходящий материал, забавно его обыгрывая. Само выражение «В Трамтарию» исходит из словацких идиоматических оборотов «быть родом из Трамтарии, жить где-то в Трамтарии (Трантарии)» — где-то очень далеко, «иди в Трамтарию!» — уйди прочь, отстань. В эту несуществующую или существующую за гранью познания Трамтарию Валек и приглашает читателя-ребенка (а вместе с тем — и взрослого, которому открываются свои грани произведений).

Мастер рифмованной поэзии Валек в своих «серьезных» стихах 1960-х гг. всё больше использует верлибр, который стал единственной системой стихосложения у надреалистов, и создает произведения большого объема, так называемые политематические, с монтажной композицией, позволяющей соединять разнородные по настроению и мысли фрагменты. Подобные формы исходят из стихотворения Г. Аполлинера «Зона» и были характерны для надреалистов, причем импульсы шли как непосредственно от Аполлинера, так и опосредованно через Незвала и других чешских поэтов. Впрочем, пользуясь верлибром, Валек нередко дает рифмы в ключевых местах своих авангардных «поэм». В стихах для детей Валек, напротив, выбирает небольшие рифмованные формы с короткими строчками, чтобы привлечь и удерживать внимание ребенка. Вводное стихотворение «В Трамтарию» — по сути, шутка, забавные вариации на тему «трех капустных арий». Однако взрослый может уловить в этой игре со

словами иронию, намек на бессодержательность лозунгов и призывов, в которых слова только меняются местами.

В стихотворении «Эхо» природное явление оказывается маленькой некрасивой девочкой, которая плачет «за горами, за долами». Словацкое слово «ozvena» — женского рода. Стержнем игры становится строка «Ozvíte sa ozvene!» («Отзовитесь эху!»). Эффект эха — повторение последнего слога — это одновременно и отрицание того, что девочка некрасива, никому не нужна, над ней смеются, она страдает.

Že nikto nič za ňu nedá?
 Že je škaredá?
 Dá! Dá! Dá!
 Že je na smiech?
 Že je bledá?
 Že má trápenie?
 Nie! Nie! Nie! ⁸

Мощный моралистический подтекст надежно укрыт под звуковой игрой, соответствующей реальному явлению. С отражением эха связана и строчка «Смягчились бы и камни» — те камни, от которых и идет отзвук. Ознакомление ребенка с миром происходит сразу на нескольких уровнях, и всё это в форме непринужденной игры, в центре которой — неожиданный образ одинокой девочки.

Целая ироническая сказка (для детей и взрослых) создана в стихотворении «Невидимый автомобиль, видимое дерево». «Всё началось с того, что видимый автомобиль // врезался в невидимое дерево. // Такое иногда бывает. Как когда, // как где и как с кем» (с. 51). Автомобиль попадает в клинику, где над его «видимой травмой» размышляют все, от главврача до дворника. Проскакивает обыгрывание идиомы «tárať dve na tri» — «нести околесицу». Валеk добавляет: «ba aj na štyri», — что по-своему вполне логично, только в системе счета (два, три, четыре). Происходит столкновение несочетаемого. Дальше идет забавная путаница слов, из-за которой автомобиль становится невидимым. Слово «бензин», лекарство для автомобиля, им самим нечаянно переделано в «zmizík», от слова «zmiznúť» — «исчезнуть». Лекарство помогло, и на улицах города появляется невидимый автомобиль, «скандал века», «победитель конкурса “Ни дня без аварии”» (латинское «Ни дня без строчки»; с. 52). Взрослым он доставляет кучу

проблем, однако детей потихоньку возит — бесплатно и за мороженое (которое ему запрещали есть врачи, как запрещают больным детям). После этого дети становятся невидимыми, «в невидимых тетрадах полно невидимых заданий», невидимо для «видимого пана директора» дети бегают в магазин и «покупают видимый шоколад за невидимую крону» (с. 53). То есть с помощью «неправильного» автомобиля, возмутителя спокойствия, дети избавляются от нудных занятий и бесплатно получают лакомство. Взрослые в панике: во что это выльется? «Невидимые дети доведут мир до гибели. // Невидимые дети // опаздывают на ужин. // Невидимые дети не чистят зубы», — пародирует Валек «логику» взрослых, подкрепляя смехотворную аргументацию рифмой «do záhuby — zuby». Совещания взрослых ни к чему не привели («Radili sa všetci dospelí [...] — a kam dospeli?», обыграны омоформы). Дошли до «пана министра» (своя сюрреалистичность в том, что к выходу книги Валек уже сам был министром). На пути автомобиля искусственно возникает видимое дерево, автомобиль попадает в мастерскую. «Это конец стихотворения. // Поскольку то, что делалось в мастерской, // было невидимым» (с. 54). По логике, невидимым оно должно было быть потому, что следует за концом, а не само по себе.

В подтексте Валек с блеском проявляет себя как саркастичный наблюдатель социально-психологических процессов. Детская страсть к озорству и непознанному, часто запретному, мыслится им как нормальная. Возмущение взрослых, напуганных непонятными явлениями, выходом за пределы общепринятого, их бестолковые совещания — знакомые признаки социально-политической нестабильности. Подстроенная авария и «невидимые» последствия в «мастерской» (больнице, тюрьме?) — известный способ расправы с неугодными людьми.

Несколько стихотворений связано с миром цирка, где с животными — верблюдом, лошадкой, обезьянами — происходят неожиданные и забавные приключения. Сюрреалистическое начало обнаруживается в стихотворении «Одна большая обезьяна и две маленькие». Обезьяны танцуют на канате, срываются и непостижимо зацепляются за канат, сами не понимают, как это происходит, но всё время танцуют. «Напряжение в цирке возрастает! // Жофка, Зузка, Марка и мы с тобой // ведь видели, что каната для обезьян там вообще не было» (с. 62). Подобные парадоксы очень характерны для Валека, ситуация похожа на лишенный логики сон, а сны для сюрреалистов были важным источником образности. Идущая от Андерсена

сказочная традиция подтверждает: дети правильно видят то, что скованные условностями и страхами взрослые домысливают, дорисовывают, будь то канат в цирке или «новое платье короля».

Великолепная абсурдная игра создана поэтом в стихотворении «Как Кубо исчез». Здесь что ни строчка, то противоречие, причем Валек сразу же заявляет: «Это слишком серьезно, чтобы быть игрой» (с. 63). Имя «Кубо» — с одной стороны, реальное (уменьшительное от «Якуб»), с другой — обозначение дурачка, простака, в сказках — Иванушки-дурачка (ср. русское «ваньку валять»). Мальчик Кубо залезает на дерево (которое последовательно — груша, орешник, яблоня, а растут на нем вишни), слезть не может, вспоминает о лестнице, бежит за ней (формально не спустившись!), а потом на дереве не видит никого.

Кубо сидит на траве, размышляет что есть силы:
«Если меня нет на дереве,
я не могу с него слезть!»
Это просто, это так. Да, да!
Если я не могу с него слезть,
я должен остаться на нем!
«Это факт! Решено! Да будет так!»
И вот так Кубо исчез (с. 64).

Для ребенка это игра, привлекающая своей неожиданностью. Взрослому читателю Валек показывает, что логическое рассуждение может завести в тупик (своего рода шуточный «парадокс Зенона»).

Блестящее использование неологизмов, вполне прозрачных для ребенка, мы видим в стихотворении «Панпулоны» (вымышленные страшные существа из страны Панпулонии). Создается детская «страшилка», «horror», поводом для которой стал обычный дверной звонок: он напугал мальчика, который боялся быть дома один и представил себе нашествие ужасных панпулонов. Мы попытались дать русский вариант (перевод опубликован в антологии словацкой поэзии «Голоса столетий», 2002). Вот его фрагмент:

Панпулон из Панпулонии —
сжался я от страху —
носит черный панпуловер,
белую рубаху.

В черных панпуловерах,
пасть черную оскалят
и черные глазищи на беднягу панпулялят.[...]
Ночь панпуляшная глядит в окно.
Глаз не сомкну я все равно⁹.

Сюрреалистична здесь не только игровая ситуация, но в еще большей степени — отсутствие логики и безудержная фантазия, подогреваемая подсознательным страхом. Подобные неологизмы создают атмосферу абсурда в «серьезных» («недетских») стихах уже упоминавшегося П. Яника; их изобретательно переводила лингвист Дарья Анисимова (Ващенко)¹⁰.

Стихотворение «Мышки» также основано на логических нестыковках, кроме того — «разламывании» идиом и обыгрывании стертого значения географических названий. Смыслом игры становится контраст белого цвета (цвет мышек-персонажей, снега и т.д.), эпизодического черного и ярких цветов, в которые окрашены другие мышки (по «цвету» их местожительства или вообще из идиомы). Выясняется, что в Зеленче мышки зеленые, в Ружомберке ružové (розовые), в Модре — modré (синие), а мышка из Лондона — «блондинка», с желтыми волосами (из выражения «blondína z Londýna»). Младшая мышка предлагает отправить их в химчистку (оппозиция «свой/чужой!»).

Стихотворение «Рак-лунатик» (Námesačný rak) связывает в парадоксальный клубок рака, ходящего задом наперед и запутывающего зрителя, и убывающую-прибывающую Луну, свет которой в виде нитей стрижет рак (вновь всё делающий наоборот). «Рачья порода в мире первая. // Ей подчиняются и небесные тела», — пишет Валеk, вовлекая в игру сходные по звучанию, но далекие по смыслу слова («gáčič», «gakija»). Казалось бы, вновь забавные парадоксы, ничем не стесненная фантазия — и ничего более. Но для тех, кто знаком с астрологическими символами, исходного парадокса нет! Валеk в эпоху «борьбы с оккультизмом» ненароком протаскивает реалии своего зодиакального знака, который считается самым загадочным из двенадцати. Знак Рака (17 июля — день рождения поэта) находится под покровительством Луны, и Рак-лунатик — вполне оправданное, хотя и неожиданное соединение явлений. То, что это не случайно, подтверждает всё творчество Валека: один из наиболее значимых символов в нем — вода (стихия Рака), связанная с Луной и женским

началом, качествами зыбкости, текучести, интуитивности, глубины (всё соответствует астрологическим представлениям). Не случаен даже «серебряный рачок», который пятится по дну реки в поэме с характерным названием «Из воды»: серебро — металл Рака.

В последнем стихотворении книги опять обыграна Луна — чистый каламбур, как явствует из постскриптума. Два мальчика поехали к бабушке «на месяц» («na mesiac» — «на Луну» и «на месяц» по времени). С этой «Луны» они посылают веселые сообщения, что там никто не учится, только играют, развлекаются и лакомятся. «В неделю месяц свободен», — объясняют они здешнее расписание. Валеk обыгрывает и разные значения слов: «znátka» — «оценка» и «марка», «skúšať» — «экзаменовать» и «мерить»). На языковой основе возникает озорной розыгрыш, неожиданный поворот событий. Игра слов в детской поэзии Валека происходит постоянно. Это затрудняет ее перевод на другие языки, однако она переводилась, например, на русский, украинский, итальянский. На украинском ее воссоздал филолог-богемист, преподаватель Киевского университета Владимир Житник.

Критики высказывали опасения, что столь необычные произведения не будут понятны детям. Однако С. Шматлак приводит пример ребенка, который постоянно требовал читать ему «Большую дорожную лихорадку» и выучил ее наизусть. Стихи Валека для детей благодаря афористичности, игровому началу, броским образам и звуковой притягательности легко запоминаются.

Освобождение подсознания — вот общий знаменатель «детской» и «взрослой» поэзии Валека, связывающий ее с поэтикой сюрреализма. В «детской» поэзии Валека соединяются познавательное и игровое, развлекательное и поучительное, но нет и тени дидактичности. Поэзия для детей у Валека проникнута нежностью и добротой. Это реальный ответ тем критикам, которые видели в его «взрослой» поэзии «нигилизм», «механистичность» и порой даже «цинизм» (М. Гамада и др.). Валеk не становится иным в поэзии для детей, просто в чистом мире ребенка он не обороняется от всех тех психологических комплексов и внешних угроз, которыми наполнен мир взрослого человека. «Нет, мы не выдадим злу // ребеночка; // жестокое слово пусть никогда его не поранит», — с непривычной сентиментальностью высказался поэт в «Слове»¹¹, но именно такая позиция стоит за шутивными детскими стихами Валека. В седьмой части «Слова», где речь идет о человеческой природе, поэт предлагает начать

с детства, буквально с зачатия — на волне любви — нового человека. Не «новой машины», как в «Оде любви», протесте против бездуховности (сб. «Любовь в гусиной коже»). Подлинная любовь и чистая страна детства — опоры Валека в нестабильном, полном лжи, коварства и ненависти мире, от которого его лирический герой так страдал в 1960-е гг. Именно чистоту и добро выделил как доминанту детской поэзии Валека один из лучших словацких интерпретаторов поэзии (в том числе и надреализма), Станислав Шматлак, когда назвал свое послесловие к его собранию детских стихов «Чтобы мир был ясным...».

Невероятное (в том числе сюрреалистического свойства) родственно сказочному началу и воспринимается ребенком даже охотнее, чем взрослым. «"Тайна" художественной удачи этой книжки заключается, говоря обобщенно, в том, что Валеk смог в ней максимально проявить свои творческие возможности, свой талант», — написал о «Трамтарии» в уже упомянутом послесловии Шматлак¹². Вклад Валека в словацкую детскую литературу очевиден: большой поэт не «снизошел» до уровня ребенка, а просто вышел вместе с ним на уровень принципиально иной, где оба свободны, «как дети».

Примечания

¹ Števcěk P. Válek inšpiratívny // Válek M. Inšpirácie. Bratislava, 1999. S. 68.

² Zambor J. Miroslav Válek // Zambor J. Interpretácia a poetika. O poézii slovenských básnikov 20. storočia. Bratislava, 2005. S. 165.

³ Števcěk P. Op. cit. S. 69.

⁴ [Matejov F.] Válek M. Slovo // Slovník diel slovenskej literatúry 20. storočia. Bratislava, 2006. S. 493–497.

⁵ Тезисы доклада опубликованы в сборнике: II Международный научный симпозиум «Славянские языки и культуры в современном мире»: Труды и материалы. М., 2012. С. 188–189.

⁶ Bakoš M. Avantgarda 38. Bratislava, 1969.

⁷ Šmatlák S. Aby bol svet jasný... (Nad detskou poéziou Miroslava Válka) // Válek M. Panpulóni. Bratislava, 1975. S. 91.

⁸ Válek M. Panpulóni. S. 49. Далее цитаты по этому изданию, страницы указаны в скобках. Перевод подстрочный для сохранения игры слов.

⁹ Голоса столетий: Антология словацкой поэзии от истоков до конца XX в. М., 2002. С. 296.

¹⁰ См.: Яник П. Починка Титаника. Калуга, 2004.

¹¹ Válek M. Básne. Bratislava 1981. S. 241. Перевод подстрочный.

¹² Šmatlák S. Aby bol svet jasný... S. 91.

Л. Ф. Широкова

Война и Словацкое национальное восстание в отражении словацкой прозы второй половины XX в.

XX век для Словакии, находившейся в силу своего географического положения и исторического развития на перекрестке идеологических, военно-политических, национально-экономических векторов, стал одним из самых драматических периодов ее истории. Существование на грани утраты национальной идентичности в начале века, потери в Первой мировой войне, кризисные условия 1920–1930-х годов, в которых происходила активизация общественно-политической и духовной жизни нации, крах Чехословацкой республики и шаткое и двусмысленное положение новообразованного Словацкого государства — сателлита гитлеровской Германии, нарастание движения сопротивления, начало и подавление антифашистского восстания, перипетии послевоенного периода — от надежд на возможность демократического развития до установления тоталитарного коммунистического режима, просуществовавшего до 1990-х годов, «нежная» революция с последовавшим столкновением самых разных сил, позиций и интересов — таковы лишь пунктирно обозначенные вехи пути, пройденного Словакией за минувшее столетие.

Но даже на этом общем фоне особым драматизмом и масштабом социально-политических и национально-духовных последствий отличаются события, связанные со Второй мировой войной и Словацким национальным восстанием 1944 года. На протяжении послевоенной истории менялись, в том числе и в научной литературе, оценки этого периода — в зависимости от политической обстановки в стране и политических убеждений того или иного исследователя. Так, в работах, созданных уже в последние годы, в условиях идейного плюрализма, такие факты, как соглашательская, профашистская политика руководства Словацкой республики (1939–1945), преследование людей по политическим, религиозным и национальным мотивам, депортация евреев в так называемые «трудовые лагеря», участие

двух словацких дивизий в войне против СССР, и, наконец, национально-историческая закономерность антифашистского восстания, представлены в разных формулировках, свидетельствующих о различных подходах к ним. Если в одних работах очевидно стремление к объективности и даже объективизму изложения фактов («Во внешней политике ...это проявилось в участии словацкого военного контингента в войне против Советского Союза с июня 1941 г., в объявлении войны США и Великобритании»; «Началась двухмесячная борьба, которая вошла в историю Словакии как Словацкое национальное восстание»¹), то в других передается трагизм событий и внутренняя противоречивость процессов («Трагедия словацких евреев»; «Примитивный антисемитизм не был, к сожалению, исключением»; «Несмотря на коллаборационизм и антидемократизм режима, словацкая государственность привлекала симпатии части общества»²). Особенно остро вставал вопрос о Словацком национальном восстании, которое и в наши дни бывает порой объектом споров по поводу его закономерности или чужеродности в словацкой истории, общенародного или сектантско-коммунистического характера его подготовки и проведения и др.

Исследователь так описывает хронику событий: «Партизаны отряда “Чапаев” под командованием Александра Новикова уничтожили два немецких грузовика с боеприпасами»; «В Турчанскую долину Украинский штаб забросил особую группу для организации партизанских действий»; «Подразделения Первой партизанской бригады им. И. В. Сталина под командованием начальника штаба Ржецкого по договоренности с несколькими словацкими офицерами... заняли город Банска Быстрица и объявили о восстановлении Чехословацкой республики. Этот день был назван позднее началом “Словацкого национального восстания”³. Шкала оценок восстания колеблется от «государственной измены» и «большевистского путча» до «героического народного подъема» и «начала социалистической революции». В книге с собственной драматической судьбой, «Словакия в XX веке» (тираж 1968 г. был почти полностью уничтожен, второе издание осуществлено лишь в 2000 г.), Л. Липтак замечает: «В той же мере, что и пестрота суждений, которые пришлось ощутить на себе широкому и терпеливому хребту повстанческих гор за столь короткое время, примечательно и то, до какой степени интерес историков и публицистов был сосредоточен не на самом ходе восстания, а, скорее,

на его подготовке, на действительных и вымышленных вариантах восстания... Вне центра внимания часто оставалось главное и существенное — само восстание, жизнь на освобожденной территории, бои, победы и поражения. Именно то, что запечатлелось не только в историографии, но и в сознании народа, ...что создает ничем не заменимый, неповторимый и неистребимый факт аутентичного исторического переживания. Переживания настолько реального, что его не сможет вымарать никакое новое толкование или исказить пусть даже тысяча толстых томов, статей и постановлений; мало того, это переживание настолько сильное и глубокое, что исподволь вбирает в себя даже те слои, группы и местности, которые в самом восстании участвовали лишь «с боку»; тем самым оно становится поистине *национальной традицией*⁴.

События Второй мировой войны и Словацкого национального восстания во многом определили послевоенный облик Словакии, повлияли на расстановку политических сил, на сферу идеологии и культуры. Значительные изменения произошли и в литературе. Завершало свое плодотворное развитие течение в прозе конца 1930-х — середины 1940-х годов — натурализм, давшее образцы поэтической мифологизации словацкого микрокосма (Л. Ондрейов, М. Фигули, Д. Хробак, Ф. Швантнер). Временными рамками, обозначенными войной, ограничилось и условно выделяемое в словацком литературоведении течение «поэтов сюжета» (Я. Червень, Д. Татарка, П. Карваш), рассматривавших экзистенциальные проблемы человека в условиях войны вне традиционно-реалистических канонов. Господствующие позиции в первой половине 1950-х годов заняла литература социалистического реализма, декларировавшая принципы народности и партийности.

Перемены в словацкой литературе первых послевоенных лет отразились в целой лавине произведений на самую актуальную тогда тему — тему войны и Словацкого национального восстания. Это были написанные под непосредственным впечатлением от событий произведения разных жанров. В поэзии это — сборники «Я некто другой» (1946) Рудольфа Фабры, «Неодолимость скорби» (1946) Яна Костры, «Шествие» (1947) Павла Горова, «Огни на горах» (1947) Андрея Плавки и др. В драматургии — драмы «Башня» (1947) Юлиуса Барча-Ивана, «Пьеса о свободе» (1946) Штефана Кралика, «Поэт и смерть» (1946) Ивана Стодолы и др.

После 1945 г. тема войны и Восстания стала магистральной и для словацкой прозы. Она привлекала к себе писателей разных идейно-художественных направлений, творческого и жизненного опыта. Переживаемые отдельно взятым человеком и большими массами людей драматические, а часто и трагические события, связанные с этим пограничные состояния человеческой психики, испытания нравственных, духовных, религиозных основ личности и социума — все это требовало серьезного художественного осмысления и в то же время отвечало потребностям развития литературы. По мере своего развития, обусловленного в этот период не столько эстетическими, сколько идеологическими факторами, она приобретала различные модификации, жанровые и идейно-художественные воплощения.

Можно отметить несколько волн подъема «военной прозы», связанных как с особенностями литературного развития, так и с «запросами времени», идеологическими требованиями к культуре. На начальном, послевоенном этапе 1945–1948 гг., можно отметить ее идейно-стилевое разнообразие: к теме войны обращались и дебютанты — В. Минач (роман «Смерть ходит по горам»), К. Лазарова (повесть «Друзья»), и писатели с солидным литературным опытом — Ф. Швантнер (рассказы «Крестьянин», «Священник», «Дама», «Письмо»), П. Илемницкий (роман «Хроника»), Я. Боденек (сборник рассказов «Из волчьих дней»), К. Горак (роман «Горы молчат»). 1950–1955 гг. отличались усилением политического и идеологического давления на культуру, в литературе это период насаждения метода социалистического реализма, отразившийся, в частности, в крупных прозаических формах с элементами схематизма (Д. Татарка «Первый и второй удар», П. Карваш «Это поколение», «Поколение атакует»). Первые попытки его преодоления относятся к 1956 г. (А. Беднар «Стеклопанна гора» и «Часы и минуты»). 1958–1964 гг. стали временем синтезирующих жанров — трилогий, романов-эпопей, где военные испытания, пережитые страной, показаны через призму человеческих судеб (В. Минач «Поколение», Р. Яшик «Мертвые не поют», Л. Мнячко «Смерть зовется Энгельхен», Л. Тяжкий «Амен-мария. Только хорошие солдаты» и др.). Подъем военной прозы заметен и в середине 1970-х — начале 1980-х гг., когда «юбилейная» тема Словацкого национального восстания (в 1974 году широко отмечалось его 40-летие) помогла одним писателям опубликовать свои произведения после вынужденного молчания (В. Шикунла «Мастера»,

М. Дзвоник «Пепелища»), другим, начинающим — заметно заявить о себе (Ю. Балцо «Восково-желтое яблоко», 1976; В. Швенкова «Кедровый лес» и др.).

Особое место в послевоенной словацкой литературе занимает творчество писателей-эмигрантов; в рамках данной тематики речь идет о романе Й. Цигера-Гронского «Свет на Трясине» (опубликован в 1960 г. в США и лишь в 1991 г. в Словакии), в котором отразилось активное неприятие автором как самой войны, рассматриваемой как слепая стихия, враждебная человеку-труженику, так и, особенно, — восстания, воспринимавшегося Гронским как вмешательство чуждых разрушительных сил в гармонию национального бытия.

Произведения первых послевоенных лет отличались большим художественным многообразием, обусловленным различием жизненного и литературного опыта, возможностью выражения идеологических позиций и творческих принципов писателей. Общим же их свойством стали непосредственность впечатлений, большая жизненная и психологическая достоверность, особенно присущая лучшим их образцам. Нередко произведения создавались на основе реальных событий, пережитых или зафиксированных их авторами. Они отличались приближенному к документальности способу изложения событий и в то же время — остротой и экспрессивностью художественного выражения. Многие из начинающих писателей были в рядах повстанцев (В. Минач, П. Карваш, К. Лазарова и др.), и их дебюты естественным образом связывались с тематикой восстания, отражали их собственные судьбы и настроения той поры.

Владимир Минач (1922–1996) вступил в литературу в 1948 г. романом «Смерть ходит по горам», в котором он художественно переосмыслил личный трагический опыт партизана и узника фашистского концлагеря. Центральные герои романа — братья Ян и Петер Лотары — наделены автором многими автобиографическими чертами. Их военные судьбы складываются по-разному, но одинаковым оказывается постоянное ощущение экзистенциальной угрозы, балансирования на краю гибели. Петер попадает в плен и на протяжении всего романа, измученный и полуживой, проходит по кругам ада фашистских тюрем и концлагерей. Ян продолжает партизанскую борьбу в горах, перенося холод и голод, подвергаясь ежеминутно смертельной опасности. Ощущения и переживания братьев очень схожи, они — словно две модели судьбы одного и того же человека, для которого

единственным желанием стало — просто выжить: «Пусть хуже всех. Пусть страдая и унижаясь. Только бы жить» (Петер); «Вся философия, все человеческие знания, все, что люди придумали и создали, сузилось для меня до четырех букв — “Жить” (Ян). Критика того времени, ориентирами для которой служили постулаты социалистического реализма, ставила молодому писателю в вину пессимистический настрой романа, индивидуализм с оттенком чуждого экзистенциализма. Впоследствии, в трилогии «Поколение», Минач изобразил восстание в крупном эпическом формате, несравненно более широком по охвату социальных, политических и личностно-типологических параметров. Но его дебютный роман, благодаря эмоциональной непосредственности и достоверности в изображении психологических состояний человека в антигуманных условиях войны, остается одним из лучших произведений послевоенной словацкой прозы.

С 1945 г. в периодической печати начали появляться рассказы с военной тематикой известного уже к тому времени писателя Яна Боденка (1911–1988). Позднее они вошли в сборник, получивший название «Из волчьих дней» (1947). В пяти рассказах книги представлены различные проблемные и художественные аспекты изображения событий войны и восстания. Так, в рассказе «Первая атака» автор в экспрессионистской манере, резкими контрастными мазками создает обобщенный образ партизанской группы, совершающей свою первую акцию. Персонажи безымянны и лишены каких бы то ни было индивидуальных черт («фигуры», «пригнувшиеся тени», «черный восклицательный знак»). Они выступают как единый организм, монолитная масса («их плечи сливались в темноте, словно черная стена»), руководимая общим чувством ненависти к врагу. Социально-критический пафос, характерный для ранних произведений Боденка, звучит и в самом большом по объему рассказе сборника «Злость». Оказавшись в фашистской тюрьме, бывшие члены повстанческого комитета, среди которых — представители местной буржуазии, в ожесточенных спорах выясняют, по чьей инициативе началась «эта безумная затея» — восстание. Лишь один партизан Вронч сохраняет человеческое достоинство, а в финале — единственный из арестованных спасается — благодаря своей неистребимой «злости» по отношению к оккупантам («Я хочу жить!...Жить назло тем, у кого нет для нас никаких законов! Не просто так жить — назло им хочу жить!»). Писатель применил в сборнике и гротесково-фантастические приемы

(«Живой человек»), и элементы психологического детектива («Ночной допрос»).

Йозеф Горак (1907–1974) выступил в этот период как продолжатель линии лиризованной прозы. В его романе «Горы молчат» (1947) черты, присущие словацкому натуразму (одушевление и поэтизация природы, мифологизация сил добра и зла, цельные, сильные характеры) используются автором для изображения нового для этой прозы, социального конфликта. Старик-горец Бугала-Ваган, чью жизнь с ее патриархальным укладом разрушила война, воспринимает нашествие фашистов-карателей как осквернение родного дома, «вмешательство дьявола в божье дело». Объявив им свою собственную, личную войну, он становится союзником и помощником партизан, в которых видит преемников легендарного «справедливого разбойника» Яношика.

Глубиной социально-психологического анализа отличаются написанные в первые послевоенные годы рассказы Франтишека Швантнера (1912–1950). Один из ярких представителей натуразма, чьи книги («Малка», «Невеста горных лугов») стали значительным явлением в словацкой литературе, Швантнер ощущал необходимость внутренней творческой перестройки, расширения своего художественного видения мира за счет социально-нравственных сторон человеческого бытия, которые отчетливо и обостренно выразились в пору войны. Размышляя о нравственных итогах восстания, он писал: «В эти грозные, полные напряженной динамики дни наши люди сдавали экзамен на человечность, соскребали с себя наносы цивилизации... В человеке обнажалось самое его ядро. Кто-то стоял с гордо поднятой головой, подставив лоб под пулю, кто-то дрался словно лев, кто-то шатался, полз, но все же вставал, а кто-то так и оставался лежать, желая быть камнем, бревном, травой, чем угодно, только не человеком. Для меня же главное — именно человек»⁵. Человек — дитя природы, средоточие отвлеченных, мифологизированных воплощений добра и зла уступил в новых произведениях Швантнера место другому герою, чьи поступки и весь облик определялись во многом его социальным статусом (об этом говорят и сами названия рассказов — «Крестьянин», «Священник», «Дама»). События первых двух рассказов происходят во время восстания. Место действия традиционно для натуразма — это удаленные от большого мира деревеньки, затерянные среди гор. Но центральные герои существенно отличаются от прежних своим реальным жизненным содержанием,

«приземленностью». Крестьянин из одноименного рассказа — «молодой и здоровый», один из множества себе подобных, доволен своей упорядоченной, зажиточной жизнью. Но вдруг ее спокойное течение нарушает непонятная и в высшей степени чуждая ему война с вылазками партизан и акциями карателей в непосредственной близости от его хутора. Страх и неприязнь вызывают у крестьянина и те, и другие; он мечтает только об одном — любой ценой избавиться от пришельцев и вернуть свою жизнь в привычную колею. Писатель прослеживает процесс стремительной нравственной деградации своего персонажа, приводящей его в финале к преступлению — крестьянин убивает больного, обессиленного человека, оставленного партизанами на его попечение. Иная социальная психология и иная развязка драматической ситуации представлена в рассказе «Священник». Его герою также непонятна «чужая», еще недавно столь далекая война, ворвавшаяся вдруг в тихий сельский мирок; странными кажутся ему отчаянные «бунтовщики», которые посмели восстать против немецкой военной мощи, нарушив устоявшийся уже порядок. Священник предпочел бы оставаться в стороне от чужих «мирских» споров, но угроза жизни и благополучию его прихожан, долг пастыря побуждают его к активным, даже самоотверженным при всей их практической бесполезности действиям. Посреди деревни, ставшей полем боя, он служит большую праздничную мессу, желая отвести грозящую беду. Нагрянувшие немецкие танки он воспринимает поначалу как божье провидение, орудие, разящее «всех, кто нарушает порядок и спокойный труд человека». Однако, увидев истинное лицо фашизма («не люди, а холодные машины», «за их лбами таилась самоуверенная и торжествующая смерть»), священник осознает справедливость и необходимость борьбы с ним: «Иногда нужно бросить плуг, отложить молитвенник, закрыть церковь и взяться за оружие... нужно выйти в поле и убивать, чтобы убийство не стало правилом».

С кратких рассказов, схожих по жанру с очерком, начал разработку темы народного сопротивления фашизму Петер Илемницкий (1901–1949) — один из ярких представителей еще одного направления словацкой литературы — социалистического реализма. Посвященный событиям восстания роман «Хроника», написанный им в 1947 г., долгое время считался эталонным; неперемные атрибуты народности и партийности сочетались в нем с достойным художественным уровнем. В изображении движущих сил восстания Илемницкий был

далек от патетики, от идеализации и монументализации повстанцев. При почти полной документальности события и персонажи в романе глубоко индивидуализированы, привязаны к родной почве. Особенности повествовательной конструкции — «аутентичный» рассказ от лица местного жителя, лесничего Гондаша — обусловила способ отбора и изложения фактов.

Борьба с «буржуазным национализмом», развернувшаяся после 1948 г., затронула и Словакию. Обвинения были выдвинуты против значительной части руководства Словацкого национального восстания (Г. Гусака, Л. Новомеского, К. Шмидке и др.), последовали суровые репрессии. Это не могло не повлиять на политическую и идеологическую оценку самого этого события. «Искаженное, несправедливое, а часто и пренебрежительное толкование восстания, — отмечал исследователь Б. Тругларж, — ...сковывало силы литературы, ...отнимало у наиболее зрелого писательского поколения живительный источник творчества»⁶. Тема восстания на какое-то время почти исчезла из литературы, уступив место «отработке» приветствовавшихся в эти годы тем коллективизации на селе, индустриального подъема и перековки человека в духе нового, социалистического коллективизма. Вновь о времени войны и восстания, о его проекции на настоящее заговорил А. Беднар в своем романе «Стеклянная гора» (1954) и в сборнике новелл «Часы и минуты» (1956).

Своего апогея развитие данной темы достигло во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х годов, когда были созданы крупные эпические произведения о Второй мировой войне и Словацком национальном восстании В. Минача (трилогия «Поколение», 1958—1961) Р. Яшика (роман «Площадь святой Альжбеты», 1958 и незавершенная трилогия «Мертвые не поют», 1961), Л. Тяжкого (роман «Аменмария. Только хорошие солдаты», 1964), Л. Мнячко (роман «Смерть зовется Энгельхен», 1959). Разные по идейной концепции и способу ее художественной реализации, они отразили поколенческий и личный опыт современников и участников исторических событий. При большем или меньшем соответствии принятым в тот период в литературе нормам социалистического реализма, лучшие произведения этого времени сохранили свою художественную привлекательность до наших дней благодаря жизненной достоверности характеров и судеб, психологизму в передаче состояния и мотивов поступков персонажей.

Эталонным произведением этого периода стала трилогия В. Минача «Поколение» («Долгий час ожидания», 1958; «Живые и мертвые», 1959; «Колокола возвещают день», 1961). В. Минач, сторонник социалистических идеалов, в художественной практике не следовал жестким стереотипам и догмам «схематизма» начала 1950-х. В трилогии он трансформировал собственный жизненный опыт и, что не менее важно — воплотил свои представления и политические убеждения в живой беллетристической форме. При этом созданная им система персонажей подчинена центральной авторской идее — идее воспитания поколения революцией (восстанием), коммунистической партией, стоящей во главе борьбы за национальную свободу и социальную справедливость. В характере и биографии центрального персонажа трилогии, Марека Угриня, как других персонажей первого плана, можно обнаружить лишь немного от их создателя (в отличие от героя дебютного романа Минача, Петера Лотара). Во всем сомневающийся бедный студент, каким предстает Марек вначале, становится по воле писателя активным участником восстания, а затем — журналистом с коммунистическими убеждениями. Даже любовная линия, необходимая дань жанру, предстает в романе как испытание с социальным, а то и с идеологическим подтекстом (любовь Марека к Ольге, девушке из буржуазной среды). Идейный посыл трилогии Минача, по справедливому замечанию словацкого литературоведа В. Марчока — это «восстановление авторитета Словацкого национального восстания в сознании общества, ...монументализация исторического подвига своего поколения, ...и вместе с тем — утверждение исторической закономерности победы коммунистов в борьбе с фашизмом и в построении социализма»⁷.

В начале трилогии молодые герои — студент Марек Угрин, девушка из богатой семьи Ольга Феркодичева, медичка Эма Бурьянова, молодой офицер Ян Лабуда, начинающий поэт Август Шернер и другие — предстают перед читателем, как «чистые листы», незрелые, не сложившиеся еще до конца люди («они были молоды и ни во что не верили»⁸). Изначально цельным предстает лишь характер Янко Крапа, молодого пролетария, убежденного коммуниста. Автор дает ему прямую характеристику: «Янко Крап не думает о своей молодости, он зорко и настороженно смотрит на мир вокруг себя»; «Он считал себя героем. Два года работал в подполье». (с.40). Вводя в сюжет очередной персонаж, Минач вкратце характеризует его

облик и поведение и не скупится при этом на социально-политические оценки: «Архитектор Феркодич — богатый и важный господин. Он строит себе виллу и заседает в парламенте. Истым словаком он стал как раз в ту пору, когда это было выгоднее всего,... до этого он был аграрием» (с. 61). Отрицательные персонажи сразу же представляются читателю в резко-критическом ключе: «Старый Угрин был рослый, здоровый и кряжистый мужик, вспыльчивый и неумный в бешенстве; шумный и чванливый, ... он хотел, чтобы его боялись» (с. 103). Особенно гротескно-сатирически рисует писатель портреты политических и классовых врагов — активистов словацкой националистической Людовой партии и ее военизированной гвардии и их приспешников. Так описывает Минач президента марионеточного Словацкого государства Йозефа Тисо: «Старик этот был самым почитаемым и самым ненавидимым человеком в своей стране. Его бледно-серое лицо, рассеченное под лучами прожекторов черными тенями, походило на лицо трупа» (с. 92).

Действие трилогии развивается по нескольким сюжетным линиям, группируемым вокруг того или иного центрального персонажа. При этом в каждой линии сохраняется тональность, заданная этим персонажем. Так, в сюжетной линии Марека Угрина на протяжении всех трех романов, при наличии выраженного любовного мотива, преобладает идейно-воспитательная направленность. В главах, связанных с фигурой Янко Крапа, преобладает героический пафос (подпольная партийная работа, сцены в партизанском отряде). Развитие «женских» линий (Ольга Феркодичева, Эма Бурьянова) связано со становлением и классовой «перековкой» характеров, сопровождающимися эмоциональными потрясениями и любовными переживаниями героинь. Сатирическими тонами окрашены сюжетные линии представителей буржуазии, приспособленцев и карьеристов — архитектора Феркодича и поэта Августина Шернера. И убийственно-обличительно звучит авторский голос в сценах, где появляются враги — фашисты, «людаки», «гардисты»⁹, такие как Филип Грахо или Винцент Ульрих.

Все сюжетные линии, развивавшиеся в первом томе почти параллельно, переплетаются во втором романе, где описываются события Словацкого национального восстания — с первых его дней августа 1944 года и до момента прихода в Словакию Красной Армии. Повествование изобилует массовыми сценами, описаниями эпизодов

партизанской войны. Восторженно встречает отряды повстанцев население: «В этих глазах была и просьба, и вера, и надежда. Вы — наши, — говорили эти взгляды, — наши близкие и родные, и мы верим в вас, верим, что вы нас защитите...» (с.315). Коллективное начало берет верх над индивидуализмом даже у таких персонажей, как сомневающийся во всем интеллигент Марек Угрин или самовлюбленный эгоист капитан Лабуда. Эпическое действие в еще большей мере, чем в первом романе, преобладает здесь над описанием переживаний, внутреннего мира героев.

Представляя восстание как сознательный акт и одновременно — естественный порыв масс, Минач в тоже время не сглаживает его «острые углы» и противоречия, подчеркивая при этом идеологические моменты. Если в первые дни восстания хаос и неразбериха были вызваны стихийностью движения («Все развивалось по каким-то немислимим законам... Это был абсолютный хаос») (с. 301), то, описывая тяжелые дни поражения, автор указывает на причины иного характера: «Нити взаимной вражды вели от штабов высшего командования к фронтам, к исполнительным органам революционной власти. Здесь был вопрос политический» (с. 323). Успехи повстанцев связаны, главным образом, с личным героизмом и самоотверженностью коммунистов — прежде всего, Янко Крапа, и отчаянных вожаков, не жалевших ни себя, ни других, — таких, как капитан Лабуда.

Идея пролетарского интернационализма воплощена в романе в фигурах русских партизан, сражающихся плечом к плечу со словаками, и — особенно ярко, с большой долей авторской симпатии — в фигуре старого коммуниста-интернационалиста комиссара Бенде. Внешне смешной и нелепый, «низенький, круглый и толстый», он «очень плохо говорил по-словацки, причем даже не с одним, а с несколькими иностранными акцентами», однако сила убежденности, внутренняя энергия заставляла суровых партизан слушать его, затаив дыхание. Именно комиссар Бенде становится своего рода духовным наставником для Марека Угрина, воспитавшим из него к концу трилогии настоящего коммуниста.

Марек Угрин — единственный персонаж, внутреннее развитие которого проследивает Минач. Другие центральные персонажи романа переживают внешние, событийные перипетии, более или менее закономерные повороты судьбы. Распрощавшись с верой в бога и в справедливость, пережив потери и разочарования, он остается

чистым душой юношей, и вместе с тем — податливым материалом в руках автора. В начале романа рефлексирующий Марек «взбунтовался против бессмысленности человеческого существования, ... освободился от бога, стал свободен и открыт для всего» (с. 130); позднее, закалившись в восстании телом и духом, он становится оптимистом, сознательным бойцом революции: «Он носил в сердце образ свободы, которая была все ближе к нему» (с. 467), «Новая жизнь будет необычной и интересной, ...это начало нового пути и конец тьмы, это — победа» (с.611). Говоря о поначалу настороженном, недоверчивом отношении Марека к марксизму («он боялся внутренних тисков, ...четкости и однозначности учения»), писатель тут же находит этому объяснение: «он, как большинство буржуазных интеллектуалов, попал под влияние мифов и легенд о марксизме, в том числе и фашистских мифов и легенд» (с. 712). Постепенно, осваивая марксизм «на практике», общаясь с коммунистами в партизанском отряде, Марек осознает, что это — «бескомпромиссное учение, с ним нельзя ни заигрывать, ни даже всерьез бороться — ему нужно отдаться полностью» (с. 715). В конце романа, уже будучи известным журналистом, Марек вступает в партию, не желая оставаться в стороне от обострившейся в послевоенные годы классовой борьбы. В третьем томе трилогии Минач особенно прямолинейно проводит грань между «своими» — коммунистами и «врагами» — стремящимися к реваншу представителями реакционных сил. Резко негативно, в прямых публицистических высказываниях, он характеризует расстановку сил и общественно-политическую обстановку накануне парламентских выборов 1946 года, принесших в Словакии победу правой Демократической партии («Страх за имущество и капиталы расплодился по стране, ...этот страх сплачивал ряды “правовверных словаков” и питал их силы для защиты “демократии”», с. 768).

Публицистический пафос сочетается в финале трилогии с несколько поспешным благополучным завершением личных судеб героев, что снижает общее художественное впечатление. Однако в целом трилогия В.Минача остается значительным памятником и поколению участников Словацкого национального восстания, и своей литературной эпохе.

«Опыт, этот мастер из мастеров, пусковая площадка, откуда взмывают вверх зонды в человеческий космос» — вот, по определению

В. Минача, необходимое условие верного отражения военной темы в литературе. Внимательно и ревностно наблюдавший за творческим развитием молодого поколения писателей, он в ходе развернувшейся на страницах литературной периодики дискуссии¹⁰ критически отозвался о романе В. Шикулы «Мастера», поддержав при этом еще более резкую оценку старейшего словацкого марксистского критика Д. Окали: «Нет социально-исторического аспекта изображения человека», «нет ни единого социального столкновения — явного или скрытого», «территория социально-исторического романа для него — неприятельская территория» и как вывод — «Это все еще родина в пору детства, а не родина в пору восстания»¹¹.

В основе этого неприятия лежит несхожесть, а во многих отношениях и противоположность идейных и творческих принципов не только двух писателей или представителей двух поколений, но и двух художественных концепций. Молодая проза 1960-х годов (Я. Йоганидес, Р. Слобода, П. Виликовский, П. Ярош и др.) противопоставляла догмам соцреализма предшествующего периода свое мировосприятие и представления о литературе, обратившись к современной тематике, к проблемам своих сверстников, в сфере поэтики — к малым жанрам, к субъективности повествования, к поиску новых средств художественной выразительности. В. Шикула, начавший свой творческий путь в рамках этого течения, в 1970-е годы вступил в полемику с идеологией социалистического реализма на его собственной «территории» большого эпического произведения.

Трилогию составляют романы «Мастера» (1976), «Герань» (1977) и «Вильма» (1979), объединенные общей фабулой, центральными героями (Имро Гулдан, его жена Вильма, отец — мастер-плотник Гулдан) и большим числом второстепенных персонажей (родных и односельчан семейства Гулданов). Помимо этих «материальных», очевидных черт взаимосвязи частей трилогии, существует еще и множество внутренних признаков их общности, относящихся к художественной концепции писателя, к оригинальному способу повествования и развития сюжета, к уровню поэтики в целом.¹²

Первый роман, «Мастера», состоит из пяти глав, названия которых передают прямо или метафорически суть их содержания: «Плотники», «Двое», «Колокольня», «Представление», «Солнечные часы». Фабульное действие в первом томе относится к определенному историческому отрезку — последнему году перед восстанием. Но

открывается роман не описанием исторических реалий, а почти былинным, выдержанным в фольклорной стилистике зачином, подчеркивающим обобщенность художественного образа действительности и создаваемых автором фигур и типов, при всей их жизненности и глубине психологических характеристик: «Четверо их было: мастер и три его сына. Люди любили их и любили о них поговорить. Истории эти начинались обычно так: “Однажды, когда мастер и его сыновья...”¹³ (с. 9). Представив героев, автор на первых же страницах демонстрирует особые приемы своего романного повествования, переходя при этом к сниженной, иронической тональности. Здесь и в дальнейшем эпическое повествование периодически обрывается и приостанавливается, давая место порой шутивным, порой взволнованно-экспрессивным авторским рассуждениям. Перебивка тональности часто сопровождается прямым обращением к читателю («любезный читатель!») автора, прячущегося под маской самоиронии («сочинителя», «писаки»). Первое такое обращение связано как раз с самим наличием в романе «отступлений», отхода от конкретности, от требуемого «критиками» и «подсказчиками» последовательно-эпического изложения событий.

На фоне мирного труда, семейных забот и неурядиц лишь изредка, далеким эхом доносятся вести о войне. Особый смысл они приобретают в устах старого Гулдана, бывшего солдата Первой мировой: «Весь мир словно впал в бешенство и ярость. Плохо дело, ребята, — говорил мастер, — когда генералы начинают интересоваться архитектурой, людям всегда приходится туго». Негодуя на старших сыновей за то, что они оставили семейное дело, мастер вспоминает о судьбе их ровесников: «Ведь я их еще и от армии уберег. Там, на фронте могли бы уже быть! Скольким молодым парням пришлось пойти в солдаты, на Украине они теперь, в России, в окопах мерзнут» (с. 31).

Во многом справедливо суждение словацкого критика В. Шабика о том, что новизна романа «Мастера» по сравнению с предыдущими произведениями В. Шикеры обусловлена усилением роли автора-повествователя: «Новым представляется то, что рассказчику принадлежит гораздо более значительное место, он берет на себя важнейшие функции организатора романного процесса, мира своего романа. “Мастера” — это роман рассказчика»¹⁴.

Своеобразие сюжетного построения романа отмечали и другие исследователи. Так, Я. Штевчек подчеркивал функциональность

отступлений автора от прямой событийной линии: «Шикулу интересует вопрос, являющийся для эпики центральным: как оценивать и представлять поступки человека. На поступке строится фабула, однако если она сводится только лишь к поступкам, она банальна. ... Отступления в “Мастерах” продуманны и необходимы»¹⁵.

Мотивы и содержание этих авторских отступлений, разбросанных по всей трилогии, самые разные, однако можно выделить несколько наиболее значимых тематических узлов — это рассуждения о мастерстве (а по сути — об искусстве в разных сферах человеческой деятельности), об истории и нации (о сущности словацкой истории и словацкой нации — созвучно идеям В. Минача и М. Руфуса о народе-созидателе), полемические рассуждения о литературе и ее предназначении.

В первом томе трилогии, где речь идет о времени еще «мирном» для героев (война идет где-то вдали), эпическое повествование неспешное, с развернутыми описаниями и диалогами. Автор-рассказчик знакомит читателя с семейными проблемами, зарождением и развитием любовных отношений, частными бытовыми и общими (такими, как строительство новой церкви) заботами сельчан. Показаны и «политические силы» местного масштаба. Так, управляющий хуторским хозяйством Киринович, стоит в стороне от этого клубка любовных переживаний и интриг. Расчетливый приспособленец, не вызывающий симпатий ни у кого из окружающих — один из немногих отрицательных персонажей романа. Автор и здесь избегает прямых оценок, вкладывая моменты характеристики персонажа в его собственные слова и поступки. Доморощенный политикан-управляющий стремится не отстать от событий и занять в конце войны сторону вероятных победителей. Он даже пытается организовать некое подобие политической сходки, приглашая к себе на хутор избранных лиц из числа местных крестьян и приезжих из города, однако дальше общих слов дело у него не идет — осторожность, а по сути трусость и конформизм берут верх.

В завершающей главе все более сгущаются приметы военного времени, лишь пунктирно обозначавшиеся ранее. Определив временную точку повествования по виду сжатого хлебного поля («Август кончался. О недавней жатве все уже и забыли. ...Стерня почти повсюду была уже перепахана»), автор словно перемещается из сознания словацкого крестьянина («Война — не война, а есть человеку

всегда нужно») в сознание молодого солдата на фронте («...есть надо и его сыночку, который чистит винтовку на Востоке»). Тоска по родной земле сливается у него с чувством вины и обреченности: «Его тоже однажды возьмут на мушку, и под его ногами поплывет и раскроется земля, а потом, потом, когда солдатик ничего уже не будет знать, кто-то над ним заплачет. Бедный солдатик! Как же тебе здесь тоскливо! Тоскливо и в могиле, тоскливо и над могилой. Тоскливо и дома» (с. 219).

От частных человеческих судеб В. Шидула переходит к глубоким, эмоциональным рассуждениям об истории, о забытых, затерянных в ней обыкновенных людях, после которых «осталось множество пустых мест, которые мы привыкли заполнять словами «рабы», «солдаты», «крестьяне», «рабочий класс». Писатель горячо протестует против поверхностного, рутинного толкования истории и роли в ней человека: «Имя крестьянина, который тысячу лет назад растил здесь хлеб, нам не известно, зато имя того, кто этот хлеб отнимал или прошел по нему огнем и мечом, сияет славой, и беда школьника, который его забыл» (с. 227). Настоящая история, по его убеждению — в природе, в дорогах, пересекающих край, в руинах замков и в старых пашнях, где трудятся поколения крестьян, предков и потомков символического вечного пахаря, появляющегося в отступлении-притче.

Мотив исторической судьбы малого народа усиливается и в прямых авторских рассуждениях, и в часто встречающихся полифонических диалогах, в которых звучат анонимные реплики и более развернутые высказывания сельчан: «Понадеялись мы на немцев, вот теперь и расхлебываем. — Да уж, получим свое. — Ну неужели же во всем плохом, что делается в Европе, мы виноваты? — И мы тоже. — Ну конечно! Выходит, надо было дать себя сожрать?... Французы и англичане — герои, а мы — трусы?! Чехи — бедолаги, а мы — негодяи?! ...Для того ли мы — нация, чтобы всякий мог нас брать и раздавать в подарок?» (с. 221); «Я с самого начала знал, что этим кончится. — Да уж, дадут нам прикурить. Вот увидите, и от немцев достанется, и от русских. — А нечего было тебе в гардисты идти, сапоги казенные получать! — Уже и румыны против них повернули. Слыхали? — Вы поглядите! Кто бы мог подумать, что румыны могут так ловко поворачиваться?! А наши — все никак. — То есть как это — никак? Ведь и наши тоже стараются, тоже поднялись. — Опять? И на кого же?» (с. 234).

Разногласица, споры в «народных» диалогах — отражение «недружности», разброда в нации, — главной беды словаков, о которой в романе говорят и мастер Гулдан, и особенно настойчиво — его приятель Карчимарчик: «Вечно вы препираетесь, собственного голоса не слышите, может, вы и не народ вовсе, еще не доросли до того, чтобы быть народом» (с. 236). Мастер Гулдан и соглашается с приятелем, и по привычке спорит с ним. В его монологе по поводу призыва к общей ответственности и к уходу в партизаны речь героя постепенно приобретает иные стилистические интонации и переходит, как это нередко случается в романе, в авторскую речь, в серьезные и эмоционально насыщенные размышления о нации и ее бедах: «Наша главная слабость в том, что у нас нет единства, мы никогда не держимся вместе, не умеем уважать друг друга. ...Мы боимся собственных ошибок, потому что скрываем их, не осмеливаемся даже назвать их настоящим именем. ...Нам не хватает гордости и сплоченности. Повсюду становилось все хуже. Пала Польша, потом настала очередь Франции, Англия очутилась на краю катастрофы,... погибло столько русских и украинцев...А у нас по-прежнему, все тот же разброд» (с. 246). В конце монолога автор вновь возвращается к интонациям Гулдана, воскликнувшего: «Ну не понимаю, почему мы не дождались русских?»

Выжидательной позиции придерживается и местный священник, чьи высказывания, далекие от активности и героизма, по-своему корректируют образ нации, укрупняя определенные черты: «Повсюду люди воюют, убивают друг друга, а мы здесь, в Церовой, строим себе и строим церковку... Вот и папенька мой говаривал: если что — детишки, живо под стол! Похоже, что нам и сейчас приходится под этим столом сидеть да помалкивать» (с. 94).

Весть о вступлении в Словакию карательных немецких войск воспринимается в деревне по-разному: снова звучит многоголосый тревожный диалог, высказываются всевозможные предположения и домыслы. Главный источник информации для сельчан — слухи, противоречивые свидетельства очевидцев («Кто-то был в соседней деревне, другой — в Трнаве своими глазами видел»), вырастающие в народной молве («Кое-что и дома придумали») в своего рода произведения фольклора — от анекдота до притчи и даже подобия легенды. В стилистике народной байки звучит рассказ «одной церковской тетушки» о Сталине и Тисо: «Сталин-то с нами и говорить сперва

не хотел. Спрашивает нашего пана президента: А где же ты раньше был? — Где был? Сам знаешь, где я был! Разве ж мог я отступиться от Рима, когда вокруг меня сплошь католики? А тот ему на это: Ну и ступай за помощью к своему Риму! Но потом все же за нас какой-то лютеранин словечко замолвил» (с. 241).

Автор, продемонстрировав шкалу мнений, домыслов и легенд, подводит итог: «В Околичном в то время было не так много героев. А были там самые обычные крестьяне и несколько ремесленников, и о героизме они особенно не размышляли. Двое-трое сразу же ушли к партизанам, они просто исчезли из Околичного, поскольку там партизан не было. Остальные колебались. Ожидали, что будет дальше» (с.240).

Шикула рисует своих персонажей как людей обыкновенных (последовательно избегая при этом определений «простой» или «маленький» человек), негероических по натуре, живущих интересами работы (мастерства) и семьи (любви), и не забывает время от времени напомнить об этом в прямых авторских высказываниях. Его интересуют не героический порыв выдающихся одиночек, не сцены анонимного массового героизма, а то, как происходит постепенное созревание готовности к неординарному, а в условиях войны — и к героическому поступку в сознании отдельно взятого обыкновенного человека. И то, что является при этом глубинной причиной, а что — лишь внешним толчком к такому поступку. Внутренние мотивы неожиданного финала первого романа трилогии — ухода Имро Гулдана вместе с односельчанами в партизаны — намечаются исподволь, в отдельных репликах и мыслях героя: «Перед ним вдруг возникли совсем другие лица, лица, хорошо ему знакомые — это были лица его ровесников и одноклассников, многих он не видел уже давно, и они, один за другим, безмолвно обращались к нему». В воображаемом немом разговоре с далекими друзьями Имро сам себе задает острые, нелюбимые вопросы: «А что ты делаешь, Имро? Где ты и что делаешь? Подумай, что если у тебя кто-нибудь спросит спустя годы: Имро, а ты что делал всю войну? Как тебе удалось от всего этого отвертеться? Кто тебе помог?». В этом месте романа, во внутреннем монологе центрального героя, Шикула поднимает сложную и «неудобную» для словаков тему участия словацких дивизий на стороне нацистской Германии в войне против Советского Союза, тему, которую затрагивали в своих произведениях (в большей или меньшей мере) писатели

более зрелого поколения — Р. Яшик, В. Минач и, особенно, Л. Тяжкий. Голос незримых ровесников, а по сути — голос совести самого Имро, продолжает задавать вопросы: «Почему же ты не был с нами? Почему тебя не призвали в моторизованную дивизию или в дивизию прикрытия? Мы рушили людям их хаты, поджигали амбары и сараи, а ты дома ходил героем и, может, даже посмеивался: Воюют, сами не знают, за что! Мы уничтожали, взрывали мосты, но и самим нам время от времени нужен был мост, а кто-то другой взрывал его перед самым нашим носом, и тогда мы оглядывались по сторонам: где же Имро? Почему нам не помогает? ... А когда словацкие плотогонны и пахари брали Ростов а потом помогали немцам грабить и грабили сами, ...где ты был, Имрих? Что ты делал, герой?! Мы ойкнули под Липовцом, но и там твоего голоса не услышали....Мы видели многие и многие тысячи людей, живых и мертвых, солдат и пленных, толпы голодных и оборванных беженцев, которые понимали нашу речь и, наверно, приняли бы нас и угостили в своем доме, если бы мы его не разрушили... И мы тоже шли вперед, хоть и ворча, да тащились за немецким сапогом и увертывались от пуль красноармейцев, добрались под охраной немецкого штыка аж до Кавказа, спрашивая у самих себя: деревня ты словацкая, что ты здесь делаешь, что тебе надо на Кавказе? А ты где был, Имрих? Что ты тогда делал? Некоторые перебежали тем временем к красноармейцам, но и там тебя не нашли. Напрасно мы озирались кругом, тебя не было и там. А потом, позднее, в сорок четвертом? Ответь, герой! Что ты решил и как поступил?» (с. 255).

Дальнейшее действие становится итогом этих мыслей и переживаний героя. На хуторе поднимается суматоха; группа крестьян и работников присоединяются к повстанцам, и Имро, уже внутренне готовый к такому шагу, едет вместе со всеми.

Действие второго романа трилогии, «Герань», разделено на два русла: в чередующихся главах автор повествует попеременно то о событиях в деревне, то о перипетиях партизанского отряда. Помимо иного по сравнению с первым романом — «сдвоенного» фабульного построения (фабула «Мастеров» при всей сложности сюжета — линейная), роман «Герань» отличается и более выраженным повествовательным, эпическим планом. Ритмическое чередование глав «о доме» с главами «о войне» придают повествованию не только дополнительный драматизм, но и эпический объем. Более статичная,

заглубленная в психологическое состояние человека «женская» фабульная линия (линия Вильмы) контрастно взаимодействует и переплетается с событийно-насыщенной, динамичной «мужской» линией, где идет речь о злоключениях маленького партизанского отряда. Имро, оставаясь центральным персонажем этой линии, выполняет и функцию своего рода «дублирующего» повествователя: все происходящее описывается не его устами, но через его восприятие, словно увиденное его глазами. Переживания и впечатления Имро, становящиеся с течением времени рефлексиями, воспоминаниями, рассказами, которыми он делится позднее с Рудко, автором-повествователем, — еще одна значимая составляющая историко-эпической основы романа.

В. Шикла далек в своих характеристиках как от порицания, так и от идеализации своих персонажей. Так, в первой из глав «Табак» нет и в помине героизации деревенской «самодельной» группы повстанцев, «обыкновенных» людей, которым пришлось оторваться от мирных занятий и семейных забот, и причиной тому стало не идейное или тем более — партийное руководство массами, а стихийный порыв, движение души, а для кого-то — дело совести («Ничего не поделаешь, придется ехать... Там же наши, надо им помочь»). В группе поначалу нет ни организованности, ни сплоченности, наоборот, показана полная дезориентация, растерянность и взаимная неприязнь людей, особенно усилившаяся после первых потерь, когда их машина попала под обстрел, еще даже не добравшись до места назначения. Уныние подкреплялось осознанием того, что они опоздали к разгару событий: «...машина, о которой мы говорим, ехала, пожалуй, уже немного поздновато, да еще и не теми дорогами... некому было поприветствовать и подбодрить ее пассажиров» (с. 32). Но люди — из упрямства или по инерции — все-таки двинулись вперед, уже пешком, выбрав в качестве командира, который должен «принимать за всех решения», Имриха («он ведь ремесленник, к тому же был сержантом»). Имро, этот «ненастоящий», временный командир, которого почти не слушались, «вел людей, хотя не знал, куда нужно идти, поэтому шли они долго и все еще были в пути» (с. 42). Навстречу «опоздавшим» попадались разрозненные и разношерстные группы партизан, тоже начисто лишённые черт героизма: «в некоторых они видели только разбойников и громил, другие казались им еще хуже, а третьи выглядели, напротив, так миролюбиво, что их-то

больше всего и опасались. Встречали они и таких, что уже бежали домой, и те их отговаривали: “Люди добрые, лучше туда и не ходите! Время только зря потратите, да там уже и закончилось все. Там теперь немцы, а это вам уже не шутки, это будет самая настоящая, натуральная резня”» (с. 43). Наконец они прибиваются к настоящему партизанскому отряду, где Имро, перестав быть «командиром», принимает за них общее решение («Останемся здесь!»).

Яркая, праздничная картина первых дней восстания остается в романе за рамками действия. Она лишь воспроизводится в простом, незатейливом рассказе старших братьев Имро, уже вернувшихся к тому времени из повстанческой армии домой: «А что народу там было! И повсюду полно флагов, словацких и чешских, и русских тоже, красных. Флаг на флаге, прямо тебе процессия или крестный ход. А в Быстрице! Все там были. Весь народ там был, да еще и чехи, и даже русские, и другие тоже, а уж флагов-то!» Столь же проста и мотивация их участия в событиях: «Мы ведь парни смелые, а дома все равно никакой работы не было»; «Может, где-то и воевали. Мы только готовились. Потом нас передислоцировали, но и там ничего не было, хотя, вроде, и ожидалось. Ну ребята и стали разбегаться, тем более — нам сказали, что мы уже не словацкая, а чехословацкая армия, а это уже как-то подозрительно. Вот и мы тоже деру дали» (с. 58).

Жизнь партизанского отряда представлена в романе главным образом как череда тягот и лишений, испытываемых людьми в окружении врага, влияющих на их поведение и взаимоотношения. «Тяжелые дни! Ненастье! Провианта нет! Кругом все хуже и хуже!» — восклицания автора задают ритм повествованию о мытарствах Имро и его товарищей. Отряд измотан бесконечными переходами по заснеженным горам, люди ослаблены недоеданием, холодом и болезнями, раненых некому лечить, растет недовольство неумелым командованием, неорганизованностью отступления. Многих удерживает от бегства из отряда лишь чувство товарищества, долга перед новыми друзьями-соратниками, ведь «в горах слово “дружба” означает нечто большее, чем в обычной жизни». Пример настоящего, непоказного героизма, самоотверженности ради спасения другого — последняя партизанская «операция» Имро, когда он с причетником Якубом вызываются отнести в деревню раненного товарища — балагура и музыканта по прозвищу «цыган-лейтенант», развлекавшего весь отряд песнями и похожими на притчи историями. Натолкнувшись

на немецкий патруль (в сцене боя это безликие «серые шинели»), партизаны погибают в перестрелке. Одному Имриху удается спастись бегством.

После долгих блужданий по заснеженному лесу, обессиленный, он с трудом находит свой лагерь и с ужасом замечает возле брошенной землянки неподвижную фигуру солдата в немецкой шинели. Немного выждав, он подбирается ближе и обнаруживает, что немец мертв. Имро находит его документы, семейные фотографии, узнает его имя; мысленно беседуя с мертвым немцем, он видит в нем уже не врага, а только человека — Ганса Вассермана, «товарища» по несчастью, достойного сострадания и даже искренней благодарности за «одолженную» у него морозной ночью спасительную шинель и пару сигарет.

К концу романа больного Имриха привозят в родную деревню на армейской машине освобождающие Словакию части Красной Армии.

Третий роман трилогии, «Вильма», отличается от предыдущего и содержательно, и композиционно. Время действия — первое послевоенное десятилетие, что определяется скорее хронологией личных переживаний героев, чем социально-историческими приметам, лишь изредка обозначаемыми автором. Вильма и мастер Гулдан делают все, чтобы поставить больного Имро на ноги, вкладывают в него всю свою энергию и душевные силы и радуются его первым самостоятельным шагам, но Имро не проявляет никакого интереса к жизни.

Автор «домысливает» думы угасающего Имро, который в последние месяцы своей жизни, казалось, потерял всякий интерес к окружающему: внутренний итоговый монолог Имро по тональности и глубине рассуждений, по наличию литературных реминисценций явно принадлежит его создателю, лишь «предполагающему», о чем могут быть эти мысли-тучи героя — о жизни и смерти, о героизме и будничной работе, о полезности и никчемности, о «маковом зернышке» добрых дел и о Йозефе Маке — символической фигуре «человека-миллиона» из романа Й. Цигера Гронского¹⁶.

Плодотворным с точки зрения показа закономерностей развития прозы 1950–1970-х годов представляется сопоставительное рассмотрение двух романов-трилогий — В. Минача «Поколение» и В. Шикеры «Мастера». Примечательна схожесть их внешних, формальных признаков. Оба романа тематически построены на одном

и том же материале истории, отнесены ко времени войны и Словацкого национального восстания. Общая тема обусловила и общность места и времени действия двух произведений — это Словакия, горы, 1940-е годы. Схожи они и по жанру — в обоих случаях мы имеем дело с крупной эпической формой трилогии. Совпадает и временное расположение материала, внутренняя композиция трилогий: в первых томах речь идет о событиях накануне восстания, и заканчиваются они уходом главных героев в партизаны; во вторых томах действие происходит во время восстания и отступления партизан в горы, а завершается освобождением Словакии Советской армией; третьи тома посвящены судьбам героев в послевоенные годы. Некоторое сходство (внутреннюю неудовлетворенность, саморефлексию) можно найти даже в характерах двух центральных героев — Марека и Имро. При этом внутреннее, идейное и художественное содержание этих произведений разное, порой даже противоположное.

Каноны социалистического реализма — партийность, народность, историческая конкретность, исторический оптимизм, социалистическая перспектива, пусть и облеченные в образные индивидуализированные формы, отчетливо просматриваются в трилогии В. Минача. У Шикеры же они «вывернуты наизнанку» в полном соответствии с художественной концепцией писателя.

Понятие «партийность» (да и идеологическая борьба вообще) отсутствует в романе Шикеры как таковое, нет и фигур коммунистов, представленных в трилогии Минача яркими, функционально активными персонажами (Янко Крап, комиссар Бенде).

Народность, эта исконная принадлежность романа-эпопеи, воплощена в трилогии Минача не только в общей концепции, но и в многочисленных массовых сценах, относящихся к событиям восстания («Марек бежал вперед, рядом бежали другие... Все были переполнены большим, незнакомым чувством, ощущением свободы, вольности, братства»). Народность у Шикеры чужда массовости, она — в каждом конкретном персонаже, его особой судьбе; автор относится к этому понятию без пиетета, даже с известной долей иронии. Это, в частности, иллюстрируют многоголосые сцены-диалоги, когда большое количество остающихся безымянными персонажей, порой не слушая друг друга, высказывается на какую-то интересующую всех тему.

Герои Минача, пройдя долгий и многотрудный путь борьбы и потерь, смотрят вперед с оптимизмом — они видят перед собой светлую перспективу жизни в условиях победившего социализма. В финале трилогии благополучно завершаются все злоключения центральных героев, вновь соединяются любящие пары, а отрицательные персонажи получают заслуженную кару. Послевоенная действительность в третьем томе романа Шикулы — это упадок деревни, кооперативы с трудоднями, вымирание вековых традиций словацких ремесленников, процветание карьеристов и приспособленцев. Жизнь героев все так же трудна, а главное — в них растет ощущение внутреннего неудовлетворения, собственной нереализованности. Трилогия завершается смертью центрального персонажа Имро Гулдана и горем его близких.

Два эти произведения отличаются и системой персонажей, типами личности и особенностями мировосприятия героев. Центральные герои романов — Марек Угрин и Имро Гулдан — имеют на первый взгляд некоторые общие черты — вначале это неустоявшиеся, еще не завершившиеся в своем развитии личности. Важное место занимают в романах их любовные переживания, рефлексии, внутренние монологи, но развитие характеров идет по-разному — прямолинейно-прогрессивное, к коммунистической сознательности и изживанию «интеллигентских» слабостей у Марека и стихийно-индивидуалистическое у Имро, который и в партизанском отряде действует стихийно-героически, и, вернувшись домой калекой, угасает почти безропотно, отжив и отстрадав свой недолгий век.

Минач — полновластный хозяин романа с его сюжетом и героями, которых он расставляет — по идеологическому, политическому или классовому признаку — по трем лагерям, деля на «своих», «врагов» и «колеблющихся». История в романе Минача движется строго поступательно, через борьбу — к победе коммунистов над фашистами и над классовым противником, к перековке колеблющихся (Марек, Ольга), к позорному поражению врагов и к трудному счастью «своих» (Янко Крап, Эма). Развитие характеров подчинено не столько их внутренней логике, сколько воле автора, его идейной задаче.

У Шикулы нет деления персонажей на своих и врагов, хотя сам исторический материал войны должен был это предполагать. «Свои» — партизаны, жители деревень — люди далеко не безупречные, далекие от привычных представлений и стереотипов

о героях-партизанах. Их поступки стихийны и порой нелепы; по характеру они ближе к разбойникам словацких легенд, чем к сознательным борцам-антифашистам. Движущая сила их истинного героизма — чувство товарищества, долг перед близкими, даже осознание собственной вины (в мотивах поступков Имро Гулдана). «Врагов» в романе вообще нет — немцы присутствуют в сценах вылазок партизанского отряда почти незримо, как безличная масса противника, а сами военные столкновения остаются почти всегда «за кадром». Конкретные фигуры немцев — индивидуализированные персонажи, с которыми сталкиваются герои — хотя и вызывают у них боязнь, но с ними оказывается возможным найти общий язык. Так, мальчик Рудко, наделенный определенными автобиографическими чертами самого писателя, общается с немцами, стоящими в деревне; Имро ведет воображаемый разговор с убитым солдатом Вассерманом, рядом с которым он провел самую страшную ночь в своей жизни, один, в брошенной партизанами землянке. «Обыкновенные люди», о которых рассказывает Шикула, его герои — носители не политических или социальных идей. В них выражен гуманистический пафос творчества Шикулы, идея отзывчивости, понимания и сострадания.

Различие художественных концепций, понимания истории и роли в ней личности, очевидное при сопоставлении произведений двух писателей, отразилось и на поэтике романов. Наряду с прочим, эти отличия связаны с построением сюжета — прямолинейным у Минача и разветвленно-спиральным у Шикулы. В трилогии В. Минача присутствует сразу несколько сюжетных и фабульных линий — по числу центральных персонажей, носителей того или иного идейного содержания. Иногда они пересекаются, но чаще идут параллельно. Для «связывания» сюжетных линий писатель применяет порой характерный прием — своего рода авторский «смотр», когда при описании значительных исторических событий происходит быстрое чередование кадров-портретов героев, находящихся в этот момент в разных местах. Развитие сюжета идет у Минача в хронологической последовательности, с минимальным использованием ретроспективы лишь в тех случаях, когда это необходимо для прояснения характера героя (тяжелое детство Марека Угрина, пролетарская юность Янко Крапа).

У Шикулы повествование имеет сложно-разветвленную структуру. Фабула прослеживается в романе весьма отчетливо, а само действие в событийном плане настолько однозначно, что его можно

пересказать в нескольких фразах. Сюжет при этом замысловато переплетают рассказы, «истории» и притчи о персонажах и от лица персонажей или героя-рассказчика, значительно расширяющие эпическое время и пространство романа, множество авторских отступлений и комментариев по тому или иному поводу. Часто в таких авторских монологах звучит прямая полемика с воображаемыми «критиками» и «литераторами», с их незыблемыми критериями «настоящего» исторического романа, «единственно правильного» пути в литературе.

В отличие от В. Минача, В. Шикула не ставил своей целью добиться полноты и масштабности исторической фрески; в центре его художественного мира — обычный, негероический человек, неповторимая самоценная личность со своими слабостями и взлетами. Время и место действия романа «Мастера» хорошо знакомы писателю по военному деревенскому детству. В. Шикула достигает большой художественной убедительности путем сплава и художественного обобщения своих детских впечатлений, рассказов близких людей, опыта собственных наблюдений и раздумий, воплощенных в книге в живых человеческих характерах.

«Роман идей» и «внутренний роман внешних событий» — так характеризует произведения Минача и Шикулы Ян Штевчек в своем фундаментальном исследовании «История словацкого романа». В основе трилогии Минача, по убеждению словацкого литературоведа, лежит «типичная проблематика литературного развития пятидесятых годов, когда главной составляющей произведения была оценка писателем действительности, его мировоззрение и твердая жизненная позиция»; при этом полемический по отношению к нему «роман Шикулы далеко не исчерпывает всю общественно-политическую проблематику восстания, зато наполняет ее внутренним содержанием и - парадоксальным образом — в определенном смысле выходит за ее пределы»¹⁷.

Различие между двумя трилогиями этих выдающихся представителей словацкой литературы XX века коренится, таким образом, в разных идейно-художественных принципах, в несхожести концепции личности. В одном случае мы имеем дело с идеологической моделью прозы, творчески разработанной в одном из лучших образцов социалистического реализма, а в другом — с реализацией художественной концепции общегуманистического характера в произведении с нравственно-психологической направленностью.

Трилогию В. Шикеры «Мастера» мы рассмотрели в диахронном, вертикальном срезе словацкой литературы, как продолжение и творческое развитие тематической линии прозы о войне и восстании. Однако нужно упомянуть и о синхронном контексте словацкой прозы второй половины 1970-х — 1980-х гг. В этот период появился целый ряд крупных произведений, созданных писателями среднего поколения (бывших «молодых прозаиков 1960-х»). Это, помимо произведений В. Шикеры, романы П. Яроша «Тысячелетняя пчела» (1979) и «Немое ухо, глухое око» (1984), Л. Баллека «Помощник» (1977) и «Акации» (1981), Я. Йоганидеса «Конюх Марек и венгерский папа римский» (1983) и «Самая печальная оравская баллада» (1988), трилогия И. Габая «Колонисты» (1980—1986). Обращаясь к событиям недавнего или более отдаленного прошлого, писатели, с одной стороны, уходили от необходимости художественно отражать и оценивать современную социалистическую действительность тягостных лет нормализации, а с другой — стремились к новому осмыслению логики словацкой истории, общих и индивидуальных черт национального характера. Критика приветствовала возрождение крупного эпического жанра, возможно, не всегда верно определяя идейную сущность произведений. Так, автор относящегося к этому явлению и вошедшего в литературоведческий обиход определения «новый историзм прозы» В. Шабик полагал, что «динамика развития прозы отразила динамику современного общественного процесса, процесса создания новых и пересмотра прежних ценностей», что «новый роман является продуктом нового исторического сознания прозы, обусловленного активным участием литературы в жизни народа», «подтверждается истинно диалектическая связь социалистического и национального»¹⁸. Суждения, более свободные от идеологических условностей времени, высказал В. Петрик, подчеркнувший общий гуманистический характер названных романов: «Идея “родного дома” переплетается в них с идеей труда и становится конституирующей чертой национального характера в отсутствии масштабной и яркой национальной истории. Героем выступает здесь простой человек из народа, крестьянин, ремесленник, который может реализоваться в истории только благодаря своему творческому труду»¹⁹. Эта характеристика схожих черт идейной концепции романов 1970—1980-х гг. в полной мере это относится и к творчеству В. Шикеры.

Примечания

- ¹ История Словакии. *Studia Historica Slovaca* XXI. М., 2003. С. 332.
- ² Kováč D. *Dejiny Slovenska*. Praha, 1999. S. 224.
- ³ Ďurica M. S. *Dejiny Slovenska a Slovákov*. Bratislava, 1996. S. 182.
- ⁴ Lipták E. *Slovensko v 20. storočí*. Bratislava, 2000. S. 243.
- ⁵ Švantner F. *Malka*. Bratislava, 1965. S. 255.
- ⁶ Truhlář V. *Veľká inšpirácia*. Bratislava, 1967. S. 12.
- ⁷ Marčok V. a kolektív. *Dejiny slovenskej literatúry III*. Bratislava, 2004. S. 199.
- ⁸ Цитаты по изданию: Mináč V. *Generácia*. Bratislava, 1969.
- ⁹ «Людаки» — члены правящей в 1939–1945 гг. клеро-фашистской Глинковской народной («людовой») партии; «гардисты» — члены военизированных подразделений Глинковской гвардии («гарды»); Глинка А. (1864–1938) — словацкий политический деятель, католический священник.
- ¹⁰ Дискуссия 1977 г. вокруг романа «Мастера» стала заметным событием литературной жизни Словакии. Разноречивые, но в целом высокие оценки произведения высказали ведущие критики и литераторы Ф.Мико, Ю.Ноге, В.Шабики, И.Сулик, Д.Окали, В.Минач. Вторая, менее широкая, но столь же оживленная дискуссия прошла в печати и в Союзе словацких писателей в 1980 г. после выхода романа «Вильма», что свидетельствовало о принципиальном значении трилогии для литературы тех лет.
- ¹¹ *Slovenské pohľady*. 1977. Č. 11. S. 84.
- ¹² Тематически с трилогией связаны и две повести В. Шикулы — «Иволга» (1978) и «Солдат» (1981), в которых также показаны судьбы обычных людей, сохранивших в пору военных испытаний веру в человека и чувство собственного достоинства.
- ¹³ Цитаты по изданию: Šikula V. *Majstri*. Bratislava, 1976.
- ¹⁴ Šabík V. *Čítajúci Titus*. Bratislava, 1982. S. 63–64.
- ¹⁵ Števček J., Bagin A. *Obrazy a myšlienky*. Bratislava, 1979. S. 129.
- ¹⁶ Аллюзия на роман Й. Цигера Гронского «Йозеф Мак» (1933).
- ¹⁷ Števček J. *Dejiny slovenského románu*. Bratislava, 1989. S. 486, 531.
- ¹⁸ Šabík V. *Čítajúci Titus...* S. 101, 123.
- ¹⁹ Petřík V. *Proces & tvorba*. Bratislava, 1990. S. 206

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сочинения (избранное) В. В. Марьиной

Индивидуальные монографии

Rozorané medze: (K historie socialistického združtevníovania československej dediny, 1948–1960. Bratislava, 1971 (соавтор Мурашко Г.П.).

Путь чехословацкого крестьянства к социализму (1948–1960). М., 1972 (соавтор Мурашко Г.П.).

Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984.

Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина, 1939–1945 гг. М., 2003.

СССР и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны, 1939–1945 г. М., 2007. Кн. 1; М., 2009. Кн. 2.

Советский Союз & Чехословакия. 1939–1941. Очерки истории. Документы, факты, события. LAP LAMBERT Akademie Publishing. Saarbrücken, Deutschland. ISBN: 978–3–659–15909–1. Электронная книга. 2012. Книга включена Немецкой национальной библиотекой в Немецкий книжный каталог.

Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек. 1884–1948. М., 2013.

Коллективные труды

(ответственный редактор, член редколлегии, автор)

Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х годов. М., 1985.

Краткая история Чехословакии. М., 1988.

Антифашистское движение Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: (вопросы национальной историографии). М., 1991.

Восточноевропейский социализм: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992.

Февраль 1948 г.: Москва и Прага. Взгляд через полвека. М., 1998.

Великая Отечественная война, 1941–1945: Военно-исторические очерки». М., 1999. Кн. 3.

Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. Вып. 2. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948 гг. М., 2002.

Национальная политика в странах формирующегося советского блока. 1944–1948. М., 2004.

Чехия и Словакия в XX веке: Очерки истории. М., 2005. Кн. 1–2.

Статьи в коллективных трудах и научных журналах

Radziecka historiografia o rewolucyjno-demokratycznych przeobrażeniach rolnych w krajach Europy Środkowej i Południowo-wschodniej w latach 1944–1948 // Reformy agrarne i polityka rolna w europejskich krajach demokracji ludowej. Zbiór artykułów. Warszawa, 1974.

Взаимоотношения рабочих и крестьянских партий в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Вопросы истории. 1975. № 2.

Agrárně rolnická otázka v politice národních front v závěrečné etape druhé světové války // Československý časopis historický. 1977. № 2.

Die Veränderung der Sozialstruktur des Dorfes in den Ländern Mittel- und Südosteuropas im Ergebnis der Agrarumgestaltungen von 1944 bis 1949 // Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas. Berlin, 1979.

Революционные преобразования аграрных отношений в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Изд. 2. М., 1982.

Чешское общество о советско-германском пакте 1939 г. и начале Второй мировой войны // Вопросы истории. 1990. № 7.

Das Jahr 1948 in der Geschichte der Agrarumgestaltungen in den Ländern Mittel- und Südosteuropas // Die demokratischen Agrarreformen in der Geschichte der Mittel- und Südosteuropäischen Völker. Berlin, 1991.

На переломе: 1948 г. в истории деревни стран Центральной и Юго-Восточной Европы // «Восточноевропейский социализм»: становление режима, попытки его модификации, причины краха. М., 1992.

Коминтерн: ликвидация или модификация? (1939–1943 гг.) // Славяноведение. 1994. № 5.

„Brána na Balkán“. Slovensko v geopolitických plánech SSSR a Německa v letech 1939–1941 // Soudobé dějiny. Praha, 1994. № 6.

Э. Бенеш: второй визит в Москву (декабрь 1943 г.) // Вторая мировая война: актуальные проблемы. М., 1995.

Путь к независимости? Создание Словацкой республики 14 марта 1939 г. // Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее. М., 1995.

Э. Бенеш: последний визит в Москву (март 1945 г.): документальный очерк // Славяноведение. 1996. № 6.

Vážen butyrskej ctly Ferdinand Čatloš // Historický časopis. Bratislava, 1996. № 4.

Славянская идея в годы Второй мировой войны: (к вопросу о политической функции) // Славянский вопрос: веки истории. М., 1997.

Od důvěry k podezřívosti: Sovětsí a českoslovenští komunisté v letech 1945–1948 // Soudobé dějiny. Praha, 1997. № 3/4.

ВКП (б) и КПЧ, 1945–1948 гг. // Сталин и холодная война. М., 1998.

Чехословацкий легион в СССР (1939–1941 гг.) // Вопросы истории. 1998. № 2.

Sovietski a československí komunisti na prahu mieru: vypracovanie spoločného politického algoritmu v rokoch 1944–1945 // Historický časopis. Bratislava, 1998. № 4.

«Ворота на Балканы»: Словакия в геополитических конструкциях СССР и Германии, 1939–1941 гг. // Война и политика, 1939–1941. М., 1999.

Словацкое национальное восстание 1944 года в послевоенной историографии // Славяноведение. 1999. № 6.

1944–1945 годы: ждали ли русских в Восточной Европе? // Славяноведение. 1999. № 1.

K histórii sovětsko-československých vztahů v letech 1938–1941: nad deníkem Ivana M. Majského // Soudobé dějiny. Praha, 1999. № 4.

Чехословацко-советские отношения в дипломатических переговорах 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2000. № 4.

Чехословакия: от многонационального к двунациональному государству. 1944–1948 гг. // Славяноведение. 2001. № 5.

Чехословацкая историография: перипетии движения на пути к «бархатной» революции 1989 г. // Революции 1989 г. в странах Центральной (Восточной) Европы: взгляд через десятилетие. М., 2001.

Втайне от Лондона и Берлина. Контакты советской и чехословацкой разведок в 1940–1941 гг. // Россия XXI. 2001. № 3.

Чехословацкая, чешская и словацкая историография до и после «бархатной революции» 1989 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 1.

Чехословацкий «Февраль» 1948 г. начинался в 1945 г. // Тоталитаризм: исторический опыт Восточной Европы. М., 2002. Вып. 2. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом, 1944–1948 гг.

Выселение немцев из Чехословакии: рождение и модификация идеи, 1939–1943 годы // Славяноведение. 2003. № 1.

Выселение немцев из Чехословакии: интернационализация и реализация идеи, 1944–1946 годы // Славяноведение. 2003. № 3.

Словацкое национальное восстание в военно-политических планах СССР // Россия XXI. 2003. № 3.

К истории освобождения Праги, 5–9 мая 1945 г. // Россия XXI. 2005. № 3. Советский Союз и Чехословакия, 1945 год // Новая и новейшая история. 2005. № 3.

Еще раз о «мюнхенском сговоре»: (Новые документы из чешских архивов, [обзор]) // Славяноведение. 2006. № 3.

К истории советско-чехословацких отношений 1938–1940 гг. // Россия XXI. 2006. № 3.

«Народная демократия»: теория и практика // Власть – общество – реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М. 2006.

Георги Димитров – советский гражданин, 1934–1945 гг. // Россия XXI. 2007. № 3.

Чехословацко-французские отношения в 1940–1945 годах: Новые документы чешских архивов // Новая и новейшая история. 2007. № 1.

Чешская и словацкая историография на пути к ноябрю 1989 г. и в первое десятилетие после него // Антикommунистические революции конца XX века: страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2007.

Советские дипломаты и словацкие политические деятели. 1939–1941 годы. По материалам Архива МИД РФ // Новая и новейшая история. 2008. № 1.

Э. Бенеш: между Лондоном и Москвой. От проекта чехословацко-польской конфедерации к идее советско-чехословацкого договора 1943 г. // Россия XXI. 2008. № 3.

XX съезд КПСС и Коммунистическая партия Чехословакии // 1956 год. Российско-болгарские дискуссии. Сборник статей. М., 2008.

Пражская весна 1968 г.: к вопросу о международном резонансе (по опубликованным в Чешской республике документам и материалам чешского журнала «Soudobé dějiny») // Славяноведение. 2008. № 3.

Еще раз о Мюнхене (новые документы чешских архивов) // Война. Народ. Победа. Материалы международной научной конференции. Москва 15–16 марта 2005 г. М., 2008.

Клио на перепутье общественного развития (По материалам российского журнала Новая и новейшая история и чешского журнала «Современная история» 90-х годов XX века) // Власть и общество. Непростые взаимоотношения (Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в XX веке). М., 2008.

Историк и историческая наука в переходный период развития общества (По материалам журнала «Soudobé dějiny» 90-х годов XX века // Общественные трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2008.

Кто и как делил Чехословакию в марте 1939 г. // Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну? М., 2009.

«Мюнхен» – карт-бланш Гитлера и конец первой Чехословацкой республики (По документам чешских архивов) // Звенья. Мюнхенский сговор. Исторические аспекты и современные аналогии. Серия Международные отношения. М., 2009. № 1 (11).

1939 год: советская внешняя политика в восприятии современников (На чешско-словацком примере) // Россия XXI. 2009. № 4, 5.

Дипломатия Бенеша после Мюнхенского соглашения // Новая и новейшая история. 2009. № 4.

Советский Союз и Чехо-Словакия после Мюнхена (октябрь 1938 г. – март 1939 г.) // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 октября 2008 г. М., 2009.

Чехословацкие воинские части в СССР. 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2010. № 3.

Историческая наука на переломе: чешские и словацкие историки на пути к «Пражской весне» и после её подавления // Дебаты. 1968 год. «Пражская весна». Историческая ретроспектива. Сборник статей. М., 2010.

1944–1945 годы: Красная Армия в Восточной Европе // Россия XXI. 2010. № 3, 4.

Российская историография Второй мировой войны после крушения коммунистического режима // Moderní dějiny. Praha, 2010. № 1.

Красная Армия в Словакии. 1944–1945 гг. // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX века. СПб., 2011.

СССР и Чехословакия на завершающем этапе Второй мировой войны (Проблемы, договоренности, противоречия) // Česko-Ruské vztahy v 19. a 20. století. Praha, 2011.

Карпатская Украина в контексте европейской политики 1939–1941 // Науковий вісник Ужгородського Університету. Серія: історія. Вип. 27. Ужгород, 2011.

Словакия начала 60-х годов: реабилитация так называемых словацких буржуазных националистов и словацкий вопрос // В поисках новых путей. Власть и общество в СССР и странах Восточной Европы в 50-е – 60-е гг. XX в. М., 2011.

СССР периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в словацкой историографии последнего десятилетия // Славяноведение. 2011. № 1.

СССР периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в чешской историографии последнего десятилетия // Славяноведение. 2011. № 3.

Словакия в войне против СССР. 1941–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2011. № 4.

Словакия 1940 года глазами советского дипломата (Из документов Архива внешней политики РФ) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011.

22 июня 1941 года: реакция западных демократий и чехо-словацкий ре-
зонанс // Россия XXI. 2011. № 3.

Slovensko (1939-1945) v dokumentoch ruských archivov // Vojenská historia.
2011. № 3.

Словакия периода Второй мировой войны в документах российских ар-
хивов // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного
університету. Запоріжжя, 2011. Вип. XXX.

Визит Эдварда Бенеша в Москву: славянский вопрос (декабрь 1943 г.) //
Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах.
М., 2012.

Эдвард Бенеш: мысли о демократии // Россия XXI. 2012. № 4.

Чехия. Первая жертва нацизма // Колл. монография: Расскажу вам о
войне... Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и со-
знании школьников славянских стран. М., 2012.

Словакия. В тени Третьего рейха // Колл. монография: Расскажу вам о
войне... Вторая мировая и Великая Отечественная войны в учебниках и со-
знании школьников славянских стран. М., 2012.

Воспоминания. Осколки памяти: встречи со словацкими и чешскими
историками // Славяноведение. 2012. № 4.

Публикации

Бенеш Э. Демократия сегодня и завтра // Вопросы истории. 1993. № 1, 3
(автор вступления, переводчик и комментатор).

Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая
и новейшая история. 1996. № 5–6 (автор предисловия и примечаний, публи-
катор документов).

Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.) // Вопросы истории.
2001. № 1, 3 (автор предисловия, переводчик и комментатор документов).

Ю. В. Андропов об отставке Н. С. Хрущева // Россия XXI. 2002. № 1 (ав-
тор предисловия, переводчик, публикатор и комментатор документа).

Из истории «холодной войны», 1954–1964 гг.: Документы чешских архи-
вов // Новая и новейшая история. 2003. № 1 (автор предисловия, переводчик
и комментатор).

Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Доку-
менты и материалы последней трети XX века. Т. 1. Начало 1970-х — первая
половина 1980-х годов. СПб., 2012 (член авторского коллектива, перевод-
чик).

Анатомия конфликтов. Центральная и Юго-Восточная Европа. Доку-
менты и материалы последней трети XX века. Т. 2. Вторая половина 1980-х —
начало 1990-х годов. СПб., 2013 (член авторского коллектива, переводчик).

Литература

Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Библиографический словарь. New-York, 1993.

Scholars of Bohemian, Czech and Czechoslovak History Studies. Prague, 2005. Vol. II.

Валева Е. Л. К юбилею Валентины Владимировны Марьиной // Славяноведение. 2007. № 4.

Марьиная В. В. Мои первые годы в Институте // Как это было... Воспоминания сотрудников Института славяноведения. М., 2007.

К юбилею Валентины Владимировны Марьиной // Славяноведение. 2012. № 4.

В научном багаже В. В. Марьиной более 300 работ.

Содержание

От редколлегии	3
----------------------	---

РАЗДЕЛ I

КЛЮЧЕВЫЕ СОБЫТИЯ ИСТОРИИ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

<i>Г. П. Мельников</i> Межэтнические контакты в Праге XVI века	5
<i>М. Ю. Дронов</i> К вопросу о донациональной этнической идентичности русинов Словакии (XIX — начало XX в.)	16
<i>Е. П. Серапионова</i> Чехословацкая печать о вхождении Подкарпатской Руси в состав ЧСР	31
<i>В. Пречан</i> Словацкое национальное восстание — наиболее драматичный эпизод словацкой истории	50
<i>Е. Л. Валева</i> Антифашистское Сопротивление в Болгарии: новые тенденции национальной историографии	96
<i>Б. Й. Желицки</i> Советские сведения о Венгрии, ее политиках и политэмигрантах 1941—1945 гг. (по материалам московских архивов)	117
<i>А. С. Стыкалин</i> «Героизм венгерский заслуживает преклонения...» Венгерские события 1956 г. в откликах двух российских ученых	145
<i>В. В. Волобуев</i> Внутрипартийная борьба в Польше и охлаждение советско-китайских отношений в конце 1950-х гг.	169

<i>Э. Г. Задорожнюк</i>	
Конфигурация новой государственности в программных установках чехословацких антинормализационных течений (апрель 1969 г. — декабрь 1972 г.)	186
<i>О. Н. Майорова</i>	
Формирование и деятельность демократической оппозиции в Польше во второй половине 1970-х годов.	223
<i>А. С. Гладышева</i>	
Декабрьские события 1989 г. в Румынии в освещении центральных советских газет	260
<i>Г. Н. Энгельгардт</i>	
Балканы для ангажированных интеллектуалов: влияние общественных деятелей на формирование политики Франции в югославском кризисе 1991—1995 гг.	277
<i>Н. В. Коровицына</i>	
Чехи об истории	290

РАЗДЕЛ II.

Из актуальных литературоведческих исследований (БОГЕМИСТИКА И СЛОВАКИСТИКА)

<i>Л. Н. Будагова</i>	
Ирония и юмор в сатирической поэзии.	310
<i>И. А. Герчикова</i>	
«Майские звезды» или «Мороз из Кремля» (советский военный в чешской литературе)	322
<i>А. Ю. Пескова</i>	
Экспрессионистская новелла в Словакии — яркая палитра индивидуальных решений	329
<i>Н. В. Шведова</i>	
Мирослав Валеk как сюрреалист в поэзии для детей (1960-е годы)	347
<i>Л. Ф. Широкова</i>	
Война и Словацкое национальное восстание в отражении словацкой прозы второй половины XX в.	358

ПРИЛОЖЕНИЕ

Сочинения (избранное) В. В. Марьиной	387
--	-----

ИСТОРИК-СЛАВИСТ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ
К юбилею В. В. Марьиной

Выпускающий редактор *М. В. Беглецова*

Оригинал-макет *Л. Е. Голод*

Дизайн обложки *И. А. Тимофеев*

Подписано в печать 07.06.2013. Формат 60×90 ¹/₁₆
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 24,75
Тираж 100 экз. Заказ № 3125

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
198095 СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел. (812)622-01-23